

Калдовские Мир

МАГИЯ ДЛЯ ЭМИССАРА

НАДЕЖДА КУЗЬМИНА

Annotation

В сказках всё заканчивается свадьбой В жизни же то, что начиналось свадьбой, часто заканчивается разводом. Что делать юной магине Алессите, решившей уйти от мужа и очутившейся на улице без гроша и крова? Да ещё беременной и не способной пользоваться магией? Единственный выход — искать работу... Уж такую, на какую возьмут, и не привередничать. Только если круто меняешь судьбу, вряд ли первый поворот окажется последним. Скучная и безопасная служба домоправительницы в доме архивариуса оборачивается совершенно неожиданной стороной, да и сам чопорный зануда хозяин, похоже, совсем не тот, за кого себя выдаёт. А как равнодушно пройти мимо тайны, оказавшись рядом?

- [Надежда Кузьмина](#)

- [Часть первая](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)

- [Часть вторая](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)

- [Часть третья](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Надежда Кузьмина

Магиня для эмиссара

*Посвящается моим друзьям и близким:
Маргарите, Виктору, Юрию, Оксане, Софье*

Часть первая
САЛЕРАНО
День корабля

Глава 1

В одном вопросе мужчины и женщины, безусловно, согласны между собой: и те и другие не доверяют женщинам.

Г. Л. Менкен

Пять минут назад я, беременная на шестом месяце, ушла от мужа.

Скажем прямо — ещё двадцать минут назад я ничего такого экстремального не планировала. Шла себе с рынка вверх по нашей улочке, переваливаясь как утка, несла корзину со свежей зеленью и яйцами и — в другой руке, в отдельном пакете — зело вонючую рыбу миренью, которую в жареном виде обожал Андреас. Решила — порадую мужа. Духовитость миреньи искупалась нежностью её белого, с розоватыми прожилками мяса. Правда, чистить этот «деликатес» было удовольствием сильно ниже среднего — мелкие чешуйки щетинились колючими иглами, вымазанными в едкой зеленоватой слизи.

Служанки у нас не было: при ежемесячных выплатах за дом мы — два начинающих мага, один из которых в данный момент не способен колдовать, — позволить себе прислугу не могли. Так что готовить миренью предстояло мне самой. Как и резать лук, управляясь с печью, чугунной сковородой и всё такое прочее...

До замужества я и не представляла, сколько приходится возиться на кухне состоящей в браке женщине. Ведь юные девицы, как известно, питаются бутербродами, яблоками и конфетами, запивая их шоколадом. Как те самые птички, с которыми девушек часто сравнивают — поклевали и полетели... Самое замечательное в таком образе жизни то, что после вообще не остается грязной посуды: одна чашка — и всё!

Посмотрев на начавшее хмуриться небо — гроза, что ли, собирается? — поднялась по трём серым каменным ступеням к дверям, поставила на крыльце корзину. Вытащила пристёгнутый на длинную цепочку бронзовый ключ. Дом был старинным, двери — тёмного дерева, высокие, двойные, а замок — с норовом. Нужно было привалиться плечом или хотя бы прижать створку коленом, тогда ключ легко проворачивался.

Прихожая была под стать дверям — гулкая, с высоченным потолком. Разогнать сумрак в ней не могли даже два светильника, которые я зажигала

по вечерам. А сейчас — когда свет скопо падал через круглое застеклённое окошко над входными дверями — и вовсе приходилось передвигаться на ощупь. Зайдя на кухню, положила на стол пакет с рыбой. Поставила корзину на табурет рядом. Ополоснула руки в тазу с прохладной водой — хорошо-то как! Сейчас загляну наверх, переоденусь в домашнее, полчасика отдохну и возьмусь за готовку.

Медленно поднялась по лестнице на второй этаж, где находились три спальни и кабинет мужа. Обычно днём, если Андреас не ходил по клиентам, он работал там. Мы вложили оставшиеся от первого вклада за дом деньги в обустройство кабинета. Муж разумно полагал, что, если хочешь, чтобы тебе хорошо платили, — произведи хорошее впечатление. Так у нас появился огромный — три на пять локтей — письменный стол с красовавшимися на нём вычурными бронзовыми лампой и пресс-папье, дорогой бордовый ковёр на полу, бархатные портьеры ему в тон, кожаные кресла и тёмные шкафы, заставленные книгами с тиснёными сафьяновыми корешками и всякой окломагической ерундой вроде хрустальных шаров, кварцевых друз, реторт с цветными жидкостями и неопознанных костей. На непосвящённых обстановка действительно производила впечатление. А вот мой бывший научный руководитель, который, будучи в Салерано проездом, заглянул в гости, сморщил нос от смеха. Андреас тогда обиделся.

В кабинете мужа не оказалось. Жаль — я соскучилась...

Пройдя к нашей спальне, повернула ручку двери, открыла, шагнула — и застыла с занесённой над порогом ногой, не веря глазам.

В кровати лежали двое. Точнее, не просто лежали. Голый Андреас, с запрокинутой головой и рассыпавшимися по плечам светлыми волосами раз за разом прижимал к постели мою бывшую согруппницу по магической семинарии Орсетту. Чёрные волосы Орсетты разметались по подушкам, белая рука порхала по спине мужа, поглаживая поясницу...

Наверное, я ахнула. Потому что они замерли. А потом повернули головы ко мне. Первой открыла рот Орсетта:

— А, вот и корова пришла!

Что-о? Ну да, лодыжки у меня стали последнее время отекать. И сама я набрала пару лишних стоунов^[1] Но ведь такое естественно во время беременности, разве нет?

Оскорбление было настолько неожиданным и незаслуженным, что я почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. С отчаяньем уставилась на мужа. Пусть прогонит её! Пусть скажет, что это — ошибка, что любит меня... попросит прощения, наконец!

Но он не делал ничего. Даже не слез с неё, оставаясь на ней и — в ней. Просто молча смотрел на меня... и всё.

А я смотрела на них. Пока не запомнила всё — каждую деталь: скинутое на пол одеяло, её розовый чулок, сброшенной змеиной шкуркой повисший на спинке кровати, капельки пота и слипшиеся завитки волос на лбу мужа...

А потом отступила в коридор, потянув за ручку дверь. И прислонилась к стене, пытаясь прийти в себя, отдышаться и осознать случившееся. А ещё — хоть не хотела — невольно прислушивалась.

Из-за двери раздался смех моей — теперь уже бывшей — подруги...

Вот что я теперь должна делать? Приволочь с кухни сковороду и закатить скандал с воплями, слезами и рукоприкладством? Не могу... противно это. А ещё — поняла внезапно, как озарило, — не могу и не хочу больше оставаться в этом доме.

Отлепившись от стены, побрела в комнату, куда перебралась с тех пор, как четыре месяца назад по утрам стал терзать утренний токсикоз. Чтобы не будить Андреаса, часто засиживавшегося с книгой за полночь, ага. Войдя, хотела присесть на кровать — надо же подумать, что делать дальше? И поняла — сяду и застряну. Начну рыдать, жалеть себя... туфли захочется сбросить. А потом опухшие ноги назад не втиснешь. Да и истерика исправить случившееся не поможет. А злость — отличный стимул для великих свершений! Повернулась к кровати спиной, оглядывая комнату: что я должна взять? Хм-м. Не что должна, а что могу уволочь. Да и делать всё надо быстро, пока пара голубков ещё в спальне.

Как бы в подтверждение моих мыслей за окном предупреждающее громыхнуло. Вот напасть, только ливня и скользких мостовых мне не хватало!

Первая реакция — спонтанная — самая честная. Андреас не оттолкнул Орсетту, не защитил меня. Хотя ясно, он-то к бабским склокам да к тому, что из-за него чуть не дерутся, — привык. До нашей свадьбы за ним хвост девиц таскался. Такой кавалер — высокий, видный, гордый, с чуть горбоносым породистым профилем, с пронзительным прищуром синих глаз. Вёл себя как герцог крови — смотрел на всё чуть свысока... и, казалось, будто он имеет на это право. И неважно, что как маг он был не особо силён. Зато поставь рядом Андреаса и моего наставника, и всякий скажет: «Вот этот — да, настоящий маг. А тот дядька — скорее небогатый дворянин или учитель лицея».

Я рядом с красавцем-мужем смотрелась бледно. И вначале не могла

поверить, что он — солнце нашей семинарии — благосклонно решил обратить внимание на самую обыкновенную заурядную девицу, синий чулок четвёртого года обучения — Алекситу лен Ориенси. Но Андреас был настойчив, ласков, мил... и всего через три месяца я — сама не поняла как — оказалась Алекситой лен Тинтари, женой божества. До звёздочек в глазах влюблённой в свежеиспечённого мужа.

Спустя полгода мы получили дипломы практикующих магов и — Андреас решил, что в глухи нам делать нечего, а в столице нас пока никто не ждёт — отправились в Салерано — стоящий на берегу синей бухты второй по величине город Таристы. Здорово помогло небольшое наследство, доставшееся мне от матери, — мы сразу смогли внести первую треть стоимости дома, из которого теперь я собиралась уйти.

Сейчас, думая о своей беспросветной глупости и наивности, мне хотелось постучаться головой о стену. Но что толку-то?

Я так его любила, так гордилась, что он выбрал именно меня, так старалась быть хорошей женой, что не замечала очевидного, старалась не спорить ни по какому поводу, соглашалась со всем, что предлагал Андреас. Наставник советовал мне остаться в семинарии — учиться у него дальше, но Андреасу делать в небольшой Виэнии было нечего — и мы уехали. Когда понадобилось платить за дом, я пошла в местное отделение банка, сняла наследство мамы, к которому не прикасалась всю учёбу, и в бархатном синем кошельке — из рук в руки — отдала мужу. Ведь тот обмолвился, что, если платить стану я, для него это будет унизительно, его поднимут на смех, скажут, что он семью содержать не может, сидит на шее у жены. Так что под купчай оказалась его — и только его — подпись. А остатки денег ушли на бордовые шторы в кабинете.

Потом меня убедили, что ходить по потенциальным клиентам вдвоём — глупость. Ибо, во-первых, мужчинам платят больше. Во-вторых, нужен достойный, дорогой, солидный гардероб — тогда можно запрашивать за услуги дороже. А одеть женщину — при ширине-то наших юбок — затратнее, чем двух мужчин. В-третьих, в купленном доме с обустройством и ремонтом дел полно — а кто этим станет заниматься, если он на работе? И, наконец, какой мне смысл перебегать дорогу собственному мужу, создавая репутацию сильной магини, если, забеременев, я не смогу колдовать? Карьеру должен делать именно он, Андреас, мужчина, хозяин, кормилец. Так же будет лучше для семьи, правда?

Я соглашалась со всем...

И вот досоглашалась. Денег нет, работы нет, знакомых почти нет, никаких прав ни на что нет. Всё, что есть, — внезапно наступившее

прозрение, что любовь не только слепа, но и зла. Или это она зла к слепым?

Очень смешно, ага.

Вытянув из-под кровати потёртый ковровый саквояж, распахнула шкаф. И хмыкнула. Ещё одно прозрение: год с лишним замужем — и ни одного нового платья! Все со времён семинарии. Ну как же можно быть такой дурой!

Всё это старье тащить с собой смысла нет. Возьму что получше и что влезет, свою шкатулку с мамиными бусами и серьгами, письма, пару тетрадей с конспектами. Свои книги, увы, мне уже не увлечь — слишком тяжёлые. И, что совсем плохо — денег тоже почти нет. Андреас сам вёл семейную бухгалтерию. Платил из заработанного за дом, выдавал мне на хозяйство — ровно на неделю, причём за каждый солен я должна была дать отчёт, записав траты в толстую тетрадь, — а остаток клал на своё имя в банк, говоря, что копим на приданое малышу.

Так, что ещё, кроме платьев, мне надо? Обувь. Гм, та же песня — ни одной новой пары. Какой смысл покупать — я же никуда не хожу? Точнее, хожу только на рынок. А кто там на облупившиеся мысы да ободранные каблуки смотреть будет? А и увидят — так хорошо — лишнего заламывать не станут.

Взвесила саквояж на руке. Тяжеловато... А ещё же зонтик нужно прихватить. И плащ.

Вышла в коридор. Из спальни не доносилось ни звука. Умаялись и уснули, что ли? Хотя какая разница? В дверях кабинета меня озарило: зайдя, быстро пробежалась вдоль полок, собирая мелкое и ценное. Напоследок примерилась к пресс-папье в виде вычурного сфинкса с грудями-куполами. Тяжёлое, зараза! Ничего, до ломбарда дотащу!

Я уже добралась до прихожей, когда в голове возникла ещё одна мысль. Жутко дурная и хулиганская. Раньше я не стала бы делать такого ни за что. Но двадцать минут назад для меня отменили все правила, по которым я жила раньше, потому что мир рухнул.

Поставила у входной двери саквояж и порысила на кухню. Схватила пакет с сырой мираньей, вывалила тушки в полупустой таз с водой. Достала деревянную скалку с тупым концом. И начала толочь рыбу — как была — в чешуе, с головами, непотрошённую. Через три минуты у меня был полный на две трети таз бурды. Серая жижа с черными ошмётками и плавающими по поверхности блёстками чешуи воняла куда духовитее, чем просто рыба. Отлично! Прихватила веник из угла и, осторожно подняв таз, отправилась вершить прощальную месть.

Начала с гардероба мужа, где тот хранил свои расшитые бронзовой

нитью — на золотую канитель у нас пока денег не было — парадные камзолы. Любимый — вишнёвого атласа — я полила сверху. Остальные щедро окропила веником, следя, чтобы не попасть себе на юбку. Настроение улучшалось с каждой минутой. Представила лицо Андреаса, зажимающего пальцами нос, и чуть не расхохоталась. Да-а, а с бытовой магией он не очень в ладу. И заклинание непростое, и сил на то, чтобы вывести такой аромат, нужно немало... Ничего, пусть Орсетту попросит. Та тоже не потянет, но вместе, может, и справятся.

Закончив с туалетами экс-супруга, навестила кабинет. Задерживаться не стала — а то вдруг выйдут из спальни не вовремя? Плеснула на парадный ковёр, на стол — надеюсь, затянутая кожей середина столешницы испорчена непоправимо — и отправилась вниз — кропить гостиную и столовую. Остатки гнусной жижки аккуратно — тонкой струйкой — распределила по трём парам сияющих новой кожей мужниных сапог.

Вот теперь я поняла, зачем кошки писают по углам!

За дверью снова громыхнул гром. Я, завязав под подбородком капор и застегнув плащ, подхватила свой саквояж и шагнула за порог.

Глава 2

Если что-либо не работает — стукните это хорошенъко, если оно сломалось — ничего, всё равно нужно было выбрасывать.

Вдохнула полной грудью пахнущий озоном воздух. Подняла глаза — ага, на западе, над гаванью, зависла серо-синяя туча с косой дымкой ливня под ней. А тут, на холме, кажется, обойдётся — небо серое, но дождя пока нет. К запаху грозы примешивался резкий дух молодой тополиной листвы и что-то цветочное. Хорошо, что сейчас весна...

Хотела бросить ключ за спину, в прихожую, и захлопнуть дверь. Но, одёрнув себя, сунула его в карман — хватит уже порывов. Если выйдет, заберу потом книги — самой новые мне в ближайшие месяцы точно не купить.

Хихикнула. Но в следующие пару недель возвращаться сюда точно не стоит. Уже сейчас разит так, что скулы сводит и глаза слезятся. А то ли ещё будет, если не склонный к домоводству Андреас вместо тотальной чистки решит просто дать выветриться запаху, и заныканые по карманам и в складках штор ошмётки протухнут! Ведь сейчас же тепло, и уже начали летать мухи!

Оценив масштаб учинённого безобразия, прибавила шагу. Вот теперь я точно домой не вернусь. Иначе мне же всё содеянное и исправлять придётся. Да ещё и извиняться...

Только куда это я так бодро шагаю?

Ответ пришёл — как упал с небес: в обитель сестёр Храма. И нужны мне были там две вещи. Первая — зайти в расположенный рядом с обителью Храм, чтобы, положив руку на ларец святой Яниры, при свидетелях поклясться, что своими глазами видела измену мужа, и подать заявление о расторжении брака. А второе — сёстры давали на три дня приют всякому, кто в том нуждался. Простая келья, хлеб с водой два раза в день — но сейчас мне большого и не надо. Только дойти бы... живот начало неприятно тянуть, а поясницу заломило.

А перед этим нужно ещё заглянуть в ломбард — избавиться от тянувшего почти на стоун грудастого сфинкса.

— Вы уверены, что эти предметы — не краденые? — мужчина

поправил пальцем пенсне на длинном носу, уставившись на меня поверх него в упор.

Я постаралась ответить бестрепетным взглядом. Будет жмотничать — ничего, кроме сфинкса, на грудь которого он таращился через лупу уже целых пять минут, не получит. Остальные вещи легче — отнесу куда-нибудь ещё.

— Абсолютно. Сама покупала эту старинную бронзу за восемьдесят соленов у Мартинеса. И так дёшево было только потому, что вместе с ней шла настольная лампа.

— А лампа где?

— На столе стоит. А где ей ещё быть? Часто вы встречаете ньер, которые с лампами в руках по улицам ходят? — не сдержалась я.

Оценщик скривился, не оценив шутки.

— Так вот. Продать это можно за сотню — сами видите клеймо. Меньше чем за шестьдесят — не отдам. Или не поленюсь отнести к Мартинесу. Думаю, тот не откажется взять пресс-папье назад.

Ух ты! Оказывается, один полезный навык за время замужества я все же получила — после хождений по три раза в неделю на рынок торговалась я, как дышала, с невозмутимым лицом карточного шулера.

Пальцы торговца чуть сжались. Ага, хороший признак — отдавать не хочет.

— Даю сорок!

— Шестьдесят.

— Сорок пять.

— Давайте сюда. Хочу успеть к Мартинесу до дождя.

— Пятьдесят!

— Пятьдесят пять и забирайте!

— Ну, ньера, вы...

— Как и вы, любезный ньер, — улыбнулась я.

Неплохо, на десять монет больше, чем я рассчитывала. Вот только если предложить этой пиявке в пенсне остальное — он отыграется... Придётся зайти куда-нибудь ещё.

Не успела выйти на улицу, на нос упала большая капля. Похоже, ливня не избежать.

Я оплакивать рухнувший брак не собиралась — пусть небо сделает это вместо меня.

Вообще, если бы не беременность, я бы и не беспокоилась — маг себя и защитит, и прокормит. Но из-за положения ситуация осложнилась — ведь

мне нельзя было колдовать. Никто не знал, почему так происходит, но магические способности у детей магов появлялись лишь тогда, когда мать, вынашивая плод, сама не колдовала вовсе. Учёные мужи почесали затылки и создали теорию, что нерастраченное волшебство накапливается в женском организме, при переполнении оного перетекая в плод и пропитывая его. Звучало сущим бредом, но работало. Чем строже воздерживалась будущая мать от траты магии, тем сильнее оказывалась магическая жилка в ребёнке.

Андреас трижды пытался уговорить меня выручить его с заказами, преступив запрет. Два раза я согласилась — зачаровать брошь от потери — сущая безделица. Сложность тут только в длине самого заклинания и настройке его на владелицу. Сделать нетускнеющим серебро тоже нетрудно. Но когда муж принес домой золотой кубок, который некий купец решил преподнести градоправителю, — я в первый раз за все время супружества заартачилась. Чашу нужно было заколдовать так, чтобы всякий налитый туда яд становился безвредным. А это — скажу вам — не пальцами щёлкнуть. На такое нужно выложиться до предела, и потом два дня магичить не сможешь. Я отказалась, сказав, что боюсь за ребёнка. Андреас обвинил меня в том, что я не думаю о семье, а он из-за меня потеряет важного клиента, который мог бы открыть нам двери во многие знатные дома. Скандал продолжался три дня. По вечерам я подолгу рыдала в подушку. Было это два месяца назад.

Нарушать запрет сейчас я не собиралась. Значит, будем искать пути, как прожить четыре месяца, его не нарушая. Вот кому нужна магия без магии, зато с животом?

Полтора часа спустя я стояла в большом зале Храма, положив руку на чёрный каменный ларец святой Яниры. Сей артефакт нейтрализовывал любую защитную магию и не терпел лжи: соври — и ладонь тут же покроется волдырями от ожога.

— Итак, дщерь, ты утверждаешь, что своими глазами видела измену мужа. Расскажи, как и когда это произошло, и не могла ли ты ошибиться?

Глаза пожилого храмовника смотрели сурово. Я уже поняла, что тот считал недопустимым и безнравственным, что женщина, которая по определению должна подчиняться и повиноваться, жалуется на супруга и повелителя. Вот только выбора у меня не было. А право по закону — было.

— Сегодня днём, вернувшись с рынка, я застала моего мужа в супружеской постели с другой женщиной. Точнее, на другой женщине. То есть ошибки быть не могло, — произнесла я нарочито спокойным голосом.

— Я вижу, ты в тягости, а у мужчин есть потребности...

— Это не всё. Заметив мой приход, эта другая меня оскорбила. А муж не прервал её и не защитил меня. Он остался с ней. Я требую развода!

— Может быть, ты была плохой женой? И сама виновата в случившемся? Подумай — как будет расти ребёнок без отца?

Уже подумала. Справимся. Тем более — Андреасу я пока не говорила, сама узнала на днях — по всем признакам я ждала девочку. Так что имя его дедушки, которым муж собирался наградить наследника, всяко нам без надобности.

— Я хочу развода. По закону доказанная измена даёт мне такое право, — повторила я.

— Покажи ладонь!

Предъявила невредимую длань с твёрдыми бугорками мозолей под пальцами.

— Заявление принято и засвидетельствовано. Какое имя хочешь носить?

— Девичье. Алессита лен Ориенси.

— Заплати тридцать соленов — пошлину за подачу заявления о расторжении брака, ещё двадцать — за выдачу нового паспорта. Документы будут готовы через два часа. Следующий!

Недовольный храмовник отвернулся, уставившись в окно. По стеклу бежали потоки воды — ливень был в самом разгаре.

Два часа я просидела на деревянной скамье в коридоре, ломая пальцы. Обручальное кольцо с опухшего безымянного еле стащила, слюнявя и крутя перстень. Фыркнув, сунула его в карман, к ключу.

Наверное, правы те, кто говорит — что нельзя починить, не стоит и оплакивать... но, выходит, весь наш брак был ложью? Как примириться с тем, что светловолосому красавцу — гордости семинарии — нужна была не я — сероглазая Алессита с каштановыми косами, а наивная покладистая зубрила со складом полезных заклинаний в голове, сильной магией и приличным приданным? А как только я исчерпала полезность, игра в любовь закончилась. Но интересно, что он делает сейчас? Все ещё нежится рядом с довольной Орсеттой? Ой, вряд ли... думаю, амбрэ от миреньи пропитало уже весь дом и окрестности, собрав кошек и мух со всего холма.

Мысль о том, как разгневанный голый Андреас скатывается, зажимая нос, вниз по лестнице и въезжает босой пяткой в воняющий рыбьей требухой хлюпающий коврик, заставила зажмуриться. Ох, он, наверное, сейчас и зол!

Главное, чтоб меня не помчался искать. Хотя это тоже вряд ли. Скорее,

будет ждать, пока сама приду с повинной. Ведь деваться мне некуда, да?

Ещё в голове крутилась мысль о деньгах. Я не рассчитывала, что расторжение брака обойдётся так дорого. Выходит, не прихвати я бронзовую сфинкса, даже бы развестись не смогла! Но теперь денег осталось на неделю-другую жизни в недорогой гостинице, не больше.

Получив на руки новое удостоверение личности и свиток — свидетельство о разводе, вышла на улицу и раскрыла зонтик. До обители сестёр Храма недалеко — два поворота и одна улица — доберусь и попрошу убежища. Сёстры не отказывают никому. А сейчас главное смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться на мокрой брусчатке.

Ещё через час сестра Керенис — спокойная пожилая женщина с добрым лицом — отвела меня в маленькую келью с крошечным окном, куда и кошке не пролезть. Стены некрашеные, шершавые, терракотового глиняного цвета. Пол каменный. Зато там была кровать. Узкая, с соломенным тюфяком — но я так вымоталась, что уснула бы и на камнях.

Оставив мне масляный светильник, жестянную кружку с водой и толстый ломоть серого хлеба, сестра Керенис молча кивнула и вышла из кельи. Я осталась одна. И хорошо — настроения разговоры разговаривать почему-то не было.

Задвинула щеколду. Сбросила туфли и ахнула — ноги в мокрых чулках опухли, как никогда прежде. И впрямь корова...

Пять минут спустя я, укрывшись своим плащом поверх тонкого одеяла, лежала на постели, жевала безвкусный хлеб и сосредоточенно разглядывала трещины на потолке. А потом, доев, повернулась к стенке и уснула.

* * *

Часто люди обижаются на жизнь, говоря: «Я же делал всё правильно! Как же вышло, что я оказался в такой заднице?»

Только есть большая разница между «я делал всё правильно» и «я делал, как мне говорили старшие, начальники, родственники». Посмотри внимательно на их собственную жизнь — нравится ли она тебе? Согласен ли ты с таким «правильно»? Примерь — подходит ли тебе такое? А ещё поразмысли над тем, где в своей жизни они определяют место для тебя. Чем они руководствуются — твоим благом, некой абстрактной справедливостью или же попросту своими удобствами? И, если тебя что-то не устраивает, иди своей дорогой. Или терпи и не жалуйся.

Я жила чужим умом — вот и получила по заслугам. Закрывала глаза, слушалась без раздумий. Но ведь отказаться от выбора тоже значит сделать выбор...

И вот теперь я сидела на каменном бортике в крошечном саду из трех яблонь и, стараясь аккуратно вырисовывать буквы и не загибать строчки вниз, писала письма. Моей старой тётке Леонелле, с которой я поддерживала отношения, подруге по семинарии Виаланте — Вильке, с которой мы — душа в душу и все платья пополам — прожили три с половиной года в одной комнате в семинарии, и, наконец, учителю. Содержание посланий было одинаковым. Что адрес сменился, и писать в Салерано, на улицу Трёх Жемчужин, больше не следует — писем я не получу. Как определись на новом месте — отпишусь сама. Закончила традиционными пожеланиями удачи и призванием милости Рианнеса — покровителя магии.

Запечатав конверты, поднялась.

Сейчас отнесу их на почту, по пути куплю чего-нибудь поесть, а потом пойду к ратуше — именно там на стене вывешивали предложения работы для тех, кто в ней нуждался.

«Нужна покладистая трудолюбивая секретарша — помощница по хозяйству. Требования — грамотность, чистоплотность, порядочность, рекомендательные письма от прежних хозяев. В обязанности входит: содержать в порядке корреспонденцию, дом, одежду, огород, готовить на пять человек, ходить за покупками, шить. Оплата — проживание в доме на всём готовом, платье раз в полгода и один солен в день».

Это они серьёзно? Секретарь в огороде? Кажется, такое называется не секретарем, а подёнщицей. А ещё прачкой и кухаркой. М-да.

«Нужна образованная компаньонка с хорошими манерами для девушки семнадцати лет...»

Эх, пошла бы, но кто в здравом уме возьмёт для своей дочери беременную компаньонку?

«Требуется порядочная няня двум детям — мальчику девяти и девочке четырёх лет. Проживание в доме. Оплата — три солена в неделю. Рекомендации обязательны».

Интересно, сойдёт ли за рекомендацию мой диплом виэнской магической семинарии?

«Архивариус ищет домоправительницу без вредных привычек. Грамотность обязательна. Оплата по договорённости. Собеседование».

В принципе, это выглядело симпатичнее предыдущего. Детей я

любила, но таскать на руках в своем состоянии четырёхлетнюю девочку вряд ли бы смогла. Как и гоняться за девятилетним мальчиком. А где живёт этот архивариус? Недалеко... и объявление выглядит свежим. Может, мне повезло, и место ещё не занято?

Считать ли беременность вредной привычкой?

Спорный вопрос.

Постучав три раза молотком в форме совы в чёрную дверь, встала, скрестив руки, в тени козырька. Ждать пришлось долго. Достаточно, чтобы рассмотреть во всех подробностях серую каменную стену старинной кладки и стоящий возле крыльца ящик с воспрянувшей после вчерашнего ливня геранью с сухими нижними листьями — похоже, поливали цветы не часто. Угол ближайшего к моему месту окна тоже просил тряпки. М-да... Неужели здесь тоже ищут секретаря с крепкой спиной и навыками поломойки? Я, конечно, могу... но хотелось бы такого счастья избежать.

— Вам кого? — Засмотревшись на грязное окно, я пропустила момент, когда дверь приоткрылась.

— Я хотела бы поговорить с ньером архивариусом по поводу собеседования на место домоправительницы.

На лице смотрящего на меня молодого человека появилась скептическая усмешка. Взгляд скользнул сверху вниз, и, похоже, вид растерянной девицы в помятом платье и стоптанных башмаках брюнета не вдохновил. Губы на длинном белом лице поджались. Сейчас откажет, не глядя, — поняла я.

— Я грамотна, имею опыт подобной работы.

Говорить постаралась спокойно, без дрожания или умоляющих ноток в голосе. Серый глаз прищурился.

— Ладно, заходите, архивариус вас примет.

Уф!

Странный какой-то. Слуга — не слуга. Одет небогато — тёмный камзол, чёрные брюки. Вот только уверенные жесты ухоженных рук в картину не вписываются. Неужели это и есть архивариус? Похоже, да.

Следуя за хозяином, зашла в большую сумрачную комнату справа от прихожей. По его знаку опустилась, держа спину прямой, на стул с деревянной спинкой. Руки сложила на коленях. И чуть наклонила голову, изобразив внимание.

— Давайте!

— Что давать? — не поняла я, захлопав глазами на усевшегося на край стола черноволосого.

— Рекомендации. Если вы работали, они у вас есть.

— Я вела хозяйство в доме родственников почти в течение года.

— Понятно, — скептически фыркнул черноволосый. — Ладно. Ваше имя?

— Алессита лен Ориенси.

Ага, удивила. Благородная, ищущая место прислуги.

— Откуда родом?

— Родилась в Кансаре на севере Таристы... — начала я.

— Я в курсе, где Кансара. Откуда прибыли в Салерано?

— Из Виэнии. Жила там пять лет. Тут — почти год, — отрапортовав, сама захлопнула рот.

— Возраст?

— Двадцать один.

— Семейное положение?

— Не замужем.

— Курите, пьёте, играете, болтаете, воруете?

Это он всерьёз? Наверное, округлившиеся глаза стали ответом.

Архивариус фыркнул снова.

— Можете представить поручителей?

— Ньер Рассел лен Дилэнси. Он проживает в Виэнии.

— Маг? Кто он вам?

Он знает моего учителя?

— Наставник, мы с ним переписываемся. Он может дать мне рекомендацию.

Брюнет уставился на меня. Пристально, потом глаза подозрительно прищурились.

— Так вы — тоже маг?

— Да, я закончила виэнскую магическую семинарию. Вот диплом, — достала свиток из широкого прорезного кармана юбки. Подлинность в удостоверении не нуждалась. Написанные на бежевой с золотой искрой бумаге дипломы магических учебных заведений были зачарованы так, что не мялись, не пачкались и выглядели свежее, чем мое вчерашнее свидетельство о расторжении брака.

Архивариус взял документ у меня из рук. Просмотрел подписи, список дисциплин, оценки... а потом уставился в упор:

— Ньера, вы беременны?

Ясно, сложил два и два. И сейчас выгонит. Кому нужна прислуга, которой самой нужна прислуга?

— Да. Я жду ребёнка, — и, не дожидаясь вопроса, добавила: — На

шестом месяце.

— Муж?

— Мы развелись вчера.

Длинный белый палец задумчиво забарабанил по краю стола. Хотела бы я знать, что он прикидывает...

— Ладно. Попробуем. Испытательный срок — месяц. Когда сможете приступить к выполнению обязанностей?

— Я должна забрать вещи из обители сестёр Храма. Вернусь через час.

Раз желает общаться в деловой до лапидарности манере, постараюсь соответствовать.

— Жду вас через час. Вы удачно меня застали, обычно днём дома я не бываю.

Только выйдя на улицу, сообразила, что так обрадовалась тому, что меня берут, что не спросила про оплату. Хотя какая разница? Через четыре месяца, если всё будет в порядке, я снова смогу магичить и стану зарабатывать, как положено дипломированному магу.

По пути к обители сестёр Храма дала крюк, чтобы содрать объявление с доски на стене ратуши. Всё, место занято! И если бывшему придёт в голову меня разыскать, чтобы обсудить уместность размещения рыбых голов по карманам парандного камзола, ни к чему облегчать ему жизнь.

Через пятьдесят минут я, держа в руках потёртый саквояж, снова стучалась в чёрную дверь.

Глава 3

Нет ничего более деморализующего, чем маленький, но постоянный заработок.

Э. Уилсон

— Раиндэлл лен Холт, — сообщил мне новый хозяин, едва впустив в прихожую. — Ваша комната на втором этаже, вторая справа. Основное правило: в кабинет без меня ни ногой! Если что-то нужно — дождитесь, пока я буду там, и спросите. Узнаю, что заходили самовольно, — выгоню сразу. Второе: в доме живёт моя бывшая кормилица — ньера Бетани. Она готовит и распоряжается хозяйством. К сожалению, в последнее время у неё сдали глаза, потому я вас и нанял. Так вот — слушайтесь её. В случае любого конфликта на улице окажетесь вы. Ясно?

Уж куда яснее.

Хотя то, что в доме есть ещё одна женщина, и то, что кухарить тут мне, похоже, не придётся, было скорее поводом для оптимизма, чем наоборот. Я уже накомандовалась и нахозяйничала на кухне по самое не хочу, мне хватит. Вопрос только один: если здесь распоряжается эта ньера Бетани, то что делаю я?

Пока Холт это барабанил, подчёркивая важность сказанного резкими движениями руки, мы двигались куда-то вглубь дома. Повернули — и оказались на большой кухне.

— Бетани! Ты тут?

Уж да. Здесь не только старушку, а пару лошадей в упряжке потерять можно. Две печи с конфорками сверху, столы и буфеты вдоль стен, длинный стол посередине, десятки свисающих с крючьев под потолком сковород, кастрюль, поварёшек... Вот куда всё это в частном доме? С таким надо ресторацию открывать!

— Рени! — на удивление ясный голос раздался откуда-то из недр большого шкафа. — Пирожки будешь? С шелковицей, как ты любишь!

Вот в чём, в чём, но в любви к пирожкам с шелковицей ньера Холта я бы заподозрила в последнюю очередь. Представить, как он отчитывает какого-нибудь торговца, сдуру обвесившего его на пару сэстоунов^[2] и тот стоит, вытянувшись по стойке смирно, и испуганно кивает на каждое слово, — это запросто. Вообразить, как архивариус со злобной гримасой

перерезает кому-то глотку, — пожалуйста. Но пирожки?

— Бетани, я помощнице привёл. Зовут ньера Алессита. Оставляю её тебе — сама объясни, что нужно, — прихватил с блюда пару пирожков и, коротко кивнув, повернулся к двери. — Да, ньера Алессита ждёт ребёнка, так что если приспичит опять сдвинуть большой шкаф, чтобы вытереть пыль, на её помошь не рассчитывай! — и, уже откуда-то из коридора: — Вернусь к ужину!

Я ещё растерянно хлопала глазами архивариусу вслед, когда совсем рядом раздалось:

— Ньера Алессита, значит? Ну, давай знакомиться. Я — ньера Бетани. Ну-ка повернись! Какой срок-то?

Наверное, ей было уже под шестьдесят. Крепкая, даже круглая, среднего роста, с аккуратным пучком на голове, в белом переднике поверх синего платья. На носу очки. Только толку от них было чуть — достаточно было один раз заглянуть в выцветшие голубые глаза, затянутые белёсой пеленой, чтобы понять суть проблемы — помутнение хрусталика, сиречь катаракта.

И, похоже, эта ньера не злая. Хотя уже через пару минут стало ясно, почему ньер Холт подозрительно спросил, не болтаю ли я, причислив говорливость к вредным привычкам наравне с выпивкой. Я не имела шанса вставить ни слова, зато за первые же три минуты успела узнать, что ньера Бетани одобряет длинные косы, но порицает нравы современных легкомысленных девиц, которые заводят детей, не имея надёжного мужского плеча рядом.

Наконец, мне предложили пирожок — я не стала отказываться, — дали час на обустройство и велели быть тут, на кухне, как справлюсь.

Уф!

Выбравшись назад в прихожую, подхватила свой саквояж и потопала искать лестницу на второй этаж. В комнату Синей бороды, именуемую кабинетом, я твёрдо решила не соваться.

К вечеру я уже более-менее представляла, что меня ждёт.

Вставать полагалось полвосьмого. Ложиться, соответственно, в десять вечера. Как можно дрыхнуть по десять часов, я не очень понимала, но решила, что найду, чем себя занять. Например, стану вязать приданое дочке. Или читать конспекты.

Дом был не так велик, как померещилось при первом знакомстве. Зато был почему-то Г-образным, что поначалу приводило к проблемам с

ориентированием. Идёшь-идёшь по прямой, и вдруг бац — перед носом стенка!

Выделенная мне комната оказалась лучше, чем я рассчитывала. Два окна на закат, в сторону моря, кровать с простынями тонкого полотна чуть не в три раза шире монастырской и — самое замечательное! — собственная ванная комната. Похоже, мне выделили одну из бывших гостевых.

Пахать на мне, как я опасалась после знакомства со списком вакансий на стене ратуши, никто не собирался. Для начала ньера Бетани выдала кипу толстых тетрадей, куда записывала траты:

— Сама уж не вижу, что пишу. Проверь-ка!

Открыв, я поняла, что тоже не вижу, что пишет ньера Бетани. Ибо, похоже, достойная женщина не всегда вспоминала о том, что перо полагается макать в чернильницу. М-да, и что делать будем?

Изложила проблему. Посовещавшись — я с инициативами не лезла, но осторожно предлагала возможные решения, — договорились поступить следующим образом: заводим новую тетрадь, заносим туда имеющуюся наличность, проводим инвентаризацию продуктов и хозяйственных принадлежностей, составляем список потребных закупок.

Ещё в перечень первоочередных дел занесли то, с чем ньера Бетани неправлялась из-за слабости зрения: мытьё окон и всего стеклянного в доме, включая подвески люстр, а также инспекцию хозяйствского гардероба.

Первым же вечером после ужина архивариус щёлкнул пальцами:

— Ньера Алексита, следуйте за мной, есть разговор.

Мы пришли в ту же комнату, где беседовали в первый раз.

— Как зовут вашего мужа?

— Бывшего мужа. Мы официально разведены, — напряглась я. — Его имя — Андреас лен Тинтари.

— Ясно. Я верно понимаю, что вы не желаете с ним встречаться?

— Верно.

— У него могут быть к вам претензии имущественного толка?

Интересно, зачем он всё это спрашивает. Хочет знать, кого пустил в дом? Его право.

— Вряд ли. Он потратил на покупку дома, в котором живёт, наследство моей матери. Я забрала со стола бронзовое пресс-папье и сдала его в ломбард: полученных денег как раз хватило, чтобы оплатить расторжение брака. Поскольку мамины деньги мне не вернуть, считаю это взаимозачётом.

Брюнет покачал головой. Прищурился:

— А вы сильнее, чем кажетесь на первый взгляд. Интересно...

Похоже, архивариус узрел во мне какую-то загадку. Ну что же, взаимно. Я, например, никак не могла понять, сколько моему хозяину лет. От двадцати пяти до тридцати пяти — а сколько именно, фиг знает. А ещё он был слишком резким — как-то не так я представляла себе взявшись с кипами старых бумаг посреди установленных древними фолиантами стеллажей архивариусов. Правильный архивариус — такой солидный неторопливый седой дядечка в очках и синих сатиновых нарукавниках, чтобы локти на камзоле не протирать. И носить должен башмаки с большими пряжками, а не сапоги до колен. А этот? Совсем не такой.

— Ваш бывший начал вас искать. Хотите, чтобы нашёл? Можно не сразу — пусть побеспокоится, понервничает — потом больше радость будет.

Задумалась. Ещё три дня назад я обмирала и таяла от одного взгляда Андреаса. Куда же всё так быстро подевалось? Я так резко разлюбила или просто обиделась? Как отрезало.

— Нет.

— Могу пустить слух, что вы уехали из Салерано. Хотите?

— Да.

Хлопнул ладонью по столу:

— Договорились.

Странный какой-то архивариус.

Или я разбираюсь в архивариусах как в мужьях?

Всё же слова о том, что Андреас пытается меня разыскать, встревожили. В первый же поход на рынок с ньерой Бет — так разрешила себя называть домоправительница — я прикупила басмы и перекрасила волосы в чёрный цвет. Среди местных уроженок две трети были брюнетками, так что маскировка казалось удачной. Вечером Холт фыркнул:

— Каштановый шёл вам больше.

Пусть скажет спасибо, что кожу грецким орехом темнить не стала — в какой-то момент эта явно больная мысль посетила голову.

Тёте и Виаланте я решила пока о себе ничего не сообщать. А вот наставнику отписала с нового адреса, сухо перечислив всё, что произошло.

Дела потихоньку шли на лад. Я привела — насколько удалось — в порядок тетради с хозяйственными расходами. Смысла в том, на мой взгляд, не было никакого. Кроме одного — теперь я была осведомлена, сколько платит Холт за десяток кусков лавандового мыла, а сколько — за

дрова. Хмыкнула — у меня выходило процентов на двадцать дешевле.

Потом перетёrlа окна. Кроме кабинета на первом этаже. Двери туда я обходила по дуге. Чтобы ни-ни. Один раз свидетелем моего манёвра стал незамеченный Холт, довольно фыркнувший мне в спину. Кстати, ровно через неделю после прибытия хозяин выдал мне на руки десять серебряных соленов. Много! Я и не ждала...

— Вы не торговались, не трепали мне нервы и не тратили время. Кормилица вами пока довольна.

И замолчал.

В припадке благодарности я поинтересовалась, не могу ли быть полезной чем-то ещё?

Холт не ответил.

И заговорил сам ровно неделю спустя, отдавая мне в руки пришедшее от учителя письмо:

— Значит, вы сказали правду, и действительно состоите с Расселом лен Дилэнси в переписке. Что же, это солидная рекомендация. Возможно, вы могли бы мне кое в чём пригодиться.

Ну, возня с бумажками всяко лучше, чем потрошение сырой колючей и вонючей рыбы. К тому же за это мне платят!

С того дня Холт стал озадачивать меня работой — давал ежедневно на переписку три-четыре документа. В основном грузовые декларации каких-то судов. Я послушно округлыми буквами выписывала колонками ящики, кипы, тюки, бочки, вязанки, меры и остальное, в чём измерялись грузы. Занимала эта деятельность два-три часа в день. Закончив, пересчитывала строки в подлиннике и своей копии, чтобы знать, что ничего не пропустила. Только непонятно, зачем эта ерунда архивариусу?

Иногда встречались незнакомые слова. Любопытствуя, я заглядывала в справочник. Ага, оказывается, бисквит взят в ящиках, потому что это не только пирожные, но и сорт фарфора. А кашемир — такая шерсть... Забавно — расширяю кругозор, а мне же ещё и деньги дают!

До конца испытательного месяца оставалось немного, когда мне показалось, что я нашла в бумагах несуразицу. Названия судов повторялись, а за некоторыми, имена которых мне особенно нравились — например, «Удачливая чайка» или «Жемчужная русалка», — я даже следила и радовалась, читая об их очередном успешном рейсе. А тут я смотрела на чайкины бумаги, и получалась ерунда — либо это не та чайка, либо она внезапно раздулась до размеров целого альбатроса — ни из одного прежнего похода она столько на себе не припирала. Промолчать или

спросить?

Думала до вечера.

А вечером Холт прищурился на меня сам, забавно пошевелил кончиком длинного носа и изрёк:

— Ньера, кончайте ёрзать и изложите вашу проблему.

Ладно. Вряд ли меня сразу выгонят за любопытство?

— На «Удачливую чайку» не могло влезть двести бочек масла и столько же тюков кашемира. Обычно она возила грузы, в полтора раза меньшие по объёму.

Взгляд серых глаз стал острым:

— Ну-ка, покажите!

Принесла бумагу и по памяти перечислила содержание прошлых деклараций. И, видя его интерес, сказала, что думала:

— Если я не ошиблась, то тут что-то незаконное. Не контрабанда — какой смысл платить пошлину с товара, который можно ввезти просто так? Я думаю, сам груз получен нечестным путём, но можно его обелить, если декларировать как легально привезённый откуда-то издалека и уплатить пошлину.

— Да, с контрабандой у нас строго. А вот пиратство никто не отменял, — кивнул Холт. И в первый раз за всё время мне улыбнулся: — Хвалю, ньера. Продолжайте в том же духе. Внимательность будет поощряться.

Обдумав за ночь порядок действий, утром я засела за составление сводной таблицы для каждого судна, с которым сталкивалась. Объём, грузоподъёмность — кажется, это называется тоннажем, — среднее время рейса. Последнее я решила вписать, потому что если вдруг окажется, что кто-то шибко резвый сплавал к островам Южной Физанты за пряностями трижды за тот же срок, за который другие еле успевают обернуться один раз, — это уже повод считать, что дело нечисто.

Задумалась — как поступить с датами рейсов? Писать все подряд в порядке поступления документов — значит превратить данные в нечитаемую кашу. Почесала нос, немного поразмышиляла. И решила сделать слева колонку по годам — на каждый пять-шесть строк хватит — корабли же плавают, а не летают!

После завтрака показала разлинованный гроссбух Холту. Тот молча кивнул, кинул: «Ждите!» — и через пять минут приволок мне здоровенную коробку, полную грузовых деклараций.

М-да, это займёт меня надолго...

Холт, взглянув на моё лицо, скептически фыркнул и вышел из комнаты.

Позаимствовав у тётушки Бет большую корзину — для обработанных документов, — принялась за дело. Часа через три решила, что хватит, нужен перерыв: поясницу ломит нестерпимо, а ног не чувствую — затекли. Отложила тетрадь, заглянула в корзину — посмотрела на скучные плоды трудов праведных, вздохнула. Запрокинув голову, потянулась — чем бы полезным заняться для разминки? Взгляд уткнулся в пыльную люстру с мутными подвесками, тускло отсвечивающую надо мной на высоте семи локтей... [3]

Идиотка! Не только ноги, но и мозги отсидела! Вот каким местом надо было думать, чтобы приволочь высокую стремянку, таз с тряпкой и полезть наводить чистоту под потолок? Остатков соображения хватило на то, чтобы убрать бумаги куда подальше — переложить в стоящее в углу кресло. И ведь уже на первой ступени лестницы пошатнулась — голова закружилась. И ребёнок толкнулся, как предупреждал. Но я — нет предела ослиному упрямству и бабской дурости! — только выругалась, что живот и длинный подол мешают видеть, куда ногу ставишь, и полезла наверх. Как же — семь ступенек — это сущая ерунда! Раньше я и не на такую высоту забиралась! Зато как люстра засияет!

А дальше случилось то, что обычно случается с планами безмозглых кретинок — всё пошло наперекосяк. При первом же прикосновении тряпки к люстре мне на голову посыпалась пыль и комья паутины, да так, что я отчаянно зачихала. Попытка протереть что-то одной рукой немедленно вызвала качание всей конструкции. А вторая у меня — вот незадача! — была занята тазом, который я держала, уперев в бедро.

И что дальше? Люстра звенит, меня шатает, таз кренится... и тут от двери послышался голос Холта:

— Что здесь происходит?

Попытка обернуться стала роковой — я потеряла равновесие. Первым улетел вниз и грохнулся об пол таз. Потом повело стремянку с махающей на ней, как курица на взлёте, верхними конечностями мной. Повело, перекосило, накренило... и мы полетели... Я даже заорать с перепуга не успела — просто онемела от ужаса, от мысли, что упав, потеряю дочку, ведь двадцать шесть недель — это слишком рано! Попыталась сгруппироваться, чтобы приземлиться на бок, как-то прикрыть живот... и тут меня поймали. На руки. Мягко.

А вот голос мягким не был:

— Ньера, вы идиотка!

Он ещё как-то умудрился спружинить коленями и устоять на ногах. Но смотрел злобно, как храмовник на упыря. Ну ещё бы! Руками я до боли вцепилась ему в плечи, а тряпка... ой, моя грязная мокрая тряпка повисла на Холтовой вороной макушке. Я зачарованно смотрела, как на свисающем на лоб уголке набухает грязно серая капля... Сейчас шлётнется на нос...

Дёрнулась, упираясь руками ему в грудь, пытаясь освободиться.

— Дважды идиотка. Не двигайтесь. Сейчас отнесу вас в комнату и пошлю за врачом — пусть вас осмотрят. И лучше ничего не говорите! Ни одного слова! Вообще не открывайте рот! — мотнул головой, сбрасывая тряпку.

Я испуганно кивнула. Врач — это хорошо. Лишь бы обошлось, лишь бы обошлось... Если что-то совсем не так, помогу себе волшебством. Пусть дочка будет не такая сильная в магии, но живая... Но какая, какая, какая же я дура!!! По щекам бежали слёзы испуга, облегчения, злости на свою беспроственную глупость... Что же я натворила?

Как только Холт вышел из комнаты, положила ладони на живот, настороженно ощупывая. Малышка лягнулась. Живая! И — спасибо Холту! — вроде бы при приземлении обошлось без рывка. Архивариус сумел меня поймать и, согнув ноги, погасить импульс. Но всё равно было жутко. А вдруг отошла плацента? А если от сотрясения начнутся преждевременные роды?

Я лежала, прижав к животу подушку, и тихонько плакала.

Врач — пожилой мужчина с чёрным кожаным саквояжем — пришёл очень быстро. Холт за его спиной сощурился на меня и поднёс палец к губам — молчи! И заговорил сам:

— Ньер Ильери, это — племянница моей кормилицы Бетани, Беата. Как видите, она в тягости. Но, желая помочь тётушке, полезла под потолок мыть люстру. Нет, не глядите на меня так — я ничего такого не приказывал и не просил. Чем думала она — не знаю. Но чуть не упала. Посмотрите, что с ней. Я подожду за дверью.

Докторов я не любила. И не особо им доверяла. А этому ещё и нельзя было задавать вопросов, ведь начни я пытать про плаценту да про предлежание — медицину в магической семинарии изучали весьма подробно, — моя легенда безмозглой племянницы кормилицы разлетится вдребезги.

— Нужно понаблюдать. Зайду завтра, посмотрю. Пока строго постельный режим.

Врач поднялся с края кровати, отряхивая, будто намочил в воде, кисти рук.

Вот умеют доктора тремя нейтральными словами напугать до синюшных колик! Вроде ничего и не сказал... а хоть на кладбище собирайся!

Ньер Ильери присел за стол — выписать потребные лекарства. Уйдёт — погляжу, что он там понакалякал.

Несколько минут за дверью шёл негромкий разговор. Я замерла, прислушиваясь. Зараза! — ничего не разобрать! Потом раздались удаляющиеся шаги, и всё стихло. Только я распустила свободную шнурковку на платье, устраиваясь поудобнее, как после короткого стука дверь распахнулась, явив Холта с насупленными бровями. В одной руке архивариус держал деревянный табурет, в другой — медный таз для варки варенья и большую колотушку для отбивания мяса.

Я напряглась. Это он чего?

— Не дергайтесь. Вот! — поставил табурет у моего изголовья, водрузил на него таз вверх дном и увенчал сооружение колотушкой. — Лежите. Если что-то нужно, не встаёте сами, не лезете на потолок, не орёте на весь дом — берёте молоток и стучите по тазу. Ясно? Ньера Бетани сейчас зайдёт.

— Ньер Холт, спасибо...

— Не за что. Знал бы, что у вас с головой плохо, — в дом не взял.

— Что сказал врач?

— Вероятно, обошлось. Но точно будет видно через пару дней.

Прошёл к столу, взял исписанный доктором листок, фыркнул.

— Что там? — попыталась я приподняться.

— Не дергайтесь, ньера. Успокаивающие и укрепляющие — корень валерианы, трава пустырника, кое-что ещё.

Архивариус вышел из комнаты и прикрыл дверь.

Первая реакция — спонтанная — самая честная. Холт, не раздумывая, кинулся меня ловить, когда я загремела с лестницы. И сделал всё, чтобы помочь мне и малышке. Хотя — вспомнила злые серые глаза под нависшей над ними мокрой тряпкой — желание придушить безмозглую дуру читалось явно. Я его понимала — сама б себя придушила!

Но, как бы то ни было, похоже, я попала в дом к хорошему человеку.

Глава 4

Мы не столько нуждаемся в помощи друзей, сколько в уверенности, что её получим.

Демокрит

Следующую ночь я буду помнить долго.

Ничего особо не болело, но я знала, что роды — в том числе и преждевременные — часто начинаются на рассвете, в час Ночной кобылы, когда мать спит. А мне рожать было никак нельзя.

Поэтому я додумалась до того, что выспаться надо днём, пока есть время. А за полночь, наоборот, бдить, не смыкая до утра глаз. Так безопаснее.

Инициатива вылилась в опухшую от слёз физиономию с красными от недосыпа глазами.

Вот не зря я всегда не любила мыть люстры!

Холт ко мне больше не заходил. Зато тётушка Бет заглядывала каждые полчаса, принося отвар пустырника, лимонад, пирожки. При этом достойная ньера попеременно ругала меня, жалела и расспрашивала — как же такое вышло? А я была настолько выбита из равновесия, что слово за слово поведала ей всю историю моего замужества... Бет поправила очки на носу, посмотрела на меня строго и изрекла:

— Козёл!

А потом подмигнула.

Я засмеялась. И рассказала ей про миренью.

Через два дня, навалившись в постели на всю оставшуюся жизнь, я встала.

Тётушка Бет, похоже, решила взять меня под крыло. И начала с того, что приволокла пару своих платьев, заметив, что как на моих шнурков ни распускай, а скоро станут узки в талии.

С талией она угадала — я медленно, но верно переходила в разряд ньер, талию которых можно было гордо именовать экватором. Но беда в том, что рост у Бет был меньше моего на полторы ладони, плечи — заметно уже, а руки, соответственно, короче. И последние пункты банальным

отпусканием подола не лечились. Вид у меня в кормилицыном платье получился нелепо-комичным. Поблагодарив, решила, что разберусь сама, — сделаю юбку на завязках и стану носить с блузкой и лёгкой шалью, чтобы прикрыть всё это безобразие. Вполне прилично.

Поднявшись, я снова засела за составление сводной таблицы, раздумывая о том, как выявлять закономерности. Возникла ещё одна идея: под каждой грузовой декларацией стояла виза портового чиновника. Вот если посмотреть, кто визировал сомнительный рейс «Удачливой чайки», и проверить остальные декларации, подписанные тем же ньером? Даст это что-нибудь?

Дало. Я нашла три записи за подписьью ньера Ярита, показавшиеся мне подозрительными. Если бы не присматривалась специально, внимания бы не обратила. Например, при пристальном взгляду показалось странным то, что на одном корабле, побывавшем в трёхмесячном плавании, оказались одновременно моржовые шкуры, лён, чёрное дерево и шоколад. И всё в немалых количествах. Половина товара с севера — половина с дальнего юга. На случайную закупку по пути мало похоже.

Занеся данные в свой гроссбух, отложила документ в сторону и задумалась... где-то мне уже попадалось чёрное дерево вместе с какао... Начала рыться в куче документов — вот! «Синелья» — прибыла в тот же месяц с грузом ячменного пива в бочках — а ещё с чёрным деревом и какао. А кто поставил визу на декларации? Ещё один ньер — какой-то Парелли.

К вечеру я была уверена, что или беременность пагубно повлияла на умственные способности, но развila паранойю, или я наткнулась на что-то масштабное. Странность тянулась за странностью — как нити из клубка...

А ещё один повод для размышлений — необычный архивариус Раиндэлл лен Холт. Который был в курсе, что корень валерианы и пустырник — успокаивающие, носил сапоги вместо городских туфель, обладал реакцией горного тигра — как он только успел поймать меня в полёте? — и, кроме того, интересовался злоупотреблениями в порту Салерано.

И, наконец, я раздумывала, как поступить? Можно тупо переписать сведения о кораблях в свою тетрадь и устраниться. Отдать Холту — пусть полистает, посмотрит сам. При таком способе представления данных найти зацепки будет не слишком сложно. Ведь известно — чтобы что-то заметить, всего-то и надо, что взглянуть на вещь под правильным углом.

Или рассказать?

* * *

— Вы опять ёрзаете, ньера. Что сегодня?

Думай — не думай, он видит меня насквозь.

— Рассказ долгий. Пойдёмте, покажу бумаги.

Три портовых чиновника, пять подозрительных судов. В шестом я уверена не была. Принадлежали эти корабли двум разным судовладельцам...

Как могла логично изложила свои умозаключения.

Допустим, некий корабль раз за разом плавал на север. Откуда вёз мёд, меха, лён, янтарь, рожь, лес... и вдруг — совершенно неожиданно — его понесло на юг. Ну, бывает — замёрзли и вообще решили что-то новенькое попробовать. А потом опять стали плавать по привычному маршруту. Такое объяснимо, если поход в новое место не принёс заметной выручки и владелец решил больше не рисковать и вернуться к гарантированной стабильной прибыли. Но вот шхуна «Синяя стрела», с упорством муравья возившая раз за разом лён, моржовые и тюленьи шкуры и можжевеловую водку, вдруг вернулась с окстийским фарфором — дорогой и выгодный груз! — а потом снова отчалила за водкой. Вот что бы сие значило?

— Вы понимаете, что говорить об этом нельзя никому? Даже Бетани? — серые глаза требовательно уставились мне в лицо.

— Ещё как понимаю, — вздохнула, опуская взгляд на самую выдающуюся часть своего тела.

— Хорошо. Завтра дам вам секретные данные о нападениях на корабли в Закатном океане. Они неполные. Как догадываетесь, в большинстве случаев рассказать о случившемся было некому. Сопоставите их с тем, что нарыли. Посмотрим, будут ли совпадения.

Засыпая, я раздумывала — откуда у архивариуса такие документы?

И куда я полезла? Возникло ощущение, что перетереть в доме все люстры однозначно безопаснее, чем совать нос в это дело. Мне сейчас вообще надо сидетьтише мыши, не высовываясь никуда. Так мало мне бывшего мужа с вонючей рыбьей тушкой в кармане — ещё пиратов на свою голову нашла!

Следующие две недели я работала по три часа утром и два днём в гостиной на нижнем этаже, перебирая бумаги и занося в тетрадь данные по кораблям и их пропажам в удобном для анализа формате. Пришлось добавить имена владельцев и капитанов —казалось, что это тоже может

пригодиться. А ещё я аккуратно, на обороте, несмыываемой тушью нумеровала исходники, предварительно сортируя их по годам. Чтобы в случае чего всегда можно было просмотреть подробно данные по грузу и по рейсу. Допустим, видишь, что интересующему рейсу соответствует запись триста двенадцать, — и сразу понятно, где искать.

Наше королевство располагалось на полуострове, отделённом от остального материка горами. Но так сложилось, что именно Тариста с её издавна могучим торговым флотом стала воротами всего континента. Через наши пять главных портов, одним из которых был Салерано, а другим — столица страны — Лореция, проходили две трети грузов, затем отправлявшихся на север, сухопутным соседям.

Да, мы кормили себя сами — поля, сады, виноградники, пасшиеся в предгорьях стада и, наконец, приморский мягкий климат делали страну независимой от поставок продовольствия извне. Но кровью и силой королевства была именно торговля. Почти четыреста лет Тариста жила без войн благодаря деньгам, полученным от торговли. И лично мне бы хотелось, чтоб так оно и продолжалось. А тут я видела, что кто-то или что-то систематически её подрывает...

Вот только недоставало данных для анализа. Корабли, гружёные награбленным, могли отправиться в любой из пяти портов. А у меня были сведения только по Салерано. Хотя... Хотя... Тут я засекла уже десяток подозрительных судов. Если они заходили в другие порты — о том тоже есть записи. Те, в свою очередь, укажут на нечистых на руку таможенных чиновников... и потянутся новые нити. Распутать можно, было бы время да желание.

Пару совпадений с пиратскими нападениями я обнаружила. Барку «Фортуна капитана» не повезло — шедший из южного Кониго с грузом чёрного дерева и какао корабль был потоплен за месяц до того, как с таким же грузом в Салерано прибыли «Удачливая чайка» и «Синелья». А на шхуне «Морская выдра», прибывшей с полным трюмом суриго — южного растения с метельчатыми колосьями и длинными зернами, мука которого использовалась для изготовления кондитерских лакомств, — почему-то оказались слитки пропавшего за три месяца до того серебра из Ливорнии.

Наверное, я бы копалась в бумагах с утра до ночи, но тётушка Бет не давала мне засиживаться, регулярно отправляя то протереть пыль, то полить цветы, то — вместе с ней, одну она меня не отпускала — на рынок за свежей зеленью и ранними овощами. И я по-прежнему ходила брюнеткой, маскируясь под местную уроженку.

Холт разговаривал со мной мало и нечасто. Здоровался утром за завтраком, а вечером обращался только тогда, когда видел, что я нарыла что-то новое. Но не торопил с работой.

Несколько дней назад я уперлась в странный факт, который не знала, как трактовать. Я была уверена, почти могла поклясться, что купеческая компания «Восточная звезда», три корабля которой регулярно возвращались в порт с горой груза выше мачт, замешана в пиратстве. И тут выяснилось, что у неё самой пропали две шхуны. Непонятно.

Вечером спросила у Холта.

Тот задумчиво запустил руку в волосы, взъерошив чёрные пряди над бледным лбом, потом произнёс:

— А были ли эти корабли застрахованы?

Упс! Вот так поворот! Если существовала страховка, то никаких убытков и нет... Но это же ещё гора бумаг! Тут до ста лет сиди — не разберёшься!

Машинально начала чиркать на чистом листе, как обычно делала, когда задумывалась...

— Что это? — длинное лицо заглянувшего мне через плечо Холта вытянулось ещё сильнее.

Сглотнула, взглянув на то, что вышло. Сидящий столбиком на попе зверёк с растопыренными передними лапками, жутко оскаленными зубами и в кирасирской каске и впрямь смотрелся странно.

— Очень страшный суслик, — сообщила я серьёзным голосом. Не объяснять же архивариусу, что изначально мы с Вилькой рисовали карикатуру на нашего преподавателя военного дела? И так натренировались, что в задумчивости обе начинали плодить сусликов.

Холт фыркнул мне прямо в ухо.

В дела своего хозяина я решила не лезть. Куда он уходит днём — точно не моё дело. Но, подозреваю, что не в архив. Запретный кабинет я продолжала обходить по дуге — чем бы там ни занимался и что бы ни хранил в своих владениях Холт — золотые слитки, коллекцию собачьих ошейников, женских подвязок или скальпы врагов, — меня это однозначно не касалось. Было любопытно, конечно... но не настолько, чтобы рисковать оказаться на улице за два месяца до родов или, наоборот, вляпаться по уши в дела знатных, богатых и могущественных торговцев, — такого не только будущая мать на сносях, но и всякий человек разумный станет избегать любой ценой.

Для меня важным было то, что Холт безо всяких просьб с моей

стороны поднял оплату до двадцати соленов в неделю. Деньги мне понадобятся. Через восемь или девять недель я рожу — и после этого снова смогу пользоваться магией. И — вероятнее всего — уеду из Салерано навсегда. Город, конечно, замечательный, но бодаться из-за клиентуры с собственным бывшим не улыбалось. К тому же, пораскинув в свете последних прозрений и озарений мозгами, я поняла, что, возможно, Андреас постараётся меня вернуть, используя угрозу отнять ребёнка как рычаг. Орсетта колдовала всю жизнь на троичку с плюсом... а Андреас был амбициозен, ему подавай больше.

Вечера я проводила у себя в комнате. Листала конспекты, читала, начала, как и собиралась, вязать приданое для малышки. Последнее, правда, не особо получалось, зато хорошо успокаивало.

Потянувшись, отложила кривоватое недовязанное одеяло — ничего, потом магией поправлю. Встала перед большим, висевшим на стене зеркалом. Повернулась в профиль, натянув на животе длинную ночную рубаху, хихикнула — экватор он и есть экватор! И испуганно подпрыгнула — в коридоре рядом с моей дверью что-то заскребло по стене, а потом тяжело упало на пол.

Что за?..

Взял в руку лампу — если что, ей и отбиваться буду! — выглянула за дверь. Почти у порога на ковровой дорожке темнела бесформенная куча с вытянутой вперёд белой рукой. Холт! Кинулась к нему — без сознания, голова в крови. В каком состоянии всё остальное — не поймёшь, потому как в грязи. Но похоже, что архивариусу досталось, и сильно.

Бетани занимала комнату на первом этаже, рядом с кухней, говоря, что ей так удобнее. Сбегать за ней? Сейчас, только сначала посмотрю, что с ним, — если кровь идёт, останавливать надо срочно, — а потом уж позову кормилицу. Как он в таком состоянии вообще домой дошёл и на второй этаж поднялся?

Хорошо бы, конечно, его куда-то положить. Только куда? До хозяйствской спальни в торце коридора мне тело явно не доволочь. Ладно, сначала надо понять, что с ним.

Поставив лампу на пол, побежала за тряпкой и кувшином с водой. И, присев рядом с телом, осторожно стала смывать кровавую корку со лба, одновременно ощупывая пальцами голову со слипшимися волосами. Ага, получил удар по затылку. Рассечён висок. Но череп вроде цел. А почему потерял сознание? Упс, правый бок в крови — вот это хуже. Кое-как, дёргая за рукава, стянула камзол. Холт застонал, открыл глаза.

— Вы ранены, сейчас позову Бет. И нужен врач.

— Не надо звать Бет, не страшно... Сами... — и отрубился опять.
Отлично!

Ладно, хочет помереть — его воля. Подняла лампу, рассматривая распоротую, пропитанную кровью полотняную рубаху. Похоже, распахали плечо. И впрямь не смертельно. Если, конечно, это всё. Перевязать такое я могу — нас учили.

— Я его убил, — осчастливили меня новым знанием снова пришедший в себя Холт.

— Кроме плеча — раны есть? — задала я вопрос по существу.

— Голова.

Ну, это я уже видела.

— Встать сможете, если я подопру?

— Попробую.

Тащить Холта на себе я не собиралась, но подстраховать могла. Кое-как мы доковыляли до его спальни — моя была ближе, но делать там незнакомому мужчине было нечего. Да и где я сама тогда буду ночевать?

Следующий час я провела творчески, вспоминая то, чему нас учили в семинарии. Оказалось, что в ванной моего хозяина имеется аптечка, где обнаружились и бинты, и вата, и куча склянок со снадобьями на все случаи жизни. Я промыла раны, обработала края спиртом, забинтовала. Потом, подумав, принесла иголку с шёлковой ниткой, поболтала их в спирте и прихватила разрез на виске тремя стежками — иначе останется шрам. Бледный как смерть Холт терпел молча, следя за моими действиями расширенными зрачками.

Закончила я тем, что перетащила в его комнату из своей так и оставшиеся стоять у меня табуретку, таз и колотушку и, пожелав доброй ночи, отбыла восвояси.

Отмыв от крови руки и сменив заляпанную рубашку на чистую, задумалась. Странностей накапливалось всё больше и больше. Тёмный ковер на стене комнаты архивариуса украшали мечи и кинжалы — с мирной профессией такое никак не вязалось. И эта аптечка... словно не с бумагами работает, а на войну собрался. А ещё больше настораживали пара шрамов от давних порезов на мускулистом предплечье и старый, похожий на белую кляксу, шрам под лопаткой.

Но случившееся однозначно было дурным знаком.

Во что я влипла?

Неужели я со своими догадками разворошила осиное гнездо?

* * *

Утром Холт был уже почти в норме — во всяком случае, спустился к завтраку он самостоятельно и был брит. Хотя по-прежнему выглядел бледнее хорошо отбеленной простыни.

Меня приветствовал кивком, всю трапезу молчал, а вставая, сообщил:

— Ньера Алессита, вы мне нужны. Пойдёмте.

Предсказуемо — повязка на плече пропиталась кровью, и её нужно было сменить. Посадив хозяина спиной к окну, внимательно осмотрела края раны. Те покраснели, но — прикоснулась пальцами к коже — воспаления вроде бы не было. А вот ещё один шрам останется.

— Хотите знать, что случилось? — неожиданно поинтересовался он, пока я накладывала повязку с календулой и бинтовала плечо.

Я задумалась. Оно мне надо? Любопытство погубило кошку. Или не знать — ещё опаснее?

— Ведь вы уже поняли, что я не архивариус?

Наклонила голову. И что сказать?

— Ну, как хотите... — казалось, он был слегка разочарован.

— Сколько вам лет? — задала я вопрос на пробу. Ответит охотно, можно будет спросить что-нибудь ещё. А если уклонится — это станет ответом само по себе.

— Двадцать шесть.

Хм-м, моложе, чем я думала, а командует, как Андреасу и не снилось! Кто же он?

— Личный эмиссар Ринаaldo Третьего, ведущий сейчас по просьбе Гильдии купцов и Гильдии страховщиков расследование участившихся случаев пиратства. Кроме того, в Салерано год назад погиб мой отец — этот дом достался мне в наследство от него. Я ищу убийц. Вы это хотели спросить?

Сообщить кому-то, что лично знаком с королём, когда этот кто-то ощупывает шишку у тебя на темечке, — не самый удачный момент. Я дёрнулась сама, дёрнула прядь его чёрных волос. Холт подпрыгнул на стуле и выругался сквозь зубы.

— Впечатлены, ньера?

— Нет. Думаю, как побыстрее смыться куда подальше, — абсолютно честно ответила я.

— Помогите мне, и я посодействую вашей карьере в столице. Ведь вы хороший маг?

— Что включает помощь?

— Работу с бумагами, их анализ и только. Никакой опасности.

— Что случилось с вашим отцом?

— Уличное убийство, которое затем попытались выдать за обычное ограбление.

— Он тоже занимался этим делом?

— Да.

Отлично. В плохом смысле. Значит, тот, кто стоит за этим, наверняка следит и за действиями Холта, и за его домом. И тут — как безмозглая тетёрка — в это замечательное место прилетела одна безголовая свежеразведённая беременная магиня...

Даже если предположить, что внешние наблюдатели считают меня родственницей Бетани, — всё равно оставаться здесь не следует.

— На месте виновных я бы убила вас, ньер, — ведь это и пытались сделать вчера, да? — сняла бы с пояса ключи, пошла бы сюда, зная, что в доме нет никого, кроме двух женщин, обыскала всё в поисках улик и бумаг, свидетельниц прирезала, а дом — чтобы уж точно ничего не пропустить — сожгла. Боюсь, мне этот вариант не подходит. Если не возражаете, завтра я уеду в Виэнию.

— Возражаю. Поступим по-другому. Мне нужна ваша помощь — у вас хорошая голова, — но вы требуете безопасности. Так? Я остаюсь в доме и делаю вид, что прекратил расследование. Возможно, даже изображу, что вовсе покинул Салерано. А сами продолжим работать с бумагами — такую кипу даже вдвоём за месяц не разобрать. Кстати, у вас нет новых идей, куда рыть дальше?

— Заведите сторожевую собаку, — не совсем логично ответила я. — И куда рыть, да, мысли есть. Во-первых, нужны данные по всем пяти портам. Начать можно с тех кораблей, которые уже привлекли к себе внимание. Посмотреть, кто подписывал декларации... а там видно будет. — Отодвинулась на шаг. — Пересядьте лицом к окну — хочу посмотреть шов на виске, не разошёлся ли. — Холт послушно развернулся. Я подступила чуть сбоку, иначе б мой живот уткнулся ему прямо в нос. Сдвинула чёрные волосы со лба, разглядывая, что вчера нашила. Неплохо, шов аккуратный. — А другая идея — попробовать проследить за награбленными товарами, подняв таможенные документы. Вдруг чёрное дерево или фарфор повезли продавать дальше на север? Так вот интересно, какая купеческая компания это сделала.

— Неглупо. У вас приятно прохладные пальцы, ньера. Спасибо за лечение.

Собака появилась на следующий же день. Точнее, две собаки. Черные короткохвостые геранские волкодавы — страшенные зверюги почти мне по пояс, с круглыми рыжими подпалинами на груди, здоровенными зубами и в ошейниках с шипами. Тетушка Бет всплеснула руками в ужасе. Правда, позже выяснилось, что ужаснул её не вид псов, а то, что тех полагалось два раза в день кормить сырым мясом.

— Не воют, не лают, сообразительны, бесстрашны, верны до смерти, — прокомментировал приобретение Холт. — И уже выдрессированы на охрану.

Я промолчала, отметив только, что моё желание он воплотил с рекордной скоростью, тем самым отрезав мне путь к отступлению. Ладно, пока Холт держит слово и находится в доме, я тоже останусь здесь.

— Как их зовут? — поинтересовалась я, пока меня обнюхивали.

— Хват и Рвач.

Уж да, очень подходящие имена для домашних питомцев.

— Запомнить легко, вот этот, с одним рваным ухом, Рвач и есть.

Пёс, услышав имя, наклонил башку с торчащим надо лбом драным чёрным огрызком, внимательно рассматривая меня янтарными глазами. Я протянула руку, погладить — нос угрожающе наморщился, верхняя губа приподнялась, обнажив клыки.

— Простите, ньера, к ласке они не приучены.

Убийцы какие-то. Или убийцы?

Появлением собак дело не ограничилось. К вечеру в доме появились мастера, установившие на все окна — в том числе и второго этажа — внутренние металлические жалюзи. Открывались они изнутри. А когда были опущены и заперты, ни проникнуть в дом извне, ни устроить пожар, кинув какую-нибудь дрянь в окно, было невозможно.

— А чердак и погреб для дров? — практически поинтересовалась я.

Холт прищурился на меня, фыркнул и ответил одним словом:

— Уже.

Вообще-то, все эти предосторожности годились лишь для защиты от обычных, немагических нападений. Маг средней руки легко бы и засовы открыл, и усыпал или убил собак. Я и сама справилась бы с этим безо всякого труда. Но вероятность такого была ничтожна — будущим волшебникам ещё в нежном возрасте втолковывали, что самый слабый маг может жить обеспечно, спокойно и, главное, долго — если не ввязывается в сомнительные или криминальные предприятия. Что магия

оставляет следы, и любое преступление будет раскрыто старшими коллегами, которые, в свою очередь, желают жить долго, богато и счастливо. Так что найти в Таристе мага, желающего поучаствовать в штурме дома личного королевского эмиссара, было нереально.

Со следующего утра мы начали работать в гостиной вместе. И это не было неприятно или напрягающе, как того опасалась я.

Я продолжала методично заносить в свой гроссбух сведения о привезённых кораблями грузах. А Холт выписывал данные по нападениям в хронологическом порядке. Когда кто-то из нас натыкался на то, что казалось интересным, мы обменивались мнениями.

Например, я заметила, что вместо одной из потерянных компанией «Восточная звезда» шхун у неё всего через три месяца появилась другая — с аналогичным тоннажем — и начала плавать по знакомым маршрутам. Неужели настолько нагло? Вот так, получили страховку, перекрасили название и поплыли дальше? Но на каком уровне нужно иметь прикрытие, чтобы поступать так и не бояться разоблачения?

— На очень высоком. И, пока мы собираем факты, допускать утечек нельзя.

Надеюсь, ещё пару месяцев эти факты мы прособираем... Здоровенные коробки с неразобранными бумагами под столом подкрепляли мой оптимизм.

Глава 5

Безусловно, ваш муж имеет свои недостатки! Если бы он был святым, он бы никогда не женился на вас.

Д. Карнеги

Неприятности свалились, откуда я их совсем не ждала. Дохаживать мне осталось меньше месяца, и я расслабилась — день за днём ничего не происходило — мы с Холтом корпели над бумагами и начали рисовать схемы — кто и как, прямо или косвенно, замешан в пиратском промысле. Причастных хватало — торговые компании, отдельные купцы, судовладельцы, чиновники разных рангов, таможенники — ведь прибыль исчислялась сотнями тысяч соленов. Прорва денег!

Подтвердились догадка о том, что, похоже, не все захваченные пиратами корабли шли на дно. Например, пропала какая-нибудь «Резвая нимфа» вместе с грузом. Груз засветился в Салерано три месяца спустя. А ещё через три-четыре на рейде возникла поразительно похожая на пропажу перекрашенная, сменившая владельцев и команду «Меч-рыба». До того нигде не существовавшая и непонятно кем и когда построенная. Мы насчитали четыре таких случая лишь в Салерано только за последние три года. А сколько их было всего?

И стало понятно, зачем нужны эти афёры с кораблями. С одной стороны, если всем вокруг известно, что ты тоже пострадал, — никто и не заподозрит, что ты сам стоишь за разбоем. С другой — судно стоит кучу денег. И, наконец, допустим, всплыл через несколько месяцев якобы погибший корабль, да? Страховка уже получена. Вот кто может наверняка сказать — та же ли самая это шхуна? Только владельцы да команда. А все замешанные поглаживают кошельки и молчат. Страховщикам остается скрежетать зубами, подсчитывая убытки. И поднимать ставки, которые ложатся грузом на плечи честных купцов.

Так, день за днём, я добавляла в складывающуюся картину новые кусочки, а по вечерам сидела с крючком и с мотком шерсти, перебирая в голове данные, которые переписывала днём, гладила время от времени болезненно каменевший живот, растирала опухшие лодыжки и старалась не есть слишком много. И начисто забыла о своем экс-супруге...

А зря.

Виновата была я сама. Ибо, поняв, что, скорее всего, задержусь в доме ньера Холта до родов, отписала Вильке и тётушке Лео с нового адреса, чтобы те не беспокоились, куда я пропала. При этом совершенно упустив из виду, насколько тётя помешана на устройстве моего семейного счастья и какое впечатление произвел на нее красавец Андреас, когда Лео приехала на нашу свадьбу.

А вот Андреас, как выяснилось, все просчитал. И, не найдя меня сам, отписал тёте, что мы поссорились в результате мелкого недоразумения, что он ужасно боится и тревожится и за меня, и за ребёнка — как же я буду беременная, одна? Ни об измене, ни о том, что сам оставил меня без денег, ни о том, что мы уже разведены, экс-гад не сообщил. Тётя прослезилась, купилась и послала мой новый адрес, искренне веря, что творит добро, сводя поссорившихся влюблённых.

Но это было не всё. Узнав адрес, Андреас отправился в Храм, где пообщался с тем самым храмовником, который меня разводил, и заявил, что де он — известныйуважаемый маг — может предоставить лучшие условия для жизни и воспитания ребёнка, чем легкомысленная мать-одиночка без верного заработка. Ведь у него-то есть и дом, и постоянный доход! Потом принёс клятву, что действительно хочет забрать ребёнка, едва лишь малыш родится. Не знаю, сколько Андреас заплатил, но в результате он получил на руки предписание Храма отдать ему младенца, как только тот появится на свет.

Обо всем этом я узнала, когда в нашу дверь поутру неожиданно забарабанили судебные приставы, в компании которых мой бывший пришёл мириться с норовистой беглой женой.

Разговаривал с ними Холт. И только это меня и спасло — иначе бы я или умерла на месте, или убила подлеца. Отрицать, что Алексита лен Ориенси проживает в этом доме, Холт не мог — письма доставлялись именно сюда. Да и не стал бы — наказание за лжесвидетельство у нас в стране было суровым. Закончилось тем, что мне пришлось-таки показаться и лично подписать врученное злорадным храмовником ещё одно предписание, запрещающее покидать Салерано до родов.

Андреас смотрел на меня из-за спин приставов с довольной полуулыбкой на лице. А уходя, послал воздушный поцелуй.

Когда Холт наконец захлопнул дверь, я сползла по стене на пол и зарыдала...

Холт присел на корточки рядом, протянул платок.

— Вытрите слёзы и скажите, чего он хочет на самом деле? Простите, ньера, но во внезапную любовь этого хлыща к детям мне верится с трудом.

Хлыщ. Вот правильное название. А для меня — другое. Слепая безмозглая курица. И не уехала вовремя, и сама засветила своё убежище.

Хлюпнув носом, опираясь на стену, попыталась подняться. Холт подставил руку — я, не раздумывая, уцепилась — самой мне сейчас не встать.

Надо что-то делать. Срочно. Собрать вещи и бежать!

— Пойдёмте поговорим.

Тетушка Бет, которая, услышав голоса, выскочила с кухни, застала конец сцены. И сейчас кипела от негодования. Я была благодарна за моральную поддержку, но вот только чем она мне реально поможет?

— Итак, что ему нужно?

— Меня. Мое послушание и мою магическую силу. А в перспективе — силу дочки. Сам он как маг не очень. Все сложные заказы помогала делать я. А если он заберёт ребёнка, мне придётся вернуться к нему.

— А вы не хотите?

Не хочу. Сейчас, увидев Андреаса, я сама себя не понимала — как, как я могла в него влюбиться? И ведь наставник говорил прямо, что я делаю ошибку... Учитель даже не захотел прийти на свадьбу. А у меня плясали звёздочки в глазах и пел хор птичек в голове — как же, девичья мечта всей семинарии обратила на ничем не примечательную ньера благосклонный взор! Добродетель и скромность вознаграждены! Угу, и наивность с дуростью тоже...

Помотала головой.

— Вечером я попробую бежать.

— Препятствовать не стану, но не советую. Уверен, что и дом под наблюдением, и все выходы из города — тоже. А если вас поймают — поместят под надзор, как преступницу. Вы уверены, что хотите рожать в тюрьме?

Бет витиевато выругалась — досель я не слышала от неё таких слов, даже когда у нас сгорел до углей забытый в духовке гусь. На секунду стало смешно.

Кормилица пожала плечами — мол, что такого? — просто высказалась честное мнение честной женщины.

Я, обхватив голову руками, начала раскачиваться из стороны в сторону... что делать? Что мне делать? Дочку я ей не отдам!

— Так. Есть мысль. Сейчас идите, приведите себя в порядок, — в

глазах Холта появилась какая-то сумасшедшинка. — А к вечеру мы утрём вашему экс-супругу нос.

— Как?

— По закону.

— Как? — повторила я.

— Легко. Вас учили магии — меня учили праву. Решение лежит на поверхности. Смотрите сами. По семейному кодексу Таристы любой ребёнок, рождённый в браке, считается законным. Так сделано для блага и безопасности детей. Причем отцом всегда — без исключений — записывают мужчину, который был женат на матери младенца в момент его появления на свет. Сейчас вы смываете, насколько удается, эту жуткую краску с волос. Потом одеваетесь и, пока на дворе день ясный, мы идём в Храм, где заключаем брак.

Я, часто заморгав, вылупилась на Холта. Ньер сошёл с ума?

— Ньера Алессита, успокойтесь, в вашем состоянии волноваться не стоит. Это реальный и абсолютно законный выход. Если вы опасаетесь, что я стану требовать исполнения супружеских обязанностей, — скептически хмыкнул, покосившись на мой живот, — то в присутствии кормилицы — она подтвердит, что мальчиком я всегда был честным — обещаю этого не делать. Захотите — потом разведётесь. Как раз на основании того, что супружество не было осуществлено. Но ваша дочка станет носить моё имя, а предписание, которым тут грозно потрясал ньер Андреас, станет стоить меньше бумаги, на которой написано. И ещё: я богат. Весьма богат. Близких родственников у меня нет. Так что, случись что со мной, вы будете обеспечены.

И веско добавил:

— Решайте.

Зачем ему это?

И нужно ли такое мне?

Оказаться женой королевского эмиссара по особым поручениям — хорошо ли это для карьеры мага, о которой я мечтала? Какие дела он вёл ещё и не станем ли мы с дочерью мишенями или заложниками? Что хуже — вернуться к подлецу или выйти замуж за опасного типа?

— Ньер Холт, зачем вам это? И как вы ко мне относитесь?

— Мне нравится ваш характер, я уважаю ваш ум и ваши знания. Касательно остального, позвольте, умолчу. А ещё очень не хочется, чтобы подлость восторжествовала.

Набрала воздуха в грудь. Надеюсь, я не делаю очередную ошибку:

— Я согласна. Благодарю вас за предложение.
— Жду вас тут через час. Вам хватит на сборы?

* * *

Нет, просто совпадением такое назвать невозможно: наш брак в зале Союзов засвидетельствовал и зарегистрировал тот же самый храмовник, у которого я разводилась и который потом помог бывшему заявить права на мою нерождённую дочь.

Сходить пожениться стоило уже затем, чтобы посмотреть на этого старого женоненавистника. У моего нового супруга лицо было длинным от природы, но у храмовника рожа стала просто лошадиной — хоть хомут на шею надевай!

Холт покосился на закусившую от смеха губу меня и шёпотом поинтересовался, что такого весёлого я углядела в происходящем. Я шёпотом же объяснила, что вижу этого облезлого марабу при интересных обстоятельствах уже в третий раз.

— Дщерь, хорошо ли ты обдумала, что делаешь?

— Да, мой жених — прекрасный и достойный человек, и я с радостью приняла его предложение.

«Прекрасный и достойный» запереминался с ноги на ногу, но в свою очередь сообщил, что счастлив на мне жениться. И нет, ребёнок его не смущает — он считает его своим.

Совершенно двусмысленное выражение.

Представила, как взбесится Андреас, когда ему донесут о произошедшем. А в том, что доложат уже к вечеру, — я не сомневалась. Он-то уверен, что почти вернул жену, — и тут такой удар топором по корням развесистого мужского эго!

Дома я сняла прицепленную к голове кружевную накидку, которую одолжила мне тетушка Бет, и устало опустилась в кресло. Куда я опять влипла? Хотя, если что, разведусь — не впервой.

Новоиспечённый муж подошёл ближе... а потом присел на ручку моего кресла.

— Ещё небольшая формальность.

Наклонился и прижался ртом к моим губам. Я вытаращила глаза и замахала руками — мы так не договаривались! В ответ Холт фыркнул и водрузил пятерню правой руки мне на грудь. Чуть сжал пальцы. Левая

оказалась где-то за спиной, в районе поясницы. Я взвыла и ткнула пальцем ему в плечо, стараясь попасть в подживающую рану. Холт тоже взвыл и отпрянул прочь.

— Могли бы ограничиться пощёчиной. — Тон мужа был нейтрален, будто и не он меня только что лапал. — Вы понимаете, что если ваш экс-супруг заявит, что наш брак фиктивный, мне и вам придётся сообщить под присягой, целовались ли мы и — готов поручиться, что формулировка будет максимально обтекаемой, дабы не нарушать приличий — было ли у нас что-то ещё? Вот теперь мы оба можем ответить с чистой совестью, что да, целовались. В губы. И что-то ещё было. А если кто-то поймёт это неправильным образом, мы же не виноваты?

Невольно засмеялась.

— Простите, что поняла вас неверно.

— Вот с этим «вы, вас, ньер, ньера» тоже надо что-то делать... — задумался Холт. — Скажите, как я могу вас называть?

Внимательно посмотрела в серые глаза под изломом чёрных бровей. Верю я ему? Пожалуй, да.

— Зовите Ситой.

— Сита, я для тебя отныне Рейн. А имя для дочки у тебя уже есть?

Невольно расцвела в улыбке:

— Да. Сонеали. Как солнышко или весенняя капель. А ещё так звали мою прабабку — самую сильную магиню за всю историю нашей семьи.

— Красивое имя для девочки, — Рейн улыбнулся. — Ну что, перекусим пирожками на кухне и снова садимся за работу?

Перебирая бумаги, я косилась на Рейна. Муж. Ну, пусть фиктивный... но все равно не чужой человек. Сколько мы знакомы? Уже три месяца. А что я про него знаю? Да только то, что он мне сам рассказал на другой день после ранения, — что он личный королевский эмиссар. Высокая должность, большие полномочия. И он достиг этого в столь юном возрасте.

— Сита, хочешь что-то спросить?

Покачала головой. Обращение на «ты» сбивало с толку. Не хочу. Я вообще не планировала выходить замуж снова... а тут на тебе! Ну, Андреас, ну ты гад!

— Кстати, потом, если у тебя возникнет желание, думаю, что смогу заставить вернуть ньера Тинтари присвоенное наследство твоей матери. Нет, не отвечай сейчас. Просто запомни. И, если захочешь, скажи мне.

Не скажу. Потому что заставить вернуть — хочу. Но сама! Не полагаясь на другого мужчину, не прячась за чужой спиной. Да, сейчас

пришлось... но пусть это будет в последний раз.

Ещё один червяк начал грызть меня ближе к ночи...

— Ёрзаешь. Что случилось?

— А если нас спросят, спали ли мы в одной постели? — решилась я.

— Думаю, от беременной на таком сроке никто этого не ждёт. Но поскольку вряд ли, если дойдёт до разбирательства, будет упоминаться дата... — Рейн усмехнулся. — Не беспокойся.

Поздно вечером, когда я уже легла, он постучался ко мне в дверь. Со своими подушкой и одеялом. Скупо улыбнулся уголком рта:

— Чего не сделаешь для ближнего?

Устроился на кровати с краю, повернулся ко мне спиной:

— Спокойной ночи, Сита.

— Спокойной ночи, Рейн.

Я завозилась, устраиваясь поудобнее. На спине спать было плохо, на животе — невозможно, а вот калачиком на левом боку — вполне приемлемо. На другой стороне кровати тоже задвигались. А потом я почувствовала, как с меня тянут одеяло. Вцепившись в угол у груди, зашипела...

— Не волнуйся. Мне нужен только край. Понимаешь, зачем?

Хм-м... понятно. В одной постели, под одним одеялом. А про то, что задом к заду, не касаясь друг друга, нас вряд ли догадаются спросить.

Он затих, даже дыхания не слышно. Я полежала-полежала и незаметно уснула тоже.

А когда проснулась утром, его уже не было в комнате.

Рейн оказался прав: спустя неделю мне опять пришлось предстать перед тем же самым храмовником, положив руку на чёрный ларец и молясь про себя Рианнесу, чтобы мы угадали с вопросами.

Андреас пожелал присутствовать при испытании. Стоял, скрестив руки на груди, в великолепном пунцовом камзоле, и сверлил глазами в упор. Давил. Интересно, а куда он дел Орсетту? Та, небось, рассчитывала, что после моего исчезновения освобождённый от законной коровы красавец торжественно поведёт её в Храм. Угу, размечталась...

Рейн тоже был здесь, в обычной неброской тёмной одежде. Прислонился к стене, с интересом рассматривая носки своих чёрных начищенных сапог. Потом поднял глаза на меня и улыбнулся уголками губ, словно подбадривая: «Не волнуйся, всё будет хорошо».

— По иску, выдвинутому ньером Андреасом лен Тинтари, слушается дело о признании недействительным брака ньеры Алекситы лен Ориенси и

ньера Раиндэлла лен Холта. Брак был заключён здесь восемь дней тому назад, — сообщил присутствующим храмовник. Вперился тяжёлым взглядом в меня и спросил в лоб:

— Вы спите вместе с мужем?

— Да. — Я потупила глаза и покраснела, вопрос действительно казался очень нескромным. И, сглотнув, добавила: — После заключения брака не было ни единой ночи, когда бы мы не спали в одной постели.

— Что вы имеете в виду, говоря «в одной постели»?

— Под одним одеялом...

— Вы целовались?

— Да.

— Объясните подробнее, ньера, вопрос серьёзный.

— В губы... — мой голос был еле слышен. — Муж целовал меня в губы.

— А было что-то ещё?

— Да... — вспомнила я длань на своей груди.

— Довольно, — вмешался Рейн. — Перед вами благородная ньера, моя жена. И я признаю её ребёнка своим. И да — у нас было! Ещё вопросы есть?

Андреаса у стены перекосило. Теперь он смотрел на меня не с торжеством, а с лютой ненавистью...

Наверное, священник и впрямь переступил границы дозволенного. Потому что, скривившись, кисло посмотрел на раздувавшего ноздри Рейна, на меня и произнёс:

— Ньера, покажите ладонь!

Я подняла невредимую руку.

Храмовник поморщился:

— Расследование закончено. Брак признан действительным. Предписание о возвращении младенца Андреасу лен Тинтари отменено! — и, не сдержавшись, бросил мне: — А вам, ньера, советую не бегать от мужчины к мужчине, а уважать законного мужа!

— Мы с женой разберёмся сами. — Голос Холта был холоден, как вечные льды Фризландии.

Только по пути домой я задумалась над непростым вопросом, как буду в следующий раз, придя в Храм за разводом, объяснять — вот зуб даю, что опять напорюсь на этого старого ящера в рясе! — что ни разу не спала с Рейном?

Шедший рядом Рейн вёл на поводке одного из наших волкодавов и посвистывал, глядя в небо. О чём думал он, мне было неизвестно.

Войдя домой, муж сообщил:

— Дела в Салерано практически завершены. Остальное — забота королевского Тайного приказа и службы безопасности гильдий. Взять виновных, разговорить их, вычислить тех, кто не попался в наши сети... Впрочем, без моей отмашки они делать ничего не станут. А мне кажется, что ещё рановато...

— А что со смертью твоего отца? Ты узнал, кто его убил?

— Отец расследовал это же дело. Только виновен не головорез, воткнувший нож ему в спину, а тот, кто отдал приказ. А этот человек живёт в столице. И я его найду.

— Так что ты хочешь делать сейчас?

— Дать тебе спокойно родить и оправиться от родов, — улыбнулся Рейн. — Потом, вероятно, придётся потратить несколько месяцев, распутывая то же самое, что и тут, в четырёх других портах... Ты не против немногого со мной попутешествовать?

Я захлопала глазами.

Выходит, мои собственные планы отодвигаются ещё на несколько месяцев?

Но бросить Рейна после того, как тот меня выручил, можно сказать — спас, я не могла.

Значит, подожду. Маги — долгожители, а терпение — добродетель.

Правда, оставался ещё один, чисто шкурный вопрос. У меня уже было накоплено почти триста соленов. И прежде сознание, что с каждой неделей запас увеличивается, грело душу. Но не станешь же заикаться тому, кто зовётся мужем, что он задерживает еженедельное жалование? Женам — уж не знаю почему — платить не принято.

Но с другой стороны, брак с Андреасом чётко показал, что бывает с влюбленными бессребреницами, которые стесняются лишний раз рот открыть...

Ладно, до родов потерплю. А там будет видно.

* * *

Я сидела в кресле — стул последнее время стал казаться неудобным — и рассуждала вслух:

— Десятки тысяч соленов. Одна монета весит примерно треть сэстоуна, значит, десять тысяч крепкому мужику еле-еле уволочь. А

пятьдесят тысяч — тут уже без телеги не обойдёшься. Выходит, должны быть векселя, банк, где всё это хранится...

— И это — ещё одна нить, — вздохнул Рейн. — Займёмся.

Я открыла рот, чтобы согласиться... и вместо этого ойкнула, получив душевный пинок под рёбра изнутри.

— Что с тобой? — напрягся Рейн.

— Толкается...

— Позволь потрогать?

Вопрос застал меня врасплох. Настороженно уставилась на названного мужа. Рейн фыркнул и пожал плечами. А потом повторил:

— Так можно?

Теперь, хмыкнув, плечами пожала я.

Он принял это за разрешение. И, аккуратно переместившись на ручку моего кресла, положил ладонь рядом с моей. Едва касаясь. Бережно. Неподвижно. Это он прав. Если бы начал гладить или щупать, я бы живо надавала по рукам. А так неприятно не было. Ага, вот сейчас! Накрыв его кисть своей, сдвинула влево — и вовремя! — меня снова брыкнули изнутри.

— Ничего себе! И часто так?

— Ну, не скучаю, — улыбнулась я. А что еще тут скажешь?

— Сита, сегодня был трудный день. Давай ты приляжешь отдохнуть?

В принципе, я была не против. И всё было бы совсем отлично, если бы, выходя из моей комнаты, он не бросил через плечо:

— Ты так мило покраснела, говоря о том, что у нас было...

Я возмущённо уставилась ему в спину.

Вообще, мне было не до странностей поведения названного мужа — я начала обратный отсчёт. По всем прикидкам, ходить с животом мне осталось примерно неделю. Я прислушивалась к ощущениям внутри... и боялась. Как могла, скрывала это. Но Рейн — и тут я уже смирилась — видел меня насквозь. Он даже попробовал завести разговор на тему родов и моих страхов, но я обсуждать данный предмет отказалась наотрез. Захлопнулась, как устрица. Он покачал головой и отстал.

А потом я поймала мужа на том, что тот листает медицинский справочник.

Произошло всё так. С кухни раздался грохот, вопль Бетани, потом собачий лай, и Рейн кинулся туда, уронив на пол книгу, которую обычно уносил с собой. Как выяснилось, ничего страшного не случилось, просто Хват с Рвачом поучаствовали, как могли, в приготовлении отбивных. Но я,

не прикасаясь к книге, взглянула на обложку. «Акушерство и родовспоможение». Удивилась. Зачем ему это? Беспокоится, что ли? Или интересуется прежде незнакомой стороной жизни, а я выступаю в качестве наглядного пособия?

Раз в неделю заглядывал доктор Ильери. Слушал сердцебиение малышки, советовал есть рыбу и фрукты. А ещё, погрозив мне пальцем, заявил, что сидение в четырёх стенах ньерам в тягости не на пользу. Нужно обязательно бывать на свежем воздухе, гулять хоть немного, ходить... Иначе и нервы шалить начнут, и к застою крови привести может.

Мне идея не понравилась сразу. Дома я чувствовала себя в безопасности, а вот на улице — нет. Попадись я на глаза Андреасу или тем, кто следит за делами Холта, — и что будет? Мне не отбиться, не убежать... Так что я предложенные прогулки отвергла, сказав, что неделя погоды не сделает.

Рейн укоризненно покачал головой.

И всё же он меня выманил из дома. Сказал, что сходим недалеко — лишь до ратушной площади, на которой полно охраны, а посмотреть фейерверк над гаванью *стоит* — не увижу, сама жалеть буду.

В самом начале августа Тариста ежегодно отмечала национальный праздник — День Корабля. Праздновали с размахом — в порту проводились состязания гребцов, корабли украшались флагами, в городе шли гуляния, а под вечер над морем устраивался салют. Останься я дома, и могла бы видеть из своего окна только зарево фейерверка над заливом.

Сознание, что скоро нам уезжать из Салерано, и если не посмотрю этот праздник сейчас, не увижу ещё долго, а может, и никогда, меня и подвело.

Любопытство погубило кошку. И не её одну.

Далеко решили не ходить — только до ратуши, откуда начинался зелёный бульвар с видом на залив. Договорились, что посмотрим на украшенные флагами и огнями корабли в гавани и салют — а потом тихонько пойдём домой. Собак не взяли — в праздничной толпе, где каждый третий был неадекватен и под градусом, псы сошли бы с ума. Или свели бы с ума нас. Или так и эдак.

Я надела купленный мне мужем лёгкий голубой, расширяющийся от плеч плащ. В таком наряде, да ещё с широкой юбкой, я смотрелась просто очень-очень солидной ньерой и не более того. Щадящий самолюбие фасон, ага.

Холт, как обычно, был в тёмном. Лето — не лето, праздник — не праздник — а вечно он выглядит как собственная тень. По контрасту с обожавшим выставлять себя напоказ и гордившимся своей внешностью Андреасом смотрелось забавно.

Из дома вышли, когда небо на западе только-только перекрасилось из дневного голубого в золотистый закатный. А вернуться мы собирались с началом сумерек, до темноты.

Я опёрлась на руку мужа, и мы не спеша тронулись по улице в направлении к ратуше. Если честно, я была рада прогулке. Ничего, скоро рожу и ка-ак загуляю!

На ратушной площади толпился празднично одетый народ. У помоста, где бесплатно разливали красное вино из бочек, творилось что-то несусветное. С другого конца площади, от балаганного шатра, доносились взрывы хохота. Я любила кукольный театр и не отказалась бы посмотреть, как мельникова дочка обдурила короля, приехав к нему в гости в рыбачьей сети на козле верхом. Не важно, что наяву представить себе такое было затруднительно, — в сказке это смотрелось очень и очень забавно.

Пока пробирались туда, рассказала Рейну, как читала на стене ратуши объявления о приёме на работу. Со своими комментариями. Тот фыркнул, улыбнулся.

— Твоё показалось мне самым безобидным. — Покосилась на него и добавила: — А зря!

Он снова фыркнул.

Увы, на мельникову дочку поглядеть не удалось — в кукольном театре шла пьеса о трёх купцах, решивших снарядить один общий корабль. И о том, какая неразбериха из этого вышла... Особенно меня позабавила бочкообразная кукла с рыжей бородой торчком, отвечавшая на абсолютно любую реплику собеседников вопросом: «А сколько это даст прибыли?» Хохочущая толпа скандировала хором вместе с жадным купцом.

— Пошли, скоро начнется салют, — Рейн, проталкиваясь вперёд, потянул меня за собой прочь из толпы. — Зря мы сюда влезли...

Я двинулась следом, крутя головой. Странно, поначалу вокруг было много женщин, а сейчас вокруг стеной стояли одни мужики. Ускорила, спеша за мужем, шаг. И не среагировала вовремя. Просто, продолжая смеяться, совсем-совсем не была готова к тому, что случится. Меня сильно толкнули в спину, а потом что-то ударило по голове. Чувствуя, как подгибаются ноги и темнеет в глазах, попыталась крикнуть, предупредить Холта — но не успела. Мелькнула, опускаясь на голову мужа, волосатая ручища с зажатой в кулаке свайкой, а потом всё исчезло. Последним, что

почувствовала, были подхватившие меня неласковые руки.

Глава 6

У некоторых мужчин женщины счастливые. У остальных они сильные.

— Что делать с бабой? Она, оказывается, на сносях.

— Свяжи покрепче!

— Руки за спиной я ей скрутил. Кляп в рот запихнул. А ноги тоже? Если связать — ей совсем плохо будет. Давай просто верёвку к кольцу в стене прицеплю, пусть сидит — куда она денется до утра?

— Чего паришься, жалеешь? Всё равно ей рыб кормить. Она только и нужна, чтобы этому хмырю язык развязать.

— Сэд, хочешь, сам ей ноги связывай. Говорю — к стене я её привязал.

— Ноешь и ноешь... — бас говорящего звучал недовольно. — Ладно, мужика связали, дверь — кашалоту не вышибить, пошли праздновать. А утром вернётся хозяин — пусть сам разбирается. Мы своё дело сделали.

Хлопнула закрывшаяся дверь.

Я терпела боль в вывернутых плечах и молчала. Моя главная драгоценность — живот — я чувствовала это — цел, на месте. А всё остальное — ерунда. Сейчас я предупреждена и не оплошаю — главное не спешить. Только темно так, что хоть глаз выколи... Вот бы знать — где Рейн? Если сказали, что я нужна, чтобы развязать ему язык, значит, жив. Но где? Пожевала запихнутую в рот тряпку — даже голоса не подать! Может, он тут в другом углу и валяется. Тоже с заткнутым ртом. Дрыгнула ногой — ага, хоть нога свободна... заёрзала на заду, устраиваясь поудобнее.

Прислушалась. После того, как захлопнулась дверь, стало совсем тихо. Попробовала стукнуть пяткой по полу. Камень? Наверное, погреб. В пещере двери б не было. Во всяком случае, пещер с дверями и ровным полом я не встречала.

Пока размышляла, пыталась жевать кляп.

На крайний случай оставался выход, о котором думать не хотелось. Но он был. Если не смогу ничего сделать за ночь, утром меня поведут к «хозяину» и начнут мучить на глазах у Рейна. А чтоб орала громче — вынут кляп. Того, что я — маг, они не знают. Иначе б убили сразу. А так, как только увижу Рейна, их убью я. Жаль, конечно, что девятимесечные старания дать дочке магию пойдут прахом, — но я сделаю всё, чтобы она осталась жива. Мы остались живы. Всё. Что бы это «всё» ни значило.

В темноте раздался шум. Рейн? Попробовала замычать. Ничего не вышло, только чуть не задохнулась. Замерев, стала слушать.

В дальней от двери стороне кто-то, тяжело дыша, возился. Заморгала, вглядываясь. Бессмысленно — не вижу, вокруг черным-черно.

Возня продолжалась. Что-то стукнуло раз, потом другой. Потом послышался шум, словно что-то перекатилось. Затем всё затихло. И, наконец, когда я уже чувствовала, что схожу с ума от ожидания и неведения, знакомый голос прохрипел:

— Сита, ты жива?

Я выразительно замычала и стукнула трижды пяткой по полу. Надеюсь, примет за «да».

— Пришлось повозиться, пока просунул ноги в связанные сзади руки. Давно я такого не делал. Потом вынул кляп. Сейчас приползу к тебе, жди.

Жду.

Я так и не смогла разглядеть Холта в кромешной темноте. Только иногда по его просьбе стучала пяткой по полу, чтобы дать направление. А потом почувствовала, как голова мужа боднула меня в бок.

— Сейчас попробую сесть. Или ты наклонись... выну пальцами твой кляп.

Успех операции увенчался моим облегчённым: «Тьфу!»

— Где мы, знаешь?

— Нет. Дверь тут. Похоже на погреб. А ушли до утра. Я привязана за руки к стене. Зато ноги свободны.

— Очень актуально, — в голосе мужа послышалась невесёлая усмешка. — Надо освободить мне руки.

— Как?

— Можно попробовать перегрызть веревку на запястьях. Попытаешься? Сам попробовал — очень неудобно. Хотя... Ну-ка, Сита, сейчас я подсуну тебе шею. Твоя задача — отодрать зубами угол воротника рубахи. Он пришит некрепко. Но мне самому не сделать.

— Зачем?

— Там в шве узенькая пилка. Гибкая. Вроде как для лобзика. Надо достать. Сможешь?

Чтобы сохранить магию в своём ребёнке? Смогу.

Пыхтя и сопя, придвинулись друг к дружке. Он старался не наваливаться мне на живот. Я пыталась дотянуться до его шеи. Длинные волосы, лезущие куда не надо — в основном в рот и в нос, — счастья не добавляли. От него пахло кровью. Похоже, опять голову разбили...

Наконец мне удалось ухватить зубами угол воротника. Потянула.

Рубаха поползла следом...

— Сейчас. Я могу придержать лацкан руками, а ты дергай воротник...

Хорошо иметь выбор. Вообще, выбор — главное в жизни. Будешь несчастной в запертом дворце и счастливой в хижине, если распахнута дверь. И неважно, что лучшее — вот как сейчас — это не всегда хорошее. Главное — свобода выбора!

У меня было целых три возможности. Мусолить и грызть пахнущую смолой верёвку — наверняка она не очень толстая — на толстой неудобно узлы вязать. Воспользоваться магией — зажечь свет и рассечь путы воздушным лезвием. И, наконец, делать то, что я делала, — терзать воротник, уткнувшись носом в мужину шею. Он, зажав руками лацкан, натягивал ткань рубашки.

Пришито и в самом деле было на живую нитку. Раздался треск, ткань или шов — не разобрать — поехали.

— Сита, теперь аккуратнее. Постарайся нащупать и прихватить зубами конец пилочки. Как найдёшь — тяни.

Ага. Тяните пилы зубами! Звучит-то как! Но после этой ночи, если выберемся без потерь, я тоже назашиваю во все платья чего-нибудь актуально-полезного.

— Нащупала, — сообщила я ему прямо в ухо. — Говори сейчас, что делать дальше.

Ясно, с пилой в зубах, если чего не поймёшь, уже не переспросишь.

— Вытяни. Она небольшая, чуть длиннее ладони. Потом сядь прямо. Держи крепко — если упадёт, на полу нам её не найти. И не дергайся, а то выколешь мне глаз. Я наклонюсь к тебе, зажму зубами второй конец. А потом перепилю верёвку на запястьях. Всё поняла?

А то! Ясно главное — мне не надо жевать колючую пеньку или использовать магию.

— Поняла. Делаю, жди. Как буду готова, помычу.

Вышло не сразу. Главное, ухватить надо было крепко и надёжно, а полуоторванный ворот и волосы мешали. Рейн наклонил голову, пытаясь облегчить мне жизнь.

У меня есть выбор! — напомнила я себе, дергая зубами застрявшую в воротнике пилку. Сразу полегчало.

Вытянув, выпрямилась и замычала. Мол, готова. И замерла. А то действительно в темноте мужу пилой глаз выколешь!

Он возился жутко долго. Да ещё всё время стукал рёбрами ладоней мне по носу. Я сопела и терпела, удерживая свой конец. Верёвка пахла смолой — хорошо, что зубами эту гадость грызть не пришлось.

— Вот так! — Рейн напряг руки, и я услышала треск лопнувшей верёвки. — Сейчас, подержи пилку ещё немножко. Разомну кисти, возьму её, освобожу себе ноги и тебе руки. Ты как, сильно пострадала?

— Вроде цела... — отозвалась я. Скорее бы он мне руки развязал — плечи болят так, что завыть хочется.

— Всё, я свободен. Отклонись, насколько можешь, от стенки, — я почувствовала его ладонь на плече, потом она скользнула за спину.

Но с пилкой — это он молодец! Интересно, это всё сюрпризы? Или у него ещё есть что-то, например, отмычка в ширинке? Помотала головой — видно, сильно меня приложили, если приходят такие дурацкие мысли...

Его руки делали что-то у меня за спиной. Дёрнули. Потом стало чуть свободнее.

— От крюка отцепил. Развернись немного, перепилю верёвку.

Я заёрзала, отползая от стены. И тут почувствовала это. По ногам хлынуло что-то горячее. Много. Владыка Рианнес, это что — воды? Моя дочь решила, что ей пора родиться? Ох, как же не вовремя... Но разве всё не должно начинаться с постепенно усиливающихся схваток? А если только отошли воды, а схваток нет, у меня есть всего три или четыре часа, чтобы начать рожать. Дальше всё может обернуться худо...

— Сита? — почувствовал, как я напряглась и закаменела, Рейн.

— Лопнул околоплодный пузырь, — сообщила ему мёртвым голосом.

Он выругался, звуки возни за моей спиной стали интенсивнее.

А я сидела и прислушивалась к происходящему внутри. Вот поясницу сильно прихватило. Это хорошо? Ага, и живот болезненно напрягся... Только руки за спиной очень мешают, неудобно. Уф, отпустило...

— Сейчас развязжу тебя. Больно?

— Нет.

— Лгунья. Потерпи, ещё чуть-чуть...

Пока он пилил верёвку, стараясь не поцарапать мне руки, скрутило ещё раз. Сильно. Я стискивала зубы — да, да, ночь выдалась такая, для зубов тяжёлая! — и радовалась. Потому что у меня возник план. До утра далеко, очень далеко. А я молодая, здоровая, сильная. Пусть мне теперь не сбежать, но, если успею родить, то встречу утро магиней с ребёнком на руках.

У меня снова есть выбор!

Рейн обыскал подвал. Пусто. Точнее, нашлась одна большая бочка в дальнем конце. По стеку полная. Интересно, что в ней? И дверь в противоположном. Окон нет. Ничего нет. Есть скрежещущая зубами я на

полу.

Он присел рядом, нашарил мою руку.

— Дыши. Расслабься, не пытайся напрягаться. Можешь лечь на левый бок, если так удобнее. Давай вот, мой камзол тебе под голову... И не бойся.

Потом муж сидел рядом, считая время между схватками и заговаривая мне зубы какой-то абсолютной чушью тех времен, когда он учился вместе с правящим монархом в элитном военном училище. Я не запомнила ни слова. Затем было что-то про забавные обычаи островов Физанты, где Рейну тоже довелось побывать. К этому моменту я успела полежать на боку калачиком, постоять на четвереньках, а теперь полусидела-полулежала, упираясь плечами в стену, а ступнями полусогнутых ног в мужа, и скручивало меня уже каждые две минуты. Рейн протянул мне руки, и я вцепилась в его запястья так, что наверняка завтра синяки будут. Что происходило внизу, под юбкой, было в прямом и переносном смысле покрыто мраком. Долго ли это длилось — не знаю, я потеряла счёт времени, все силы уходили на то, чтобы дышать и не орать. Ведь если кто сюда и придёт на шум — то точно не помочь...

Женщины, как гласит опыт человечества, рожают везде. В кроватях, телегах, каретах, на поле боя и вообще, где приспичило. А я — магиня, умею управлять и дыханием, и ритмами тела... неужели не справлюсь? Ма-а-ама!!! Напряглась в очередной раз...

— Рейн, что там? —казалось, внизу что-то изменилось. Разжала сведённые пальцы, отпуская его запястья. Нет, тьма сводит с ума. Плохо не представлять, что делаешь. Вот чего я таращусь в никуда? Может, задрать подол, сунуть руку и пошарить? Нет, наверное, не стоит. Тем более, руки грязнущие. И живот мешает. Хватит мужа, который пытается что-то понять на ощупь. Он же тоже ни бельмеса не видит! Гм, а я хочу, чтобы видел? Сидеть вот так с раздвинутыми ногами перед полузнакомым мужчиной? Да, сейчас это неважно... но потом я это вспомню. И уже не забуду. И неудобно рядом с ним мне будет всегда. Так что пусть не видит, так даже лучше. Ребёнку не вредно, а собственное любопытство засуну куда подальше... ох-х... опять началось! Больно-то как! Напряглась, тужась в очередной раз... и внизу, там, где под подолом возился муж, раздался плач, похожий на мяуканье.

— Я его держу! — напряжённым голосом сообщил Рейн.

— Тряпку подложи! У тебя руки грязные! — забеспокоилась я.

— Сейчас. Я забыл, что теперь?

— Она дышит?

Глупый вопрос. Если кричит — разумеется, дышит.

— Дышит, возмущается, даже брыкается!

— Пуповину перережь!

— Минуту... Подержать малышку можешь? Я достану пилку.

Взять на руки своего ребёнка? Конечно!

Протянула вперёд дрожащие пальцы, нащупывая руки Рейна, какую-то тряпку и её — мою маленькую дочку, — горячую, влажную, живую. Только надо взять надёжно и поддерживать головку, а ничего не видно...

Вправе ли я уже колдовать? Думаю, да. Теперь моя малышка уже не часть меня. А магии я накопила море...

Щелкнув пальцами, зажгла крошечный огонёк. И заморгала, ослепнув от света после кромешной тьмы.

— Предупреждать надо, — стоящий на коленях голый до пояса Рейн тоже хлопал глазами как сова, прижимая к груди закутанного в его разодранную рубашку младенца. От свёртка ко мне под юбку тянулся толстый неровный жгут.

Глупая, но такая понятная реакция — мы оба уставились на ребёнка. Я протянула ладони, бережно взяла своё дитя на руки. Да, девочка, как мне и хотелось! Солнышко моё ненаглядное!

Холт сунул окровавленную ладонь в карман штанов, вынимая узкое лезвие. Зажал пуповину в левой руке и правой в два движения рассёк петлю. Всё! Теперь я точно могу магичить!

Сейчас надо перевязать пупок у малышки и подождать последа... Интересно — который час? Прислушалась к себе — вместе с магией вернулось чувство времени, — ага, четыре утра, час Ночной кобылы. У нас ещё куча времени, можно не суетиться. Только спать очень хочется. И пить. И голова болит...

Кстати, голову я теперь могу подлечить. Удерживая дочку левой рукой, правой нащупала шишку на затылке, одновременно начиная заклинание. Да, сразу стало легче. Посмотрела вниз, туда, где из-под подола торчали ноги. Ага, живот резко уменьшился — в этом смысле полегчало тоже.

Перевела взгляд на мужа — страшный какой! — бледный, лицо и руки в крови. Здорово ему досталось.

— Рейн, ты как?

— Жить буду. Но если б я был котом с девятью жизнями, то сказал бы, что две из них в этом Салерано я оставил... Ничего... зато посмотри, какую ты красавицу родила!

— Голову сюда давай, подлечу.

— Вот теперь верю, что ты — маг, — улыбнулся он через минуту. Переполз к стене, привалившись к кирпичной кладке рядом со мной и

свесив кисти рук между колен. Повернул лицо ко мне.

— Вроде её сейчас к груди приложить нужно.

Ну да, он прав. Потянула вверх подол рубашки.

— Рейн, сейчас пятый час утра. Через пару часов за нами могут прийти... Будем ждать? — покосилась вниз, на задранную рубашку, из-под которой раздавалось чмоканье. Интересные ощущения. И приятные. Даже очень...

— Сита, ты можешь открыть дверь?

— Легко.

— А что ты способна делать с людьми?

— Оглушить, ослепить, заколоть. Я ещё не убивала ни разу, но думаю, что могу. — Сомнений в сказанном у меня не было.

— Давай попробуем выбраться по-тихому. Всё же драться с младенцем на руках — не дело. А дальше всё будет зависеть от того, где этот дом. Думаю, из Салерано нас не увозили.

— Подожди. Ещё не вышел послед, а потом нужно будет остановить кровь...

— Прислоняйся ко мне...

Прежде чем уходить, я передала Соль на руки мужу и убрала всё, что осталось на полу от нас — мокрые тряпки, пятна крови, обрывки верёвок. Маг может сотворить многое, имея кровь или другие телесные выделения, и учитель вдолбил мне в голову прочно и накрепко: хочешь жить долго и счастливо — не следи!

Закончив, подошла к двери, приложила ладонь. Замок послушно щёлкнул. Вот так!

Загасив светлячок, медленно, чтоб не скрипнула, приоткрыли дверь и прислушались. Тишина. Переступив через порог, я обернулась. Наставила палец на бочку, и та с треском лопнула, выплеснув на пол тёмную волну. Фу-у! В носу запершило. Судя по вони — перебродившее прокисшее пиво. Но если я что-то и недочистила — то эта гадость разъест и смоет всё. Что нам и нужно.

Короткий коридор, узкая каменная лестница наверх в конце. Через две дюжины ступеней ещё один коридор с деревянными дверьми с двух сторон. Понятно, подвал. Может, в этих комнатах окна есть? Заглянули, проверили. Ага, есть — под самым потолком для очень тощей кошки.

В итоге, проплутав ещё четверть часа, мы вышли через чёрный ход рядом с кухней в предрассветный сумрак. На кухне Рейн разжился большим тесаком, а я, не удержавшись, выхлебала ковшик воды — пить

хотелось нестерпимо.

Не успели ступить на мощёную плиткой дорожку, как из тени большого дерева на нас бросился рычащий пёс. Не страшно — шевельнула рукой — пусть спит... Хорошо хоть лай поднимать не стал. Видно, тоже тренирован убивать молча, как наши.

Мне сейчас было море по колено — в крови плескалась, бурлила, пела, пенилась, звенела освобождённая магия... Я даже, щёлкнув пальцами, затворила за нами на засов изнутри калитку, ведущую на улицу. Пусть думают, куда и как мы исчезли. Да и были ли мы тут вообще? Ну и влетит тем головорезам, когда они доложат о том, что нас поймали, — а в подвале не окажется ни следа пленных, только пивная лужа. Уплыли! Или вообще спьяну померещились!

Вот только где мы сейчас? Ну да, вроде город... но Салерано большой.

— Я знаю, где. Я даже был в этом особняке. Он принадлежит первому заместителю градоначальника — ньеру Сивано. Кто он — это отдельная история, расскажу тебе дома. Давай мне малышку, и пошли отсюда. Нам недалеко...

Уже рассвело, когда мы добрались до своего крыльца. Я едва ковыляла, цепляясь за руку Холта — чувствуя, что запал погас, фонтан иссяк, бобик сдох, а сама я свалюсь сейчас мешком прямо на улице, как те пьяные, которые после праздника храпели чуть не в каждой подворотне или канаве. Преимущество тёплого климата, так сказать, — где напился, там и спать завалился.

И в прихожей ноги всё-таки подкосились...

Рейн передал малышку заахавшей Бет — добрая кормилица так и не ложилась спать — ждала нас всю ночь. А сам подхватил меня на руки и понёс наверх, в спальню.

Что было дальше — не знаю.

Спала я до вечера. Открыла глаза и, вспомнив всё, встревоженно заозиралась — где мой ребёнок?

— Не волнуйся, вот она, рядом, в корзине. Дать тебе, кормить будешь?

Рейн, осунувшийся, ещё бледнее обычного, поднялся из кресла:

— Раз проснулась, пошли Бетани за доктором — пусть придёт, вас осмотрит.

— Не надо, — отмахнулась я, — всё нормально. Теперь я сама себе доктор, и получше ньера Ильери.

— Тогда не мешаю. Как покормишь — позови. Переложу её назад в корзину, и, — замялся, — нам нужно поговорить.

Я кивнула, зачарованно глядя на покрытую светлым пухом головку у своей груди. Какие кулачки крошечные... и миниатюрные пальчики с малюсенькими ноготками. Одно слово — чудо!

Чудо засопело, из уголка мягкого ротика поползла белая струйка.

А я сидела, держала её на руках и смотрела, смотрела...

Наверное, Холту надоело ждать — он постучал сам. Следом вошла Бет с подносом: стакан чая с молоком, печёные яблоки с сахарной корочкой на блюдечке и на другом — три котлеты, от которых поднимался парок. Я, вдохнув запах, сглотнула. Сейчас сама слюной капать начну!

Когда Бет унесла пустой поднос, Рейн пересел в изножье кровати. Взглянул на меня, потом, потупившись, уставился в пол и заговорил:

— Ньера Алессита, я виноват перед вами...

Вздохнул.

Ого! А чего это он вдруг перeskочил на «вы»? Вскинула на него глаза — чёрный и серьёзный, как гробовщик. Смотрит не на меня, а куда-то в пол.

— ...Я представить не мог, что на нас нападут вот так, посреди дня, в людном месте. В результате моей недальновидности и беспечности вы и ребёнок чуть не погибли. Если вы желаете развестись немедленно, я дам согласие и подпишу все бумаги...

Ничего себе! Чуть прищурилась, пытаясь рассмотреть ауру. Похоже, говорит правду. Точнее то, что считает правдой.

— ...Только оставьте ребёнку моё имя — это убережёт вас от претензий бывшего мужа. И позвольте обеспечить малышку и вас. К сожалению, больше ничем компенсировать причинённый ущерб я не могу. Единственно, когда завершу это дело, если вам будет это интересно, — могу представить вас ко Двору и помочь устроиться в столице.

И замолчал.

М-да. Если честно, я, пока кормила Соль, сама думала, как бы побыстрее развестись. Ведь в следующий раз может и не повезти. И вчера мы были на грани. Урони меня — бесчувственную — эти бандиты со ступней, пни в живот — и моей девочки сейчас не было бы на свете. Рисковать ребёнком я не стану в любом случае — пиратство там или что. В первую очередь я мать. Во вторую — хочу позаботиться о себе. И хорошо понимаю, что не в моих силах противостоять тем, кто топит целые корабли и не боится похитить королевского эмиссара.

И, тоже честно, на Холта я была зла. Здорово зла. Знал же, во что втягивает! Хотя последствий и не предвидел. И не предполагал, что могу пострадать я.

Но, похоже, сам он корил и грыз себя ещё сильнее. Вот сидит несчастный и смотрит в пол. Но как он держался в том подвале! И, если уж быть честной до конца, виноват не он один. Ведь изначально он всего-то давал переписывать мне бумаги — рыться и копаться в том, что меня не касалось, начала я сама. Не задумываясь о последствиях. Вот и получила за любопытство.

Вздохнула и соврала:

— Ньер Холт, я не в обиде за то, что произошло. — Называть его на «ты», когда он сам предложил более отстранённое обращение, казалось недопустимой вольностью. — Да, опасность была. Но я виновна не меньше вас. И всё обошлось. Кто знает, может, останься я дома, в безопасности и покое, затянувшийся срок беременности обернулся бы фатальными осложнениями?

Интересно, он так и будет в полу дыру взглядом вертеть? Рот кривится, веки опущены. Ни слова в ответ.

— Ньер Холт, скажите мне... — нарочно сделала паузу, заставляя его поднять на меня глаза, — а где вы храните отмычки?

Бо! Попала! Захлопал на меня округлившимися глазами, брови на длинном лице встали домиком. Похоже, ньер ждал какого угодно вопроса, но только не этого.

— Ещё одна пилка была во внутреннем шве штанов, а отмычки под подмёткой сапога. — И, заставив меня задуматься, зачем-то добавил: — Вторая пара.

Интересно как!

Выходит, если б его не убили сразу или не переломали обе руки, он мог бы выкрутиться сам. Верёвку на руках пришлось бы грызть, но это — не худшее из зол. Освободил бы руки, достал свою пилку, разрезал путы на ногах, открыл отмычками дверь и сбежал.

И я могла бы спастись, положив магией всех, кто пришёл бы ко мне утром. Правда, это дорого бы обошлось дочке, но живы бы мы почти наверняка остались.

А вот благополучно родить без него я бы, наверное, не смогла. Он подпирал меня, поддерживал, отвлекал, заговаривал зубы, давал силы, когда я падала духом. И, наконец, принял ребёнка на руки. За это я буду благодарна всегда.

— Дайте мне руку, — попросила его. И, поймав кисть, сдвинула манжет. Ага, правильно я запомнила. Чуть выше костистого запястья на белой коже предплечья виднелись свежие круглые синяки и полукружья ранок от моих ногтей. Видно, цеплялась я за него конкретно. А он терпел

без звука, да ещё меня успокаивал...

Замечательный мужчина! Ну почему я не вышла за такого?

Грустно улыбнулась своим мыслям. Вот как раз вышла, только не так, как надо бы. Замужем, но фиктивно. И, похоже, недолго нам осталось быть вместе...

Пожала плечами:

— Нет худа без добра. Теперь мы знаем, кто стоит во главе пиратского промысла в Салерано. Вы расскажете мне об этом ньере Сивано? И о том, что собираетесь предпринять дальше?

— Замахнуться на него нам будет сложно, — протянул Холт. — Я уже узнал, что всю ночь он провёл на балу у губернатора. Вместе с градоначальником и толпой других респектабельных титулованных персон, — прищурился и задумчиво добавил: — Сложно, но возможно. Подмогу я уже вызвал.

Интересно, как? Письмо бы отправить не успел, да и долго очень. Клетки с голубями в доме я не видела. Выходит, магическая связь. Если он — личный эмиссар короля, у него может быть зеркало, шар или амулет. Спросить? Или не лезть? Ладно, промолчу.

— Так, ньера, что насчёт развода? Скажете мне, когда решите?

Я подняла на него глаза.

— Ньер Холт, можете ответить мне абсолютно честно на один вопрос?

— Постараюсь.

— Хорошо. Скажите, вы сами хотите со мной развестись?

— Да. Вам оставаться рядом опасно. — Замолк. А потом вдруг уставился мне в глаза и выдохнул: — Вы хотите честного ответа, ньера? Тогда — нет!

— Спасибо. Отвечаю, ньер: я решила. Я остаюсь с вами, пока мы не завершим это расследование. Теперь я сама могу защитить и себя, и дочь, и даже вас. И, кстати, вылечить лучше, чем этот бестолковый ньер Ильери. Пересядьте ближе — хочу посмотреть вашу голову.

Холт покосился на меня, коротко кивнул... и фыркнул. А потом переместился на край кровати почти к подушке.

Аккуратно разбирая вороные пряди пальцами, покачала головой.

Продешевила.

Надо было сказать не «один вопрос», а «несколько вопросов». А как теперь узнаешь, зачем я ему сдалась? А ещё интереснее спросить у себя самой — почему меня это вообще волнует? Я же вроде хотела после родов вернуться назад, в семинарию, к учителю?

— Вы ёрзаете, ньера.

— Да. Хочу знать, а почему вы не хотите разводиться?

— Это уже второй вопрос.

Вот так я и знала!

Но тогда ладно. Неприятно об этом говорить, но придётся — на мне и за мной — ребёнок.

— Ньер Холт, у меня есть ещё один вопрос. Я так понимаю, что у нас с вами деловое сотрудничество, верно? Я хотела бы поговорить о своей оплате.

Он снова фыркнул. Как мне показалось, недовольно.

— Сколько вы хотите, ньера?

— Немного. Сорок соленов в неделю.

Я занизила сумму — сама я могла бы, делая в неделю по паре средних по сложности заказов — например, заколдовав дом от пожара или вылечив больного средней тяжести, — получать второе больше. Но тут у меня был кров, защита от бывшего мужа с его претензиями, долг перед Холтом... и интерес.

По моим прикидкам, с тем, что у меня уже есть, и тем, что получу за пару ближайших месяцев, получится достаточная заначка, чтобы начать свободное плаванье не с нуля.

— Хорошо.

Сказал, как отрезал. Встал, вышел из комнаты. И через несколько минут постучал в дверь снова.

— Ньера Ориенси, вот ваша оплата за последние три недели, — кинул кошелёк мне на кровать и, не прощаясь, вышел.

Наверное, я и в самом деле его разозлила, раз по фамилии называет.

Хотя пусть сердится, сколько влезет. Важнее не остаться на улице без денег с малышкой на руках.

Глава 7

Кто утверждает, что деньги могут сделать всё, вполне вероятно, сам может сделать всё ради денег.

Б. Франклин

Через три дня я решила, что могу встать на ноги. В принципе, я бы оправилась и быстрее, но наш ночной марш-бросок сразу после родов вызвал новое кровотечение. Я подлечивала себя магией, но в меру — лучше, когда выздоровление происходит естественно.

Телоказалось непривычно лёгким. Только почему-то присутствовало ощущение, что конечности превратились в вареные макароны. Потыкала пальцем в живот — пустой и мягкий. Бrr! Интересно, залечь в ванну, поплавать — это разумная мысль? Наверное, пока не очень. Вздохнув, решила ограничиться душем с головомойкой.

А ещё я каждые пять минут подходила, чтобы заглянуть в корзину, где спала моя крошечная дочка. Солнышко просыпалась, только чтобы поесть — отсутствием аппетита моё дитяtko не страдало. Распахивала голубые глаза — взгляд был ещё туманным, несфокусированным — и улыбалась. Интересно, когда подрастёт, глаза по-прежнему будут голубыми, как у Андреаса, или станут как у меня — серыми? Мне бы хотелось, чтобы внешностью она пошла в отца — пусть от него хоть что-то хорошее достанется.

Холт заглядывал пару раз в день — рассказать новости. Задерживался ненадолго, держался скованно, и мы снова были на «вы». Ньер, ньера...

Зато Бетани забегала при любой возможности — поболтать, поахать над колыбелью, просто посидеть рядом. Принесла старые мягкие простыни, из которых получились отличные пелёнки, и где-то на чердаке даже разыскала игрушки. Правда, те были не для младенцев — до коня-качалки Соль дорастёт ещё не скоро.

В свободное время — то есть когда я не дрыхла, как садовая соня зимой, и не кормила малышку — думала. Основным вопросом было: а зачем Холт вообще пустил меня в дом?

Выходило так. Во-первых, поговорив со мной, он убедился, что я точно не имею отношения к его врагам. Разругавшаяся с мужем магиня в тягости — такого нарочно не придумаешь. Одно это многоного стоило. Во-

вторых, маги в среднем заметно умнее и образованнее прочих граждан. Сама профессия требует эрудиции, хорошей памяти и дисциплины ума. То есть в качестве клерка и секретаря я наверняка бы подошла.

Но и это не всё. Было ощущение, что Холт пытался втянуть меня — и успешно втянул — в свои дела. Спрашивается, какова вероятность уговорить хорошего мага заняться — причём с риском для жизни — сыском? Правильно, нулевая. Разумный маг пошлёт куда подальше прямо с порога явившегося к нему с такой инициативой что эмиссара, что комиссара. И будет прав. И никак ты на этого мага не повлияешь и не надавишь. Ибо он совершенно не обязан лезть, куда не нравится. А тут к тому самому эмиссару магиня сама пришла и на службу попросилась. И неважно, что без магии. Он же знал, что это — временное и магия вернется. А теперь я, несмотря на незапланированные роды в чужом подвале, чувствовала себя обязанной. Ведь, как ни крути, но Холт помог... Выходит, я должна расплатиться.

И последнее, совсем уж непонятное. Он заключил, чтобы меня выручить, брак. Я бы решила, что цель этого, как и у Андреаса, привязать полезную перспективную меня покрепче. Но были детали, которые в эту картину рационального прагматизма не вписывались... И именно они тревожили больше всего.

Хотя нет. Это не последнее. Последним было то, что я поняла, что очень хочу знать, чем закончится эта история. И если Холт дал слово, что отпустит меня, как только я о том попрошу, и у меня есть выбор, то почему бы не задержаться ненадолго, не помочь и не узнать?

Новости были такие. Два дня назад с ночным приливом на рейд встала дюжина кораблей королевской военной эскадры. И одновременно в редколесье у южной окраины возник палаточный лагерь — под предлогом проведения учений прибыли два полка кирасир.

Холт прокомментировал это по-другому:

— Лошадь всё же выбежала из конюшни... Жаль, но сейчас просто делаем, что можем.

— А что можем? — полюбопытствовала я.

— Не так мало, — недобро прищурился Холт. — Ваша любимица «Чайка» уже сорвалась с рейда. И не она одна.

— И?

Разве хорошо, что шхуна, замешанная в пиратском промысле, уплыла невредимая со всей командой на борту?

— Что и? За Сигнальным мысом поджидала вторая эскадра — прямо в

её горячие объятия «Чайка» и влетела. Вышло интересно — в плаванье на корабле собрался известный вам ньер Ярит, а в каюте у него нашли шкатулку компромата на подельников — похоже, так ньер страховал свою жизнь. А кроме того, прикиньте, как удачно, — не надо обшаривать все таверны и злачные места, вылавливая матросов. Те сами собрались в удобную для ареста кучу. И, наконец, о том, что «Чайка» и ещё два корабля попались, никто не знает — с берега-то этого не было видно!

Ух ты... И в самом деле умно. И так не будет волнений или боёв с головорезами в городе, никто из мирных жителей не пострадает.

— А этот? Как его, ньер Сивано? Что с ним?

— Он тоже был арестован — моего слова и влияния хватило. В первый же вечер его навестили несколько очень влиятельных друзей — принесли еду из хорошего трактира и свежее бельё. Потом зашёл адвокат с бумагами. Ещё побывала какая-то дама под вуалью. А утром ньера обнаружили мёртвым. Врач написал в свидетельстве о смерти, что не выдержало сердце. Вот так.

Я вздохнула. Похоже, нить оборвалась... Точнее, её оборвали.

Но, если вдуматься, было бы куда хуже, если б этот Сивано — живой и обозлённый — оказался на свободе.

— Всех сообщников, о ком мы знаем, — продажных таможенников, купцов, одного банкира, пару скупщиков драгоценностей, — замели. Пригрозили виселицей — сейчас они рассказывают, кто что знает, наперебой. Беда в том, что круг их сведений ограничен Салерано. То есть в следующем городе придётся начинать заново.

Встал, подошёл к двери:

— Планируйте переезд через неделю. Как, успеете оправиться?

Кивнула.

Успею.

Как только я поднялась, начала магичить. Сначала постаралась, насколько смогла, обезопасить дом. Объяснила Холту, что именно хочу сделать. И почему. Причина была проста — мы-то уедем скоро в другой город, а вот тётушка Бет останется тут. Так пусть у добродушной женщины всё будет хорошо. Заклинания защиты от огня, от сглаза, от чужой магии я знала назубок. Когда закончила, чуть не упала... Хватит, до завтра не колдую — только сплю! Но теперь пусть кто-то силы моего экс-муженька попробует сюда сунуться — не выйдет ничего, а по носу крепко получит!

А вот дальше я споткнулась. Для воплощения задуманного нужны были мои книги. Те самые, которые остались в доме мужа. Надеюсь, у Андреаса хватило ума и жадности их не выбрасывать и не трогать. Тронул

— клянусь! — навеки лысым сделаю!

Холт застал меня, когда я, сердитая, как мокрая кошка, металась по комнате, собираясь нанести визит бывшему. Ни одного приличного платья! Одно старьё с тёртыми локтями времён семинарии! Ну и пусты! Ничего. На платья заработкаю. А как он на меня посмотрит — мне наплевать. Иду не шуры-муры разводить, а забрать своё!

— Я пойду с вами, ньера, — тон названного мужа отказа не предполагал.

— Сама справлюсь.

— Нет. Одну я вас не отпущу.

— Я не спрашиваю разрешения, мне нужны мои книги, и я их возьму. И помочь в этом мне без надобности.

Хватит с меня мужчин. Этот тоже... сначала: «Рейн, Сита...» А потом вожжа под хвост попала — и снова стал ньером Холтом. И точка.

— Умная женщина и здравомыслящая женщина — это две разные женщины, — задумчиво произнёс Холт, глядя в потолок.

— Аа-а?! — не поняла я.

— Вы умная. Но здравого смысла — увы... Вот придёте вы одна, и бывший тут же решит, что со мной вы расстались. Ибо какой муж отпустит свою жену одну в дом к другому мужчине? И что сделает ваш экс-хлыщ? Правильно, галопом поскакет к знакомому нам храмовнику за очередным предписанием... Второй резон — вам нужен свидетель, что при посещении дома бывшего супруга вы не кидались на него с ножом, не вредили имуществу, не устроили поджог и не украли столовое серебро... Продолжать надо?

Вздохнула — ведь прав по обоим пунктам.

— Хорошо, ньер Холт, я готова. Идёмте? Кстати, серебра у нас не было.

Если ему не стыдно ходить по улице с облезлой мной в старом платье и если он спокойно относится к запаху рыбы... Ну, умный мужчина и мужчина без странностей — это два разных мужчины.

Знакомая вымощенная брусчаткой тихая улица. Знакомый дом на переломе подъёма. Ничего не изменилось. Пропали только горшки с геранью, раньше стоявшие около крыльца, — а так всё то же самое. Сердце кольнула тоска — как я радовалась, когда этот двухэтажный особнячок стал нашим! Сколько труда вложила, приводя в порядок переплёты окон, делая ремонт внутри. Старалась сэкономить каждый солен. Даже черепицу на

подтекавшей вначале крыше ремонтировала сама. И руками, и магией. Вила гнездо с усердием весенней птицы. И вот теперь этот дом больше не мой.

Достала из кармана ключ. Поднялась по ступеням, прижала плечом дверь. Холт молча ждал за спиной. Кстати, через город мы шли рядом, а не под руку, как положено супругам. Он не предложил, я не стала набиваться.

Ключ не хотел лезть в скважину. А когда я его все-таки исхитрилась запихнуть, не пожелал поворачиваться. Что такое? Экс-гад сменил замок? Ну, ладно. Приложила ладонь к латунной пластине, сосредоточилась, пробормотала пару слов. Механизм послушно щёлкнул, отпираясь. Вот так!

Распахнула дверь... и поморщилась: из тёмной прихожей тянуло почти неуловимым ароматом протухшой мирены.

Вот это да! Прошло же четыре месяца с лишним! Уж мог бы сподобиться и всё вычистить! Или припахал бы свою Орсетту. Пусть узнает, что к постельным обязанностям жены прилагаются другие — поломойные.

Ладно, задерживаться тут надолго я не собираюсь.

— Чем это так несёт? — вежливо осведомился Холт из-за спины.

— Миренья.

— Миренья?

— Да, миренья. Любимая рыба мужа.

Холт фыркнул.

Ничего, потерпит. Я его с собой не звала.

Не задерживаясь и не оглядываясь, прошла через гостиную к лестнице на второй этаж. М-да, тут амбре ещё духовитее. Может, подсказать бывшему — пусть хоть всё молотым кофе посыплет? Запах кофе — самый сильный из всех — перешибёт даже рыбный.

Я легко нашла четыре книги из моих пяти — два семейных гrimuara и пару учебников по стандартным заклинаниям. Но куда делся справочник по целительству? Он был мне нужен, и очень... Редкое академическое издание, по деньгам тянет соленов на двести-триста. Это если ещё найдешь, где купить.

— Что-то ищете?

— Да одна из книг пропала...

Вот куда он её дел? Может, взял почитать? В смысле — изучать? Ведь зарабатывать надо. Значит, придётся зубрить самому... А где бывший у нас любил читать? Вечерами, лёжа в кровати. Ой, не хочу я заходить в спальню... но, похоже, придётся. Оглянулась на Холта. Тот с неким

скепсисом на лице рассматривал полки. Повертел в руках длинную пожелтевшую кость. Фыркнул, положил на место. Протянул руку к одному из хрустальных шаров, отвесил несильный щелбан. Похоже, понимает, что всё это — чистой воды бутафория и показуха. Быстро до него дошло. А мне понадобился целый год, чтобы разобраться.

У двери мужиной спальни я замялась. Почему-то оказалось страшным открыть дверь. Сморщила нос и распахнула рывком. Уф, никого! Только неубранная постель и ворох одежды на спинке кресла. Ага! А вот и то, что мне нужно, — мой том в коричневом кожаном переплете, лежит распахнутый на тумбочке корешком вверх. Ну кто так книги кладёт? Есть же закладки!

Сунув раритет в большую холщовую сумку, поспешно вышла из комнаты, убегая от резанувшего по нервам запаха знакомого одеколона. Все-таки мне ещё больно...

Ладно. Сюда я больше не вернусь. Надо подумать, ничего важного не забыла? Если не могу вспомнить, наверное, нет. Значит, можно уходить. То, за чем пришла, я получила.

Проходя мимо дверей кабинета, бросила Холту:

— Уходим!

— Нашли всё, что хотели?

— Свои книги. Это главное.

— Помочь донести?

Я захлопала глазами. Это он чего? Рыбой так надышался, что в голове помутилось? Сумка у меня одна, отдавать — так всё целиком. А мои тома тянут стоуна на три-четыре. Можно, конечно, облегчить себе жизнь — пусть тащит, — но мудро ли злить того, на кого работаешь и от кого сейчас зависишь?

— Спасибо, не стоит.

Холт промолчал.

Всё же мы столкнулись с Андреасом. Почти внизу улицы Трёх Жемчужин, когда я уже расслабилась и радовалась, что удалось избежать и неприятной встречи, и выяснения отношений.

Он вывернулся из-за угла прямо перед нами. В клюквенном нарядном камзоле, шляпе с роскошным белым пером. Увидев нас с Холтом, сбился с шага. А потом заступил дорогу.

— Сита, ты что здесь делаешь? И... — подозрительно уставился на выпиравшие из сумки углы книг, — ... что ты несёшь?

— Забрала свои книги, — посмотрела я ему прямо в глаза. — Только

свои.

— Ты не имеешь права!

— Они были моими до свадьбы, тому есть свидетели.

Ох, опять он нападает, а у меня не находится подходящих слов, чтобы его осадить...

Холт сделал шаг вперед, вклинившись между нами.

— Касательно прав, молодой человек. Что произошло с наследством моей жены, которое она получила от матери?

Лицо экс-гада стало даже не злым, а злобным, разом растеряв всю красоту. Андреас прищурился. Не на Холта, на меня:

— Так ему нужны твои деньги, да? Я так и думал. Кому надобна такая фриgidная дурнушка за просто так? Кстати, что ж супруг тебя ни одним новым платьем не осчастливал? Не заработала? Узнаю старую синюю тряпку семинарских времен...

Договорить он не успел — кулак Холта с хрустом впечатался в Андреасову челюсть. Тот взмыл и шлёпнулся на задницу. Холт протянул мне руку, одновременно переступая через ноги поверженного экс-поганца.

— Пойдём, Сита!

Я заколебалась. В первый раз в жизни из-за меня кто-то кому-то набил морду, и я не была уверена — нравится мне это или нет. Взглянула на трясущего головой экс-гада. Да! Пожалуй, всё же нравится!

Опёрлась на протянутую длань, переступая через бордовый замшевый сапог бывшего.

Следивший за нами Андреас начал поднимать руку. Пальцы засветились синим...

— Только посмей! — сощурилась на него я. — Лысым навек сделаю!

Рука упала на колени.

Надеюсь, больше мы никогда не встретимся.

Я шла прочь по улице и думала о том, что Андреас — а он же видел, что живот у меня пропал! — ничего не сказал, даже не спросил о своём ребёнке. Ему было всё равно...

— Сита, у тебя такое лицо...

— Всё в порядке, ньер Холт.

— Не в порядке. Тебя задело то, что он сказал? Завтра же сходим к портному, закажем платья.

— Нет. Сейчас мне нужно зайти в ювелирный. По пути есть два.

Холт озадаченно замолчал.

А я не собиралась ему объяснять, что собираюсь делать. Теперь, когда

книга с нужным заклинанием у меня, я могла наложить на себя и дочку связующие чары. Я всегда буду знать, где находится моя девочка и всё ли с ней хорошо, а она станет чувствовать, в какой стороне я. Но для этого предстояло потратиться, и серьёзно. Так что денег на глупости вроде платьев у меня в данный момент не было.

Я попросила Холта подождать меня около магазина. Если зайдём вместе и продавец решит, что я выбираю подарок, оплатить который собирается спутник, — сдерёт втрое. А с одинокой женщины много не возьмёшь — только справедливую цену.

За длинную витую золотую цепочку и пару янтарных серёжек, которую я нашла во втором ювелирном, пришлось отдать сто пятьдесят соленов. Много, очень много. Но это была необходимая трата.

Домой я добралась уже совсем без сил. Всё же после сидения в доме такие пешие концы через половину города — это утомительно. Холт посмотрел на меня и фыркнул в пространство, что де он предлагал нанять экипаж — а я не захотела. Да, не захотела. Он сам провёл между нами грань. И брат у него деньги, вынуждать что-то на меня тратить — зачем мне такое? Наверное, если б я оставалась Ситой, то согласилась бы. Но раз я стала ньерой Ориенси, то буду вести себя как ньера Ориенси. Стеснённая в средствах, но самостоятельная.

Отнесла книги к себе в комнату. Вынула из сумки. Поставила стопкой на комод у стены — красота-то какая! Правда, полюбоваться плодами похода в тылы врага мне не дала дочка — Соль проголодалась, о чем и возвестила из недр своей корзинки. Я, торопливо повторяя на бегу: «Сейчас, маленькая, сейчас...», порысила в ванную, мыть после улицы руки и всё остальное.

Ещё через час, когда сытая Соль, мяукнув и срыгнув мне на плечо на прощание, уснула прямо у меня на руках, я задумалась — за что хвататься? На всё сразу сил не хватит. Но начну с Соль — она важнее всего.

— Ситочка, иди обедать, ты ж с утра голодная, — заглянула в комнату тётушка Бет.

Ох, как сказала, так в животе заурчало. И вправду есть хочу!

За обедом Холт сидел с прямой спиной, вилка в левой, серебряный нож в правой, и со мной не разговаривал. Я тоже молчала. Мы не болтливые, да.

К ночи я приготовила всё потребное. К ночи, потому что была женщиной, магиней. Почему-то у магов мужеска полу самые сильные заклятия выходили ясным днем. Считалось, что лучше всего колдовать в

полдень дня Летнего Солнцестояния. А вот магиям принадлежала ночь. И ещё — удачно! — сейчас было полнолуние. Объяснить понятно, чем полнолуние лучше новолуния — ведь разница только в том, освещена или нет обращённая к земле сторона Луны, сама-то Луна никуда не пропадает, она так и сяк на месте! — никто толком не мог. Но работало. Как кто-то сказал, если это глупо, но работает, значит, это не глупо.

Вообще, магия — хоть и наука, но странная. Вот написано в гrimuare «две шерстинки из хвоста трёхцветной кошки» — и побежиша искать пёструю кошку. Хотя ясен пень, две волосины трёх цветов заведомо быть не могут. Но если выдрать их из двухцветной — заклинание не сработает.

Сейчас я поделила купленную золотую цепочку на два неравных отрезка. Это было важно — не две разные цепочки, а именно части целого. К каждой приложила по янтарику из серёжек — камни я выбирала очень внимательно, чтобы были одного оттенка, от одного куска. Потом аккуратно срезала у малышки с головы несколько лёгких, как пух, светлых волосинок. А у себя из-под массы волос на затылке, там, где не видно, целую прядь.

Пока возилась — подошло время. Теперь — самое сложное.

Раскрыла бабкин гrimuар на нужной странице. Буквы словно горели, подсвечиваясь изнутри. Причем такими их видела только я. До меня — моя мама. После так будет видеть Соль. А вот для посторонних, даже магов, страница казалась серой и пустой...

Итак кладу на позаимствованный у Бетани серебряный поднос две похожие стопки: янтарь, волосы, сверху свёрнутую в спираль цепочку. Протянула руку к своей кучке. Воздушным лезвием кольнула безымянный палец — семь капель крови, ага, сделала! Теперь Соль... Улыбнулась, глядя, как малышка причмокивает во сне — всего несколько дней, а уже научилась тянуть пальцы в рот! Было жаль, безумно жаль ранить собственное дитя. Но так нужно. И крови-то от неё надо только три маленькие капельки. Вот так. А потом я подую — и всё пройдёт. Спи, любимая, не плачь.

Ну, кажется, готово! Встав рядом с подносом лицом на восток, начала читать вслух слова из книги:

— Синат киршатт ордис пирит, соадли дарн риднтшэфари...

Я чувствовала, как вокруг сгустилось напряжение. А затем обе кучки на подносе вспыхнули не рыжим или жёлтым, как обычно, а ярко-красным, оттенка крови, пламенем. Поплыл запах пылающего янтаря, заглушая вонь сгорающих волос... Сила лилась из меня мощным потоком — а потом пламя исчезло. На блестящем подносе лежали две сверкающие цепочки.

А ещё я услышала, как кто-то стучит снаружи в запертую дверь.

— Ньера Алессита! Что происходит?

Холт? И что его принесло посередь ночи? И — вопрос вопросов — почему? Таз я не роняла, демоны тут не завывали — всё тихо, вон Соль спит себе и спит...

— Сейчас, ньер Холт.

Переставив поднос на комод к книгам, запахнула пеньюар и отворила дверь.

В коридоре стоял босой лохматый Холт в белой длинной рубахе и торчащих из-под неё серых свободных портках до середины икр. Зато с мечом в руках. Очень мило! Оглядел меня с головы до ног и повторил:

— Что происходит?

— А что происходит? — решила я свалить дурочку.

— Ньера, не играйте со мной. Что тут было?

Выходит, он чувствует магию. Но при этом сам не маг. Вроде бы не маг...

— Ньер, заходите. И я отвечу на ваши вопросы, если вы ответите на мои.

Он кивнул.

— Ньера Холт, да, я колдовала. Сотворила первую часть волшебства, чтобы защитить своего ребёнка. На сегодня это всё. На вторую половину у меня просто сил не хватит. Сделаю завтра. А теперь ответьте мне — вы чувствуете магию? Как маг? Или вы и сам маг?

На его лице отразилось что-то сложное. Казалось, он решает — ответить мне или пропустить в своей манере вопрос мимо ушей.

— Моя мать была магом. Довольно сильным. Но ей, когда она ждала меня, пришлось колдовать. Чтобы я мог остаться в живых. Так что у меня магии — кошачьи слёзы и мышиный хвост, — грустно пошутил он. — Но магию рядом, тем более настолько мощную, я чувствую.

Замолчал. Потом посмотрел мне в глаза:

— Это одна из причин, почему я захотел помочь, когда узнал, кто вы такая.

Ох! Такого ответа я не ждала... Лишенец. Маг почти без магии. Знать, что ты мог что-то иметь по праву рождения... да вот, не срослось. Но при этом протянуть руку и помочь, чтобы с кем-то другим не произошло того же самого.

Этого ничем не исправишь и никак тут не утишишь. Я никогда не слышала, чтобы к прирождённым лишенцам возвращалась магия. Если

случалось так, что маг надорвался, перегорел, — у него ещё была надежда. Но если уж сложилось, что младенец лишился магии в материнской утробе... эх-х... Потому-то я так и берегла свою Соль.

Холт присел в кресло, поставил меч рядом и покосился на книги.

— Расскажете мне, что хотите сделать до отъезда из Салерано?

— Много чего, — улыбнулась я. Сейчас он выглядел не таким чопорно-отстранённым и высокомерным, как обычно. — Только всё растяняется на несколько дней...

— А поподробнее?

— Завтра ночью закончу то, что начала сегодня, — вдаваться в подробности, что именно задумала, я не хотела. Ни к чему. Это наше с Соль дело. Не нужно посторонним знать, что на ней стоит маяк. — А днём полистаю медицинский справочник. Там есть большой раздел о глазных болезнях. Может быть, выйдет хоть как-то помочь Бетани.

— Хорошо, — кивнул Холт. — Если справитесь, оплачу вам это отдельно, как стороннему специалисту.

Открыла рот, чтобы возразить... и закрыла. После сегодняшних трат денег осталось не так много. А честный заработок — не стыд.

— Что ещё? — поинтересовался муж.

— По работе — увидите. Не будем забегать вперёд. А ещё хочу всё же заставить блестеть эти чёртовы люстры!

Холт качнул чёрной головой и усмехнулся. Поднялся.

— Раз проснулся — спущусь на кухню. Вам пирожков принести, ньера?

Подумала и кивнула.

Глава 8

Суть добра — попросту в удовлетворении спроса.

Дж. Уильям

Следующей ночью я снова разбудила Холта. Вторая часть заклинания была ещё навороченнее первой и выжала меня досуха. Нужно было надеть зачарованные цепочки на шею мне и Соль, а потом вбухать магию до последней капли, зачитывая абраcadабру из бабкиного гrimuара. Соль я держала на руках — в момент сотворения этого волшебства физический контакт, чем теснее — тем лучше — был необходим. Дочка будто поняла — помогла: присосалась к груди, прижавшись всем тельцем. Здорово, только отвлекает...

Но я справилась! Когда закончила — цепочки на наших шеях исчезли. Пропали, словно их и не было. А связь от них перешла на нас. Для проверки я положила Соль в корзинку, зажмурилась, раскрутилась на пятке, прислушалась к себе и ткнула пальцем в пространство. Открыла глаза — да, перст указывал на колыбель! Вышло!

От истощения вело... Захохотав, как баньши, раскрутилась с закрытыми глазами ещё раз — и, не удержав равновесие, села на пол. Зевнула. Спа-а-ать хочу до смерти... Надо мне лезть на кровать или и на коврике хорошо? Тепло, лето...

— Ньера! Ньера! Сита!!! Да очнись же, что с тобой?!

А этот что тут делает?

Махнула рукой, съездив пятерней работодателю по носу. И брыкнулась, когда меня, схватив в охапку, загрузили на кровать.

— Спасибо-о... — зевнула ему в лицо, натягивая на уши подушку.

— Беда ходячая, — вздохнул Холт.

Впрочем, к утру я уже не была уверена, что Холт мне не приснился. За завтраком тот сидел как обычно: подтянутый, чисто выбритый, одетый в тёмное, лаконичный. Даже, точнее, бессловесный. Кивнул головой — и всё.

Доеv, щёлкнул пальцами.

— Ньера Алексита, есть разговор. Жду вас в комнате.

Я поперхнулась — ну что там ещё сдохло?

Оказалось, что он всё же вознамерился пошить для меня новые платья.

Ну, вот зачем? Для дороги у меня есть пристойное саржевое, кофейного цвета. Подновлю магией, пришью свежий белый воротничок — и сойдёт. А по приёмам я дефилировать не собиралась. Меня наняли для работы с бумагами, анализа данных, ну и магии. Так на кой мне туалеты? Или его всё же задел упрёк, брошенный Андреасом?

— Ньера, это не обсуждается. Это не для вас — для меня. Пока вы числитесь у меня в жёнах... — Я поперхнулась от такой формулировки — вот так новый речевой оборот: «числиться в женах»! — ...Извольте выглядеть так, чтобы не ронять мою репутацию. — Поднял руку, пресекая возражения. — Считайте эти платья формой. Ведь гвардейцы сами себе мундиры не шьют? — И припечатал: — Мы идём к портному через час.

Блин! Ещё один командир нашёлся.

До ателье на большой торговой улице, начинавшейся от ратушной площади, снова шли пешком.

По дороге Холт рассказал о том, что расследование в Салерано продолжается. Перехватили в море ещё пару шхун с командами. Названия были мне знакомы — «Синелья» и «Меч-рыба». Замешанные в пиратстве матросы — в зависимости от степени вины — или повиснут на рее, или отправятся на рудники в колонии. И началась конфискация имущества коррумпированных чиновников. Причём ни причины, ни масштаб операции особо в тайне не держали — теперь, посмотрев, как особняк соседа пошёл с молотка, а сам сосед отплыл за море без обратного билета, любой крепко задумается, прежде чем соваться в подобный незаконный промысел. А гильдии — и купцов, и страховщиков — были весьма довольны. Выручка от конфискованного покроет часть убытков, а в море станет немного — но безопаснее.

— О вашем участии не знает никто. Я решил, что вряд ли вы захотите получить премию соленов в триста, — усмехнулся, — да, гильдии скуповаты, и одновременно нажить десятка три могущественных врагов.

Я кивнула. Нет, такого сомнительного счастья в интересной пропорции мне точно не надобно.

Ткань на платья — договорились, что их будет три, — Холт позволил выбрать мне самой. Я решила не разочаровывать патрона. Форма так форма. И выбрала темно-серую шерсть, стального цвета шёлк и мышиного цвета, с черными штришками — темнее и мрачнее не нашлось — муслин. Холт покачал головой:

— Отомстили? Ну, вам это и носить.

Переживу. Он же такое носит? Только почему появилось неприятное

ощущение, что я сама себя обдурила?

Когда дошло до фасонов, мы чуть не переругались.

— В этом году модны V-образные вырезы... — начал портной.

— Под горло. Круглый вырез, воротник-стойка, — покачала головой я.

— Если пустить кант вдоль шва... — подступил мастер с другой стороны.

— Давайте швы гладкие, без отделки и всяких выкрутасов.

— Так, ньера Алессита, — вмешался Холт, — мерки уже сняты, будьте добры, посидите пока в кресле, полистайте модный журнал. И обратился к портному: — В этом году в столице носят приподнятые плечи и отложные воротники с отделкой ручным кружевом. Я хочу, чтобы вы сшили платья для ньеры Алесситы по самому наивысшему разряду.

Хлопнула дверь.

Я обернулась — на пороге с приоткрытым ртом застыла Орсетта. Похоже, та вошла с улицы как раз вовремя, чтобы услышать последнюю фразу. Глаза брюнетки сузились, взгляд остановился на мне:

— Ты! Ты-ы!! Ах ты!!! Платья себе заказываешь, да?! Верни мои деньги!!!

Я оторопело захлопала глазами. Какие такие деньги?

Холт изумленно посмотрел на Орсетту, которая вытянула вперёд руки со скрюченными пальцами, словно собралась на меня прыгнуть и на части разорвать. Обернулся ко мне:

— Ньера Алессита, объясните.

Ну, ладно. Хватит уж с меня политесу.

— Ньер Холт, это — ньера Орсетта. Мы вместе учились. Именно её в мой предпоследний визит на улицу Трёх Жемчужин я застала в голом виде лежащей в одной постели с моим бывшим мужем. Точнее сказать, непосредственно под моим мужем, — прищурилась на бывшую подругу. — Так что за деньги, Орсетта?

— Твой Андреас! Он украл мои сбережения! Вы сговорились! Верни мне мои две тысячи!

О, а экс-гад даром времени не терял! Похоже, большой и чистой любовью и тут не пахло...

— Орсетта, — нежно улыбнулась я, — мне ничего не известно о твоих деньгах. Выясняй это с Андреасом. Я развелась с ним в Храме через час после того, как застала вас в кровати. Так что мой красавец экс-муж свободен. Забирай! Вместе с деньгами!

— Развела-ась? А он сказал, что не может жениться, потому что ты не даёшь ему развода...

— Повторяю. Мы больше четырёх месяцев как разошлись.

— Выходит... выходит... — рот Орсетты распялился, губа задрожала, — выходит, он мне лгал?!

Мастер, ставший свидетелем сцены, покачал головой.

Как интересно. Её не смущало, что Андреас врал беременной жене. Более того, она сама принимала участие в обмане. Но вот Орсетта оказалась на противоположной стороне — и до чего она обижена!

— Что же мне делать? Алессита, милая, — взгляд голубых глаз остановился на мне. — Может быть, ты мне поможешь? Мы же всегда дружили! Помнишь? Алессита и Орсетта, Орсетта и Алессита... Послушай, одолжи мне немного денег, соленов триста? На время — я обязательно отдам!

— Сожалею, Орсетта, ничем не могу помочь.

— Да, а твой малыш? Всё в порядке? — попыталась подъехать брюнетка с другой стороны. — Надеюсь, он не пострадал из-за той истории?

Я не ответила. Рассказывать этой лживой кошке о своей малышке я не собиралась. Ни к чему.

— Ну, прости меня! Просто это было ужасно несправедливо! У тебя было всё — красивый муж, хороший дом, ты ждала ребёнка... а я? Я? Мне тоже так хотелось! Почему одним всё, а другим — ничего?

Да, у меня было всё. Таскание тяжеленных корзин с рынка и торговля за каждый солен. Зубрёжка и сидение над учебниками до рассвета и отказ себе в самом необходимом. Вот почему люди часто видят результат, завидуют ему — но отказываются платить цену? Почему они считают, что кому-то другому всё далось даром? С неба присвистело...

— Простите, ньера, — голос Холта был сух. — У нас с женой есть другие дела, пожалуйста, не мешайте.

— Ты — замужем? Ты снова замужем?! — Орсетта вытаращила глаза и буквально уронила челюсть.

Вот спасибо, Холт. Похоже, названный муж только что морально нокаутировал мою экс-подругу, как намедни физически нокаутировал экс-мужа. Талант бить на поражение, однако!

Я, прикусив губу, бросила взгляд на Холта. Тот незаметно подмигнул и заговорил:

— Так вот,уважаемый мастер, по последним столичным модам манжеты должны быть в четыре пальца шириной и отделаны ручным кружевом...

Орсетта, не дослушав, вылетела из ателье, громко хлопнув дверью.

Уф!

— Платья будут готовы через три дня, — сообщил Холт, когда мы вышли на улицу. — Да, я немного изменил цвета выбранной ткани. Стальной шёлк оставил. Это удачный выбор, он прекрасно подходит к вашим глазам. Шерсть будет тёмно-изумрудного цвета, думаю, оттенок вам понравится. А муслин — всё же это летнее платье — цветным. А сейчас мы зайдём к сапожнику — закажем вам туфли и ботинки для осени.

Не понимаю, зачем ему всё это?

— Лучше купите несколько чистых тетрадей. Желательно точно таких же, в каких мы пишем.

Холт с интересом покосился на меня:

— Дома есть запас.

На сегодня я запланировала сделать две вещи. Первую — чисто утилитарную — для малышки Соль. В дальнем конце кухни, у печки, тетушка Бет протянула две веревки, на которых, как флаги на мачтах кораблей, постоянно что-то болталось и колыхалось. Это сохли пелёнки. Ибо если ребёнок хорошо ест — то всё остальное он тоже делает исправно. Вот я хотела прекратить этот круговорот мокрых тряпок — в дороге полоскать пелёнки будет негде и некогда. А всего-то и надо было, что зачаровать пару подгузников так, чтобы они сами сохли и очищались по мере намокания и загрязнения. Заклинание не простое, но хорошо известное. Были маги, которые сколотили состояние на продаже таких детских принадлежностей. При зачарованных подгузниках пары фланелевых пелёнок и одного байкового одеяла для переезда хватит с избытком.

Второе заклинание было интереснее. Маги пользовались им для точного воспроизведения учебников, дневников и разных документов, описка в которых могла привести к роковым последствиям. А ещё подрабатывали, копируя завещания, грамоты на дворянство, купчие и так далее. К сожалению, заклинание требовало силы тем больше, чем толще был дублируемый исходник. Если же силы не хватало, то воссоздавалась не часть фолианта — допустим, первые двадцать листов, — а фрагменты с разных страниц, причём самым непредсказуемым образом. Могли пропасть даже куски слов или букв, искажая текст до неузнаваемости. А растаскивать толстенные тома на листы и копировать по страничке... ну, это очень, очень на любителя. И то, если этому любителю очень приспичило.

Закончив мудрить с подгузниками, покормив и перепеленав малышку,

я спустилась вниз. Что теперь? Люстры или тетрадки? По уму все же тетради. Сегодня могу продублировать данные о нападениях пиратов — там текста немного. А завтра уж, со свежими силами — свод грузовых деклараций.

— Я прикинула, что хорошо бы на всякий случай сделать копии собранных данных, — сообщила я оторвавшему нос от бумаг при моем появлении Холту.

— Вы можете?

— Могу. Сколько экземпляров нам нужно?

— Сумеете три? Тогда всего получится четыре. Один возьмём с собой, второй я положу в надёжное место, а ещё два отправлю в столицу. Я и сам думал о копировании, но магический способ в голову не пришёл, а переписывать долго... Позволите посмотреть?

Пожала плечами. Почему бы нет?

Взяла тетрадь с данными по нападениям, на одну треть испанную бисерным почерком Холта, и её родную сестру — чистую. Задрала на углу стола вышитую шёлком скатерть и положила тетради одну на другую — испанную сверху. Открыла книгу, куда Холт немедленно сунул нос:

— Вы понимаете эти кракозяблы?

Язык, на котором маги творили свои заклинания, был отдельной песней. Откуда он взялся — никто точно не знал. Бытовала гипотеза, что маги — они вообще не совсем из этого мира. Или, во всяком случае, раньше жили где-то совсем отдельно. Например, на острове, который взял и утонул. Может, в результате природного катаклизма, а может, виноват был вышедший из-под контроля магический эксперимент. Одно время было модно писать на эту тему романы. Они так и назывались — «утопическими». В finale спасшиеся маги всегда прибывали на большую землю, их предводитель женился на местной раскрасавице-принцессе, а остальные смешивались с коренным населением. Учитель смеялся, говоря, что такое объяснение ничем не хуже любого прочего. Кстати, небольшие магические способности у королевской династии Таристы имели место быть.

Но юных магов этому языку учили как любому иностранному. Ставили произношение, заставляли склонять существительные и спрягать глаголы. И тем не менее в книгах с удручающей регулярностью встречались архаичные обороты и непонятные навороты, коих было не сыскать ни в одном глоссарии. Кстати, в словарях специально не писали транскрипции. Чтобы те, кто не прошёл обучения в государственных

школах, не имели шанса учинить какое-нибудь безобразие. Впрочем, безобразия всё равно иногда происходили, причём самые неожиданные. Например, одна деревенская колдунья-недоучка неведомо как вырастила сопернице густую бороду. И не ей одной. Когда половина женщин села обзавелась нестандартными украшениями, староста поехал в ближайший город за подмогой. Прибывший маг схватился за сердце, когда за околицу его вышла встречать делегация бородатых пейзанок с вилами...

Поэтому сейчас я просто кивнула и честно ответила:

— Большинство.

Положила руки на верхнюю тетрадь и начала читать слова:

— Сирайя шерфян акринато ритари...

В примерном переводе заклинание значило: «Как две друг на друга тетради похожи, в них буквы похожими пусть станут тоже!» Что хорошо, дополнительных ингредиентов вроде кошачьих усов или порошка из сушеных крыльев нетопырей эта магия не требовала. Следовало просто без ошибок, чётко, вкладывая силу и ставя ударения в нужных местах, трижды произнести формулу, одновременно удерживая в уме образ зеркала. Всё равно какого. Я обычно представляла овальное, в бронзовой раме с завитушками.

Закончив, отдала тетради Холту:

— Проверьте.

— Однако, ньера! Даже моя клякса на месте!

— Второю копию сделаю сейчас, а третью — после ужина, — сообщила я.

Дешевле перестраховаться, чем испортить тетрадь. А то скопирую одни кляксы, то-то радость будет!

* * *

Следующий день начался с казуса, достойного названия которому я так и не смогла подобрать. Ибо слов в моём лексиконе, даже нецензурных, для вербализации не нашлось. Только открытый рот.

Челюсть я чуть не потеряла, когда с утра пораньше Холт постучался в дверь моей комнаты и вошёл со здоровенным букетом — можно сказать, охапкой — красных роз. Взглянул на мои вытаращенные глаза, усмехнулся и водрузил принесённое на стол.

Я не нашла ничего умнее, чем тупо спросить:

— Зачем?

Ответом стала поднятая бровь и заявление:

— Посмотрите сами. Письмо прилагается.

Какое письмо? Зачем Холту общаться со мной в письменном виде?

Хотя ещё сложнее ответить на вопрос, на кой фиг ему являться ко мне спозаранку с этим колючим веником.

Оказалось, Холт тут ни при чём. Раскрыв розовый надушенный конверт с парой целующихся голубков на нём, развернула лист — и зарычала, увидев знакомый почерк:

Любимая!

Прости, что я наговорил тебе гадостей! Но когда я увидел тебя рядом с ним, то почувствовал, что схожу от ревности с ума. Я понял, что никогда не буду без тебя счастлив, просто не смогу жить...

И ещё полторы страницы. Читая, хмыкала. Точно, счастлив не будет — ибо честолюбив, а самому сложная магия не по зубам. Вон, с тривиальной миреньей не справился — до сих пор дом воняет. Жить не сможет — не совсем, но тоже верю. Ничего, продаст два камзола, найдёт кухарку и горничную, найдёт любовницу — втроём они меня прекрасно заменят. И проживёт. Но зачем экс-гад столько написал — непонятно. Все содержимое опуса можно было уложить в одну короткую фразу: «Вернись, я всё прощу!»

Слов не было. Покосившись на Холта, поинтересовалась:

— Откуда это взялось?

Тот пожал плечом:

— Проснулся утром, поднял жалюзи на окне, а там длинный шест с привязанным... гм-м... презентом. Поскольку адресовано вам, решил доставить по назначению.

То есть бывший не поленился подобраться к дому сзади, причём выяснил, где находятся окна хозяйской спальни. Значит, он думает, что мы спим вместе? Это хорошо...

— Я вижу, ньера, вы не очень рады?

— Да нет. Просто изумлена, что он вдруг столько денег на меня потратил. Хотя розы в конце лета в нашем климате... — я тоже пожала плечами, не договорив. — Ньер Холт, если вас не затруднит, отдайте цветы Бет. Розы ни в чём не виноваты, а Бет, думаю, букет порадует.

Наставила палец на письмо, пробормотав: «Пирашшнр!» — и листок с конвертом на полу превратились в белые хлопья пепла. Сразу, без огня.

— Можно спросить? Почему вы так злы на него, ньера? Из-за измены?

— Нет. Измена стала последней каплей. Но он был готов сделать ребёнка лишенцем ради двухсот соленов.

Холт помрачнел. Кивнул, сгрёб розы и вышел из комнаты вон.

Через четыре дня и четыре утренних веника от экс-супруга мы покинули Салерано. Я сделала почти всё, что хотела: люстры в доме сияли как в день, когда их впервые прицепили к потолку. Но важнее было то, что белесая муть в глазах тётушки Бетани сменилась лёгким туманом. Вылечить её совсем мне не удалось — может, не хватило сил, может — умения. Но добрая женщина каждые пять минут порывалась меня расцеловать и утирала слёзы, глядя на кружящих в небе чаек, — оказывается, она не могла разглядеть птиц уже больше пяти лет и успела позабыть, как те выглядят. Мы договорились переписываться — сейчас Бет это было вполне по силам. Кстати, учителю я сообщила, что переезжаю в другой город. Как появится адрес — дам о себе знать. И от него как раз пришло письмо, которое, по недостатку времени, я сунула нечитанным в карман.

На мне было новое платье из лавандового муслина с отделкой из золотистого кружева и летний капор с широкими лентами в тон. Если честно, надев этот наряд и заглянув в зеркало, я сама поразилась. На минуту даже показалось, что я почти красавица. Малышка в волшебном подгузнике удобно устроилась в затянутой кисеёй корзине у меня на руке.

Погода была превосходной для путешествия — бегущие по небу быстрые кучевые облака, но без дождя. Последний раз поцеловала Бет, в сотый раз поклялась писать так часто, как смогу...

— Ньера, карета ждёт, — поторопил меня стоящий в дверях Холт.

И не только карета. Эмиссара короля с семьёй сопровождал десяток гвардейцев. А наших псов мы оставили Бетани — поедем потом в столицу — тогда уж прихватим их с собой.

Отъезжая, оглянулась на крыльцо, рядом с которым курчавилась в глиняном вазоне пышно разросшаяся алая герань. До свидания, Салерано! Теперь наш путь лежал на север, в Паэнью — самый северный и самый большой порт страны. Там нам предстояло задержаться на месяц или полтора — уж как пойдёт расследование...

До вечера я была счастлива. Карета на мягких рессорах чуть покачивалась на ровной дороге, малышка спала под мерный перестук копыт, я дышала свежим воздухом и рассматривала сады, поля, посёлки,

мимо которых мы ехали. Холмы с оливковыми рощами, низкие каменные изгороди вдоль дороги, белые дома с крышами из красной черепицы, работающие в полях и на виноградниках крестьяне. Картина солнечного мира и привычного процветания...

Гром грянул, когда вечером мы остановились в придорожном трактире на ночлег. Нам с Холтом, как мужу с женой, отвели общую комнату. Он, казалось, не возражал. Я тоже пожала плечами — не храпит, не пристаёт, даже не разговаривает. Так чего напрягаться? Вот я и не напрягалась, пока не распечатала письмо от учителя.

«Привет, ученица!

Рад был узнать о рождении твоей дочери. Ты как, ещё не надумала вернуться в Виэнию? Я и аспирантура тебя ждём. Помнишь, мы мудрили с погодной магией? Появились новые соображения, но в письме этого не рассказать, нужно показывать.

Я слышал о произошедшем в Салерано. Хорошо, что всё обошлось и ты не пострадала.

Да, я получил от Раиндэлла лен Холта на хранение пакет с бумагами. Думаю, тебе следует знать, что он открыл два счёта в Центральном Королевском банке — один на твоё имя, а другой на имя Сонеали лен Холт, на десять тысяч соленов каждый. А ещё отписал на твоё имя кусок земли невдалеке от Лореции. Рад за тебя. Кстати, я хорошо знал его отца и помогал тому в паре сложных расследований.

Только держи ухо востро. Если Холт-младший такой же хитрец, каким был его папаша, ты сама не заметишь, как окажешься втянутой по уши в его дела.

Пиши почаше и дай знать, как соберёшься сюда. Флигель свободен и ждёт вас с малышкой.

Твой учитель, Рассел лен Дилэнси».

Вскинула глаза на сидящего в кресле с книгой Холта:

— Ньер! Я прочла в письме учителя, что вы отписали на мое имя целое состояние! Зачем? Зачем эти деньги, поместье?

Лицо Холта было невозмутимым.

— Я обещал, помните, ньера? А ещё я хочу дать вам возможность не думать о деньгах, а заниматься тем, чем нравится. Почему-то мне показалось, что вам будет интересно вести это расследование. —

Посмотрел мне прямо в глаза. — И, наконец, мне нужна ваша помощь, ньера.

Я опустила ресницы, чтобы скрыть улыбку.
Кажется, Холт хуже отца.

**Часть вторая
ПАЭНЬЯ
Странные сны**

Глава 1

После выборов и после женитьбы редко получаешь то, что хотел.

P. Уилл

Мне было интересно, где мы будем жить в Паэнье. И под каким видом туда прибудем. Вряд ли торжественное явление королевского эмиссара в сопровождении конвоя гвардейцев поспособствует успеху расследования. Ибо, узрев такую радость, все подозреваемые всё равно в чём, погрузив сундуки с неправедно нажитым и похватав в охапку домочадцев, резво дунут за горизонт. Тут как раз граница недалеко...

— Вы ёрзаете, ньера.

И долго он меня этим «ёрзаете» доставать будет? Что бы придумать такого в ответ? До чего меня допекло это «ньера»! Всё-таки прежние непринужденно-дружеские отношения были намного приятнее. А какая радость трястись сутками в одной карете рядом с отстранённо-чужим ньером? Оставалось держать себя в руках и в рамках корректности и ничем не показывать своего раздражения или недовольства.

Спокойно подняла глаза на Холта. Раз сам завёл разговор, так отчего не пообщаться? Солнце уже наполовину погрузилось в дымку на западе, а до «Счастливой подковы», где мы собирались остановиться на ночлег, был ещё почти час пути. Высказала вопросы и получила в ответ:

— Все нужные нам документы уже изъяты под предлогом налоговой проверки. Это было сделано в остальных четырёх портах ещё до того, как начались аресты в Салерано.

Кивнула. Умно, очень умно. С чисто налоговой точки зрения придраться в записях было не к чему, то есть уничтожать бумаги никто бы не стал. И виновным будет не с чего тревожиться. А налоговая проверка — дело неспешное, длиться может месяцами, и никого такая тягомотина не удивит...

— Скажите, а где мы остановимся в Паэнье? — поинтересовалась я.

Ясно, что в гостинице с горой секретных бумаг делать нечего. Всё же расследования надо вести без шума, а не под шепоток половых и горничных, которые в два дня разнесут по всему городу весть, что приезжие зачем-то роются в записях таможни и грузовых декларациях.

Значит, снимем дом?

— В городе живёт один из старых друзей моего отца. Поселимся у него.

Замолчал и отвернулся.

Вообще, последние дни я чувствовала какую-то напряжённость в наших отношениях. Но понять, в чём дело, по непроницаемому лицу Холта было невозможно. Решившись, покосилась на него:

— Вы ёрзаете, ньер.

Всю невозмутимость как ветром сдуло. Уставился на меня с видом разбуженного в полдень филина — сейчас клюнет! Неужели я его зацепила?

— Повторить? — попыталась дожать я.

— Не стоит. Просто размышляю, как долго смогу рассчитывать на вашу помощь, — прищурился и добавил, глядя прямо в глаза: — Как вы относитесь ко мне, ньера?

Сглотнула. Похоже, нарвалась. Ну ладно, сейчас соображу, как выкрутиться.

— Отношусь хорошо, иначе никогда не приняла бы ваш подарок мне и Соль. Я уважаю ваш ум, характер и принципы. Касательно остального, позвольте, умолчу. А помогать буду, пока мы не доведём это расследование до конца. Уйти раньше я могу — и уйду — в одном-единственном случае: если сочту, что Соль грозит опасность. Дочь для меня важнее всего остального.

Он коротко кивнул и снова уставился в противоположное окно.

Обидно. Опять я ничего не узнала.

В Паэнью мы въехали ближе к вечеру два дня спустя, как самые обыкновенные путешественники. Гвардейский патруль остался на последнем постоялом дворе, и, если честно, я была рада — уж слишком пристально рассматривал меня при любой возможности один рослый рыжеватый парень. Можно даже сказать — пялился. То в лицо, то на грудь. Холту я жаловаться не стала — если что, справлюсь сама. Но неприятный осадок остался.

На брусчатке трясло сильнее. Мне хотелось посмотреть город, но Соль проснулась и начала агукать и брыкаться, требуя внимания. Пришлось взять разбушевавшуюся дочку на руки, после чего стало резко не до пейзажей, панорам и прочих городских красот и достопримечательностей. Когда карета наконец остановилась, я вздохнула с облегчением.

— Рейн, как вырос-то!

— Дядя Ленарт!

— Для тебя просто Лен, малыш. А кто с тобой? Что? Ты женат на этой красивой ньере? И уже есть дочка? Когда успел-то! Ну, заходите, заходите в дом! А знаешь, я недавно женился тоже... Сейчас познакомлю с моей Тирисией, ты будешь очарован! Так что я даже рад, что ты при супруге — иначе присутствие в доме такого видного молодого человека заставило бы побеспокоиться! — распахнувший дверь кареты усатый мужчина средних лет лукаво подмигнул. Мол, шутка.

Вообще, встречала нас целая делегация. Хозяин дома Ленарт лен Сертано — симпатичный крепкий мужчина с начавшими седеть висками и военной выпрямкой и четыре девушки приблизительно одного возраста. И кто из них новобрачная Тирисия? Попыталась угадать — девушки при ближайшем рассмотрении были странно попарно похожи: две причёсаные на прямой пробор темноволосые с обрамленными лесом густых ресниц глазами-вишнями и две светленькие, румяные, с золотистыми косами и пшеничными бровями с изломом, как у хозяина дома. Наверное, блондинки — это дочери или племянницы. Но почему тёмных тоже пара? Ах, оказывается, в доме сейчас гостит недавно одовевшая сестра Тирисии — Анарда. А светленькие Элина и Сания — я предположила верно — оказались дочками хозяина дома.

Всё это выяснилось, пока четыре ньеры, обступив прижимающую к груди корзинку с дочкой меня, ахали и восторгались, разглядывая через кисею Сонеали. Я, за год замужнего отшельничества отвыкшая от переполоха, суеты и шума, которые может устроить даже небольшая компания девчонок, растерялась. Спасибо, Холт шепнул что-то хозяину, и тот хлопнул в ладоши:

— Девочки, девочки,тише! Гости устали с дороги! Проводите их в комнаты и не забудьте напомнить, что ужин будет через час.

Какой-то выскочивший из дома молодой человек уже сноровисто помогал кучеру разгружать наши вещи. Одна из сестёр — кто из них кто, я пока не запомнила — повела нас в глубь дома. Я, стараясь держаться в рамках хороших манер, исподтишка бросала любопытные взгляды на обстановку: богато! — мраморный пол, бронза, картины, бархат, высокие потолки, трёх- и пятирожковые светильники там, где я сама повесила бы однорожковый. И лестница на второй этаж такая, что пароконный экипаж въедет — широкая, пологая, с плавным изгибом широких перил.

По пути я услышала, что нам с мужем отвели две смежные комнаты. Хорошо. Вот только когда двери в наши апартаменты распахнулись, я

открыла рот — одна из двух предоставленных комнат оказалась очень удобным, просторным, с двумя окнами и камином, прекрасно обставленным... кабинетом! Зато вторая была спальней с кроватью шириной в хороший виноградник. Дождавшись, пока жизнерадостная блондинка — как же к ней обращаться? — закончит объяснения касательно специфики пользования медными кранами в ванной и оставит нас одних, резко обернулась к Холту. Это как? Мы так не договаривались! Ну ладно, при переезде в трактирах нас селили вместе, и я не возражала, потому что понимала — так безопаснее... но жить с ним ещё месяц в одной комнате я совсем не жаждала. Ни размяться, ни переодеться, ни всласть повалиться в постели с книгой...

Холт тоже выглядел озадаченным.

— Поверьте, я не знал, ньера.

И что мне делать с этим «не знал»?

— Я заметил, что в кабинете есть диван, стану ночевать там.

Подошла к двери, соединявшей комнаты, заглянула. Действительно, есть. Только назвать эту деревянную, обитую сафьяном банкетку с гнутыми ручками диваном было бы преувеличением. Узенькая, в три локтя длиной. При росте Холта без малого четыре. Актуальная мебель — «чтобы клерки не уснули». Или пусть ночует, если хочет? Сам же придумал эту дурацкую маскировку насчёт негоцианта с женой в гостях у старого друга!

Прикинула — у меня рост поменьше, но я тоже на этот изыск мебельного дизайна не впишусь. И — однозначно! — вставать с большой шеей каждое утро месяц подряд не собираюсь. И так из-за ребёнка не высыпаюсь! Так что пусть как хочет, а не позже чем завтра этот вопрос решает! Кстати, почему нельзя поговорить с ньером Ленартом — я уже узнала, что тот был капитаном в отставке, сколотившим состояние за морем, — и просто объяснить ситуацию?

— Вы видели, сколько в доме женщин? И весьма говорливых. А ещё есть прислуга... Тогда проще снять отдельный дом. Завтра постараюсь решить вопрос со второй спальней.

Холт говорил сухо, не меняя выражения лица... если б я не видела сплохов в ауре, поверила бы в его спокойствие. Тоже настолько не рад моей компании? Ничего, до завтра потерпит.

Зато ужин мне понравился. Было не только вкусно — за столом царило непринуждённое веселье. Члены семьи перебрасывались шутками, улыбались, рассказывали наперебой о последних городских новостях, пытались втянуть в разговор меня и сидящего рядом с прямой спиной

Холта. По ходу дела я научилась различать Элину и Санию — у первой имелась родинка на левой щеке. Тирисия руководила тремя слугами, подносившими перемены блюд, как опытный дирижёр. Трапеза текла плавно, без заминок и спешки. И, наконец, в этом доме просто веяло уютом и теплом.

Вернувшись в комнату, поняла, что безнадежно зеваю и засыпаю на ходу. Холт взглянул на меня, кивнул и без слов удалился в кабинет. Я умылась, покормила дочку и легла так, чтобы видеть окно с усыпанным звёздами синим небом за ним. Заснула прежде, чем вернулся Холт.

* * *

Серый неуютный коридор. Каменные стены из огромных блоков, низкие своды, тусклый свет, сочащийся из-за угла. И чувство тревоги, перерастающее в панический ужас. Бегу к повороту... за ним такой же туннель. И ещё один, и ещё... Повороты, ответвления, неотличимые друг от друга сумрачные куски огромного лабиринта. Почему я здесь? Как сюда попала? Что делаю? Не знаю. Наверное, ищу выход. Но отчего же так страшно? Я тут одна? Или нет? Кто бредёт впереди вдоль стены, шаря руками по камням? Холт? Растрёпанный, босой, лицо измученное. Попыталась позвать — из горла не вылетело ни звука. Я могла только смотреть, как он из последних сил плетётся, ковыляет, тащится, поворачивая каждый раз направо. Пока не добрался до коридора, перегороженного массивной решёткой с шипами. Колеблющаяся тень расчерчивала чёрными квадратами серые камни — на стене по ту сторону решётки чадили два факела. Холт в изнеможении опустился на пол рядом с воротами. Обвёл их взглядом. Да, ни калитки, ни замка не видать — наверное, отпирающий механизм спрятан где-то в другом месте.

Вздохнув, Холт опёрся рукой о серый каменный пол и с трудом поднялся на ноги. Повернулся к решётке спиной и, придерживаясь за стену правой рукой, пошатываясь, снова побрёл вперёд. До первой развилки, где свернул направо. Сделал ещё несколько шагов... чувство тревоги стало нестерпимым... занес ногу, наступил — и пол разверзся прямо под ним. Плиты разошлись бесшумно и мгновенно — Холт, не успев вскрикнуть, полетел в чёрную бездну... Я знала, это — его смерть.

— Сита! Сита!!! Что с тобой?!

— Аа-а?! — захлопала глазами в темноте, пытаясь прийти в себя после увиденного.

— Ты кричала во сне. Кошмар приснился?

Холт. Живой. Поддерживает меня правой рукой за плечи, а я вцепилась сведенными пальцами в его рубаху так, что едва не рву ткань. Ой, а Соль? Её я не разбудила?

— Малышка спит, не волнуйся. Правильно ты её Соней назвала.

Невольно улыбнулась. Всю дорогу из Салерано Холт вёл себя, как мог бы вести самый заботливый и любящий отец. И почему я не встретила такого, как он, пару лет назад?

— Сита, что тебе приснилось, расскажешь?

Странно. Днем мы на «вы». А сейчас, в темноте, спросонья, не задумываясь, он снова зовёт меня Ситой. И я чувствую его дыхание совсем рядом. Забеспокоившись, попыталась отстраниться...

— Тсс-с... Ты вся дрожишь. Не волнуйся, приставать не стану. Я обещал, помнишь? Так что?

Я откинулась на подушку, пытаясь собраться с мыслями.

— Мне снился лабиринт. Серые тунNELи со сводчатыми потолками, каменный пол из больших плит, тусклый свет непонятно откуда. Меня там не было, я просто смотрела. Там был ты. Искал выход. Шёл вдоль стены вперёд и вперед, каждый раз сворачивая направо, пока не добрался до большой запертой решётки, перегораживающей коридор от пола до потолка. Посидел. Поднялся и снова двинулся по правой руке. И после первой развилки, через три плиты от поворота, пол под тобой провалился. Ты полетел вниз. Вот тогда я и закричала...

— Опиши решётку.

— Железная, ржавая, из толстых прутьев квадратного сечения. Квадратные же ячей в пару ладоней по диагонали. На каждом перекрестии шип длиной в ладонь. Замка нет. Я подумала, что он где-то в другом месте. За решёткой в кольцах на стене горели два факела и виднелась арка с уходящими наверх ступенями. Было видно, что лестница поворачивает. А над аркой, в овале, был выбит непонятный, похожий на змею знак.

— Сита, ты когда-нибудь раньше была в Паэнье?

— Никогда, а что?

— Ты сейчас описала вход в катакомбы, лежащие под городом. Говорят, они идут от моря чуть не до гор. Я был с другой стороны решётки в прошлый приезд.

Ох!

— Теперь давай весь сон по порядку. Все мелочи, детали... Похоже, это не просто кошмар. Например, как я был одет?

Я понимала его интерес и его вопросы. Бывают просто сны, а бывают

— предупреждения. Особенно в первую ночь на новом месте.

До сих пор талантами в области вещих снов я не блистала, но случалось так, что когда магини становились матерями, у их способностей появлялись новые, самые неожиданные грани. Пока, по одному кошмару, судить было рано. Но если мне привиделось реальное место, в котором я никогда не была, наверное, такое что-то значит?

Прикрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Поморщилась. Мешает то, что он рядом. Слишком близко. Смушающее близко. Дыхание, шевелящее прядки волос на моём виске, твердость руки под плечами, запах. Одеколоном Холт не пользовался при мне ни разу, но сейчас я чувствовала аромат свежей речной воды от его волос и что-то ещё, сбивающее с толку. Мотнула головой. Что со мной? Я для него — инструмент, наёмная служащая, лишь — как он выразился? — числящаяся его женой. А успокаивает он меня так, как оглаживал бы испуганную лошадь или собаку.

— Не волнуйся. Соберись с мыслями и попробуй рассказать.

И чего переживаю? Завтра с утра я снова стану для него ньерой Ориенси.

Заговорила, насколько могла, спокойно:

— Одежда обычна: чёрные штаны, тёмная рубашка. Оружия я не видела. Единственное — ты был измучен, будто шёл очень долго или от чего-то убегал. От решётки ты двинулся по правой руке. За вторым поворотом была развилка. Ты свернул направо, и — это я помню точно — четвёртая плита провалилась у тебя под ногами. Под ней — тьма. Мне показалось, что ширина провала — локтей шесть-восемь. Хотя не думаю, что это важно... И ещё вот что. Я обычно хорошо ориентируюсь, просто чувствую стороны света, но там не могла. Коридоры изгибались, и все развилки были кривыми. Начинаешь идти, и вскоре перестаёшь понимать — то ли движешься вперёд, то ли повернулся назад.

Он молчал. Наверное, задумался.

— Выходит, нас здесь подстерегает опасность. Сита, уезжай! Уезжай прямо завтра!

Рука под моими плечами напряглась.

Допустим, он прав. Но, если завтра я сяду на дилижанс, идущий на восток, в Кансару, к тёте Лео, или, наоборот, на юг, в Виэнию... а потом, спустя три или четыре месяца узнаю, что Холт погиб в Паэнье, — что я почувствую? Однозначно — вину. Меня предупредили, дав шанс помочь тому, кто помог мне, а я сбежала. И это будет грызть меня всю жизнь.

— Нет. Мы вместе подумаем, как сделать, чтобы сон не сбылся, — я запнулась, пытаясь сообразить, как мне к нему обращаться. Ох, только что,

пересказывая увиденное, я тоже называла его на «ты». Надеюсь, он не заметил. Решив впредь обходить скользкий вопрос обращения, насколько удастся, сформулировала: — Я могу изготавливать магический компас. Он маленький, его можно носить вместо брелока. И нужно раздобыть карту этих катакомб. У них есть карта?

— Частично, — фыркнул Холт над моим ухом. — Туда раньше водили приезжих на экскурсии. Изредка случалось, что кто-то отбивался от группы и пропадал. Но лет пять назад, как говорили, исчезло целых восемь человек. Их искала местная гвардия, полицейские — но так и не нашли никаких следов. Мало того, во время поисков сгинуло ещё трое. После этого катакомбы закрыли для осмотра.

Я поёжилась. Жуть какая-то. Возможно, прямо под этим домом, под нашей кроватью, проходит один из тёмных туннелей, где таится смерть...

— А кто их построил?

— Кто бы знал. Если ты читала про Паэнью, то в курсе, что город на этом месте возник по меньшей мере трижды. А с туннелями вообще непонятно. Там нет света, но не темно. Маги пытались разобраться, как это сделано, — не смогли.

— Расскажи ещё, что знаешь о лабиринте.

— О нём никто толком ничего не знает. Катакомбы лежат глубоко — глубже сети городской канализации. Известных входов всего два. Тот, который ты видела, и ещё у моря. Были попытки использовать куски туннелей, как склады. Но они провалились — грузчики наотрез отказались туда спускаться. Насколько я знаю, эти подземелья не используют даже контрабандисты. Наконец, как я уже говорил, их пытались исследовать маги. Походили-походили, ничего судьбоносного не обнаружили, махнули рукой. И был ещё непонятный момент: те, кто обследовал туннели, пробовали нумеровать перекрёстки —казалось, что так можно будет легче ориентироваться. Рисовали цифры на стенах или на полу. Так вот: стоило отойти за угол — и надпись бесследно пропадала.

М-да. Явно дело не чисто, не хотела бы я там оказаться. Поёжилась...

Прядь его волос коснулась моего носа. Я чихнула. И поняла, что мне приятна его близость. Не в смысле женщина плюс мужчина, а то, как мы сейчас разговариваем. По-дружески, как равные. Советуемся, обсуждаем, делимся мыслями. С Андреасом так не получалось никогда. У бывшего существовало два режима общения: либо он отдавал распоряжения, либо вешал. То есть приходил туда, где я чем-то занималась — чистила картошку или перестилала белье, — и начинал, бурно жестикулируя, излагать свои планы. То, что он мешает или отвлекает, — его не смущало. И моя точка

зрения тоже не интересовала совершенно — мне полагалось затаив дыхание внимать, согласно кивать и восторженно поддакивать. Несколько раз вначале я пыталась вставить слово... и немедленно слышала в ответ: «Глупышка! Я обо всём уже подумал. Я же мужчина и лучше знаю, что делать. А сейчас иди ко мне...» Поцелуй — безотказный способ заткнуть рот новобрачной дурочке.

А сейчас со мной говорили. На равных. И одно это стоило для меня дорого.

— Насколько в курсе наших дел ньер Ленарт? — повернула я к Холту лицо. — И не подвергаем ли мы опасности этот дом? И ещё: как я должна держать себя днём? Я думала, мы будем работать так же, как в Салерано, вдвоём... но здесь столько народу...

— Ты сможешь звать меня Рейном, как раньше?

Для маскировки нужно. Но...

— Если вы ответите на один вопрос.

— Какой?

— Объясните, почему вы не хотите разводиться. Если ещё не передумали, конечно.

— Не передумал, — фыркнул он в темноте. — Но объяснять резоны не стану.

Я попыталась отодвинуться, он удержал.

— Сита, не обижайся. Просто поверь, что сейчас не лучшее время для этого разговора.

— Нет, — произнесла я твердо. Я была уверена в своём отказе. — Так Андреас постоянно говорил: поверь, не время, слушайся, делай, как я сказал, я знаю лучше, обсудим потом. Отсрочка — самая неприятная форма отказа. С меня хватит, ньер Холт.

— Ладно. Тогда суди сама. Ты сейчас выбита из колеи, находишься в неустойчивом эмоциональном состоянии. Ты недавно рассталась с мужем, и разрыв причинил боль, ведь так? И всего две недели назад стала матерью, причём при весьма нестандартных обстоятельствах. Я не считаю возможным, пока ты не пришла в себя, выбивать тебя из равновесия ещё сильнее. Пусть пройдёт время, твое сердце успокоится, а разум прояснится. Чтобы ты не шарахалась из стороны в сторону, как испуганный заяц-погорелец по лесу, а ясно понимала, что тебе нужно для счастья. Вот тогда, если ты спросишь, — я отвечу. А сейчас просто знай, что я не хочу, чтобы ты исчезла из моей жизни. И что мне нужна твоя помощь. Так достаточно честно?

Задумалась.

— Хорошо, Рейн. Но если тебе ещё раз в голову придёт меня внезапно оттолкнуть, начав называть ньерой Ориенси, знай, что этот раз будет последним.

— Спасибо за предупреждение. Так слушай про Лена. Сам он абсолютно надёжен и будет держать язык за зубами, но за его домочадцев не поручусь. А ещё Лен сейчас работает именно там, где нам нужно, — возглавляет местную инспекцию, курирующую сбор налогов с транзитных товаров. Да, он взялся незаметно доставить в кабинет ящики с изъятыми документами. И обещал позаботиться, чтобы никто к нам не лез.

Что касается нас самих, тут так. Образ жизни постараемся вести обычный для приезжих — осматриваем город, будем каждый день гулять. Я стану уходить по делам — негоциант обязан интересоваться торговлей и следить за ценами на рынке. Попытаюсь узнать как можно больше до того, как слух о расследовании просочится наружу. По статусу мне бы стоило явиться прямо к мэру, но, думаю, с торжественным приёмом можно повременить. Вроде всё. Если есть вопросы — задавай. И скажи, что за компас? Я о таком не слышал.

— Проще показать. Как можно быстрее — лучше прямо завтра — купи пару медальонов вроде тех, в каких рисуют портреты родных и хранят их локоны. Корпус должен быть из золота. Или — совсем хорошо — из платины. Да, как считаешь, мне говорить, что я — магиня?

— Придержи пока. А я завтра спрошу Лена, где можно найти хорошего ювелира. Кстати, если я куплю и попрошу тебя носить кольцо — что ты скажешь?

— Что не стоит тратить на меня деньги, — повела плечами я.

Он на секунду напрягся.

— Спи.

Его рука так и осталась под моей головой.

Не понимаю.

Глава 2

Очень грустно бывает оглядываться на искушения, которым вовремя не поддался.

P. Э. Хайнлайн

Утром я проснулась раньше Рейна. И сейчас, сидя на краю кровати с малышкой на руках, рассматривала лицо названного мужа. Днём-то так не попалившись... неудобно. И ещё этот слишком острый взгляд серых глаз — брр! Словно видит насеквоздь. А когда спит — очень даже ничего. Почти симпатичный — высокий лоб, густые брови с изломом, прямой нос с чуть хищным вырезом ноздрей, решительный подбородок. С характером, так сказать. Во сне лицо кажется мягче, моложе, чем днём. Вон, вертикальная морщинка между бровями разгладилась — сейчас можно поверить, что мы с Холтом почти ровесники. Только кожа бледная, как всегда. Будто лето не в родной Таристе провёл, а мёрз во льдах Фризландии. Как снег. Лишь на подбородке тень щетины.

Рейн открыл глаза и прищурился на замечавшуюся меня:

— Нравлюсь?

Я, скептически фыркнув, отвернулась.

За завтраком, упивая горячие блины со сметаной и малиновым вареньем, я узнала, чем занимаются женщины в этом доме. Вчера вихрь юбок меня малость ошеломил. Мелькнула мысль, что ньери Ленарту надо иметь очень уравновешенный и уживчивый характер, чтобы комфортно существовать среди этого цветного смерча. Сейчас мне поведали, что Элине — уже шестнадцать, а Сани скоро пойдет девятнадцатый год. Что Тир — Тирисия — почти моя ровесница — ей двадцать, а самая старшая — Ана尔да — той двадцать четыре. Сани и Эли недавно закончили ходить в школу при Храме, а сейчас отец доверил им торговлю в своём небольшом магазинчике «Заморские редкости», расположенном на соседней улице. Это магазин подарков, сувениров, разной ерунды — но всё настоящее, привозное, без подделок. Тир занималась домом, вела счета, делала закупки, следила за кухаркой, садовником и двумя горничными, а также держала в строгости Винарта — того самого расторопного молодого человека, который помогал вчера разгружать карету. Вообще-то, сей юноша

числился личным помощником ньера Ленарта, и когда не таскал чужой багаж, занимался корреспонденцией хозяина дома и сопровождал молодых ньер в их прогулках — для спокойствия, статуса и охраны. Столовался Винарт с семьёй хозяина.

А ещё по вечерам два раза в неделю все посещали школу танцев, которую недавно открыл замечательный молодой педагог из — представьте! — самой Андарры. Не хочу ли я сходить с ними за компанию? К маэстро Сирины на занятия ездят даже дочка начальника порта и жена мэра! Я впечатлилась. Звучало соблазнительно — лежавшая за горами на северо-западе Андарра была законодательницей мод и в одежде, и в танцах, и в искусстве, — а танцевала я хорошо только по меркам виэнской семинарии и сама понимала это. Вот только пока Соль слишком маленькая, чтобы оставлять её одну даже на пару часов.

Поблагодарив за завтрак, поднялась в комнату — судя по ощущениям, Соль начала просыпаться. Рейн собирался поговорить с хозяином касательно второй спальни под предлогом того, что он храпит, а малышка спит очень чутко. Интересно, врёт или нет? Я пока не слышала храпа ни разу. Но пусть говорит что хочет — хоть что из религиозных убеждений спит поперёк кровати.

Вошла в комнату — и застыла на пороге. Сначала не поверила глазам. Рядом с колыбелью Соль сидела толстая серая полосатая кошка. Косила зелёным глазом внутрь корзинки и дразняще водила по краю пушистым хвостом. Из корзинки раздалось довольное «агу!», и крошечный кулачок моей дочки сжался на конце хвоста. Ох! Сейчас же её оцарапают! Я кинулась вперёд...

Кошка уставилась на меня и заморгала, как человек. Потянула лапой на себя хвост. Хвост потянулся, удлиняясь на глазах... Так это не кошка! Это — домашняя ларра! Я с облегчением выдохнула.

Добрые домашние духи — ларры — были большой редкостью, но опасности, в том числе для детей, не представляли. Заводились они сами, в старых домах, которыми из поколения в поколение владела одна и та же семья. Ещё ларр звали хранителями домашнего очага и верили, что они берегут дом и от напастей, и от злых людей или духов. До сих пор я видела ларру только один раз — у учителя. Хотя там ситуация была необычной — ларра ньера Рассела принадлежала лично ньеру Расселу и следовала за тем, куда бы учитель ни переезжал. И спокойно обживала новый дом.

Другой особенностью ларр было то, что обычные люди их не видели. Только маги. А ларры умели быть совершенно незаметными — ходили себе

сквозь стены и жили рядом, никак себя не проявляя, годами. Правда, расшалившаяся или обиженная ларра могла устроить в доме настоящий таракан — хлопающие безо всякого сквозняка двери, опрокинутые или упавшие со стен предметы, даже разбитая посуда. Но детей ларры любили и не обижали никогда. А ещё считалось, что дети до года, до того, как начнут говорить, видят и понимают ларр.

Присев на кровать, поближе к брыкающейся Соль, увлеченно воюющей с ларриным хвостом, улыбнулась.

— Тебя как зовут?

— Видишь меня-у? Хорошишо... Меня-у тут никто не видит. Скушишно... Я — Ссэнасс. — И уставилась на меня зелёными глазищами. — Дай молока!

Так. О слабости ларр к молоку ходили легенды. Потому во многих домах ставили в укромных местах блюдца с молоком и радовались, обнаружив их поутру пустыми. Но женское молоко — это как, нормально?

— Вкусссно, — кивнула мне Ссэнасс. — Поделисссь, ссстану помочь.

М-да. Нестандартный сотрудник с оплатой натурой. Прям как я сама. В принципе, поделиться я могу — у меня хватает и даже сверх того. Вот только заключая договоры с магическими существами, надо быть очень, очень аккуратной.

— Подожди. Поиграй пока с Соль.

— Сссоль? Хорошишее имя. Шишшду... — изогнутый дугой хвост завис над корзинкой. На конце появился золотистый бубенчик. Соль, вдохновившись, потянулась ручками к новой игрушке. Правильно говорят, что дети рождаются с двумя инстинктами — сосательным и хватательным. Мою дочку природа инстинктами не обделила.

Так, теперь вспомнить бы, в какой из книг я читала про ларр? Нет, не в учебниках и не в справочнике по целительству. Протянула руку к бабкиному гримуару и, скинув туфли, плюхнулась на живот поперёк кровати. Ага, вот! «Ларры, или духи домашнего очага, — отличные няньки, особенно для маленьких магов, ибо могут распознать и невидимую опасность. Обычно в обмен на одно угождение оказывают одну услугу, но после третьего раза связь становится прочнее...» М-да, не слишком много, но вроде бы для меня опасности никакой. Посмотрела на счастливую Соль, тянувшую бубенчик в рот, и тоже потянула — за шнурок у ворота платья. Глядящая на меня ларра улыбнулась от уха до уха совершенно некошачьей улыбкой.

За ёмкость по обоюдному согласию сошло терракотовое блюдце от

герани на окне. Я ополоснула посудину в ванной и, наполнив наполовину, поставила на пол рядом с кроватью. Ларра, спрыгнув, нависла над угощением, урча и обняв блюдце передними лапами. Закончив, облизнула белые усы.

— Вкуссно! Ссспассибо! Буду присматривать за Ссоль. — И покосилась на меня. — Потом ещё угостишшь?

Ну вот, теперь у меня на довольствии эта хитрая серая морда. Но за лишний присмотр за дочкой — спасибо! Так мне будет спокойнее.

Пока кормила Соль, мы разговаривали. Оказалось, Ссэнасс живет в доме уже давно, появилась она во времена прадеда ньера Ленарта. Но ей тут скучно — я первая, кто заговорил с ней за последние годы. И поить молоком её забывают...

Мы так болтались, что я не расслышала шагов за дверью.

Рейн вошёл и застыл на полу шаге, как я сама полчаса назад. Причём оказалось, что он тоже видит привалившуюся к моему боку Ссэнасс, которую я почесывала за ухом, пока та дразнила аномально длинным хвостом с голубым бантиком на конце играющую у меня на коленях Соль.

Поспешно прикрыв грудь, я заговорила:

— Ссэнасс, познакомься. Это Рейн — мой патрон. Рейн — это Ссэнасс, ларра.

— Мы ссснакомы... — мурлыкнула ларра и приветливо помахала Рейну лапкой.

— Рад встрече, ньера Ссэнасс, — не ударил в грязь лицом Рейн.

— Муррр... ньеrrra... — ларра расплылась в плотоядной улыбке.

Рейн присел на кровать с другой стороны от серой хитрюги и тоже протянул руку — почесать. Посмотрел на меня:

— Я договорился с Леном. Нам отдадут ещё одну спальню, следующую за этой. Вон за тем шкафом — смежная дверь.

Я кивнула. Хорошо, что дом большой.

И, несомненно, так будет удобнее.

Первый день прошёл в обустройстве. Я приводила в порядок платья, раскладывала вещи, больше часа плавала в огромной ванне с горячей водой — теперь, когда у названного мужа появилась своя комната, эта ванна перешла целиком в моё распоряжение. Пока сушила волосы — листала книги. Вот наобещала я компас, а сама ведь его ни разу не делала. А заклинание не из простых.

Холт возился в кабинете — судя по звукам, туда уже принесли ящики с документами. Потом кинул мне коротко: «Уйду на пару часов» — и исчез.

Пока его не было, я досохла, доделала все свои дела... и, в пятый раз подойдя к двери, чтобы прислушаться, поняла, что волнуюсь за него. Ещё я всё время сбивалась — и даже мысленно звала своего работодателя и названного мужа то Рейном, то Холтом. Лабиринт в мозгах какой-то. И что делать? Срочно развестись, чтоб не спятить?

Общей обеденной трапезы в доме ньера Ленарта по будням не было. Хозяин обычно столовался в трактире в портовой части города, где располагалась его контора. Дочки перекусывали в кафе рядом с магазинчиком, жена с сестрой тоже ели в городе. Так что мне принесли прямо в комнату поднос с чашкой горячего бульона, блюдцем с пирожками и вежливо поинтересовались, где я хочу кушать впередь: вот так, у себя, или же для ньера следует сервировать обед в столовой? Чего стоит накрыть, а потом убрать стол ради одного человека, я по жизни с Андреасом отлично помнила. А потому сказала, что все замечательно и трапезы в комнате, где я могу быть рядом со своей малышкой, меня вполне устраивают. Принесшая пирожки девушки улыбнулась, сообщила, что её зовут Агнессой, и попросила позволения взглянуть на Соль. Я позволила.

Потом зашла Анарда. Эта встреча мне понравилась меньше — слишком много вопросов задавала ньера. И откуда я сама, и из древнего ли рода, и давно ли замужем, и богат ли муж... При том что сама Анарда была гостьей, а не хозяйкой в этом доме, такое настырное любопытство на грани допроса казалось крайне неучтивым. Так что я отвечала предельно общо. Хотела было сама спросить, отчего умер её муж... но показалось неудобным. Выручила Ссэннасс, опрокинувшая на юбку Анарды стоявший на прикроватной тумбочке стакан с морсом. Причём та ещё и решила, что сама рукавом неудачно махнула, — я-то была в другом конце комнаты!

Когда ньера поспешило удалилась замывать подол, ларра недовольно прошипела вслед:

— Сссует сссвой носс куда не прсссят!

Хотела шикнуть на вредную кошку, подумала... и не стала. Ибо целиком разделяла её чувства.

Холт появился ближе к ужину. Сообщил мне: «Принёс», и удалился в свою комнату, плотно прикрыв дверь. Я ответила тем, что, когда муж зашёл ко мне перед ужином, дабы проводить в столовую, высказал сожаление, что он не сказал мне, с какого ящика с документами начать, — я могла бы, не теряя времени, приступить к работе.

За ужином я узнала, что, оказывается, Рейн уже успел побывать в порту и на оптовом рынке — присматривался к ценам. Разговор свернулся на проторенную колею — торговлю, о которой говорить в Таристе обожали

все, от пятилетних малышей до дедков с тяпками в огородах с тыквами...

Заклинание «меридиан» было хитрой штукой. Оно создавало магический компас в пределах ограниченного пространства, формируя пересекающую амулет по диагонали стрелку, показывающую на север. Понятно, что через абсолютно любую точку пространства проходит какая-то из идущих от Южного до Северного полюса вдоль земной поверхности дуг — меридианов. И куда ни помести медальон, под каким углом ни наклони — всегда найдётся меридиан, проходящий через центр амулета. И вот этот кусочек линии внутри медальона после наложения заклинания начинал светиться. Северный конец синим, а южный — красным.

Колдовать предстояло в полночь. А пока я сидела с ногами на кровати и под присмотром любопытной ларры проговаривала в пятый раз слово за словом длинную формулу, чтобы не споткнуться в решающий момент.

Закончив с нестандартной лингвистикой, постучалась к Холту — надо же заранее хоть на медальоны посмотреть? Я забыла сказать насчёт формы, надеюсь, он не сердечки купил? Хотя Холт с сердечком на шее — это что-то из области запредельно невероятного.

Муж, одетый в серые полотняные штаны, шёлковую рубашку и мягкие домашние туфли, при моём появлении поднялся из кресла, где читал книгу.

— Что-то нужно, Сита?

— Да. Я хотела взглянуть на медальоны.

— Пожалуйста, — взял с тумбочки и протянул небольшой замшевый кошелёк.

Бросила на Холта короткий взгляд — корректен и сдержан до невероятности. Плохо, когда обращение так меняется — то тепло, как было ночью, то снова холодно. Проще уж холодно всё время. Что ж, пусть будет так. Коротко кивнув, повернулась к двери и, не глядя, что в мешочке, вышла из комнаты.

Рассчитала я верно. Холт двинулся следом. Похоже, хотел сам увидеть мою реакцию на покупку. Мне, само собой, тоже было любопытно, что он там нашёл. Но демонстрировать интерес я не собиралась из принципиальных соображений. Попросту говоря, из вредности. И всё же, присев на край кровати и перевернув мешочек, из которого выпали два сияющих белых овала, — ахнула. Платина, да ещё с инкрустацией небольшими бриллиантами! Похожие — и разные. На одном — сплетенные инициалы «Р» и «Х», на другом — «С» и «О». И каждый на длинной, непростого двойного плетения цепочке. То есть он ещё умудрился успеть сделать медальоны под заказ! Но сколько же такое стоит? Подняла на мужа

глаза. Тот чуть прищурился:

— Подойдут?

Подойдут. Точно подойдут. Такое удержит — и намертво — самое сложное заклинание. А может, и не одно. Кстати, магическая восприимчивость предметов четко коррелировала с их ценой. Возможно, люди интуитивно ценили выше то, что могло нести более мощный магический заряд, — благородные металлы, крупные драгоценные камни чистой воды. Второй вариант, что магии «льстили» внимание и вложенные средства и она липла к дорогим вещам, тоже обсуждался. Хотя в шутливом тоне — немыслимо же признать, что у магии есть нрав, вкусы и самолюбие?

Но, возвращаясь к амулетам, муж нашёл не просто лучшее из возможного. Его покупка была превосходна. Вещи дороже и красивее, чем та, что я держала сейчас в ладонях, у меня не было никогда. Что же, постараюсь вложить в медальоны столько, чтобы оправдать затраты.

Попросив у Рейна помощи, вынесла на свободное место у кровати тумбочку. И начала её поворачивать, добиваясь точной ориентировки краев по сторонам света. Когда начну магичить, заниматься этим будет некогда. Мне предстояло обойти каждый из будущих артефактов по кругу три раза, держась к ним лицом, и зачитывать куски формулы, обратясь сначала на восток, потом на юг, потом на запад и, наконец, на север. А тумбочке предстояло стать неоценимым подспорьем в вопросе моей правильной ориентации.

Холт попросил разрешения остаться посмотреть. Я кивнула. Пусть. Имеет право. Только попросила подождать несколько минут в кабинете — когда зачаровываешь металл, лучше не носить металла на себе самой. То есть переодеться в платье без крючков, на тесёмочках, расколоть волосы и снять туфли с пряжками и набойками.

Через пять минут я была готова — босая, в старом платье наперекосяк. Ничего, переживу ироничный взгляд патрона. Так нужно для магии...

Мне понадобился почти час, чтобы зачаровать оба амулета. Проблема была не в том, чтобы обойти два раза тумбочку по кругу, чётко выговаривая странно звучащие, непривычной артикуляции слова с ударениями и паузами в неожиданных местах. Сложность состояла в том, что я старалась вбухать сил столько, сколько была способна, выкладывалась по максимуму... и энергия уходила из меня, словно я теряла кровь, а не магию. На середине второго заклинания я поняла, что переоценила свои возможности, — но прерываться было поздно. Буду тянуть... тянуть...

При повороте на запад меня повело. И тут прямо с пола на плечо скакнула ларра:

— Восссыми немношшишко. Молоком отдашшишь...

Я молча кивнула. Оказывается, ларры могут делиться магией — кто бы подумал! Наверное, эта сильно соскучилась. Или сильно проголодалась...

Доведя заклинание до конца, я выдохнула: «Всё!» — и банально рухнула на пол.

— Тебе необходим ассистент — ловить, — сидящий в кресле рядом с кроватью Рейн поморщился. — И часто ты так... падаешь?

— Ты посмотрел, что вышло? — решила пропустить я подколку мимо ушей.

— Нет. Ждал тебя.

— Ну посмотри! И мне покажи.

Рейн открыл один из медальонов. Внутри, рассекая крышечку пополам, ярко горел красно-синий луч. Муж заинтересованно стал крутить амулет в ладони — так, эдак, под углом. Развернул перпендикулярно к земле, добившись того, что лучик почти схлопнулся в точку, — но ориентация сохранилась! Раскрыл второй медальон — то же самое. Начал вертеть оба вместе, глядя на параллельные светящиеся линии.

Потом прищурился на меня:

— Трудно пришлось, да? Но скажи, Сита. Ты поместила заклинание в крышки. А что ты хочешь сделать во вторых половинках?

Я отвернулась, чувствуя, как предательски горят уши. Ведь ясно, что для компаса хватило бы просто золотой монеты. А я попросила нечто из двух половинок... и он это понял. Ладно, отвечу честно:

— Мало знать направление, Рейн. Надо иметь точку отсчёта.

— Точку отсчёта?

— Да. Потому я и попросила купить два медальона, а не один.

До него дошло очень, очень быстро.

— Ты хочешь стать моей точкой отсчёта, Сита. Так?

— Да, якорем. Но не уверена, что смогу.

— Почему?

— Помнишь, как ты нашёл меня на полу, после того, как я колдовала для Соль? Это — первая причина.

— Понял. Тебе это будет дорого стоить. А вторая какая?

Я промолчала. Сейчас мне пару суток восстанавливать силы. Пока неактуально.

— Сита! Какая вторая?

— Мы должны быть близко, очень близко в момент наложения связи.
Говоря, я смотрела ему прямо в лицо. И видела, как он сглотнул.
Непонятная реакция. Но на восторг никак не похоже. И отреагировал
Холт непонятно:

— Засыпай. Я посижу рядом, пока ты не уснёшь... Потом пойду к
себе.

Утром я проснулась в гордом одиночестве. Взяла на руки Соль —
покормить. Ларра, ожидая обещанного, тёрлась у ног.

— Ссэнасс, спасибо, что вчера помогла. Но я не знала, что ларры
могут давать магию.

— Мошишем... но молчим. И те, кто ссснает, молчат.

Понятно. Наверняка мой учитель в курсе ларриных тайн. Но не сказал
ни слова мне, потому что этот секрет ему доверили.

— А Холт?

— Не ссскашшет, — потверждающе кивнула севшая на задние лапы
ларра. Задумалась. Из спины ларры на моих глазах выросла пятая лапа,
изогнулась под неестественным углом, почесала загривок и бесследно
исчезла. М-да. Точно не кошка, те такого не умеют.

— Ссэнасс, я тебя чувствую, глажу, чешу. Но ты ходишь сквозь стены
— как?

— Как хочу. — Улыбка ларры стала плутовской. — Твердый лёд и
невидимый летучий пар — одно и то же, ссоглассна? Я тошище могу...

Ну, лёд и пар — это вода. А из чего состоят ларры?

Спросила. И ожидаю услышала, что из молока.

А ёщё Ссэнасс приволокла откуда-то фаянсовую белую миску с
рисунком кошки на боку. И подкатила мне под ноги.

— Миссска Ссэнасс. Поссставь под посстель.

Пушистая вымогательница. Ну, пусть. Заслужила.

Глава 3

Когда кто-то показывает пальцем на небо, только дурак смотрит на палец.

Амели

После завтрака мы с Рейном сели в кабинете за работу. Стол был один, но зато размером с парадный газон у особняка мэра Салерано. Мы подвигали туда-сюда стулья, устраиваясь и примериваясь, поперемещали коробки. Наконец, расположились и приступили. Я выбрала себе ящик бумаг и открыла новую тетрадь. Система записи была уже разработана, так что на первый взгляд казалось, что сложностей быть не должно. Ага! Размечталась.

Во-первых, лежащая ближе всех к северу, то есть к границе, Паэнья пропускала больше всего транзитных грузов. А во-вторых, у одного из клерков портовой службы был просто отвратный почерк. Разгадать, что «ораророр» — это всего лишь «фарфор», после пяти минут вдумчивого взгляивания я смогла. Но попадались такие кракозяблы и абракадабры, что моего воображения представить — что бы сие значило? — не хватало.

Обратилась к Холту.

Тот сунул нос в бумагу, фыркнул. По мере всматривания брови уползли куда-то вверх.

— Откладывай эти в сторону. Я разберусь. Он пишет буквы одинаково, то есть нужно один раз отследить написание основных буквосочетаний, и можно будет прочесть написанное.

Но когда я наткнулась на образчик творчества второго портового кудесника от каллиграфии, Райн застучал длинным пальцем по столу.

— Похоже на саботаж. Существуют квалификационные требования к принимаемым на работу в госучреждения сотрудникам. Разборчивый почерк — одно из них. И следование системе общепринятых сокращений — тоже. Начальник порта обязан следить за документооборотом... если, конечно, не замешан сам. Может, и не в нашем деле, а во взятках или воровстве...

Представила гипотетического начальника... три его подручных банды грузчиков... пять пиратских экипажей... — ну и куда меня опять понесло, спрашивается?

До вечера я выяснила, что моя знакомая «Чайка», а также «Меч-рыба» и ещё пара примелькавшихся шхун залетали и сюда.

— Рейн, можно ли предположить, что именно в нечитабельных бумагах скрывается то, что нам нужно?

— Можно. Но полной уверенности нет. Не исключено, это просто рукомесло взятых по протекции чьи-то родственников, не пригодных больше ни к чему.

Я задумалась:

— Рейн, ты знаешь, что я могу видеть ауры. Обычно это помогает понять, врёт человек или нет. Даже если по лицу ничего не прочесть.

— И? Как ты предлагаешь это использовать? — взгляд серых глаз стал острым.

— Смотри. Например, я вот подумала, что наверняка у пиратов есть где-то база, перевалочный пункт. Ведь вряд ли сама «Чайка» раз за разом ходила на абордаж? И быть не может, что жертвы не сопротивлялись, — то есть на боевых кораблях должны остаться и следы перестрелок, и рваные паруса, и что там ещё бывает после морских сражений? А на судах, доставляющих товары в порт, ничего такого нет. И вспомни: случалось так, что награбленное — те же самые чёрное дерево и какао — привозили два корабля в разные сроки. Выходит, где-то есть промежуточная база с хорошей гаванью и складами. Согласен?

Рейн кивнул. Я продолжила:

— Вот когда мы приедем, наконец, в столицу, там среди арестованных будут те, кто знает, где это место. Только вряд ли они скажут. Но если, допустим, повесить перед носом у допрашиваемого карту побережья и начать тыкать указкой: «Здесь? Здесь?» — тогда даже если он будет молчать как рыба, то когда указка ткнёт близко, возникнут сильные эмоции. Как в игре в «горячо — холодно». Важен правильно заданный вопрос. Понимаешь?

— Понимаю.

— И с начальником порта тоже так. Если аккуратно в разговоре высказать варианты, отчего бумаги выглядят так, словно их писал попугай полуграмотной торговки с привоза, в момент попадания должно что-то мелькнуть, даже если вслух не будет сказано ни единого слова.

— Меня ты тоже так видишь?

— Иногда, — улыбнулась я.

— А амулеты, приглушающие всплески эмоций, существуют?

— Конечно. Но они редки, сложны в изготовлении, и носить их нужно

именно на голове. Например, большинство корон зачарованы так, что, кроме всего прочего, прячут эмоции монарха от окружающих.

— Сделаешь потом мне такую защиту?

— Ты для меня — закрытая книга, — посмотрела на него серьёзно. — Если ты, конечно, об этом.

— Нет, я не об этом. Но не хочу оказаться открытой книгой в столице для кого не надо.

— Сделаю. Только не обычный обруч — тот заметен, да и ты такого, вроде, не носишь. Нужно найти подходящую заколку или шнурок для волос. Сил придётся вбухать побольше, зато никто не заподозрит, что ты используешь экранировку.

И уткнулась в бумаги, успев заметить, как Рейн оценивающе меня разглядывает.

Я тупо пялилась на страницу. «К» или «Н», потом палка, палка, ещё палки, всего дюжина, потом пробел, две короткие палки, одна подлиннее, хотя это могло быть случайностью, и ещё восемь или девять переходящих в волнистое нечто палок. Над последней — галка. И как такое понимать?

— Чего неясного, — усмехнулся заглянувший мне через плечо Рейн. — Кишмиш сушёный. Пятьдесят мешков. Или тридцать?

— Аа-а, ну да, конечно, и как я сразу не догадалась? — нервно хихикнула я в ответ. — Но мне кажется, их семьдесят.

— Хватит. Покорми Соль, и пойдём погуляем. А по бумагам так: кроме грузовых деклараций есть налоговые, им соответствующие. Потом попробуем сопоставить.

Гулять я не рвалась. Последний наш с Холтом променад закончился незапланированными родами в чужом винном подвале. И хоть сейчас мне такое уже не грозило, всё равно выходить из дома было страшновато. Тут я в безопасности. А там?

— Ну, ты же не можешь сидеть, не высовывая носу наружу, весь месяц?

Могу.

— Рейн, давай я доделаю сегодня вечером наши амулеты. А как приду в себя, поставлю на нас два-три охранных заклинания, и тогда пойдём. Ладно?

— Рядом есть кафе с мороженым и видом на город. И мы обещали зайти в гости в магазинчик редкостей, — укоризненно покачал черноволосой головой муж.

— Завтра, — упёрлась я.

— Ну, как хочешь. Тогда иди передохни, а я тут немного потренируюсь.

Оказалось, Рейн практикует какой-то неизвестный мне доселе вид заморских единоборств — с плавными, перетекающими друг в друга стойками, резкими рубящими ударами, махами ногами выше ушей. Одн раз я попросила разрешения посмотреть на разминку — и пожалела. Потому что, глядя на разворот плеч и вихрь чёрных волос, поймала себя, что думаю непонятно о чём.

Так что сейчас я просто кивнула и пошла к себе в комнату. Повожусь с Соль, поболтаю с ларрой. Серая хитрюга не отходила от корзины. Похоже, ей игры с бубенчиком на хвосте нравились не меньше, чем моей дочке. А ещё Ссэннесс забавляла меня сменой обликов. Вчера, например, она ходила на шести лапах. А после кормления отрастила целых восемь, начала гулять восьмёроками между ножками стула — и запуталась.

— Весссело, — охотно согласилась ларра, когда я, глядя на ее фокусы, повалилась от хохота на кровать.

В доме ньера Ленарта шла своя, довольно своеобразная жизнь. Мне понадобилось два дня, чтобы заметить, что сноровистый темноволосый Винарт, ужинавший вместе с нами, поглядывает в сторону хозяйственных дочек. Правда, те сидели рядом, поэтому понять, к какой именно обращено внимание, было непросто. Анарда старалась быть на подхвате у Тириссии... но мне показалось, что в этом есть что-то нарочитое. Вдова следовала за сестрой хвостом, раз за разом повторяя: «Милая, давай я помогу, а то одна ты не справишься». Кроткая Тир согласно кивала. Элина и Сания без конца шушукались, хихикали, а иногда вздыхали, глядя в потолок, — похоже, в головах у обеих, невзирая на подступающую осень, гулял весенний ветер. Я со своим скептически-сумрачным настроением чувствовала себя на их фоне древней старушкой. Но, несомненно, все четверо юных ньер обожали хозяина дома — и ньер Сертано отвечал домашним тем же, находя для каждой приветливое слово и почти каждый день принося домой или какое-нибудь лакомство, или подарок, или забаву, или просто букет цветов.

Хороший дом.

* * *

Вечером Рейн постучался в мою комнату.

— Сита, можно?

— Заходи.

Бросила короткий взгляд в зеркало: всё в порядке — домашнее платье под горло и с длинным рукавом, волосы аккуратно собраны в пучок на затылке.

Рейн, войдя, тоже оглядел меня с головы до ног. Потом посмотрел в глаза:

— Сита, что это за заклинание связи? И почему ты так боишься?

Боюсь? Ну, можно назвать и так. Но всё же, почему он спросил?

— Это очевидно. Ты в первый раз надела тут настолько закрытое платье. Застегнула все до единой пуговицы. Да ещё причёску сделала, как у сестры Храма. Нормальный муж решил бы, что жена очень им недовольна. А я вот думаю, что ты боишься. А чего? Позволишь присесть на постель?

Я кивнула.

Он опустился на край и похлопал ладонью рядом с собой:

— Сядь рядом и попробуй рассказать. Что это за магия такая?

— Рейн, ты наверняка знаешь, что различные заклинания требуют самых разных, зачастую странных, условий для срабатывания. И что именно постоянные заклинания — самые сложные и энергоёмкие. Мне легче три десятка человек молниями приложить или вылечить тифозного больного, чем сотворить один компас. И постоянные заклинания часто связаны с дополнительными заморочками. Например, вчера на мне не должно было быть никакого металла, а произносить каждый кусок формулы было надо, повернувшись лицом в нужную сторону света.

— А что нужно сегодня?

— Результатом должен стать лучик в каждом из двух амулетов, который показывал бы, где находится второй из нас, — ушла я от ответа.

— Сита, кончай ёрзать и увиливать.

— Он будет тем ярче и срабатывать на тем более дальнем расстоянии, чем сильнее установленная связь.

— Так, дошло. Ты сказала вчера, что условие — наш максимально тесный контакт в момент наложения заклятия, да? И что тебя смущает? Мы уже больше месяца зовёмся мужем и женой, и, что бы мы ни сделали, всё будет законным и ничто не будет слишком. Супружеская близость обязательна?

— Нет! — отшатнулась я.

Вот на это я не пойду ни при каких условиях. У нас — фиктивный брак. И через несколько месяцев мы расстанемся. И вообще, такое надо делать по любви, а не зачем-то ещё. Так что неважно, как мы там зовёмся.

— Я верно понимаю? Ты мне благодарна, но продолжаешь любить

бывшего мужа?

— Нет!

— Сита, если тебе это настолько сложно, давай откажемся от этой затеи. Я просто постараюсь быть осторожнее.

Вот интересно, а ему совсем не сложно? Обниматься с той, на которую, в общем-то, и смотреть не хочется? Или у мужчин это по-другому? Ведь Андреас обнимался со мной, и не только... а любви там изначально не было ни на медяк.

— Рейн, я обещала помочь. И помогу. Мне нужна прядь твоих волос. Отрежешь сам или лучше я?

— Тонзуру только не делай, — фыркнул названный муж.

Достала заранее приготовленные ножницы. Расколола свой пучок. Нашарила над ухом, чуть сзади, где не будет видно, длинную прядь. Отрезала. Вздохнула — таким макаром лысой останешься. Потом отчекрыжила прядь с затылка Рейна. Поделила каждый локон на шесть частей, перемешала его волосы с моими и начала выплетать две тонкие тугие косички. Чем туже, тем лучше. Концы обмотала волосками так, чтобы не распускались.

— Рейн, дай медальоны!

Взяла свой, открыла и уложила змейку косички плотной спиралью внутрь коробочки. Потом повторила то же самое с амулетом Рейна. Завершив, уколола воздушным лезвием безымянный палец левой руки. Левой — потому что от сердца. Накапала по семь капель крови туда и сюда. Когда закончила и заживила порез, Рейн без просьб протянул свою руку. Я коснулась его ладони и чуть вздохнула: кисть узкая, пальцы длинные — это могла бы быть рука мага. Жаль, не дано... Уколола его палец — Рейн не вздрогнул. Отсчитала два раза по семь капель и подула, чтобы заживить ранку.

— Что дальше?

— Раздевайся. До нижних штанов, — и отвернулась. Взглянула на часы на стене — без десяти полночь. Почти как раз...

— Готово.

— Закрой глаза.

Не поворачиваясь к нему, раскрыла гримуар на нужной странице, положила на тумбочку и быстро, пока не потеряла решимости, разделась сама. Совсем. И, стараясь, чтобы голос не дрогнул, велела:

— Слушай. Я подойду вплотную, дам тебе брелок на ладонь. Волосы сгорят. Глаз не открывай, амулет не роняй. Как всё закончится, я скажу.

Понял?

Он фыркнул.

Покосилась на тумбочку — встать надо так, чтобы можно было подсматривать в шпаргалку. Формула не длинная... но лучше не путаться.

Потянула за руку Холта, поднимая с кровати. Стارаясь не смотреть на него, развернула лицом в нужную сторону. Танцы какие-то дурацкие! Отвела его правую руку чуть в сторону — он послушно замер. Левую согнула в локте и положила на раскрытую ладонь медальон.

— Не урони!

— Понял.

Вздохнула, взяла в левую руку свой медальон и шагнула к Холту. Прильнула всем телом, уткнувшись носом в твердую грудь. Бrr! Опять этот беспокоящий запах и глухой стук его сердца рядом... Ладно, не отвлекаюсь. Отставила руку с раскрытым медальоном на ладони. Правой обняла мужа за спину, прижимаясь ещё теснее.

— Мне тебя обнять можно?

— Да. Нужно.

А вот скользить рукой от лопаток до зада, засветив то, что я раздета совсем, — это уже лишнее...

— Держи медальон и не отвлекайся!

Покосилась глазом на часы — пора. Книгу — вижу. Итак.

— Сиаррэ варинте эршал та альсифш... — Волос к волосу, кровь к крови, кожа к коже — соедини этих двух нитью прочной...

Медальон в ладони резко нагрелся, из него ударил фонтан красного огня. Да! Ладони стало горячо, потом больно, я терпела, сильнее и сильнее прижимаясь к Рейну. А он притискивал меня. Сердце колотилось как бешеное, голова кружилась — кажется, я снова отдала магии больше, чем могла...

Когда огонь, наконец, потух, я всхлипнула, выдохнула Рейну в грудь: «Всё!» — и стала куда-то падать. Рухнуть на пол мне не дали, пируэтом развернув к кровати и приземлив туда.

— Я спать, — сообщила я. — Проверь, работает?

Он почему-то молчал.

Когда под утро, разбуженная голодным мяуканьем Соль, я разлепила глаза, то уже не была уверена, что всё не приснилось. Светлый овал медальона лежал на тумбочке у изголовья. Открыла — да! — в крышке светилась стрелка магического компаса, а с другой стороны ярко пылала алой стрелой ещё одна, показывающая на стену комнаты Холта. И я знала,

что цвет будет меняться от густо-красного, когда муж вот так, почти рядом, до розового и даже белого, когда мы окажемся вдалеке друг от друга. Интересно, а на каком расстоянии стрелка выгорит, выцветет, станет прозрачной и исчезнет совсем? Была бы она видна, если бы Рейн уехал в столицу? Возможно, да. А где предел? Однажды узнаю.

Спустила из-под одеяла голые ноги. Вздохнула — наверное, Рейн вчера всё-таки меня видел. Вряд ли он укладывал меня спать с закрытыми глазами? Хотя кто знает... есть же поговорка «чтоб глаза мои не глядели!». Переживу. Больше ничего такого экстремального я затевать не собиралась, а нужные для безопасных прогулок по городу «отвод глаз» и «касание зла» ничего лишнего не требовали.

Первое заклинание не давало сосредоточить внимание, как следует тебя рассмотреть. Взгляд сам начинал косить куда ни попадя, лишь бы избежать зачарованного предмета. Доходило до того, что если хороший маг накладывал такое на мишень, арбалетчики начинали стрелять куда угодно, хоть в белый свет, но не в яблочко. В Визении оболтусы-старшекурсники как-то на спор заколдовали один из столбов на перекрёстке у рыночной площади, резко повысив городской травматизм. Влетело экспериментаторам по первое число, чуть из семинарии не выгнали. А в качестве наказания провинившихся заставили месяц мести эту самую площадь, причём безо всякой магии. Чтобы запомнили. Впечатлилась и запомнила вся семинария.

Второе заклинание позволяло почувствовать, если в радиусе десятка шагов появился кто-то с нацеленными на тебя недобрными намерениями. Если б такое стояло на нас тогда, в Салерано, ничего бы с нами не случилось...

Услышав, что я проснулась, под кроватью загремела миской ларра. Ну да, эта не даст о себе забыть... Соль снова агукунула и брыкнулась. Правильный ребёнок, здоровый и с характером. Сейчас умоюсь и займусь.

Пока кормила, проснулась. Заглянула в себя — ага, магия почти восстановилась. Вот и хорошо — сейчас закончу с мелкими и голодными и зачарую медальон от кражи и потери. А то в него столько денег, нервов и сил вбухано, что будет жаль, если пропадёт по недосмотру.

Не успела доделать — в дверях появился Рейн. Скептически взглянул на меня:

— Ну и вид. Точно все подумают, что у нас была бурная ночь. А меня станут считать маньяком, который недавно родившей жене покоя не даёт.

Я покраснела. А потом разозлилась:

— Дай свой медальон, зачарую от потери и воровства. И, если не

устраиваю, зайти развестись в Храм можем прямо сегодня. Я не возражаю.

— Устраиваешь, — вздохнул Рейн, стягивая цепочку медальона с шеи. И серьезно добавил: — И знаю, что не возражаешь.

Я отвернулась к стене. Хорошее настроение почему-то пропало.

— Сита, не обижайся на неудачную шутку — опыт семейных отношений у меня меньше твоего. И ещё — хочешь узнать новости?

Какие такие новости ночью? Откуда он их взял?

— Взял, — иронично скривил губы Рейн. — Сегодня из столицы с рассветом сюда выехали три королевских аудитора. Ты же понимаешь, я сам во всех расследованиях не свечусь. Я — вроде как пёс, дело которого почуять дичь. А стреляют пусть охотники. Так задача вот этих троих — прижать начальника порта. С одним ты познакомишься: Брайт — отличный парень и мой личный помощник. Но всё же думается мне, что каракули в записях с нашим делом напрямую не связаны. Ведь цель пиратов — аккуратно легализовать награбленное. А эти мазилы с кракозяблами на расследование просто нарываются. В общем, через пять-шесть дней, на сменных лошадях, инспекторы будут тут. За это же время по датам и названиям судов Лен найдёт соответствующие записи по своему ведомству — то есть выяснит, какие налоги уплачены с грузов. Сравним, поглядим. А потом я попрошу твоей помощи — мы незаметно поприсутствуем при допро... то есть при беседе с начальником порта, и ты опробуешь свой метод с аурами, хорошо?

Я, машинально следя за сидящей рядом с корзинкой Соль ларрой, которая снова превратила хвост в удилище — в этот раз с розовым мячиком на конце — и упоённо дразнила моего ребёнка, кивнула.

Позавтракав омлетом с жареной ветчиной и свежими булочками, мы с Холтом опять засели за работу. Я поймала себя на том, что меня просто тянет снова надеть то платье из кофейного цвета саржи, с пуговицами под подбородок. Ну тянет и тянет. Надела, гладко зачесала волосы. Вот так. Никакого кокетства, никаких иллюзий. И впредь никаких заклинаний, после которых непонятно что снится... Я тут замужем по делу, а не глазами хлопать.

До обеда мы работали, время от времени перебрасываясь короткими репликами. Мне казалось, что я нашарила ещё пару кораблей и, соответственно, одного чиновника, который прилежно раз за разом подмахивал сомнительные грузовые декларации. Интересно, кстати, кто его самого назначил? Если выясним, станет известно, кто патрон пиратов в столице?

— Не так просто. Влиятельные люди часто оказывают друг другу услуги. И тот, кто подписал указ о назначении, мог и не подозревать ни о каких пиратах или незаконных операциях, а просто расплачивался услугой за помочь кого-то другого, высокопоставленного и богатого, — прокомментировал мои соображения Холт.

Сам он сегодня был в жемчужного цвета шёлковой рубахе с широкими рукавами, чёрных штанах и длинном атласном жилете. Волосы сколоты на затылке. Вид деловой и одновременно чуть опасный. Ему шло.

— Да, после обеда мы идём гулять.

— Зачем?

— Затем, что нельзя сутками сидеть в доме. Затем, что Паэнья — очень красивый город, не зря её зовут северной жемчужиной. И затем, что тебе нужны ещё платья. Сейчас пока жарко, а хорошее лёгкое у тебя только одно — то лавандовое. Ты выкладываешься для меня по максимуму, позволь в ответ хоть немного позаботиться о тебе. Нет, не фыркай, как недовольная кошка. Но ты же сама видишь не хуже меня, что то, что на тебе сейчас, тесно в груди, зато висит в талии. Сита, разреши мне сделать для тебя хоть эту малость.

С мужчинами бессмысленно спорить. Проще отбрыкаться в процессе или спустить всё на тормозах. Хмыкнула: и, кажется, я знаю, как это сделать!

Надев неизбежное лавандовое платье — я поддерживала его чистым и глаженым при помощи магии, — дождалась в своей комнате Рейна. За спящей сытой Соль пообещала присмотреть ларра. Тир я предупредила, что мы вернемся быстро и что не надо заходить в комнату, если только малышка не заплачет, — а с такой нянькой этого точно не случится.

Когда появился Рейн, сказала, что хочу наложить — для безопасности — «касание зла» и «отвод глаз». Объяснила суть заклинаний, Рейн кивнул, соглашаясь, что, мол, разумно. Я поставила мужа на коврик, встала сама рядом. Ибо наложить на двоих отвод глаз по отдельности — это лучший способ сделать так, чтобы эти двое разругались вдребезги. Если тебя хронически не замечают, на вопросы не отвечают, а на реплики не реагируют — такое не укрепляет хороших отношений. Вспомнила, как экспериментировали мы с Вилькой. Уж знали, чего ждать, — и то два дня друг на дружку дулись. Кстати, мощное оружие! Вот чем надо было Андреаса угостить! Если бы при его непомерном самомнении окружающие вдруг в упор перестали бы его видеть... Оо-о! Хотела бы я на такое посмотреть!

Так что стандартная формула позволяла накладывать заклинание на группу объектов, размер которой был ограничен лишь силами мага. В формуле была строка, куда при произнесении вставлялось «в этом круге», или «в этой комнате», или что-то подобное. Сейчас я произнесла «на этом коврике».

— Ничего, что на нас на улице станут натыкаться? — поинтересовалась я, когда мы выходили из дома.

— Прямо-таки натыкаться? — поднял бровь Рейн.

Не верит? Ну-ну.

Не успели мы дойти до конца ограды особняка Ленарта, как внезапно вылетевший из переулка пацан лет семи с размаху въехал головой мужу в живот. Упруго отразился и сел на тротуар, недоумевающе озираясь и тряся головой. Не ожидавший удара Рейн согнулся чуть не вдвоем. А когда выпрямился, хладнокровно поинтересовался:

— Ты уверена, что это заклинание — для безопасности?

Я прикусила губу, чтоб не засмеяться, и кивнула.

Впрочем, мы быстро приспособились. Народу в верхней части города было не слишком много, так что лавировать между прохожими не представляло труда. Но на нас действительно не смотрели.

Паэнья лежала на севере западного берега нашего полуострова, там, где тот смыкался с материком. Отсюда в хорошую погоду можно было даже разглядеть снежные шапки гор Сиррано на севере. А зимой тут шёл не просто холодный дождь, как в Салерано, но выпадал и неделями не таял снег. Сейчас, летом, разница была почти не заметна. Но зимовать бы я предпочла в местах поужнее.

Мы стояли у парапета длинной террасы и разглядывали город. Прямо за широкой каменной оградой начинался крутой обрыв. А под ним раскинулось море красных крыш — до самой гавани, в которой покачивались на волнах десятки кораблей со свернутыми парусами. Как чайки со сложенными крыльями. Наступит время — и они сорвутся с привязи, чтобы, распустив паруса-крылья, устремиться туда, где на грани видимости море сливается с небом...

— Вон Храм, видишь? — показал Холт. — Правее — ратуша, и почти рядом с ней — резиденция мэра. Вот тот четырехугольник — казармы. А большой кусок зелени немного дальше — городской парк. Очень красивое место, стоит посетить. Там много редких заморских цветов, трав, даже деревьев. Тебе понравится. А ещё правее — видишь? — низина, там в залив впадает текущая с гор Салинья. И находится ещё один порт —

речной. Многие перевозят товары на север не через город, а по воде. Поднимаются на баржах до начала порогов, где есть расположенная рядом с большой дорогой пристань. Если товар не скоропортящийся — так выходит заметно дешевле.

Рассказчиком Рейн был отменным. Я даже почти раскаялась в той шутке, которую задумала. Впрочем, приступ добронравия продлился ровно до тех пор, пока Холт «случайно» не вспомнил, что «как раз рядом есть ателье, где дочки Лена заказывают платья».

Ну, пошли заказывать.

Пришли. Вошли. Встали у стендса с тканями, рассматривая разноцветные отрезы. Никто — ни двое приказчиков, ни симпатичная девушка с мерной лентой через плечо — не удостоили нас даже взглядом. Я смирилась с разглядывающим образцы мужем. Наконец Рейну надоело топтаться попусту:

— Мне нравится этот вот золотистый шёлк. И этот голубой муслин. И этот... Что скажешь?

Обернулся к приказчику, щёлкнул пальцами:

— Молодой человек, будьте любезны!

Молодой человек поднял голову, взглянул на нас... и снова уткнулся в журнал, который листал до нашего прихода.

Второй молодой человек и девица отреагировали тоже вяло.

Рейн начал буравить невежливого подмастерье глазами — тот стойко игнорировал внимание королевского эмиссара.

Сложно сказать, что было бы дальше, но в приёмную вышел один из мастеров — седоусый дядечка в очках:

— Мари, иди, займись делом! Прибери обрезки у моего стола! — и, в упор нас не замечая, прошёл мимо.

Холт, до которого наконец дошло, что происходит, укоризненно на меня посмотрел. И поймал мастера, который чуть не задел его плечом, за рукав. Портной изумлённо захлопал глазами, узрев непонятно откуда свалившихся клиентов.

— Добрый день. Мы тут по рекомендации ньера Ленарта лен Сертано. Моей жене нужны четыре платья.

Четыре? Совсем обалдел? Как я расплачиваться буду?

— Жене? И где ваша уважаемая супруга?

Рейн обернулся ко мне, покачал головой. Лицо было уже совсем нехорошим. Схватил и меня за рукав и неласково выпихнул вперёд.

— Вот она.

— Ньера, добро пожаловать! Так что, вы говорите, вам нужно?

— Четыре платья, — повторил муж.

— Ах, платья? А какие?

— Мы выбрали ткани — эту, эту...

— Ситайр! — неожиданно отвернулся от Холта мастер. — Ты не забыл пришить пуговицы на зелёный камзол? За ним сегодня придут!

— Уважаемый мастер, мы говорим о платьях...

— О каких платьях? — удивлённо заморгал портной.

— О четырёх платьях для моей жены, — очень терпеливым тихим голосом чуть не по складам выговорил Холт.

— Для жены? А где она? Надо же снять мерки.

— Вот она.

— Ньера, добро пожаловать! — и, отвернувшись: — Мари! Мари, ты убрала мой стол? Тогда займись приходной книгой на новые ткани!

Рейн, коротко зарычав, — впервые слышала от него такое! — потянул меня за руку на выход. Выволок на улицу, развернул к себе лицом и поинтересовался:

— Я так понимаю, в кафе нам тоже делать нечего? И в магазины лучше не заходить?

Я радостно закивала понятливости мужа.

Хорошо иметь дело с догадливым человеком!

Домой мы вернулись одновременно с ньером Ленартом, который нас тоже не заметил. И стали свидетелями интересной сцены — хозяина выбежала встречать не занятая чем-то Тирисия, а Анарда. Причём мне показалось, что свояченица просто вьётся вокруг ньера Лена, набиваясь на поцелуй. Как-то некрасиво.

В комнате Рейн поинтересовался:

— А поужинать мы сможем? Или тарелки поставят перед всеми, кроме нас?

— Через час оно само развеется, — кивнула я. — Сейчас переоденусь, покормлю Соль и сяду за работу, да?

Рейн фыркнул.

Ужином нас накормили. Всей компанией мы справились с большим жареным гусем с яблоками, и единственной нотой, омрачившей веселье, стало то, что ньер Ленарт рассказал о произошедшем у соседа несчастье — у того неожиданно умерли две старые собаки, прожившие в доме почти пятнадцать лет.

Глава 4

Искать мужчину, который сделает мою жизнь легкой? Я бы предпочла кого-нибудь, кто сделает её интересной.

Э. Уоррен

Я снова была в сером туннеле. Теперь я сама, не Холт. И бежала, бежала, спасалась из последних сил, петляя по бесконечным коридорам. А следом гналась тьма. Не просто мрак в смысле отсутствия света, а что-то, выглядящее мраком, — непонятное, огромное, голодное... и разумное. Свернула в очередной раз, чувствуя, как подкашиваются ноги, — и оказалась в тупике. Дальше хода не было. И назад его не было тоже — оттуда медленно, неотвратимо выползали чёрные жгуты щупалец...

— Сита! Сита!!! Проснись! Ну, хорошая, открывай глаза, что ты, что ты?

Ох, Рейн. И я не в катакомбах, а у себя в кровати. И он рядом, трясёт меня за плечи. А под кроватью шипит ларра.

— Опять кошмар?

Я кивнула, клацая зубами.

Он, не раздумывая, притянул мою голову к себе на грудь. Обнял.

— Снова катакомбы?

— Да. Мне снилось, — передёрнулась от пережитого страха, — что я убегаю. И за мной гонится какое-то создание. Чёрное, огромное, голодное. Не зверь, не человек. Что-то непонятное.

— Сита, я верно понял? Там была ты, а не я? И опасность грозила тебе?

Молча кивнула.

— Повторю снова: Сита, бери ребёнка и уезжай из Паэнни. Смотри, фокус событий сместился. Теперь в опасности ты. — Он легко встярхнул меня за плечи: — Уезжай, уезжай отсюда немедленно!

— Тогда погибнешь ты. — Я была уверена в том, что сказала. И продолжила бодрым враньём: — Знаешь, я почему-то убеждена, что всё обойдётся, если мы будем, как в том подвале, — вместе.

— Сита! Нашей дочке нужна мать!

Улыбнулась. Сейчас он говорит, не думая. И назвал Соль не моей, а

нашей...

Он погладил меня по волосам. Вздохнул:

— Давай поговорим завтра? Посидеть с тобой, пока ты не уснёшь?

Я кивнула опять.

— Рейн, а как ты проснулся? Я кричала во сне?

— Нет, Ссэнасс разбудила, — усмехнулся он, вытягиваясь рядом. — Иди ко мне на плечо и засыпай. И, знаешь, у тебя чудесный запах. А платья я тебе всё равно куплю, как ни вредничай.

Улыбнулась снова.

Он ещё не знает всего, на что я способна.

Когда проснулась утром, Холта, ожидаемо, уже не было рядом. А я поняла, что делать дальше. Нужно пересмотреть все мои книги и выяснить всё, что можно, об эктоплазме. Потому что было похоже на то, что обитатель катакомб — это именно она. Или что-то близкородственное...

Эктоплазма — эманация живых разумных существ, которая остаётся в нашем мире после их гибели. Этакий сгусток энергии, воли, а иногда и магии. Большинство призраков, например, кладбищенские, имеют именно такое происхождение. Причём чем внезапнее, ужаснее, несправедливее была смерть, тем больше вероятность того, что в последний момент выплеснется количество субстанции, достаточное для создания стабильного образования.

Вообще, эманации были в прямом и переносном смысле «темна вода во облацах». Я подозревала, что упивающаяся сейчас под кроватью молоком ларра изначально тоже была сгустком эктоплазмы. Можно потом осторожно с ней поговорить — кому знать о таких вещах, как не Ссэнасс?

Дождавшись, пока ларра закончит трапезу, спросила:

— Ссэнасс, ты слышала про катакомбы?

Ответом стало шипение и вставшая дыбом шерсть:

— Сссльшишшала! Там шшшивет Пошиширатель! Не ходи, умрёшишь!!!

Ничего себе!

— Ссэнасс, я не хочу туда идти. Но мне снятся сны, что я и Рейн туда попали.

— Плохие ссыны!

— Плохие. Но если они сбудутся, нам нужно как-то защититься от этого Пожирателя. Кто он такой, ты знаешь?

— Сссвой! Сссъест! Боюссся... — Ссэнасс прыжком исчезла в стене.

М-да, поговорили. Но кое-что я узнала. Чем бы оно ни было — оно

жрёт. И оно — я была уверена — разумно хотя бы на уровне инстинктов. А ещё оно неправильное — эктоплазме положено быть светлой, а не чёрной. Ладно, беру книги и просматриваю всё подряд: изгнание духов, обуздание призраков — всё сгодится!

— Доброе утро! — в дверях появился Холт. — Чем ты Ссэнасс напугала? Она прилетела ко мне прятаться.

— Попыталась расспросить её о той чёрной твари, которая мне приснилась.

— И?

— В катакомбах что-то есть. Разумное и злое. Ссэнасс называет это Пожирателем.

— Отличная новость, — вздохнул Рейн. — Что собираешься делать?

— Читать всё подряд про эктоплазму. Может, что-то сообразжу. Как думаешь, с нашим делом это связано?

— Знаешь, Сита, я не в первый раз замечаю, что, начав расследовать что-то одно, находишь совсем другое. У меня был случай, когда я искал в неком доме украденные фамильные драгоценности, а попутно вскрыл адюльтер, нашёл три трупа десятилетней давности и выяснил, что наследника рода подменили... Ну, и было там ещё по мелочи. Вот похоже, что тут, в Паэнье, тоже целый клубок проблем. От вопросов с чистописанием до этой твари.

— А драгоценности ты нашёл? — заинтересовалась я.

— А то как же! Будет время, расскажу. История длинная, но забавная. Ладно, поднимайся — пора на завтрак.

— Я тебе кое-что купил, — сообщил мне Рейн днём, когда я, закончив заполнять очередную страницу тетради, потянулась, прогнув спину, и стала скимать-разжимать кулаки, чтобы размяться.

— Что? — насторожилась я.

— Вечернее платье для танцев.

— Что-о?!

— Что слышала. Вот объясни, почему ты так сопротивляешься? Вроде я тебя не домогаюсь, просто хочу сделать подарок.

Дурак. Женщины как раз и не любят подарков от тех, кто их не домогается. Потому что непонятно, а тогда зачем? Ясно только, что за непрошеные презенты однозначно придётся платить, и часто втройне. Мне не нужны одолжения. То, что я сочту необходимым, — куплю себе сама. Может быть, не сейчас. Но если однажды мне приспичит раскатывать в золотой карете — приобрету карету. Но заработаю на неё сама. А залезать к

этому типу всё больше и больше в долг — не хочу!

— Спасибо, Рейн. Мне не нужны ни подарки, ни одолжения.

— В данном случае это не одолжение. Нам нужно вечером сходить в школу танцев, которую посещают Элина и Сания, посмотреть на этого маэстро Сирины из Андарры. Лен попросил. А у тебя ничего подходящего нет.

— Потенциальный зять? — поинтересовалась я. А сама прикинула, что вот вырастет Соль, пойдёт учиться танцевать... а потом поставит меня перед фактом, что собралась замуж за ногодрыга-педагога. Буду ли я рада? Вопрос вопросов. Но разузнать всё о женихе и убедиться в его искренности захочу однозначно.

— Возможно. Лен обеспокоен.

— Понимаю. Когда идём?

— Платье принесут к пяти. Ещё час на подгонку. Можем сегодня вечером и сходить.

— Рейн, а ты видел, что Винарт тоже смотрит на кого-то из девочек?

— Конечно, я же сыщик, — прищурился муж. — На Элину. Там дело дошло до поцелуев. Кстати, Лен тоже в курсе. Но делает вид, что ничего не замечает, и играет в строгость. Он считает, что Винарт лен Каритти — достойный молодой человек. Но тот беден. Так что, если хочет добиться Эли, пусть старается, работает. Скопит немножко денег, вложит их поумному... а пока будет всем этим заниматься, и Эли подрастёт. А смотреть на женихов надо внимательно — приданое у обеих девочек о-го-го...

Ясно. В некотором смысле быть невестой с приданым хуже, чем невестой без него. Потому что как угадать, на кого из вас двоих запал тот, кто так рвётся повести в Храм? По себе знаю, чего стоит ошибка. Так что однозначно помогу. И без платья. Можно, кстати, в сером сходить — по вечерам не так жарко.

— Чего бурчишь под нос? Что платье не возьмёшь? — склонил голову набок и прищурился Рейн.

Невольно улыбнулась — угадал.

— Нет, с этим надо заканчивать. — Муж гибко встал со своего стула и в два шага оказался за моей спиной. Подхватил меня под мышки, поднимая. А потом развернул к себе лицом и посадил на край стола. И уставился в упор.

— Сита! Смотри на мою ауру. Ты же видишь ложь, да?

Ну, если честно, я вижу сильные эмоции. Для меня они — как фейерверк в небе в День Корабля. А вот с распознаванием оттенков ещё не сильна — опыта маловато.

— Смотри мне в глаза и постарайся дослушать до конца. Ты же умная и понимаешь, что неприятное честное мнение полезнее, чем бессмысленный сахарный сироп.

Ясно, сейчас скажет гадость. Что раз я некрасива, так надо хотя бы носить приличные платья, чтобы окружающие носы не морщили. Ладно, потерплю.

— Сита, ты умная, но иногда ты — совершенная дура! — заявил Рейн совершенно не то, что я ждала. Я вытаращила на него глаза. — Да-да, могу повторить. Надо? Вот объясни мне, как такая умная женщина могла поверить словам морального урода, который специально, нарочно хотел лишить её уверенности в себе? Я о твоём бывшем Андреасе.

Чего? Не поняла. Это в чём я поверила экс-гаду?

— Смотри сама. Он внушал тебе, что ты не справишься с делами без него, и вообще не сможешь без него прожить. Было?

Кивнула. Да, такое было. И если б не боль от предательства, заглушающая всё, даже голос разума, может, я и не решилась бы уйти из дома в тот день, пять месяцев назад.

— Но тут мнение твоего учителя и выработанная годами уверенность отличницы, всегдаправляющейся с любым заданием, пересилили. В профессиональном смысле ты в себя веришь, и абсолютно правильно делаешь. Поверь, я видел немало магов, в том числе и в столице. Большинство ты можешь заткнуть за пояс уже сейчас. А ведь ты ещё не вошла в полную силу.

И к чему это он?

— Но скажи мне, Сита, если ты знала, что ньер Тинтари пытается привязать тебя к себе любым способом, и поняла, что он способен бессовестно вратить ради своих целей, почему ты поверила ему в другом? — Холт уставился на меня в упор с расстояния в ладонь. — Почему ты поверила ему, что как женщина ты некрасива? Мне больно видеть, как ты стесняешься себя самой, тогда как должна гордиться. И я тоже хочу гордиться своей прекрасной женой. Той, у которой ясный взгляд и от лица идёт свет, той, у которой водопад мягких каштановых волос и стройная шея, той, талию которой я могу обхватить ладонями, а грудь наводит на мысли о райских яблоках... Сита? Сита?! Ты что, почему ты плачешь?

Зачем он? Зачем он так со мной?

— Ты думаешь, я говорю неправду? Ну что с тобой делать? Ткнуть носом в зеркало? Ну, пошли... — дёрнул меня за руку и потащил. Через дверь между комнатами я пролетела следом за ним, не касаясь ногами пола. Ещё один рывок, и мы оказались напротив комода с большим трюмо. Он за

моей спиной. Моя макушка чуть выше его плеча. Его руки обвили меня — одна легла на грудь, вторая надавила на живот ниже пупка, заставляя прижаться к Холту задом. Мы оба тяжело дышали.

— Смотри! — приказал Рейн. — Смотри на себя так, как если бы никогда до сих пор не видела. Встретила эту девушку на улице в первый раз в жизни. Что видишь?

Повинуясь стали в его голосе, пристально уставилась в чуть дымчатое стекло, откуда меня требовательно разглядывала симпатичная незнакомка в платье не по фигуре — в талии висит, в груди жмет. Да. Не писаная красавица — нет у меня ни лица сердечком, ни аристократической бледности, ни коралловых губок, ни глаз голубых, как море... мои глаза серые, а рот великоват... но я похожа на маму! Очень похожа! Вспомнила, какой красавицей та казалась мне в детстве. Восхитительной, невероятной, лучше всех! Лучше любой нарисованной ньеры из модного журнала или тех, кого мы встречали во время прогулок по улице. И я до сих пор вспоминала о ней как о красавице. Так почему же я, так похожая на неё, стала считать некрасивой себя? Когда это произошло? Когда сидела месяц за месяцем, уткнув нос в книги, чтобы пересилить боль от одиночества? Или сыграли роль слова Андреаса, который каждый день, хоть по разу, но не забывал напомнить, что «ну да, внешностью ты не вышла, но хоть готовишь прилично».

— Видишь то, что вижу я? — улыбнулся над плечом муж.

Подняла на него взгляд. Лицо Рейна было необычным, каким-то напряжённым. А серые глаза казались сейчас чёрными.

— Я... я — красивая, — уверенности в моём голосе не звучало.

— Очень, — выдохнул в ухо муж. Его пальцы ловко расстегивали пуговицы на платье, а потом верхняя ладонь скользнула в вырез. Нижняя начала описывать круги на животе. — Веришь?

— Что ты делаешь?

— Реализация супружеских прав путём применения к жене интимных ласк преступлением не является, — шепотом сообщил Рейн, рот которого оказался где-то рядом с моим ухом. Чёрные волосы упали мне на плечо. — Особенно когда жена так красива. Любой суд меня оправдает. Тсс-с, не брыкайся. И разве я не заслужил награду? — руки сжались крепче.

Найти ответ я не успела — в дверь постучали.

В школу танцев мы с Рейном ехали в отдельном экипаже, следовавшим за каретой, в которой сидела семья Лена и сопровождавший девушек Винарт. На мне было платье из золотистой тафты. Пышная юбка,

приподнимавший грудь узкий лиф, глубокий вырез, обрамленный похожими на морозные узоры сиранскими, ручной работы кружевами... Это было что-то невероятное. А Рейн, в камзоле цвета грозового неба, только чуть заметно улыбался в привычной манере. Правда, перед выходом из дома он снова подтащил меня к зеркалу, сам встал за спиной и заставил смотреть. Рассматривать, разглядывать каждую деталь. Чтобы увидеть и запомнить незнакомую себя. Принять новый облик и поверить в свою красоту.

— Ну что, убедилась?

Я кивнула. Потом чуть грустно улыбнулась. Приятно, конечно, но это ничего не меняет в том, что как женщина я немного стою. Ну не дурнушка... но всё прочее никуда не делось. Зато маг я хороший.

Рядом сидящий Рейн чуть покачал головой, будто понял, о чём я думаю. Его рука скользнула мне на талию. Я заёрзала.

— Эй, не забыла, я — твой муж. Как танцевать будем, если ты от любого прикосновения дёргаешься?

Как-как? Ногами, наверное. А про «мужа», чувствую, он забыть мне не даст.

Не понимаю.

Танцевальные вечера маэстро Сирины пользовались успехом. К широкой лестнице особняка один за другим подкатывали экипажи, из которых выпархивали похожие на прекрасных бабочек с сияющими крыльшками ньеры в сопровождении спутников. В огромном вестибюле полагалось оставить верхнюю одежду, буде такая наличествовала, и слуг, если те сопровождали хозяев. Там же следовало купить входные билетики — разрисованные изящными виньетками надущенные прямоугольники золотистой бумаги с парой строк из галантных стихов. Нечто высокопарное про грацию и изящество прелестных ньер. Тир объяснила мне шёпотом, что рисунки, стихи, духи и цвет бумаги каждый раз разные. И многие ньеры в городе собирают коллекции. Рейн чуть прищурился и фыркнул. Вот могу поспорить, что думает он о том, что деловая хватка у маэстро Сирины достойна физантского крокодила. Молодец, маэстро!

Зал блестал. Я в первый раз в жизни попала в такое роскошное место — зеркальные стены, позолота, белые витые колонны, отделяющие часть помещения, предназначенную для отдыха, у стен столы с хрусталём и графинами с цветными морсами, фруктовыми напитками и вином, вазы с цветами, оркестр на подиуме в торце зала, сияние пяти хрустальных люстр... И, наконец, толпа празднично одетого народа.

Я краем глаза следила за Элиной и Санией. Младшая стояла спокойно, беседуя с Тир и Анардой. Винарт, как и ожидалось, ненавязчиво держался рядом. А вот одетая в серебристо-голубое платье Сания озиралась, выглядывая кого-то в толпе. Чуть ли на цыпочки не привставала. Не очень хорошо. Похоже, девочка увлечена, и сильно. Хотя, может, этот маэстро не так и плох? Деловитость — не порок.

Внезапно тихая музыка, создававшая праздничный фон, смолкла. На подиуме появился улыбающийся светловолосый молодой человек в белоснежной рубашке с пеной кружев и серебряном камзоле и хлопнул в ладоши:

— Рад снова видеть вас всех в гостях в этом зале. Итак, сегодня у нас новые повороты в мазурке, фигурный вальс и прелести старинного контрданса.

В голосе звучал легкий гортанный акцент. Он был хорош, очень хорош... но меня как ножом царапнуло: небрежный жест, которым маэстро оправил кружево манжеты, изящное движение руки, откинувшей за плечо завитой локон, походя брошенный довольный взгляд на себя любимого в зеркало на стене — я уже видела такое!

— Похож, да? — прошептал в ухо Рейн. — Кажется, Лен беспокоится не зря.

— Большое приданое у Сании?

— Не то слово... Лен жутко, просто неприлично богат и безгранично любит дочерей.

— Может, это чисто внешнее?

— Самолюбование на грани искусства? Как говорят, любовь к себе — это роман, который может длиться всю жизнь, — усмехнулся Холт.

Я оглянулась на Санию — та напряглась, как натянутая струна, готовая зазвенеть даже от касания ветерка. Ох!

— Рейн, а почему не дочка начальника порта?

— Потому что у того ещё два сына. И Лен богаче.

— Что делать будем?

— Сейчас — танцевать. И думать. Надеюсь, оно пока не горит.

— Итак, упор на правую ногу. Левую приподняли, согнули, на счет два — мах, прыжок, приземление — и разворот. Показываю ещё раз. Все поняли? Тогда: раз — два — три — четыре, раз — два — три — четыре! И — поклон! Блестяще, ньеры! А теперь под музыку...

Маэстро порхал по залу, подсказывая и хваля, поправляя осанку и объясняя, что «кисть надо держать, чуть согнув, пальцы, словно крыло взлетающей птички, поняли, ньера? Да, вот так»... Если честно, я сама

увлеклась настолько, что забыла, зачем сюда пришла. Я так давно не танцевала! И не выходила на люди! И столько времени не радовалась! А сейчас я растворялась в бликах света, волнах музыки — и мне просто было хорошо. Кажется, мой бесменный партнер, Рейн, тоже был доволен. Было жаль, что пришлось уйти за час до конца вечера, — но дома, как я чувствовала, уже начала просыпаться проголодавшаяся Соль.

На обратном пути мы обсуждали то, что видели.

— Сирины четырежды за урок подходил к Сании. И каждый раз, кроме того, что поправлял ей постав руки или осанку, шептал что-то на ухо.

— И её уши горели, — вздохнула я.

— Вопрос в том, встречаются ли они где-то по другим дням? Как думаешь?

— Не думаю, а по собственному опыту уверена, что он на этом настаивает. Но согласилась ли она — не знаю. Дочки Лена глупенькими пустышками не кажутся.

— Ты тоже не пустышка, — улыбнулся Рейн.

— Где ты научился так танцевать? — сменила я скользкую тему.

— Поверишь, если я скажу, что в военном училище? Нас каждую неделю выводили строем на совместные уроки танцев с институтом благородных ньер королевского Двора. Не отвлекай. Что ещё ты заметила?

— Ничего хорошего. Какая-то ньера лет тридцати усиленно строила маэстро глазки. Мне показалось, что у них что-то было.

— В розовом платье? Да, видел такую. А то, что он оглаживал по спине зелёную, заметила?

— Там целая радуга, — хмыкнула я мрачно.

— Как считаешь, разговор с Санией делу поможет?

— Нет, не поможет, — покачала я головой. — Рейн, ты же знаешь, насколько я верю учителю, да? Вот он говорил мне прямо, что я совершаю ошибку. Даже на свадьбу идти отказался... А я всё равно была убеждена, что Андреас меня любит и что мы будем счастливы. Теперь вспоминаю — и понять не могу, как можно было быть такой идиоткой?

— Тогда сейчас расскажем Лену обо всем, что видели. Дочь попросим пока не трогать. И постараемся придумать план, как вывести Сирины на чистую воду. Кстати, сами танцы мне понравились. А тебе?

Я кивнула.

Насколько же усложнилась моя жизнь по сравнению с Салерано! Там всё было просто: я ждала Соль и перебирала бумажки. А сейчас — целый клубок непонятностей: жизнь в доме рядом с большой семьёй, те же

бумажки в удвоенном количестве, ребёнок, странные сны, ларра, катакомбы со страшным Пожирателем, непонятное отношение Холта...

Голова кругом.

Глава 5

Для порядка в доме нужна женщина, для беспорядка их нужно две.

С. Янковский

Наутро Холт сказал, что Лен расстроен, но пока давить на дочь не станет, а постараётся что-нибудь придумать, чтобы вывести ньера Сирины на чистую воду. Я тоже прикидывала и так и эдак, чем помочь. Но как убедить влюблённую девочку, что тут счастья ей не будет? Не знаю. Пока своими глазами не увидит, чего стоит её маэстро, — не поверит. Я ведь не верила...

Правда, одну потенциальную гадость я придумала и даже поделилась ею с Рейном. И в первый раз увидела, чтобы тот настолько развеселился. Задумка состояла в том, чтобы перед очередным уроком наложить на самовлюбленного Сирины «отвод глаз». То-то задергается красавчик, если ньеры хором станут смотреть сквозь него, не замечая, словно он не он, а пустое место!

— Сита, ну ты сурова! Только отвадить Санию это не поможет... Кстати, твой «отвод глаз» был бы страшным оружием в придворных играх и интригах.

— Не выйдет... — вздохнула я. — Другие маги увидят следы заклинания.

— Мм-м... А прикинь, наложить такое на вражеского полководца перед битвой?

Я представила себе подпрыгивающего, размахивающего руками, топающего ногами орущего генерала, на которого никто не обращает внимания, — и тоже засмеялась. Кстати, снять «отвод глаз» может только сильный маг — у слабого просто не получится сосредоточиться на объекте.

Увы, больше ничего конструктивного не придумывалось — вместо логичных умопостроений в голове маршировали суслики...

— Вот, — Рейн ткнул пальцем в две стопки лежащих рядом бумаг. — Это — нечитабельные грузовые декларации. А то — соответствующие ведомости об уплате налогов с привезенных товаров. Взгляни, как думаешь, какая тут цифра написана?

— Восемь или девять сотен тюков, — неуверенно прищурилась я.

— Исходя из тоннажа «Прелестной Анситы», так и должно быть. А в ведомости четко написано — шесть. А тут?

— Семь? Или четыре? — попыталась угадать я, что значит палка с кривой перекладиной.

— Но никак не два, — кивнул Рейн. — Ну, думаю, с этим ясно. Завтра прибудут вызванные мной люди, они этим и займутся. Потери для казны, сама видишь, какие. И кто-то — я даже догадываюсь, кто именно, — должен будет их возместить. Полагаю, эта загадка решена. А мы сейчас продолжим наши изыскания, да? А после обеда прогуляемся в «Заморские редкости» — проветримся, да и обещания надо выполнять.

Я покосилась под стол, где зашуршало. Там в одной из корзин с уже переписанными бумагами вила гнездо ларра. Я посмотрела на неё укоризненно. Та зашебуршилась.

— Сссоль ссспит... я ссслежу... — Ссэннасс прикрыла хитрую морду лапой.

— Ладно, сиди. Только следов от когтей не оставляй, договорились?

— Ссэннасс хорошиша! — заявила ларра, заваливаясь на бок. — Почешиши?

Рейн покачал головой и фыркнул.

— А кто назначал чиновников, подписывающих сомнительные декларации, ты узнал? — обратилась я к нему.

— Один из заместителей мэра. Прибыл несколько лет назад из столицы.

Ох, надеюсь, что это — самая крупная рыба, которую мы здесь встретим.

* * *

Магазинчик «Заморские редкости» занимал цокольный этаж здания на углу двух улиц. В двух витринах, притенённых от солнца красными полосатыми навесами, красовались модели парусников на фоне пожелтевших карт с заморскими островами, огромные розовые перламутровые раковины, резные деревянные идолы и лаковые шкатулки, россыпь ярких полированных камней и странных монет...

Перед одной из витрин, сунув грязный палец в рот, завороженно застыл пацан лет девяти. Если честно, я сама была готова прилипнуть рядом, чтобы рассмотреть всё получше.

— Правая витрина — восток, левая — запад, — прокомментировал Рейн.

А я и не поняла...

— Пойдём внутрь?

— Сейчас.

— Что-то увидела?

— Да. Посмотри сам магическим зренiem. Очень интересная структура наложенных на стёкла защитных заклинаний. Вот почему они не боятся выставлять в витринах ценные вещи. А я хочу понять, как сцеплены слои. Я так пока не умею.

— Мне такого не разглядеть... — вздохнул Холт.

Жаль... но тут помочь я не могу никак. И любое сочувствие будет только солью на рану.

— Угу, поняла! Пошли?

Светловолосые сестрички отнеслись к нашему приходу с энтузиазмом. И немедленно захотели показать всё и сразу. Я кивала и ошеломлённо крутила головой — чего тут только не было! Затейливые, похожие на бутоны цветов светильники, поделки из бамбука, лаковые картины со странными городами и пейзажами, ажурные резные шкатулки, головные уборы из ярких перьев, удивительной красоты каменные бусы и чётки, незнакомые мне игры с шариками, кубиками и пирамидками, головоломки, какие-то обереги и амулеты, экзотические куклы в не менее экзотических нарядах... Глаза разбегались, руки чесались всё покрутить, потрогать, пощупать. Тут надо поселиться недели на две, чтобы рассмотреть все эти интересности.

Сания улыбнулась:

— Это ты ещё не видела нашу кладовку...

Не видела, но потом обязательно посмотрю. Сейчас я вертела в руках большую куклу, выточенную из чёрного дерева. Судя по груди и пальмовой юбке — модель была женского рода. С одной стороны, изумляла детализация — имитация волосков бровей, выточенные ноздри приплюснутого носа, соски грудей, пупок. С другой — явная и очень странная стилизация: длинные — до плеч — мочки ушей и несоразмерно крошечные ступни. Но сильнее всего меня поразили ноги колесом. Между коленей темнокожей красавицы могла проскочить со свистом не только собака, но и полноразмерная упитанная свинья. Взглянула на полку — там стояли ещё три родные сестры моей с О-образными нижними конечностями. Чудно-то как...

— Ты смотришь на образец женской красоты южных островов Физантского архипелага, — нейтральным голосом заметил Рейн из-за моего плеча.

Это — образец красоты? Ну, слышала я, что всё на свете относительно, но чтобы настолько?

— А что у них с ушами? — подозрительно поинтересовалась я в ответ.

— Растигают мочки с детства, и делают это специально. Потом дырки — видишь, у этой их пять — используют и для украшений, и как карманы. Носить в ухе пачку табака и пучок цветных перьев — это нормально.

Я икнула.

— А ноги?

— Бинтуют, не позволяя им расти. Чем меньше ножка, тем красивее.

— А ходят они как?

— Те, которых я видел живьем, не особо бодро, — пожал плечами Рейн.

— Хорошо, — согласилась я с канонами заморской красоты. — Но почему ноги кривые? У них там что, поголовно рахит?

Рейн фыркнул. А потом наклонился к моему уху и прошептал:

— Посторонней ньере рассказывать о таком не стану. Только жене.

Я резко обернулась — серые глаза иронично щурились на меня.

— Говори, Рейн!

Он отвел меня чуть в сторону от сестричек, которые в данный момент наперебой описывали двум покупательницам чудесные целебные свойства нефритовых бус, и переспросил:

— Уверена?

Я негодующе фыркнула.

— Ну, слушай. Сама хотела. Ноги девочкам искривляют с младенчества специально, вкладывая между коленями сначала небольшой обрубок бревна и связывая лодыжки, потом заменяя его чурбаном пошире. Считается, что кривоногие женщины — самые страстные. Что им удобнее всего обнимать мужчину, когда... ну, когда... — Рейн замялся и замолк.

А я поняла, что краснею. Как девчонка. И он это видит.

Вот чёртова кукла!

Интересно, а сестры и покупательницы знают об интересных обычаях островов Физанты? Если нет, я их просвещать точно не стану.

Вернув куклу на полку, отступила к прилавку с чётками и бусами.

— Совет примешь? — тихо произнёс последовавший за мной Рейн.

— Смотря какой.

— Я вижу, что все предметы здесь действительно заморского происхождения. А ты можешь посмотреть на них как маг. Вдруг найдешь что-то интересное?

Умно. И я сама так увлеклась разглядыванием, что и не сообразила бы... И да, действительно, три низки чёток из серо-синего камня с мелкими блёстками то ли серебра, то ли слюды внутри отличались от остальных. От них исходил свет. Будто бусин коснулся не святой, но кто-то с очень хорошей и чистой аурой. Коснулся и благословил. Как именно — на удачу, на здоровье, — понять я не могла. Но что к добру — определённо.

— Что-то видишь? — черноволосая голова за моим плечом качнулась.

— Да, вот эти три пары чёток хорошие. Тот, кто их делал, — светлый человек.

— Как смотришь, чтобы одни купить для меня, другие тебе, а трети послать твоему учителю? Как я помню, ньер Дилэнси вечно что-то вертит в пальцах.

Я улыбнулась — да, есть у ньера Рассела такая привычка.

— Элина, — позвал Рейн, — мы хотим купить на память вот эти чётки и ещё вон ту розовую брошь-камею. Хорошо?

Как он понял, что брошка с женской головкой на ней и маленькой коралловой подвеской мне приглянулась?

— В обещанную подсобку пойдём? — поинтересовался Рейн. — Или пора домой?

— На минутку можно...

Я не пожалела. Тут оказалось ещё интереснее. Потому что, похоже, здесь хранились разные разности, название или применение которых было неочевидно. Зачем, например, нужна вон та метёлка из мелких костей? Явно не пыль убирать. Или странная, напоминающая копыта обувь у стены...

— Я тебе говорил, что Лен очень, можно даже сказать, неприлично и непозволительно богат? Кроме денег, дома и важной должности у него есть целая флотилия кораблей, которые плавают по всему свету. И последние годы капитаны соревнуются — кто привезёт дочкам хозяина самый диковинный подарок. Тащат всё, что находят. Но, как понимаешь, товарный вид имеет не всё. Вот, например, глянь — кто купит это? — Рейн подцепил пальцем висящий на стене обрывок чёрной цепи, усаженный колючками.

Я, заинтересовавшись, подошла, чтобы рассмотреть странную даже не цепь, а полосу покерневшего металла из крупных грубых звеньев. То ли пояс, то ли ошейник, то ли вообще нечто, непостижное уму. Например,

ожерелье с плеч древнего идола. Жаль, нельзя зажечь магический огонёк — то, что я умею колдовать, мы решили скрывать так долго, как получится.

Странная какая штука. Холодная на ощупь и словно искрами бьёт — пальцы пощипывает. Посмотрела магическим зрением — это была не просто цепь.

— Рейн, посторожи дверь, я хочу свет зажечь!

Муж без слов отступил к дверному проёму так, чтобы видеть, не идёт ли кто к нам.

— Давай.

В свете жёлтого огонька на звеньях простили непонятные письмена. Знаки казались незнакомыми, но что-то будто напоминали. Прищурилась, думая. Если отбросить детали, боковые закорючки и штрихи, становится похоже на магический алфавит. Попробовать прочесть? Вышло не сразу. Я узнала три слова из середины надписи. Они гласили: «Для привлечения дьявола».

Стало страшно. Захотелось немедленно выпустить из рук, бросить эту черную штуковину. Если звать зло — зло приходит. А эта штука была скована точно не для добра...

— Сита, что? Ты застыла, словно привидение увидела.

— Рейн, это что-то очень древнее и, может быть, опасное. Не уверена.

— Объясни?

— Не знаю точно. Похоже, это какой-то артефакт, принадлежавший древним магам. Я разобрала что-то ли о «привлечении дьявола», то ли об «обуздании». Слово многозначное, без контекста не поймёшь.

— Тогда оставлять эту вещь здесь точно не следует.

Как только Холт это произнёс, я поняла — он прав. Отсюда эта штука может попасть туда, где ей наверняка делать нечего.

— Сита, позови Санию. И давай купим этот артефакт. Раз уж попался. Есть у нас клубок загадок, станет одной больше, — подмигнул Рейн.

Ему виднее.

После обеда я, с благословения Рейна, который сказал, что декларации от нас никуда не убегут, взяла первый из семейных гrimuаров и улеглась попой кверху на кровать.

Я решила перечитать обе книги от корки до корки. Меня интересовали несколько насущных вопросов. Во-первых, всё об эктоплазме. Как-то же с ней борются? Те же кладбищенские призраки для мага средней руки — не проблема. Во-вторых, всё, что есть в семейных хрониках про лишенцев. Вдруг да имеется какой-нибудь хитрый способ им помочь? Ведь если Холт чует сильную магию, значит, он не безнадежен? И, наконец, я хотела знать,

не существует ли какого-нибудь неизвестного мне заклинания правды? То-то было бы хорошо — наложила такое на Сирины, подвела к нему девицу, и пусть маэстро сам изложит вслух все свои коварные планы... Эх, мечты-мечты...

Ссэнасс очень понравились чётки. Сейчас ларра нацепила одни поперёк упитанного живота, став самым невероятным животным на свете — кошкой с талией, вторые повесила на шею, а в третьих упоённо путалась лапами, стреножив сама себя. А вот на чёрный пояс ларра сердито зашипела, выдала уже привычную сентенцию, что «Ссэнасс — хорошищая!» — и удрала под кровать. И согласилась выйти оттуда только после того, как я налила ей дополнительную порцию молока. Похоже, Ссэнасс знала о нашей покупке больше нас самих.

Итак, лишенцы... Наверное, начать рассказ стоило с того, что никто до сих пор точно не мог ткнуть пальцем и внятно объяснить, чем именно маги отличаются от немагов. Резали трупы, исследовали живых — глухо. Наконец, решили, что управляет магическими способностями мозг. Ну да, резонно. Альтернатив-то нет. Хотя — вспоминая первые попытки колдовать — иногда казалось, что к творческому процессу причастна совсем иная часть тела. Ещё более интересным оказался вопрос: а где хранится магия? Некий древний кудесник Сильванус выдал теорию, что, мол, у магов — не в теле, а на астральном плане — существуют специальные мехи — пузыри, мешки вроде лёгких, расположенные по сторонам от позвоночника, в которых вырабатывается и хранится магия. И Сильванус же развел гипотезу, добавив, что у нерождённых младенцев в организме матери эти мешки ещё не обрели необходимой твёрдости, и если выкачать всю магию — они слипаются, схлопываются, как лёгкое при проникающем ранении. Вот сейчас я читала про попытки восстановить заново «магические пузыри» путём вдувания в них магии. Говоря коротко — дули, дули — не надули. Но попутно защитили три десятка научных степеней.

Вздохнув, поднялась и села за стол. Я решила зарисовать найденный пояс, ошейник, цепь — чем бы это ни было — и аккуратно переписать выбитые на нём знаки. Может, что-то удастся перевести. Надо же разобраться, раз в руки попало?

Вечером я чуть не поссорилась с Холтом. Мне принесли необыкновенной красоты дымчатую шёлковую полупрозрачную накидку и два новых платья: дневное — из лёгкого муслина в ярких жёлтых цветах фрезии, и вечернее — из крепдешина цвета закатного неба. Подгонять не требовалось — вчера, пока портниха подрубала мне подол и ушивала

платье в груди, она обмерила меня с точностью до ногтя.

Вот что Холт творит? К чему всё это? Я настолько рассердилась, что заявила, что в Храм — разводиться — мы идём немедленно. В ответ он спокойно попросил потерпеть до конца расследования и пообещал больше не делать покупок без моего согласия. Ну, кроме тех, которые уже сделал.

Я почувствовала себя жутко неудобно. Скандалю, как рыбная торговка. Стыдно. Но почему меня так задели его подарки? Наверное, мне не нравился мотив. Ведь Холт относится что ко мне, что к Соль, что к ларре одинаково доброжелательно и ровно. Зато, похоже, до сих пор не забыл слов Андреаса касательно новых платьев и то ли самоутверждается, то ли блюдёт престиж, наряжая ту, которая «числится его женой». А зачем мне такое?

Да ещё, выходя из комнаты, муж бросил через плечо:

— Закончим дело — разведёшься — выкинешь.

Я чуть не заплакала.

Ладно, отработаю, как могу. А платья и в самом деле очень красивые.

И впредь буду держать себя в руках.

* * *

На следующий день в дом с утра пораньше постучался гость. Симпатичный, высокий, голубоглазый, подтянутый. Похоже, ещё один «архивариус» от тайного сыска. Русоволосый молодой человек, выпрекой и острым взглядом напоминавший самого Холта, держался почтительно, но без подобостраствия.

Я угадала. Брайт лен Сиранти, прискакавший с рассветом из Лореции, оказался личным помощником Холта.

— Брай! Рад тебя видеть, — Рейн хлопнул прибывшего по плечу. — Познакомься, моя жена — Алексита лен Холт, урожденная Алексита лен Ориенси.

Мне поклонились и посмотрели с ну очень большим уважением.

— Рассказывай, как дела в столице. Жене я доверяю абсолютно, так что можешь говорить при ней обо всём.

— Всё предсказуемо, — голубые глаза чуть прищурились. — Родственники арестованных в Салерано встали на рога и жмут на все рычаги, чтобы оказать на следствие давление. Я напустил на них гильдии купцов и страховщиков — у тех влияния достаточно, чтобы заставить заткнуться кого угодно. И дал понять самым упрётным, что в случае

препятствования правосудию найду пути оповестить родных погибших от рук пиратов, кто именно нажился на смерти их близких.

Жёстко, однако.

— То есть моего вмешательства на данном этапе не требуется?

— Нет, ньер Рейн, я справлюсь.

— Отлично. Про базу пиратов ничего пока не выяснил?

— Может, кто-то что-то и знает, но молчит. Подозреваю, что тут работают угрозы вроде «проговорись — вырежем семью до пятого колена», — Брайт вздохнул и взъерошил волосы, превратившись на секунду в совсем юного мальчишку.

— Вероятно, тут моя жена сумеет помочь. У неё есть некий магический дар и способность видеть ауры. Сейчас идём на завтрак — посмотришь на семью ньера Ленарта, потом вернёмся сюда и попробуем кое-что сделать. Кстати, у нас же есть агенты в Андарре? Нужно будет по нашим каналам навести справки об одном ньере.

После завтрака мы снова собирались в кабинете. Рейн достал колоду карт.

— Давайте попробуем вот что. Я раскладываю часть карт лицом вверх. Брайт выбирает одну из них, не говоря мне — какую. Я начинаю тыкать во всё по очереди, спрашивая: «Эта? Эта?» Брайт отвечает на все вопросы отрицательно. Сита на это дело смотрит. А потом, когда мы пройдёмся по колоде, говорит, какую, по её мнению, карту загадал Брайт. Всё ясно?

— Нужна ставка, — вмешалась я.

— Ставка? — удивлённо посмотрели на меня мужчины.

— Ну да. Откуда взяться сильным эмоциям, если Брайт знает, что это — игра. Вот если за проигрыш он должен будет сделать что-то неприятное...

— Кукарекать петухом из-под стола не стану! — помотал светлой головой Брайт. Рейн усмехнулся, я невольно хихикнула. Потом вспомнила, на что спорили, когда валяли дурака, в семинарии, и улыбнулась мужчинам:

— Пусть, если проиграет, поймаёт лягушку, поцелует и признается ей в любви!

Брайт с ужасом посмотрел на меня:

— Лучше уж прокукарекаю...

Мы пробовали пятнадцать раз. Я угадала из них двенадцать. Попутно мы выяснили, что тыканье в пиковую десятку вызывает сильные эмоции, потому что именно она пришла Брайту на руки абсолютно не вовремя при

последней игре в очко, что обошлось ему в пятьдесят соленов. Что крестовая дама в этой колоде похожа на его бывшую зазнобу, с которой «было», а теперь Брайт от неё бегает-прячется по всей столице. Что именно бубнового короля Брайт выбирает для гаданий на «что было, что будет, чем дело кончится, чем сердце успокоится». Гм. Кто б мог подумать, что королевские эмиссары — гадают на картах?

Рейн счёл результаты более чем удовлетворительными. Выходило, что главное — правильно ставить вопросы, чтобы ответом был не поток слов, а чёткое «да» или «нет». И, суживая круги, нащупывать болевые точки. На дознании должно быть проще — можно подъезжать и так, и эдак. Количество попыток не ограничено.

Наконец, обсудив итоги, Рейн покосился на подчинённого:

— Ты ничего не забыл?

Честный Брайт, горестно кряхтя, полез под стол.

— У него с кукареканьем проблемы, — прошептал мне на ухо Рейн. — Сейчас сама послушаешь.

— Хы-хы-хры... кхе-кхе... ку! — донесся из-под столешницы сдавленный стон, переходящий в кашель.

М-да... Явно надо тренироваться.

Но мы поможем!

Беседу с начальником порта предстояло вести Брайту. Тот просмотрел стопки документов, потом попросил полчаса времени, сел и стал быстро заполнять листок столбиками цифр. Показал результат Рейну:

— Вот примерный причинённый ущерб только по этим случаям.

— Пятизначная сумма, — кивнул муж.

Сейчас Брайта было не узнать — жёсткое лицо, острые глаза, лаконичные уверенные движения крупного хищника.

— Когда приjmёшь касательно этой пары крючковоров, обязательно поинтересуйся, был ли ещё кто-то, кого ньер Фирис взял на работу в обход квалификационных требований или без испытательного срока. Если он жульничал в этом...

— Понимаю.

— Мы будем наблюдать через глазки из соседнего помещения. В конторе Ленарта есть подходящая «комната для бесед». — Обернулся ко мне. — Сита, нет ли способа сообщать Брайту о том, что ты видишь? Не станет же он прерывать допрос каждые пять минут, чтобы бегать к нам?

Я задумалась. А потом вспомнила, как мы с Вилькой насобачились страховати друг дружку, когда кого-то вызывают к доске.

— Можно. Протяни ладонь — покажу. Могу или передавать тепло-холод, или слегка колоть невидимым лезвием... Брайт, как удобнее?

— Тепло. Лезвий не люблю.

— Хорошо. Чем сильнее реакция на вопрос, тем теплее. И, да. Поначалу стоит поговорить с ним на разные темы, где ответы известны, — нужно же примериться к нормальной реакции?

* * *

Мы с Рейном в лёгкой пролётке возвращались домой. Брайт остался дожимать ньера Фириса, которому, похоже, предстояло потерять свою должность и заплатить огромный штраф, несмотря на заступничество спешно прибывшего мэра.

— Сита, ты понимаешь, что сейчас за три часа отработала втрое больше, чем я потратил на все твои платья и жалование в придачу? Кстати, по закону нам положена восьмая часть от возвращённого в казну. Поделим честно — поровну на троих.

Я заморгала. Если там была пятизначная сумма... Пусть по минимуму — десять тысяч. Но тогда одна восьмая — это тысяча двести пятьдесят монет. А моя доля, выходит, четыреста соленов? Ничего ж себе!

Брайт меня восхитил и ужаснул одновременно. На допросе он вываживал потеющего ньера Фириса, как опытный рыболов сома на леске, — пугнёт, чуть отпустит, даст расслабиться, а потом припечатает вопросом в лоб. Кроме мухлевания с налогами и взяток обнаружилась растрата выделенных на содержание гавани и подъездных путей средств. Но напрямую к делам пиратов начальник порта отношения не имел. Зато один из его помощников, которого попросил взять на службу тот самый заместитель мэра, регулярно рылся в грузовых декларациях прибывающих кораблей. Сначала я не поняла — зачем?

— Всё просто, — вздохнул Холт. — Если ты знаешь, что «Честная Мария» делает рейс за три месяца, причём самый ценный груз — меха, янтарь и морковную кость — год за годом везет с весенней ярмарки в Ардамме, то легко можешь устроить засаду. Ведь сроки, маршрут и то, как выглядит судно, — известны. То есть можно планировать нападения, состригая самый богатый урожай.

Ясно.

— Мэр замешан?

— Может, и нет. И его интерес объясняется проще: один из двух

сыновей начальника порта — жених старшей дочери градоначальника. Бракосочетание было назначено на второй месяц осени.

М-да. Вопрос — состоится ли теперь эта свадьба?

— А что дальше делаем мы?

— Продолжаем рыться в бумагах. Брайт, раз уж он тут, поможет. Кстати, о личных делах. Ты ничего не заметила за завтраком?

Это он про то, как некий бравый помощник эмиссара ронял под стол вилки?

— Твоего помощника поразила Сания.

— Угу. И, кстати, для обоих это была бы отличная партия. Семья Брайта из знати, самого его ты видела.

— Клад, только кукарекать не умеет, — потупила я глаза.

— Попрошу Лена поселить Брайта в доме. Поможет нам побыстрее перелопатить бумаги. Чем скорее закончим и унесём ноги подальше от этих катакомб, тем счастливее я буду. А заодно пусть за Санией присмотрит. Что думаешь?

Думаю, что, как всегда, Холт прав.

Я не стала говорить, что прошлой ночью мне снова снились катакомбы. Только я проснулась сама, без крика. Потому что во сне я умерла.

Глава 6

Мужчина, способный на поступки, обречён быть любимым!

Коко Шанель

— Пойдём сегодня на танцы? — поинтересовался Холт, оторвавшись от бумаг.

— Можно, — почесала я карандашом нос.

— Ты тоже идёшь, — обрадовал муж сидящего по другую сторону стола Брайта.

— Зачем?

— Сания — чудесная девушка из отличной семьи. А танцуешь ты не хуже, чем фехтуешь. Нужна — добейся.

Брайт захлопал глазами. Ой, у него покраснели уши! Точно нужна. Следующая пришедшая в голову мысль озадачила: золотоволосая Сания красивее меня, приданое у неё огромное, происхождение самое лучшее. И спорить могу, попроси Холт её руки у старого друга отца, Лен не отказал бы. Так как же вышло, что в женах числюсь я? Или Холт вообще пока не хочет связывать себя всерьёз?

Муж прищурился на помощника:

— Если надумаешь, отец Сании не станет возражать.

Брайт сглотнул. Его уши пылали алыми маками.

* * *

Женщину в широком плаще заметила я. Засекла по тревожной, нездороно яркой, просто-таки болезненной ауре. Брюнетка с бледным лицом стояла за чугунной оградой особняка Сирины, сжав кулаки на прутьях высокой решётки, и с тоской смотрела на подъезжающие кареты.

— Рейн! — дёрнула я мужа за рукав.

— Что?

— Найди повод задержаться на улице. Я кое-кого вижу.

— Мы немного прогуляемся и догоним вас, — улыбнулся Рейн поджидавшей нас на крыльце компании. Девушки переглянулись и тоже

заулыбались — похоже, подумали что-то совсем не то. Винарт и Брайт коротко кивнули.

Я продела руку под локоть мужа:

— Видишь черноволосую женщину за решёткой? Похоже, её непускают. А ей что-то очень сильно здесь нужно.

— Что-то. Или кто-то. Пойдём спросим? — кивнул муж.

Её звали Лизария дэа Альсив. И приехала она, беременная на пятом месяце, из Андарры, разыскивая того, кто обещал жениться, сделал ребёнка и бросил. По-тарисийски Лизария не знала ни слова, кроме «прошу», «да» и «нет». Тараторила быстро, сбивчиво — но муж понимал. Кивал и отвечал в том же темпе. Я разбирала примерно каждое четвёртое слово. Но мне было страшно, безумно жаль эту комкающую в пальцах платочек темноглазую молодую женщину. Каково ей, одной в чужой стране, без денег, без поддержки? Что Лиз, как попросила она себя называть, не лжёт — я видела.

— Нам повезло, — констатировал Холт. — Молодец, что её заметила.

— Что теперь? — поинтересовалась я.

— Как считаешь, надо ей за Сирины замуж? — поднял бровь муж. И усмехнулся, увидев выражение моего лица. — Значит, поступаем так. Берём сейчас её с собой в дом к Лену. Если Сания не поверит ей, то уж не знаю, кому она поверит... Но мне всё же пришлось обещать помочь Лиз встретиться с Сирини. Эта тоже не верит, что тот бросил её добровольно.

На танцы мы так и не попали. И, если честно, мне было жаль.

На следующий день мы — целой компанией — собрались нанести визит прекрасному маэстро. Распорядок дня Рейн узнал заранее, так что мы подгадали час, когда хозяин почти наверняка был дома. Глаза у Сания были красными от слёз — она сама поговорила с Лиз, но, кажется, так и не смогла поверить в вероломство того, кого любила. Лиз показала ей свиток — обязательство жениться, в Андарре такие документы были в ходу, — но и это не убедило Санию. Я понимала — невозможно поверить в измену, если тебе всего семнадцать и до того ты жила в добром мире любящих людей, которые никогда тебя не обманывали и не предавали.

Я ломала голову. Вот как пройти внутрь чужого особняка такой толпой, да ещё исхитриться сделать так, чтобы Сания смогла сама посмотреть на встречу своего кумира с брошенной невестой? Ясно — на нас с Рейном, Санию и Брайта, который тоже собирался с нами, я могу наложить «отвод глаз». Уж если заклинание в моём исполнении оказалось

настолько убийным — грех не воспользоваться. Но что делать с Лиз? Заколдую — и как та станет выяснять отношения, если её в упор не видно? Я-то знала только одну версию заклинания — и оно работало три часа, хоть головой об стену стучи.

В итоге я заколдовала Лиз заранее, за два с половиной часа до выхода.

Рейн наплёт остальным про заговор своей матери, читать который должна обязательно женщина, загнал всех на коврик — и я наложила «отвод глаз» на нашу компанию.

Потом мы все вместе искали Лиз. Та тихо сидела в гостиной — но её никто в упор не замечал. И она не замечала нас, искающих её, пока я, устав, не попыталась усесться к ней на колени.

При погрузке в карету бардак повторился. Закончилось тем, что Рейн крепко взял Лиз за руку и уже не отпускал. На улице нам её точно не найти...

Через четверть часа Брайт настойчиво долбил молотком в дверь Сирины. Открыл дворецкий. Пожал плечами, никого не увидев. Потом заметил оставленный нами в нескольких шагах от порога большой пакет с охапкой цветов сверху. Рейн угадал — к презентам от поклонниц в доме маэстро привыкли, — слуга понимающе кивнул и небрежно подцепил пальцем розовый веник за огромный бант. Розы тут же рассыпались — о незавязанной ленте мы тоже позаботились заранее.

Пока дворецкий, проклиная бестолковость влюблённых ньер, подбирал с земли длинные колючие стебли, мы проскользнули внутрь.

— И куда дальше? — поинтересовался Брайт.

Сейчас, после солнечного дня на улице, огромная прихожая казалась тёмной и гулкой. Кроме знакомых двойных дверей в танцевальный зал сюда выходили два коридора.

Рейн посмотрел на непривычно серьёзную дочку Лена.

— Сания, с какой стороны обычно появляется ньер Сирины? Оттуда? Ну, пошли.

Мы топтались у подножья лестницы на второй этаж, пытаясь понять — куда двигаться теперь, когда мимо пробежал лакей с похожей на ведро широкой хрустальной вазой со знакомой охапкой роз. Какие полезные оказались цветочки-то!

На втором этаже слуга повернулся направо. Мы двинулись следом. Внезапно идущий впереди муж поднял палец в предостерегающем жесте:

— Слышите? Ну-ка, давайте сюда... — и потянул нас в одну из

оконных ниш, за бархатную портьеру.

— Что-о?! — зашипела Сания, сделав круглые глаза.

Я уже поняла, что. Мы почти дошли до комнаты хозяина. И, похоже, Сирины был там не один.

Неужели история повторяется?

Неужели по-другому никак?

Дальше события замелькали как в калейдоскопе.

Сначала с Лиз упало заклинание — мы стали её видеть.

Потом по коридору — в обратную сторону — дробно просеменил лакей, недовольно бормоча под нос: «Вино холодное им подавай! А где я сейчас холодное возьму?»

Затем издалека раздался смех. Женский.

Глаза Сании стали ещё круглее, а Лиз вырвала руку у Холта и дунула на звуки, размахивая свитком с обязательством жениться, как идущий в атаку кирасир палашом. Мы рванули следом.

Лиз — вот не зря говорят, что брюнетки темпераментны! — пинком распахнула дверь комнаты, явив нам картину целующейся на оттоманке парочки. Она — с распущенными рыжими волосами, в корсете и чулках, и он, в расстёгнутой рубахе, но пока в портках. И на том спасибо. Могло быть хуже.

Мы влетели как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лиз схватила вазу с розами со стола и, не вынимая цветов, нахлобучила её на голову сопернице.

— Ты! Ты украла моего жениха, — меланхолично перевёл Рейн, одновременно оттесняя нас к стене. Чтоб никому под горячую руку не попали, наверное.

— Лиз, дура! Что ты тут делаешь? Я же приказал тебя не пускать. — Реплика маэстро.

— Милый, я жду твоего ребёнка. Когда мы идём в Храм? — Лиз.

— Бедная идиотка. Зачем ты мне сдалась? — Сирины.

— Выпустите у меня из волос эти колючки! — Вопль маэстровой дамы в переводе не нуждался. — Кто эта лахудра?

— Одна сумасшедшая. Она меня преследует. Не волнуйся, милая. — Сирины по-тарисийски.

— Вот, вот, посмотри! Ты же подписал бумаги, что женишься на мне! — Лиз.

— Я думал, у тебя есть деньги. Пшила вон, иначе посаджу в тюрьму. — Маэстро.

— Ты, ты... ненавижу! — голос Лиз сорвался на рыдания.

Того, что будет дальше, мы не ожидали. Брюнетка, выхватив из-за корсажа маленький кинжал, кинулась на Сирины с воплем:

— Твоё прекрасное лицо больше никого не обманет!

Сания ахнула. А потом ахнула второй раз, когда учитель танцев, легко перехватив удар бывшей невесты, заломил руку ей за спину. И со всей силы удариł женщину по лицу.

Голова Лиз дёрнулась, она вскрикнула, как раненая птица... Рейн сделал шаг к дивану, но первым успел не он.

— Сволочь какая! Она же его ребёнка ждет! — Сания тигрицей прыгнула вперёд и недевичьим хуком въехала кулаком в подбородок экс-грёзы.

Хорошо попала! Сирины клацнул зубами и, отступившись, сел на свою даму — прямо на колючие стебли роз у той на голом животе. Завопили оба.

— Хватит, уходим! — скомандовал Рейн. — Брайт, хватай Санию и уносим ноги, пока сюда весь квартал на крик не сбежался.

— Сейчас, — Брайт, повторив маневр Сании, подскочил к дрыгающему ногами учителю танцев и со всей силы засветил тому кулаком в зубы. Глаза Сирины закатились, визг разом смолк. Рыжая тоже заглохла, замерев с открытым ртом.

— Ну вот, теперь тихо, — довольно потер кулак Брайт. — Ну-ка, девушки, пошли отсюда! Рейн, позаботишься о Лиз? — подхватил растерянную Санию на руки и зашагал к дверям.

Рейн потянул за руку Лиз. Я подобрала с пола брошенные свиток с кинжалом и поспешила следом.

— Это была какая, зелёная или розовая? — поинтересовалась я у мужа вечером, когда мы остались наедине. — Я не успела рассмотреть.

— Зелёная. Но видишь, всё вышло очень неплохо. Нас никто не разглядел. Сания прозрела, и, что удачно, сейчас не она самая несчастная. Так что вместо того, чтобы рыдать и страдать самой, она утешает Лиз.

— Интересно, кто эта рыжая... в смысле зелёная... неужели тоже потенциальная невеста?

— Нет, эта замужем. Правда, должность у мужа так себе — он всего лишь смотритель древностей и исторического наследия Паэнни.

— Древностей?

— Ну да. Разные руины, те же катакомбы. Правда, корона выделяет на сохранение исторических развалин приличные суммы. А при том, что они и без нашей поддержки которую сотню лет стоят, всё не так плохо, — фыркнул Холт.

— Что теперь будет с Лиз? — поинтересовалась я. Мне было жаль

брюнетку.

— Лен обещал оплатить её проезд на родину и, кроме того, даст две тысячи монет — небольшое приданое. При разумном подходе нормально устроится.

— А Сиринь?

— А что Сиринь? На следующей неделе сходим всей компанией к нему в гости — потанцуем. Тот же не в курсе, что Сания уплыла...

— Он же в синяках будет!

— Ерунда, напудрится! — подмигнул Рейн.

Ладно, одной проблемой меньше. Ещё неделя или полторы, и мы закончим с бумагами. И тогда Паэнья с ее пугающими катакомбами останется в прошлом и страшных снах. Возвращаться сюда я точно не захочу.

Зря я вспомнила про катакомбы и сны.

Я снова была там. Испуганная, загнанная, на последнем издохании. И то, чёрное и жуткое, ядовитым облаком ползло следом... И я понимала, чувствовала — рано или поздно я или свалюсь без сил, или попаду в тупик. И это будет конец.

Пальцы нашарили холод металла на пояске. Та чёрная цепь? Почему она на мне? Это важно? Как она может помочь?

— Сита, Сита, проснись... Опять кошмар?

Ох, Рейн рядом, обнимает за плечи. А в корзинке хныкает малышка.

Улыбнулась:

— Да. Спасибо, что разбудил.

— Меня ларра позвала. Снова что-то снилось? — голос был серъёзен.

— Та чёрная цепь, она как-то связана с происходящим.

— А зачем она, ты поняла?

— Нет. Моего знания языка не хватает, чтобы перевести надпись. Я разобрала «три раза», вот то неясное «обуздать зло», а остальное — сущая абракадабра.

— Я раздобуду тебе словарь, самый полный, какой найдётся в Паэнье. Попробуй сделать перевод. А мы с Брайтом займёмся декларациями. Сами всё перепишем, ты потом только просмотришь — у тебя хорошо выходит несуразности ловить.

Я кивнула. Он погладил меня по руке:

— Будешь кормить Соль? Позволь, я останусь, посмотрю. Мне очень нравится смотреть на вас, когда ты держишь её на руках.

Ну и как гнать его после того, как он вытянул меня из кошмара,

успокоил и, наконец, пообещал словарь и помочь?

Я сидела на краю постели с Соль у груди и смотрела на Рейна. А тот щурился на меня. Глаза мужа казались сейчас совсем чёрными.

— Ей скоро месяц, да? Уже большая, — улыбнулся Рейн. — Да, кстати, забыл вечером рассказать. Брай молодчина! Он не только донес Санию на руках до кареты. Он ещё умудрился её поцеловать!

Я округлила глаза. Вот это оперативность!

— Угу. Молодец парень, — почему-то грустно вздохнул Холт.

* * *

Следующую неделю ничего не происходило.

Лиз уехала. Ленарт выдал ей именной вексель на целых три тысячи монет — ньери тоже было жаль несчастную женщину, а кроме того, он считал, что любой другой способ вправить мозги влюблённой дочери обошёлся бы куда дороже, в первую очередь — самой Сании. Рейн был с ним согласен. И оба — мой муж и хозяин дома — с живым интересом следили за тем, как развивается роман Сании и Брайта. Судя по тому, что последнее время Сания по четыре раза на дню приносила нам в кабинет то кофе с булочками, то нарезанные и лично красиво разложенные на тарелке сыр и фрукты, — всё шло успешно.

Танцев пока не было. Похоже, кулак Брайта оказался не по зубам Сирины.

Мужчины разбирали — коробку за коробкой — грузовые декларации.

Я страдала над переводом, листая толстенный словарь, который где-то раздобыл Рейн. Перевела между делом десяток прежде непонятных выражений из семейных книг... но пояс не сдавался. Я смогла, запинаясь, прочесть надпись вслух, — ларра почему-то напугалась вусмерть, — но смысл звуков ускользал. Ясно было одно — что бы оно ни значило, для достижения эффекта нужно повторить это трижды.

В четверг за ужином ньер Ленарт похвалил жену и сказал, что хочет, пока стоит такая замечательная погода, махнуть рукой на все дела и съездить завтра с Тир на пикник за город. Тирисии и вправду доставалось — я отлично понимала, чего стоит вести хозяйство в большом доме так, чтобы шестеро домочадцев, трое свалившихся на головы гостей и четверо слуг были всем довольны.

Тир, покраснев, посмотрела на мужа. Тот накрыл её ручку ладонью.

И, естественно, идиллию тут же испортила Анарда, робким голосом поинтересовавшись, не возьмут ли ньер Ленарт и сестра её с собой?

Честное слово, знала бы, что эта прилипала влезет, наложила бы на неё перед ужином «отвод глаз»! А сейчас только оставалось сидеть и смотреть, как Тир кивает и сама уговаривает мужа взять с собой сестру, ведь бедная вдова так одинока и несчастна!

Впрочем, к добру или к худу, но пикник сорвался. Буквально за пять минут до выезда, когда корзинка с вином, фруктами, сладостями и любимым салатом Лена уже красовалась на столе в гостиной, а Тир и Анарда завязывали перед зеркалом ленты на шляпках, примчался посыльный с известием, что ньера Ленарта лен Сертано срочно ждут в доме мэра. Ньер вздохнул и, пообещав точно вырваться на следующей неделе, отбыл в особняк главы города. Срочно — значит, срочно. Забытая корзинка стояла в гостиной, пока о ней не вспомнила хозяйственная Тир. И она же, опасаясь, что салат из осьминогов при такой погоде может испортиться, им пообедала.

А когда Лен вернулся от мэра, который, оказывается, вовсе его и не вызывал, хотя вспоминал — дела-то есть всегда, — Тириции внезапно стало худо. Она почувствовала резкую боль в животе, тошноту, а потом просто свалилась без чувств на руки испуганному мужу. На недомогание жаловалась и Анарда...

То, что дело в салате, вычислили довольно быстро. Хорошо, что кроме сестер, больше его никто не ел. Пришедший по вызову врач сделал обеим пострадавшим промывание желудка, прописал постельный режим, обильное питьё и взбитый яичный белок с молоком.

— Знаешь, — покачал головой Холт, — несвежие осьминоги, конечно, могут привести к неприятным последствиям... но кое-что меня в этой истории настораживает.

— Что?

— А ты подумай. Заметишь то же, что и я?

Ну, салат. Приготовили — он не потребовался — съели, чтоб не пропадал. К ужину уже были замаринованы свиные рёбрышки, а к ним салат из осьминогов никак не идёт. И что тут странного? Кстати, Анарда съела немного — к осьминогам вдова страсти не питала. Тир, кстати, тоже не особо их любила... выходит, выходит... Выходит, что, если бы пикник состоялся, плохо сейчас было бы Лену?

— Рейн, у меня получается, что мог отравиться ньер Ленарт.

— Сита, скажи, вы изучали в семинарии яды?

— Яды? — заморгала глазами я. — Ты думаешь?..

— Пока не думаю, слишком мало данных для выводов. А вот для подозрений их достаточно. Начать хотя бы с того, что до сих пор я в этом доме ни разу не видел несвежей пищи.

Я кивнула.

— Знаешь, помочь Тир я смогу в любом случае. Давай попросим у Лена разрешения её осмотреть?

Через полчаса мы с Рейном позвали Лена в кабинет и закрыли дверь.

— Лен, в салате был мышьяк. Точнее, думаю, мышьяковистый ангидрид, — озвучил Рейн выводы, к которым пришли мы оба. — Смотри сам: боль в животе, рвота, внезапная слабость и, главное, Тир жалуется на металлический привкус во рту, а её дыхание отдаёт чесноком.

— Она выживет? Моя Тир выживет?

— Да. Желудок промыли. Сейчас ей нужно пить как можно больше молока. А ещё Сита — но об этом никому ни слова, даже самой Тир, понял, Лен? — смогла нейтрализовать часть яда, который успел всосаться. Но ты понимаешь, что мишенью был ты? Ведь это ты у нас обожаешь моллюсков. И наверняка умял бы всё сам. А если бы тебе стало плохо за городом, до помоши ты мог бы просто не дожить.

Лен помрачнел.

Стали прикидывать, кто имел доступ к еде для пикника?

Удачно, что Элина и Сания под присмотром Брайта с утра ушли в свой магазин. А вот Винарт весь день был в доме и по просьбе Тир с Анардой — Лен сам слышал — помогал собираться: то искал ту самую корзину, то плед, то фужеры для вина. Плюс не стоило забывать о прислуге...

Выходило, что если отбросить нас с Рейном, самого Лена с дочками и Брайта, к еде имели доступ те, кто её готовил, четыре человека прислуги и Винарт.

— Анарда и Тир отравились. Мариза — кухарка — у нас уж двадцать лет. Агнесса, её дочка, никогда не сделала бы такого. Остаются трое... — Лен забаранил по крышке стола пальцами.

— Лен, доверишь мне вести расследование? — прищурился Рейн.

— Да. Найди того, кто причинил боль моей Тир! Но сделай это быстро! Иначе я сам начну искать...

— Успокойся. Пока, если любишь жену, не пускай к ней никого. Слышал, никого! Даже сестру — Тир слишком слаба, чтобы её ещё и клевали. И о том, что это мышьяк — молчи тоже. Даже дочерям, даже по секрету...

— Рей, мальчик, ты сейчас так похож на отца...

— Тогда слушай меня, как слушал бы его. Корми жену сам. Но перед тем как дать ей хоть ложку, позови Ситу — пусть она проверит еду.

— Спасибо, Рей.

Когда дверь за разом постаревшим ньером Ленартом закрылась, я спросила мужа:

— Как думаешь, будут ещё попытки покушения?

— Однозначно. Убийца не знает, что он разоблачён. И цель не достигнута. А ещё он не подозревает, что в доме живут сыщик и маг.

— А какая цель?

— Ну, основных целей почти всегда три: власть, месть, деньги. В разных вариациях. В нашем случае я бы поставил на последнюю.

— Почему?

— Потому что смерть Лена в смысле продвижения по службе не даст никому и ничего — должность не такая уж завидная, работать надо и, вообще, преемника утверждают в столице. Согласна?

Я кивнула.

— Месть? Тоже вряд ли. Ты уже успела оценить ньера Ленарта — он порядочный, добрый человек. Верен долгу — всегда был таким. Богат, удачливый делец. Но это, согласись, не повод сыпать мышьяк в салат. И, — Холт потёр пальцем кончик длинного носа, — есть ещё нюанс. Смотри, про пикник Лен объявил только вчера вечером. Ни у кого постороннего не хватило бы времени провернуть то, что было сделано.

Я снова кивнула. И спросила:

— А деньги?

— А кто наследники Лена? Две дочери и жена. Ох, не очень мне нравится то, что выходит...

— Что выходит?

— Все косвенные улики указывают на Винарта. Он знает вкусы Лена. Он обхаживает Элину. У него нет денег. Он имел доступ к корзине. И, наконец, он уверен, что если попросит руки Эли у отца — тот откажет. Именно из-за его бедности. Кстати, если выйдет отравить Тир, и лишь потом — Лена, доля Элины станет ещё больше.

Как жаль. Винарт — расторопный, молчаливый, деловой, покладистый — был мне симпатичен. И внешне парень казался очень мил — темноволос, строен, улыбчив, вежлив.

— Так что мы должны сделать? — вздохнула я.

— Найти доказательства.

Глава 7

Правда редко бывает чистой и никогда не бывает простой.

О. Уайльд

На следующий день Тир была ещё слаба. Анарда тоже лежала в постели — хотя ей стало лучше. Брайт отправился по городским аптекам — навести справки, не покупал ли кто в последнее время потраву для крыс? Рейн сидел с бумагами, но было заметно, что он размышляет о чём-то, не связанном с работой, — потому как большую часть времени муж не писал, а пялился в потолок, постукивая при этом ручкой по столу. Я закончила купать Соль — ларра деятельно помогала, — в результате на полу ванной образовалась лужа размером в половину Закатного океана, а я оказалась мокрой как мышь. Лен не пошел на службу, а дежурил у постели жены. Винарт, как обычно, в одной из нижних комнат разбирал корреспонденцию патрона.

— Что-то тут не то... — Рейн вошёл в комнату как раз вовремя, чтобы узреть, как застигнутая в процессе переодевания я сижу с подолом мокрой юбки на голове. Но, похоже, предложенного зрелища муж не оценил. Потому как совершенно спокойно продолжил: — Я вчера после ужина попробовал подъехать к Винарту — никакой реакции. То есть реакция есть, но она такая, какой была бы у тебя, спроси я, почему последнюю фаворитку Риналдо удалили от Двора.

— А ее удалили? — озадачилась я из-под юбки.

— Во-во, и я о том же самом.

Внезапно Холт фыркнул:

— Ссэнасс, ты же знаешь тут всё лучше всех! Ты не видела, кто трогал корзину для пикника?

— Ссэнасс не видела... — ларра огорчённо прикрыла глаза лапой.

— А ничего особенного в доме за последние дни не произошло?

— Мариссса исскакала что-то, — подумав, сообщила ларра. — Ругалассс ссильно.

— Схожу-ка я, узнаю, что потеряла кухарка, — хмыкнул Рейн.

— Вот так, теперь мы знаем, что ищем, — сообщил вернувшийся Холт

через десять минут. — Голубую жестянку средних размеров. В ней хранится паста для потравы крыс.

— Каких крыс? — удивилась я. — Если в доме есть ларра, крыс тут быть не может.

— Ссэннесс хорошишная, — подтвердила ларра.

— Мариза не знает о ларре. И думает, что крыс нет, потому что она их травит каждый месяц. А вообще она их жутко боится.

— А давно пропала коробка?

— Месяц назад была на месте.

М-да. Ещё до нашего приезда...

— Ссэннесс, а ты можешь поискать коробку? Ты же ходишь сквозь стены... А то, если мы затеем обыск, — весь дом на уши поставим.

— Ссэннесс поссстараецца... Вкуссно кормишишь...

Ну кошка и кошка.

* * *

— Вот скажи, Сита, почему я не удивлён? — Холт нервно барабанил пальцами по крышке стола.

Я оторвала взгляд от недописанного письма учителю и посмотрела на Холта. Смысл вопроса был ясен. Сегодня Ссэннесс тихонько — ларры это умеют — погуляла по дому. И на первом этаже, в той комнате, где обычно корпел над бумагами темноволосый помощник Лена, за кипой старых папок в шкафу обнаружила искомую голубую жестянку.

Муж продолжил:

— Тебе Винарт кажется идиотом?

Я пожала плечами. Зачастую абсолютные идиоты выглядят вполне вменяемыми, пока не начнёшь вместе с ними делать какое-нибудь дело. Но ни с первого, ни со второго взгляда ничего ненормального в Винарте я не заметила. Впрочем, сейчас меня больше занимало, как объяснить учителю, с чего я вдруг прошу его взять к себе Соль, если со мной что-то случится. Ведь не станешь писать о повторяющихся снах, заканчивающихся пробуждением в поту на смятых простынях, когда сама не можешь поверить, что ещё жива? Проклятая надпись с непонятного ошейника перевodu не поддавалась, как я ни делила слова. Я уже вырубрила её наизусть, но толку не было. Единственным успехом стало, что в расположенных по кругу закорючках я обнаружила «хвост», традиционно гласивший «И пусть это будет так!». Соответственно, то, что шло за

ним, — было началом.

— Знаешь, чего я ещё не могу понять? — продолжал рассуждать вслух Рейн: — Почему сейчас? В доме гостят посторонние. То есть вероятность того, что всё раскроется, выше, чем обычно... Так кому же неймётся? Зачем эта спешка? Похоже, мы чего-то не знаем. Или знаем, но не обратили внимание...

— Жаль, ларра — не собака, вынюхивать не может, — чуть грустно пошутила я. — А то бы она сказала, кто поставил туда коробку.

— Собака... — вздохнул Рейн. И неожиданно подпрыгнул на стуле. — Сита! Ты молодец! — Прищелкнул пальцами. — Вспомни-ка, что случилось на третий день нашего пребывания тут?

Я почувствовала, что краснею. На третий день мы с Рейном зачаровывали медальоны, которые теперь носили, не снимая с шеи. И то, как я, нагая, прижималась к его груди, не удалось забыть до сих пор. Я прижималась — а он прижал. Эти воспоминания были второй причиной, почему по ночам не удавалось высыпаться. Магини, подлечивая себя, восстанавливаются после болезни или родов намного быстрее, чем обычные женщины. Здоровье вернулось — а покой ушёл. Мысли о странных отношениях с моим работодателем и названным мужем всё чаще приходили в голову. Я их гнала — но получалось не очень.

— Вспомнила? — посмотрел на меня внимательно, произнёс короткое «О!» и в два шага очутился за моей спиной. Ладони легли на спинку стула. Он наклонился почти к уху: — Сита? — и потом в два слога, так, что я почувствовала дыхание на шее. — Си-та?

Пальцы почти невесомо коснулись моих плеч, погладили кожу над воротником.

Он ухаживает! — дошло до меня.

— Если я поцелую тебя по-настоящему, побежишь разводиться в Храм? — и, чуть с усмешкой, одновременно приподнимая рукой мой подбородок: — Винарт целует Элину, а той всего шестнадцать... Брай целует Санию... В этом нет ничего плохого. Си-та, Сии-та-а... ты такая красавица...

— Рейн...

Меня спас Брайт — «Кхе-кхе», раздавшееся от дверей, разбило сгустившееся напряжение. Как же он вовремя!

Пальцы Рейна на секунду стиснули мои плечи, потом муж отступил.

— Простите, что помешал, — раскаянья в голосе Брайта не слышалось.

— Заходи, — жизнерадостно откликнулась я.

Рейн, уже вернувшийся на своё место, сердито на меня посмотрел. Потом фыркнул:

— Брайт, присоединяйся. Сита, так как — догадалась?

Ой, а о чём мы говорили? Захлопала глазами, пытаясь вспомнить. Идиоты, собаки... Да, собаки!

— На третий день у соседа ньера Ленарта неожиданно сдохли два пса, это?

— Да. Два одновременно, что старостью не объяснишь. Значит, кто-то пробовал отраву. А банку, скорее всего, взяли ещё до нашего приезда — ведь нужно время, чтобы найти, на ком можно испытать яд, приготовить приманку...

— Выходит, наш визит смешал чьи-то планы. А потом это кто-то все же решил рискнуть — то ли счёл нас не опасными, то ли время поджимало, то ли произошло что-то, о чём мы не знаем. Брай! Попроси ньера Ленарта прийти сюда!

Через пять минут ньер Ленарт присоединился к нам. Для него Брайт принёс стул, а сам уселся на диванчик, поёрзal — попереставлял ноги — попробовал откинуться на спинку — снова сел прямо. Я про себя хихикнула — вычурные вещи с претензией на высокий стиль часто бывают неудобными.

— Да, собаки умерли от отравления, — подтвердил ньер Ленарт. — Мне сказали, что несчастных псов рвало и они грызли животы, прежде чем сдохли.

Я вздохнула — бедные звери...

— Лен, послушай, — Рейн снова постучал пальцами по столу, — сейчас все улики указывают на Винарта.

Ньер Ленарт помрачнел.

— Три года! Три года он в этом доме, и два ухаживает за Элиной! И я был не против... Сегодня же отошлю её к тётке, а его отправлю в тюрьму!

— И почти наверняка сделаешь ошибку... — покачал головой Холт.

Мы с Брайтом внимательно следили за разговором.

— Почему?

— Потому что у Винарта нет причины спешить. А кто-то спешил... Расскажи-ка, Лен, что происходило в доме последние две-три недели до нашего приезда?

— Да ничего особенного, — пожал широкими плечами хозяин.

— Нет, так не пойдёт. Ты не помогаешь. Давай так: называешь всех домочадцев по порядку, а потом говоришь, что в голову приходит. Всех!

Начиная с дочерей и Тир.

— Тир, — улыбнулся Ленарт. — Мы начали говорить о ребёнке. Она хотела... Я не возражал.

— Отлично. Дальше.

— Сания металась по портнихам — заказывала платья для вечерних танцев, прихорашивалась. Ну, эту историю ты знаешь. А Элина вела себя спокойно. Ей очень понравилось работать в «Заморских редкостях», она даже витрины сама оформляла. А Винарт помогал. Я разрешил — знал, что он относится в моей девочке с уважением. А видишь, как вышло... — вздохнул.

— Дальше, Лен, дальше!

— Анарда всегда рядом с Тир. Вообще-то, когда в доме нет гостей, Тир самаправлялась без труда.

— А давно у вас гостит Анарда? — поинтересовался Рейн.

— Месяца четыре... или пять. — Ленарт замолчал и — я чётко уловила это — отчего-то смущалась.

Без раздумий нагрела ладонь Рейну. Он сообразительный, поймёт, что сие значит.

Понял. Взглянул на меня, потом на ньера Ленарта.

— Лен, дальше этой комнаты не пойдёт. Ну-ка выкладывай, в чём дело?

Было странно видеть, как крепкий, средних лет мужчина смущённо теребит усы.

— Кажется, я ей нравлюсь.

Ну, это не новость. Вспомнила случайно подсмотренную в прихожей сцену.

— Тир знает? — поинтересовался Рейн.

— Да что ты! — встопорщился Ленарт. — Я даже думал, не пора ли мне отправить свояченицу восвояси...

Я улыбнулась каламбуру.

— ...но сейчас она нужна Тир. И по хозяйству, и для поддержки. Значит, дальше. Мариза тут чуть ли не дольше меня самого, с Агнессой — её дочкой — тоже всё понятно. Кстати, я обещал ей, как замуж соберётся, небольшое приданое. Вторая горничная в доме не живёт — приходит работать днём. И у неё двое детей, вряд ли она бы во что-то такое полезла. Садовник, правда, новый — он у нас всего полтора года. Но также кажется надёжным — рекомендации были отличными. С ним тоже ничего необычного, кроме жалоб, что красная тля буддлеи замучила.

Пока слушала этот монолог, в голову пришла мысль: ведь Винарта

просто проверить! Поставить на видное место синюю жестянку, позвать парня в комнату и посмотреть на ауру, когда он увидит коробку. И когда Ленарт, которому Рейн ещё раз повторил наказ не пускать никого к Тирисии и не трогать пока Винарта, ушёл — озвучила идею.

— Не пойдёт, — покачал головой Рейн. — Винарт в курсе всех дел в доме. И, если ни при чём, наверняка захочет отнести жестянку Маризе. После чего преступник, кем бы он ни был, услышит и о нашей находке, и о том, что мы знаем — Тир отравлена мышьяком.

Ну вот. А с первого взгляда мысль казалась такой разумной...

— Жаль, что у нас нет ларца святой Яниры... — вздохнула я.

Рейн с интересом посмотрел на меня.

— А если сделать так...

Ну и ну! Мой муж — настоящий авантюрист! Только я не уверена, что справлюсь.

Когда Брайт, которого Рейн отправил на поиски ларца, сошедшего бы по виду за известный храмовый артефакт, закрыл за собой дверь, Холт поднялся со своего места. Лицо было непроницаемым, но я уже заметила, что когда муж похлопывает ладонью правой руки по бедру, значит, что-то задумал.

Уставился на меня.

Не знаю, что у него там за тараканы в голове, но мне надо дописать учителю. Отправлю — однозначно почувствую себя спокойнее.

Рейн действительно оказался за моей спиной.

— Подожди, — подняла я указательный палец. — Надо закончить письмо.

— Ньеру Расселу?

— Да, прошу его взять Соль, если со мной что-то случится.

— Почему его?

Обернулась и серьёзно посмотрела мужу в лицо:

— Потому что он — маг, а ты — сыщик. Как думаешь, с кем лучше и безопаснее расти девочке, наделённой магическим даром?

— Ясно. А почему ты вообще об этом думаешь? Тебе продолжают сниться те сны?

Я, прикусив губу, молча кивнула. Тема была больной, и обсуждать её не хотелось.

— Сита! Как часто?

— Каждую ночь.

— А чем они сейчас заканчиваются?

— Я умираю, — криво улыбнулась. — Только я уже научилась делать это тихо, не пугая ларру и Соль.

— Ох, Сита... Дописывай и поговорим. И позволь мне спать рядом? Я не хочу, чтобы ты была одна.

Я покачала головой. Ни к чему такое.

— Не отказывайся. Разрешишь — обещаю, объясню, почему не хочу разводиться.

Интересно как... Передумал играть в тайны королевского Двора? Воспользоваться его слабостью или вспомнить про пресловутое кошачье любопытство?

— Ньера, вы ёрзаете, — улыбнулся за спиной Рейн. — Соглашайся. Буду храпеть — выгонишь.

Ну и что с таким делать?

Перед ужином Холт вошёл в мою комнату с коричневым конвертом в руках.

— Хочешь узнать, что это?

Мы с ларрой, оторвавшись от лежавшей между нами Соль, уставились на Рейна.

— Что?

— Подтверждение ума и чутья твоего мужа, — улыбнулся Рейн, присаживаясь к нам на край кровати. И тоже потянулся к Соль.

— Ты руки мыл? — забеспокоилась я.

— На, читай. Сейчас помою ещё раз.

Открыла распечатанный конверт.

Высылаем Вам по Вашему требованию копию свидетельства о смерти ньера Падерика лен Бурани и показания врача, его лечившего...

Гм-м, знать бы ещё, кто такой этот Падерик и зачем он нам сдался? Отложив сопроводительное письмо, взяла лист бумаги, исписанный кривыми каракулями. Точно, та пара кудесников из порта училась в медицинской семинарии! Но после знакомства с их талантами я легко разобрала «острое отравление», «кровавая рвота», «остановка дыхания».

Вернувшийся Холт снова присел рядом.

— Поняла? — и протянул палец немедленно зажавшей его в кулаке дочке. Улыбнулся: — Ух ты, сильная какая!

Я кивнула — поняла. Только все равно картина не складывается. Зачем

Анаарде, старый муж которой умер при подозрительно схожих обстоятельствах, травить ньера Ленарта? Мстила за то, что тот её отверг? Да не похоже. Судя по тому, что я видела за столом во время обеда, когда Анаарда успешно замещала ещё не вставшую с кровати больную сестру, отношения между хозяином дома и свояченицей были самыми радужными.

А может, это вообще кто-то третий? Например, тот же Сирины, который решил добавить к приданому невесты отцовское наследство. И подкупил кого-то в доме. Садовника, например. Или обольстил Агнессу.

Или кто-то из конкурентов ньера Ленарта... Тогда вообще искать будем век.

— Брайт раздобыл похожую шкатулку. После ужина и начнём. Задачу поняла? Как увидишь всплески в ауре — греешь крышку, да посильнее.

Угу. И завтра вся семья будет ходить с обожжёнными руками, поминая тихим добрым словом Яниру и меня. Потому что мало ли отчего оно там всплеснёт...

— Я постараюсь не задавать лишних вопросов, — хитро прищурился на меня Рейн. — И сяду рядом. Аур я не вижу, а вот враньё засекаю неплохо. Так что справимся.

Хотела бы я в это верить, как он.

Сегодня Тир впервые встала, чтобы спуститься к ужину. И сейчас слабо улыбалась, сидя рядом с мужем и отправляя маленькими ложечками в рот пюре. Остальная семья с энтузиазмом оприходовала барабаний окорок с чесноком. Приготовлено было и вправду замечательно. Распоряжалась за столом Анаарда, занимавшая место по другую сторону от хозяина.

После того, как все оценили десерт — вафельные рожки с земляничным кремом, — то есть ужин подошёл к концу, ньер Ленарт поднял ладонь. Все — Тирисия и Анаарда, Элина и Саня, Винарт и Брайт, мы с Рейном — уставились на главу дома, ожидая, что тот скажет.

Ньер Ленарт тяжело вздохнул, нахмурился, обвёл глазами лица сидящих за столом:

— Даже не знаю, как о таком говорить-то... — покачал головой. — Все вы знаете, что четыре дня назад мои жена и свояченица заболели, поев салата с осьминогами. Ну так вот, стало известно, что это — не случайность. Отравить хотели меня, но сильнее всех пострадала Тир. И сделал это кто-то из домашних — ни у кого другого не было возможности подсыпать в салат яд.

Слово «яд» разорвалось пушечным ядром в пороховом погребе. Все заговорили разом:

— Яд? Как яд?!

— Я-ад? Не может быть!!!

— Нет, наверняка это ошибка...

— Вы уверены?

— Да, уверен! — припечатал ньер Ленарт. — И я хочу знать, кто хотел отравить меня? И кто чуть не убил мою Тир?

— Яд? — заговорила Анарда, не успел замолчать ньер Ленарт. — А какой именно яд — уже известно? И откуда взялся этот яд? Давайте сейчас обыщем дом! У кого найдут, тот и виноват! Но я убеждена — это не может быть кто-то из членов семьи!

Я смотрела в оба глаза на ауры — нет, ничего не понять! Сильные эмоции зашкаливали у всех присутствующих... вот только разобрать, чем они вызваны — изумлением, гневом, страхом, — не получалось. Вон, Тирисия тоже чуть не сыплет искрами — а ведь она-то точно ни в чём не виновата. Если бы не вовремя сделанное промывание желудка и моя помощь, Тир почти наверняка бы умерла.

— Значит, так, — снова взял слово ньер Ленарт. — Повторю, я хочу выяснить, кто это сделал. Способ узнать правду есть — связи и влияние позволили мне воспользоваться редчайшим артефактом Храма — одной из шкатулок святой Яниры. О том, что это, вы все наверняка слышали. Сейчас ларец здесь. Я требую, чтобы каждый — каждый! — из нас, начиная с меня самого, положил на него руку и сказал, что не он пытался меня отравить. Да, я заранее знаю, уверен, что большинство из вас тут ни при чём. Но пусть всё будет по-честному, чтобы все мы — семья — были в равном положении. И ещё: сам спрашивать родных мне людей о том, кто из них желал моей смерти... простите... я много повидал в жизни — дрался с пиратами и выживал в крушениях — но такого — такого не могу. Я поручаю задавать вопросы сыну моего старинного друга ньера Раиндэллу лен Холту. Ему я доверяю, как себе.

— А сам ньер Холт точно ни при чём? — прищурилась Анарда.

— Да, он уже прошёл испытание. Я сам спросил его. Итак...

Ньер Ленарт встал и тяжело, как-то устало подошёл к стоящему у стены комоду. Сдернул покрывало со стоящего там похожего на чёрный ящик предмета.

— Это шкатулка. Надо положить на неё ладонь. Вот так. Давай, Рейн.

— Ньер Ленарт, скажите нам, — лицо Холта было абсолютно спокойным, — вы пытались отравиться?

— Нет.

— Спасибо, вопросов больше нет.

Ньер Ленарт обернулся к столу.

— Видели? Теперь каждый из присутствующих подойдёт, положит руку на ларец и скажет то же самое. Если ньер Раиндэлл захочет что-то уточнить — пусть спрашивает, я не возражаю.

Первыми, без просьб, поднялись Сания с Элиной. Ожидаемо. Посмотрели друг на друга, смущённо улыбнулись.

— Сания, ты старшая, иди первой, — кивнул Рейн.

Девушка подошла к комоду, смущенно одёрнула юбку, откинула за плечо прядь светлых волос.

— Спрашивайте.

— Сания, ты хотела отравить отца? — негромко спросил Рейн.

— Что вы, я люблю папу! — голос Сании зазвенел.

— А ты довольна приданым, которое ньер Ленарт тебе выделил?

Глаза девушки округлились. Потом она весело тряхнула головой:

— Да это вчетверо больше, чем я заслуживаю!

— Спасибо, Сания, садись. Элина?

Другая дочка Лена тоже ничего не знала о попытке отравить отца. И на второй вопрос — считает ли она происходящее недоразумением? — тоже ответила утвердительно. И я видела — она не лжёт.

Но, вообще, я смотрела на сидящих за столом. Интересно, все вроде бы успокоились, сполохи в аурах почти исчезли.

— Хорошо. Давайте закончим с членами семьи. Ньера Тирисия, вам не будет слишком тяжело подойти к ларцу?

— Сейчас.

Опёршись на руку мужа, одетая в синее худенькая брюнетка встала. Подошла к шкатулке. На вопрос, не она ли пыталась отравить мужа, Тир серьёзно ответила одним словом: «Нет». Рейн чуть прищурился:

— Тирисия, скажите, вы любите мужа?

— Да, очень.

Голос тихий, но такой искренний... Казалось, что она светится изнутри. Глаза-вишни обратились к Лену. А тот — с таким же выражением лица — смотрел на Тир. Ну и ну! Даже завидно немножко. Вот оно — настоящее.

— Анарда, теперь вы.

Свояченица уверенно подошла к комоду, положила руку на чёрную крышку ларца. Я смотрела во все глаза — вроде бы спокойна, но что-то есть. Хотя у кого тут нет тараканов?

— Ньера Анарда, это вы хотели отравить ньера Ленарта лен Сертано?

— Нет! — голос Анарды звучал твёрдо. — Я никогда бы не пожелала

такого. Я уважаю и люблю ньера Ленарта. Всё?

— Не совсем. Ещё один вопрос. — Рейн сильно сжал под столом мою руку и нейтральным голосом продолжил: — Ньера Анарда, это вы хотели отравить свою сестру, Тирисию лен Сертано?

Все, включая упомянутую Тирисию, вылупились на Рейна.

— Ньера Анарда, я жду ответа! — бесстрастно повторил Холт.

Теперь взгляды скрестились на мнущейся брюнетке.

— Не... ай! — Анарда отдёрнула от чёрного камня обожжённую руку.

Сидящие за столом вытаращили глаза. Кажется, не был удивлён один Брайт, который весело взглянул на патрона.

Тишину разорвал голос хозяина дома:

— Зачем? — ошеломленно произнёс ньер Ленарт. — Я не понимаю, Анарда, зачем?

Анарда, баюкая руку, молчала. Ответил Рейн:

— Затем, чтобы она, так похожая на сестру, могла утешить вас в горе и занять место умершей в доме и в вашей спальне, ньер. Но всё ещё хуже. Анарде было мало смерти Тирисии. Она сознательно подставила Винарта, подсунув тому в шкаф с бумагами банку с ядом. Винарта казнили бы или отправили в колонии на годы. И тогда следующей жертвой стала бы ваша дочь, Элина, которая якобы отравилась бы с горя сама. А потом, глядишь, что-нибудь случилось бы и с Санией... Ньера Анарда, отчего умер ваш муж?! Положите вторую руку на шкатулку Яниры и скажите нам, что не имели отношения к смерти Падерика лен Бурани!

Сейчас аура Анарды пылала, глаза горели. А лицо, лицо исказилось так, что теперь никто не усомнился бы в её вине. Она с ненавистью уставилась на сестру:

— Тебя всегда баловали! А меня... меня выдали замуж за этого старого козла! Если б вы знали, что он заставлял меня делать! Да, я его убила! Смотрела, как он мучается, и хотела! И убила бы снова! И вот я приезжаю сюда, а тут милая Тир в бархате среди позолоты, и симпатяга муж её на руках носит! И у прекрасной Тир денег столько, сколько у меня не будет никогда!

Тир, заплакав, уткнулась Лену в плечо. Тот обнял жену, утешая.

Рейн коротко свистнул. Из полутёмной прихожей шагнули два непонятно где скрывавшихся до того момента гвардейца. Муж качнул головой в сторону Анарды.

— Забирайте. Оформите как полагается. Показания об услышанном признании вины мы засвидетельствуем завтра.

Из-за стола все разошлись молча.

И впрямь, что тут скажешь?

Через час к нам в комнату постучался ньер Ленарт.

— Рейн, спасибо тебе! Я и подумать не мог на неё... и уже готов был обвинить Винарта, чуть не сломав жизнь и парню, и собственной дочери. Скажи, что с ней будет?

— Сам знаешь. Если муж действительно над ней издевался, она могла уйти — развестись в Таристе не слишком сложно. Так что, думаю, выяснится, что убила она его из корысти. И здесь — покушение на убийство сестры, попытка оклеветать невиновного... и тоже ради денег. Ведь ты не думаешь, что она любила тебя на самом деле, Лен?

— Пойду я к Тир... — вздохнул ньер Ленарт. — Ей сейчас хуже, чем мне.

Когда дверь закрылась, я повернулась к Рейну.

— Ты знал, знал заранее, кто виноват... дал ей расслабиться, думать, что она ускользнула, а потом поймал! Но как?

Муж усмехнулся.

— Знаешь, меня мучило ощущение, что мы что-то упускаем, не видим какой-то детали. А потом вдруг дошло — вот! — от мэра прибежал посыльный, и это сорвало пикник. Но потом выяснилось, что градонаачальник Лена не вызывал, только вспоминал о нём в присутствии помощников. Все решили, что это один из секретарей что-то напутал, приняв несколько брошенных слов за приказ... и, удовлетворившись таким объяснением, выкинули случившееся из головы. Но всё было не так. Посыльного нанял кто-то другой, отлично знавший и порядки в доме, и просчитавший всё, что за этим воспоследует: Лен ушёл — пикник отложился — салат остался — хозяйственная Тир им пообедала. С самого начала целью покушения был не Лен, это была Тир! Как только я это понял, остальное встало на места.

Посмотрела на Рейна с уважением. Сама-то я эту деталь проворонила...

Муж прищурился:

— Ничего, научишься. Ну что, пора спать?

Глава 8

На ошибках учатся. Повторение — мать ученья. И как прикажете совмещать эти два тезиса?

Н. Кузьмина

Я хлопала глазами в темноту, пытаясь понять, что должна чувствовать: быть смущённой, польщённой, сердиться, смеяться? Не знаю. Ерунда какая-то, как ни поверни. Рейн — чисто выбритый, приятно пахнущий, в белой шёлковой рубашке с длинным рукавом и серых штанах, которые я как-то имела счастье зреть в Салерано, — закинув руки за голову, лежал в локте от меня. И только что я имела глупость напомнить названному мужу об обещании объяснить, почему тот не хочет развода. На что получила потрясающий по внятности ответ, произнесённый раздумчивым тоном:

— Когда я смотрю в твои серые глаза, то вижу небо.

Поэтично. И абсолютно непонятно. Но спасибо, хоть не за ум похвалил.

Сейчас, очевидно, муж ждал от меня какого-то отклика. А я не знала, что сказать. Потому что не была уверена, что, во-первых, понимаю сам вопрос, а во-вторых, свои чувства к Рейну. Но неба я там, определённо, нигде не наблюдала.

— Сита?

Вот хочешь испортить отношения — начни их выяснять.

— Рейн, я не понимаю.

— Чего не понимаешь?

Передернула плечом. Опять все перевернулось. Хотела спросить я — а спрашивает он.

— Неважно. Давай спать?

Его присутствие меня смущало. Мы уже не в первый раз ночевали бок о бок, но всё было как-то не так, как раньше.

— Как скажешь. — Голос казался чуть разочарованным. Он завозился и, не спрашивая разрешения, подвинулся ближе. — Клади голову мне на плечо. Посмотрим, может быть, это — неплохое средство от кошмаров.

От кошмаров — возможно. А вот от ненужных мыслей — наоборот.

Я жалела, что дала ему разрешение ночевать рядом. Мужчины и женщины — две разные вселенные. У ньеров всё по-другому. Я уже знала

по собственному опыту, как мужчины используют зов природы, добиваясь своих целей. Здоровый, симпатичный, молодой, неглупый, воспитанный, чистоплотный индивидуум способен своим вниманием заставить закружиться любую женскую голову. И все эти эпитеты можно было отнести к Рейну — и дерётся так, что загляденье, и умён, и сила с породой в нём есть. А что с лица не канон красоты — так и не урод. Да и поговорив с ним час, перестаёшь замечать внешность — остаётся харизма острого интеллекта, обаяние отличного воспитания и пленительная отточенность гибкой грации. А чуть длинного носа уже и не видишь.

Только при этом не факт, что цели Рейна, в чём бы они ни заключались, совпадают с моими. Что значит «глаза как небо»? Истрактовать можно как угодно, от «нъера, у вас высокие нравственные принципы» до «Сита — в голове пусто». После Андреаса я стала смотреть на такие расплывчатые комплименты с подозрением.

Рейн честный. А во фразе «я люблю тебя» есть магия. Но если ему и в голову не приходит сказать такое прямо, а вместо этого произносится нечто из разряда «что хочешь, то и думай», наверное, он не может. Значит, в лучшем случае я ему просто нравлюсь.

Мило, но мало.

Я уже поймала себя на том, что мне самой приятно разглядывать названного мужа и что его присутствие рядом меня волнует. Вот сейчас он подложил руку мне под плечи, сам затих, а мне теперь полночи ёрзать. Потому как мысли в голове вовсе неуместные.

Обычный мужчина может целоваться и делать всё остальное с почти любой симпатичной молодой здоровой женщиной. И к любви чаще всего это не имеет никакого отношения. Еду же мы не любим? Она нравится, мы её потребляем. Вот и тут так. Захотели — сделали — встали — пошли дальше. Не оглядываясь.

А для большинства женщин этот путь закрыт. Нам нужны чувства. Поэтому женщины, раз уступив, считают чуть ли не своим долгом по уши влюбиться в тех, для кого они не больше, чем средство для достижения цели или просто постельная игрушка. Для первого мужа я была средством. А кто я для Рейна? Понятия не имею. Но впредь постараюсь держать дистанцию.

Повернулась на бок спиной к соседу и закрыла глаза.

Снова серые тунNELи... только я не одна. Рядом Холт. Мы вместе убегаем от того, что гонится за нами... Я слышу своё хриплое дыхание, чувствую усталость и отчаяние. Всё как всегда — только теперь умереть

предстоит нам обоим. Поворот и — совершенно неожиданно — коридор впереди затапливает чёрная тьма. Как я не сообразила! Если Пожиратель — какой-то вид эктоплазмы, стены ему — не преграда.

Ну вот — можно просыпаться — сейчас нас сожрут.

Но вместо этого я нашупала чёрную полосу металла на талии. Дёрнула за верёвку, поддерживающую цепь на поясе, — та с лязгом свалилась к ногам. Подняла и, выставив кольцо перед собой, начала произносить незнакомые странные слова...

Разбудил меня не Холт — из-под кровати взвыла дурным голосом ларра.

— Ссэнасс, Ссэнасс хорошая, что с тобой?

— Убьешшь душишшу Ссэнасс... — зашипела ларра.

Проснувшись от шума Холт за моей спиной напрягся.

— Сита? Опять?

Обнял меня второй рукой, притягивая к груди. А я пыталась сообразить — казалось, прямо перед носом маячит нечто важное. Попробую проговорить вслух, иногда это помогает.

— Рейн, слушай внимательно. Мне снился лабиринт. Мы были там вместе. И Пожиратель нас нагнал. Тогда я сняла с себя пояс, тот, чёрный, и стала читать написанное на нём заклинание. Возможно, я заговорила во сне вслух. Потому что меня разбудила Ссэнасс. Ларра испугалась, что я убью её душу.

— Ссэнасс хорошишшая, — раздалось из-под кровати.

— Замечательная, — охотно согласилась я. — Но скажи, верно ли я поняла? Можно отнять у Пожирателя душу, пленить её. И тогда он перестанет быть разумным?

— Ссэнасс не ссснает... Возмошишно.

Ага. Значит, с завтрашнего дня и до отъезда из Паэны стану носить этот лязгающий ужас, ошейник, ожерелье, цепь — в общем, этот артефакт — на талии. Надеюсь, он не понадобится. Но иной защиты у нас нет. И других идей нет тоже.

Руки Холта обняли меня крепче. Он часто дышал где-то у самого уха. А потом, пробормотав: «... не преступление», — приник к моей шее. Теперь часто задышала я.

— Рейн, не надо!

— Я тебе не нравлюсь?

Поцелуй в шею я любила. Так делал Андреас, пока за мной ухаживал. А потом женился — и перестал целовать. Все стало проще...

Должна ли я выполнять супружеский долг, если выходила замуж

фиктивно? Бред какой-то. Но, по логике, нет. Хоть и оказалась с названным мужем в одной кровати. И он, кажется, не возражает... И, самое странное, что я не против тоже. Так почему же я боюсь превратить фальшивый брак в настоящий? Наверное, потому, что не знаю, как относится ко мне Рейн. И не хочу снова оказаться связанной с тем, кому нужна не я, а что-то от меня. Опять довериться не тому, а потом заглядывать в глаза и ждать одобрения и ласки, как собачка подачек?

Нет. Лучше не надо ничего.

Отпихнула от груди его руку. И отодвинулась.

— Сита, почему?

Промолчала... Не умею объяснять. Всегда остается ощущение, что оправдываюсь. И ещё: допустим, скажу я, что мне нужна уверенность, что он меня любит. И услышу в ответ желанное признание. Но будет ли оно искренним или мне просто преподнесут то, что я хотела услышать?

Моё сердце ещё не зажило, чтобы ставить на нём новые эксперименты.

Пусть понимает, как хочет.

Он молчал.

Утром — ожидаемо — Рейна в комнате уже не было. Пожала плечами и пошла умываться: пора кормить Соль. Уставилась в зеркало в ванной на припухшие глаза. Ага... как небо. Которое в алмазах. Пожала плечами ещё раз и сунула в рот зубную щетку. Пока чистила зубы — думала. Вот приняла я решение носить древнюю цепь — не цепь с шипами на себе. А как это делать? Во-первых, она не лёгонькая — стоуна на полтора тянет. Во-вторых, под платье не надеть — шипы пропорют любую ткань. А на платье... м-да, выглядеть такое будет своеобразно. Наконец, додумалась до того, что носить буду сверху, наложив «отвод глаз». А кто меня за талию схватит — сам будет виноват!

Я сидела в утреннем пеньюаре, с распущенными волосами и с Соль у груди, когда через смежную дверь неожиданно появился Рейн. Собранный, бритый, аккуратно одетый. И даже не постучался! Просто вошёл и встал напротив, глядя на нас сверху вниз. Неудобно, очень неудобно. Хотя чего он ещё тут не видел?

Спокойно посмотрела на него в ответ. Говорить ничего не стала. Он пришёл — вот пусть сам и скажет, зачем.

— Сита, нам нужно поговорить.

Угу. Об этом я уже догадалась.

— Сита, я понял, что больше так не могу.

Заморгала. Кажется, грядут неприятности... это преамбула к чему?

— Я хотел подождать несколько месяцев, чтобы дать тебе прийти в себя. Но, оказалось, что я не железный. — Подвинул кресло, сел напротив меня, едва не касаясь моих колен своими. — Сегодня ночью ты была совсем рядом... Я слышал твое дыхание и стук твоего сердца, чувствовал твой аромат. Сита, посмотри мне в глаза! Да, так. Не отводи взгляда. А теперь скажи мне, Сита: сможешь ли ты полюбить и принять лишенца без магии? Нет, не прямо сейчас... я понимаю, тебе нужно больше времени. Но я согласен ждать, сколько надо. Скажи только, это возможно? Ты честная, ты никогда не лжёшь. Сита?

Глупый... какой же он глупый...

Хлюпнула носом. А он как думает? Могла бы я сидеть вот так с тем, кто мне совсем не нравится?

Освободила левую руку и протянула ее Рейну. Тот понял, стиснул пальцы, потом поднес к губам, поцеловал запястье и, уже настойчивее и горячее, ладонь.

— Сита... ох, Сита! Тогда вот! — сунул руку в карман и, не успела я ахнуть, надел мне на безымянный палец кольцо. Улыбнулся: — Это не покупное. Это фамильное.

Посмотрела на алмаз чуть поменьше ореха, икнула. Верю. На такое можно целый корабль снаряdzić! Или даже флотилию. Ничего ж себе!

— Си-та... Же-на...

Он словно пробовал слова на вкус. А у меня от его взгляда из-под полуопущенных век мурашки бежали по коже.

Соль, чмокнув в последний раз, решила, что ей пора спать. Привстав, положила дочку в колыбель. А когда обернулась, Рейн сидел уже не в кресле, а на краю кровати.

— Знаю, что тебе пока нельзя... но поцеловать свою жену я могу? А то скажи кому — засмеют! Третий месяц женат, а ни разу не целовались.

— Как? — подняла я бровь. — А как же то «было»?

— Сама знаешь, как было «то», — усмехнулся муж. — Иди ко мне?

— Рейн, скажи прямо, как ты ко мне относишься?

— Без ума. Подозреваю, что ты контузила меня, свалившись с лестницы. А твой суслик меня доконал.

Я засмеялась, присаживаясь рядом, а он обнял меня за плечи и уронил на постель. Навис сверху:

— Как смотришь на то, чтобы опоздать на завтрак? Или... — поднял бровь, — вовсе его пропустить?

— Нехорошо.

— Ладно. Но сегодня я ночую здесь. И уже не уйду. Надень сейчас для меня жёлтое платье с цветами? Ты в нём сияешь. Только секунду... вот так... мм-м...

Ну да, прежде чем что-то надеть, надо что-то другое снять. И сейчас мне помогут. А поцелуй в шею... ох-х... хочу ещё! Может, бес с ним, с этим завтраком?

Прикоснулась кончиками пальцев к его щеке:

— Рейн, а почему ты так долго молчал?

— Я спрашивал. А ты не отвечала.

М-да. Так спрашивал, что я и не догадалась, что то был вопрос. А он не понял, что я не поняла. Похоже, что мы оба настолько умны, что сами себя не понимаем... Внушает оптимизм и веру в будущее, да.

Под кроватью громко урчала ларра.

На завтрак мы всё же пошли. А я для тренировки нацепила поверх платья чёрную цепь. Её действительно, как во сне, пришлось подвязать верёвкой — я была узка в бёдрах для этого артефакта. Интересно, кто и как использовал его раньше?

Рейн фыркнул что-то насчёт неподходящего выбора аксессуаров.

Я хмыкнула, сняла цепь и наложила на свою сбрую «отвод глаз». Сперва хотела сделать это прямо на себе, произнеся в качестве указателя «на этой ньере», но раздумала. А если под заклинание попадёт и платье? И что тогда будет? — плавающая в воздухе говорящая голова или вообще полное непотребство? Надев артефакт на ощупь, сама тут же про него забыла, и первая же и пострадала, уколовшись. Уж да — эксперимент так эксперимент! Учитель бы долго веселился.

Надо все же придумать что-то другое. Например, прятать эту жуть под кушаком.

После завтрака Эли с Санией в сопровождении Винарта отправились в свой магазин. Немного погодя Лен отбыл в контору. Брайту предстояло провести полдня в порту — только что прибыла из рейса одна из подозрительных шхун, и Брай хотел своими глазами последить за разгрузкой. Тир, с которой неотлучно сидела Агнесса, отдыхала у себя в комнате. А нам с Рейном предстоял разбор очередной коробки бумаг. Ничего, ещё немного, и всё останется позади...

Не успели мы зайти в кабинет, как о пояс укололся Рейн. Чертыхнулся. Я прикусила губу, чтобы не засмеяться. А сама решила, что это очень даже неплохо — подозрение, что муж хочет устроить внеплановый выходной

вместо работы, росло с каждой минутой, — вон, так и косится, вместо того чтобы в тетрадку писать! Я и сама витала мыслями непонятно где... Основным вопросом было: сказать ли ему вечером, что мне уже всё можно? А ещё ужасно хотелось подойти к нему и запустить пальцы в чёрные волосы. И заглянуть в глаза... Но, наверное, не стоит.

В результате мы перестреливались взглядами, как парочка младшекурсников на уроке. Решив соответствовать роли, оторвала от странички в тетрадке клочок и нацарапала:

«Ты меня любишь?»

Свернула трубочкой и кинула Рейну.

Тот поймал на лету. Развернул. Посмотрел в мою сторону, что-то начиркал на моей бумажке... и спрятал в карман жилета! Вот гад! Так нечестно! Как я узнаю, что он написал?

Рейн взглянул на моё возмущённое лицо и довольно фыркнул.

Ну и ладно! Тогда я тоже ничего не скажу!

Ближе к полудню, после того, как я покормила Соль, пришлось подновить заклинание на поясе. А то заглянет кто-нибудь — вот удивится! После этого я снова уселась за работу. Как-то так вышло, что теперь мы с Холтом сидели рядом, бок о бок. Муж правой рукой писал, а левая каким-то образом оказалась под задранной юбкой на моей коленке. Время от времени длань начинала ползти вверх, я по ней шлётала ладонью, Холт фыркал, но отступал. Кажется, нам обоим очень нравилось происходящее.

Потом появился Брайт с докладом:

— Посмотрел я на эту «Крабью невесту». Каботажное корыто чистой воды. В Закатном океане такому делать нечего — потонет при четырёх баллах. И на абордаж этот старый таз никого не возьмёт. А привезли они, между прочим, меха с севера, можжевеловую водку и хмель нового урожая. Вот и думай — где они такое взяли? Выходит, мы правы насчёт перевалочной базы. Где-то она есть... причём не на краю света, а у нас под боком, в Винейском море. Ладно, сейчас переоденусь и присоединюсь к вам.

Переодеться Брайт не успел. Потому что раздался стук в дверь, и появился Винарт. Всунул голову в щель и поинтересовался:

— А где ньер Ленарт? Он за мной срочно послал.

— Я видел его полчаса назад в порту, — удивился Брайт.

— Что-то фальшивых посыльных развелось... — покачал головой Рейн.

Мы переглянулись.

— Это не Анарда, та сидит в тюрьме, — начала я.

— Тогда кто? И зачем? — на симпатичном лице Винарта отразилось честное недоумение.

— Если тут всё в порядке... — Брайт вскочил. — Винарт, пошли проверим, как дела в магазине. Не нравится мне всё это.

Я тоже попыталась встать.

— Нет, тут пешком рядом, мы быстро сбегаем. Ждите меня через полчаса.

Ага, ясно. Десять минут туда, десять обратно, десять на поцелуй с Санией в подсобке.

Они примчались назад меньше, чем через двадцать минут. Магазин был заперт, а цветочная торговка с другой стороны улицы не могла рассказать ничего толкового, кроме того, что не успел уйти Винарт, как к дверям подъехала закрытая карета, постояла минут пять-семь и укатила. И дочери ньера Ленарта в ней. Элина, которую девушка хорошо знала, ещё помахала рукой из окна и попросила, если они разминутся с Винартом, сказать тому, что они сюда уже не вернутся, а будут ждать его дома.

Выходило, что кто-то выманил дочек Лена обманом и увёз неизвестно куда. Потому что домой они не приехали.

— Где эта цветочница? — голос Рейна был сух и деловит.

— Тут. Мы выкупили у неё все букеты и привели девушку с собой.

— Правильно. Сита, пошли, поговорим.

Сайяра, так звали невысокую шатенку в коричневом платье с белым передником, очень нервничала и искренне хотела помочь. И ужасно расстроилась, когда узнала, что милые Сани и Эли, в магазинчике которых она пряталась от дождя и отдыхала, пропали. Даже не пропали — похищены.

Рейн отправил Винарта, который не знал, куда себя деть, за ньером Ленартом — пусть парень пробежится, сожжёт адреналин. Брайт держал себя в руках — сидел с каменным лицом и молчал, внимательно слушая разговор.

— Какая была карета? Опишите её и лошадей.

— Обыкновенная. Новая, тёмная. Две дверцы, кучер на козлах. Коней пары, гнедые.

М-да, ноль примет.

— Сайяра, попытайтесь вспомнить, не было ли на карете каких-то

гербов, эмблем на дверцах?

— Н-нет... не помню... простите.

— Опишите кучера.

— Средних лет, солидный. Одет в тёмный камзол. Сапоги чёрные. Волосы тёмные, заколоты сзади... — Сайяра задумалась. — Вот! Жилет на нём был под камзолом красивый красный. — Замолчала снова. — И на том ньере, что в магазин заходил, тоже.

В голове щёлкнуло. Красные жилеты под ливреями с серебряным галуном мы видели в доме Сириньи. Но почему?!

— Сайяра, спасибо. Вот вам пять соленов за беспокойство. Сейчас вас покормят обедом. И прошу дождаться нас — вы можете ещё понадобиться. — Рейн резко встал. Похоже, он пришёл к тому же выводу.

Я поднялась следом и чуть не села снова — под ноги подкатилась ларра.

— Восссыми Ссэнасс... Иссскать хосссяек...

Вот это да! Ларры же крайне неохотно покидают свои дома. Под удивлённым взглядом Холта подхватила ларру на руки, как кошку, прижала к животу — и взвыла, подпрыгнув. Я опять забыла про нацепленный пояс, дёла с которым вредная Ссэнасс не желала иметь ни в какую. Вот и сейчас выпустила когти — вполне реальные — выдралась из рук и вскарабкалась на плечи.

Теперь на мои гримасы с выкрутасами изумленно смотрел Брайт — он-то ни ларры, ни пояса не видел.

— Поехали к Сириньи, быстро. Не знаю, что и почему он задумал, но если девушки у него, это совсем нехорошо, — скомандовал Рейн. — Лену и Винарту оставим записку.

Меньше чем через двадцать минут мы подъехали к знакомому особняку. Я надеялась, очень надеялась, что мы увидим у дверей тёмную карету с гнедыми лошадьми, но на подъездной дорожке было пусто.

Брайт выскоцил первым. Следом Холт. Подал руку мне. Висевшая на моих плечах горжеткой Ссэнасс закрыла лапой глаза — похоже, ларре совсем не нравилось на улице.

Холт подошёл к двери и несколько раз не стукнул — долбанул дверным молотком.

— Что угодно благородным ньерам? — открывший дверь дворецкий был бесстрашен, как лёд.

Я прищурилась на красный жилет.

— Мы хотим видеть ньера Сириньи по неотложному делу, — заявил

Холт.

— Как вас представить?

— Спасибо, представимся сами. — Нога Холта скользнула вперёд, не давая дворецкому захлопнуть дверь. — И дорогу тоже сами найдём... — Кулак впечатался в подбородок.

Однако...

Пока бежали на второй этаж по знакомой лестнице, Рейн объяснил:

— Нельзя было дать поднять ему шум. А теперь полежит в углу, отдохнёт...

Ларра фыркнула, в точности как сам Холт.

— ...И, Сита, смотри на ауру Сирины. Нам надо узнать, он ли это, и если он — где Сани и Эли.

Кивнула на бегу. Всё сделаю.

Надеюсь, мы не ошиблись с красными жилетами.

Дверь в знакомую комнату Рейн открыл пинком.

Сирины, писавший что-то за письменным столом, аж подпрыгнул.

— Вы кто такие?

— Мы ищем Санию и Элину лен Сертано, — не стал ходить вокруг да около Рейн.

Аура Сирины вспыхнула. Да! Он знает о пропаже девушек. Я стиснула руку мужа. Тот ответил лёгким пожатием, мол, понял.

— А при чём тут я? — на губах блондина зазмеилась неприятная улыбка.

Ага. Этот прокол заметила даже я. Сирины не спросил, что случилось. Выходит, ему уже известно, что произошло.

— Так почему вы пришли ко мне? И, вообще, кто вы такие?

— Потому что именно ваши слуги носят красные жилеты, — прищурился Холт. На второй вопрос муж отвечать не стал.

Ого! В точку. На лице Сирины не отразилось ничего, ну, почти ничего... зато аура зажглась багровым, а в руке треснул карандаш. Похоже, оценил величину прокола. И зол, встревожен... но и торжествует? Странно...

— Мало ли кто их носит... Но если желаете, я сам покажу вам дом. Никаких посторонних девиц тут не было и нет.

Похоже, правда. Нехорошо.

— Сания лен Сертано вам посторонняя? Разве вы не ухаживали за ней?

— Милая девушка. Да, я был ею увлечён. Правда, как поведала мне

намедни не менее милая ньера Анарда лен Бурани, Сания оказалась ветреной. Хорошо, что я на ней не женился. Кстати, передавайте любезной Анаарде привет, как увидите. Так вот, Сания мне изменила, не сдержанна своих обещаний. Так что мы расстались...

Вот так новость! Похоже, Анарда расчищала себе дорогу ещё активнее, чем мы предполагали. Сестру — на кладбище, Винарта — в тюрьму или на плаху, Элину после его смерти тоже куда-нибудь, а Санию — в руки вот этой белобрыской сволочи! И стало понятно, почему Сирины затеял похищение. Учитель танцев понял, что упустил свою добычу.

— ...Но я не удивлён, что легкомысленная девица сбежала с кем-то ещё, — Сирины наглел на глазах. — Впрочем, если отец — а я слышал, что он богат, очень богат — захочет вернуть дочку, а я вдруг случайно узнаю, где та находится, я готов поспособствовать поискам. Конечно, за хорошее вознаграждение. Пятьдесят тысяч соленов меня бы вполне устроили.

— Где Сания и Элина? — вступил Брайт.

— Не знаю... — протянул Сирины, оправляя кружевной манжет. — Но могу поискать по своим каналам. У меня много знакомых. Вдруг поможет? Конечно, повторяю, не бесплатно. И, если их две, то и награду нужно удвоить. Кстати, а кто вы такой? Не новая ли симпатия моей Сании? Она так чудесно целуется, не правда ли?

Брайт сжал кулаки, собираясь шагнуть вперёд. Рейн оглянулся на него, чуть качнув головой. Брайт резко выдохнул воздух... и остался на месте.

— Рейн, — я привстала на цыпочки, потянувшись к уху мужа, — на столе что-то есть. Он старается заслонить это от нас, а когда смотрит в том направлении, аура вспыхивает.

— Но я всё сказал. — Сирины ухмыльнулся. — Готов, как уже говорил, обсудить помочь в поисках и вознаграждение за неё с ньером Ленартом лен Сертано...

Вот гад! Похоже, он совершенно уверен в безнаказанности.

— Без меня вам их никогда не найти, — припечатал Сирины.

И что теперь делать? Да, мы вычислили похитителя, но как заставить его указать, куда он дел девочек?

— Рейн, — сообщила мужу на ухо я. — Я могу сделать ему больно, очень больно.

— Это я сам могу, — уголком рта тихо прошептал Рейн. — Но он упрётся — ему деньги нужны. Попробуем по-другому, — и продолжил уже вслух: — Брайт, держи его.

Брайт, похоже, только этого и ждал. Сирины оказался на коленях с

заломленной за спину рукой раньше, чем я успела ахнуть.

— Вам... вам это дорого обойдётся!

— Не думаю. — Рейн подошёл к столу, протянул руку и стал перекладывать бумаги, начиная с левого края.

Я следила за аурой учителя танцев, боясь упустить малейший всплеск.

— Не смейте трогать мои вещи!

Ага, нервничает...

— Как интересно. Любовное письмо, ещё письмо, ещё... И слова одни и те же, до запятой. А вот имена разные. Аманда — это кто? — жена мэра? То-то он будет рад... Вас не смущает возраст достойной ньеры, матери трёх детей? — Рейн обернулся к Сириньи.

В ответ раздалось нечто эмоциональное, похоже, на андаррском языке. Я таких слов не знала.

Угу, ясно, Холт выводит его из равновесия. Правильно.

Аура вспыхнула, когда рука мужа потянула за угол небольшого, похожего на визитную карточку розового листка, торчащего из-под цоколя настольного светильника. Я немедленно нагрела ладонь мужа.

— Так, а это что? — Рейн вытянул прямоугольник из-под лампы.

Сириньи пытал. Похоже, нашли! Только почему муж не рад? Смотрит на листок и хмурит брови. Что там написано?

— Брай, погляди! — Рейн шагнул к нам.

Я заглянула:

П-П-Л-Л-Ю-П-С-Л

И всё.

И что сие значит?

Явно не адрес. И Сириньи сначала напрягся, а сейчас, глядя на наши вытянувшиеся лица, снова расслабился.

— Что это?

— Так чиркал что-то в задумчивости... — Блондин явно издевался.

— Если с голов девушки упадёт хоть один волос... — начал Брайт...

— Ой, да бросьте меня пугать! Вам никогда и никак не связать меня с пропажей этих девиц. И, кстати, цена за помочь в поисках возросла до ста пятидесяти тысяч. А на вас я подам в суд!

— Не думаю, — повторил Рейн совершенно спокойно. — Так это адрес? Нет? Тогда что? Путь? Повторяющиеся буквы... повороты? — Я скользила рукой мужа, увидев реакцию нашего пленника. — Значит, повороты. Три «п», три «л»... Право и лево? Да, угадал. А что такое «ю» и «с»?

Неужели юг и север? Снова угадал? Но зачем так сложно? Лабиринт какого-то... — Рейн напрягся и посмотрел на меня. А я — на него. А потом мы вместе уставились на Сирины.

— Кatakомбы? Гад, ты спрятал их в катакомбах? — Larra на моих плечах зашипела. — Так вот почему ты был уверен, что их не найдут! Там же опасно! Какой выход? Быстро говори, от какого выхода считать повороты!

Сирины молчал. Глаза блондина горели. Аура пылала багровым.

— Северный, тот, где решётка, да? А ключ от ворот где, у тебя? Ну-ка Брай, подержи его, а я обыщу... — Муж подступил к выкручивающемуся из рук Брайта учителю танцев и начал обхлопывать бока и карманы. — Ага, вот этот? Похож... Ваша рыжая любовница, жена смотрителя древностей, знала, что вы затеяли похищение? Нет? Ну, всё равно, отдавать ключ кому попало не следовало. Так, Брай, этого берём с собой — поехали, времени нет!

Через пять минут мы были уже в карете. Дверь в особняк так и осталась открытой. Впрочем, неважно — вряд ли хозяин сюда вернётся. Сейчас Сирины со скрученными шнуром от занавесок за спиной руками злобно таращился на нас с противоположного сиденья.

— Вы заплатите мне за это!

— Не думаю, — в третий раз произнёс Холт. — Кстати, у вас будет шанс лично передать привет любезной ньере Анаарде — она сейчас в тюрьме, ждёт повешенья. Так, времени ехать домой нет. А вот полицейский участок по пути. Там оставим этого ногодрыга и отправим посыльного к Ленарту. А оттуда — прямо к катакомбам. — И уставился на меня: — Сита, ты с нами не идёшь!

— Идём. Мы обе, — я погладила ларру на плечах. Та ведь явно боялась, даже сильнее меня... но пошла.

— Сита!

— Холт, не командуй! Я иду с тобой. Точка.

Брайт с интересом следил за нашим шипением друг на друга.

Наша карета грохотала по мостовой. Брайт, нервничая, смотрел на часы. Холт молчал, недовольно косясь на меня. Larra ёрзала — похоже, здорово боялась. Я тоже ёрзала — мне казалось, что мы что-то упустили... или упускаем...

— Па-астаранись! — раздалось снаружи.

Карета резко, рывком, затормозила. Я уставилась в окно. Ага, стройка,

у дома прямо перед нами заново штукатурили фасад, и сейчас с лесов сбросили мешок с каким-то мусором. Впереди поднялись клубы пыли, наши лошади заплясали... Вот! Вот оно!

— Скорее же... — пробормотал Брайт. Мы уже ввели его в курс дела, что в катакомбах прячется смерть...

— Рейн, Брайт! Быстро!!! Вылезайте наружу и берите пару досок подлиннее с лесов! Они нам нужны!

— Сита?!

— Первый поворот направо, Рейн! Помнишь тот сон?

— Понял. Сейчас. Брай, вперёд!

Наверное, рабочие на верхних этажах пооткрывали рты, глядя, как два отлично одетых богатых по виду ньера выскочили из кареты как на пожар, похватали три доски с нижнего яруса лесов, прицепили их к карете сзади и снова впрыгнули в экипаж, крича кучеру: «Гони-и-и!!!» Доски загромыхали по мостовой...

Похищение века, ага!

Вход в катакомбы располагался в небольшом, с пыльной выгоревшей жёлтой травой и старыми обомшельми вётлами, городском парке. Обитая железными полосами дверь одноэтажного то ли домика, то ли мавзолея, то ли склепа была заперта. Ну, этот замок нормальный... такое я запросто.

Подбежала к двери. Приложила руку. Да, механизм обычный, и смазывали недавно. Несколько слов — и язычок послушно щёлкнул. Брайт за моей спиной присвистнул. Рейн потянул на себя тяжеленную дверь, за которой начинался тёмный, ведущий вниз коридор. Оглянулся:

— Сита! Факелов нет, можешь дать нам свет?

Легко. Щелчок пальцев, и вдоль коридора повис уходящий за поворот ряд жёлтых светлячков.

— Джарин! — обернулся муж к кучеру. — Помоги нам донести доски до входа в катакомбы. Потом возвращайся сюда и жди. За нами ни в коем случае не ходи!

Судя по ауре, последняя команда понравилась кучеру больше всего.

Доски были длинными — по виду локтей в восемь-девять. Три штуки. Наверное, правильно взяли с запасом. Но по изогнутой лестнице тащить их придётся чуть ли не стоймя, иначе не впишутся в поворот.

— Где замок к решётке, ты знаешь? — спросила я Рейна.

— Знаю. И Сита, я не хочу...

— Знаю... — улыбнулась я. — Но надо. Иначе нельзя. Ты же понимаешь?

— Сита... я...
— Знаю.
Просто от судьбы не уйдёшь.

Пока морочились с досками, верхом на неосёдланном жеребце прискакал Винарт.

— Нашли? Вы их нашли?

— Сейчас идём искать... — покачала я головой. — И, ньер Винарт, внутри опасно. Может быть, местное лихо давно уснуло или бродит не здесь — катакомбы велики... Надеюсь. Но если что-то пойдёт не так, слушайтесь ньера Рейна и меня. Поняли? Без промедлений и сомнений!

Винарт посмотрел на ряд светлячков вдоль коридора, на меня... хмыкнул и кивнул. Сообразительный молодой человек, да.

— Сита, пошли! — раздался изнутри голос Холта.

Я подхватила подол юбки и побежала. Винарт за мной. На крутой лестнице мы разминулись с отряхивающим с рукавов пыль, недовольно мотающим головой кучером.

— Удачи вам там... я буду ждать.

* * *

За изгибом коридора начиналась кривая лестница с крутыми ступенями.

— Ньера, я пойду впереди, если оступитесь, поддержу...

Ещё помнит об этикете? Молодец... Кивнула. Если я навернусь сейчас, делу это не поможет. Да и ларра, которая зажмурилась и тихо непрерывно шипела прямо мне в ухо, отвлекала и мешала смотреть, куда ставлю ноги.

— Ссэнасс, хочешь, останешься и подождёшь тут?

— Ссс вами...

Погладила взъерошенную шкурку. Может быть, ларрам тоже снятся веющие сны.

Наконец, лестница закончилась. Я вышла — и обмерла... Никогда тут не была, но я это уже видела!!! Да! Вот арка и знак, похожий на змею, над ней. И факелы в ржавых железных кольцах на стене. И открытая, уже висящая под потолком шипастая решётка с квадратными ячеями... Я была настолько ошеломлена, что оступилась, неловко подвернув лодыжку. Винарт поддержал меня за талию — и ойкнул, уколоввшись о невидимый пояс. Ох, а я про него совсем забыла...

Рейн и Брайт вдвоём тащили последнюю доску прочь по коридору.
— Пошли быстрее, — потянула я Винарт за рукав.

В туннеле — сером, сводчатом, сухом — было сумрачно. Казалось, за следующим поворотом должен быть источник света... но его не было. Коридор тянулся, изгибаясь точно так, как я помнила. И вот первая развилка. Брайт у стены выковыривает из ладони занозу, Рейн тревожно озирается.

— Смотри, Сита.

— А верёвки у нас нет, на всякий случай? — поинтересовалась я.

— Не сообразили... — качнул русой головой Брайт.

— А в чём дело? — влез Винарт. — Нам куда? Направо, налево?

— Стой! Может провалиться пол! Так, Сита?

Я внимательно уставилась на ровные серые плиты под ногами. Вроде первые три можно пройти. А четвёртая — проваливается. Наверняка, где-то поблизости есть переключатель. Но пока его отыщешь...

— Встаём в цепочку, — скомандовал муж. — Руки держим крепко, чтобы страховать друг друга. Впереди Винарт — он самый лёгкий, следом я, потом Брай. Сита, держись сзади!

— Кажется, четвёртая плита... — пискнула я.

— Сейчас узнаем.

Я помнила верно. Мы ждали ловушку... и, тем не менее, Винарт чуть не улетел вниз, настолько внезапно, бесшумно и резко всё произошло. Пол буквально разверзся — в мгновение ока, не давая жертве даже шанса отпрыгнуть на безопасное место. И также стремительно сомкнулся снова, едва Рейн успел дёрнуть на себя падающего парня. В результате оба повалились на пол.

— Вот так... верёвка бы не помогла. Её бы просто перерубило.

Но необходимое мы увидели. Проваливались три плиты. И длины досок хватало с избытком.

Самую широкую положили посередине коридора, перекрыв провал. Ещё две перетащили на другую сторону — вдруг пригодятся. Но с собой их решили не тянуть — это сильно замедлило бы продвижение.

Так и шли — цепочкой. Винарт осторожно пробовал ногой каждую новую плиту, я с затихшей ларрой держалась в арьергарде. Прошли ещё три поворота... и встали. Впереди туннели расходились веером, как пятерня руки.

— И где тут юг? — ошеломлённо пробормотал под нос Брайт.

— Сейчас... — потянул за цепочку на шее муж.

Я почувствовала прилив гордости... пусть именно этого я не предусматривала, но получилось, что толк от моих инициатив есть!

— Нам туда! — показал на второй коридор Холт. И обернулся — похоже, запоминал, как выглядит перекрёсток с этого ракурса.

Цепочкой двинулись дальше. Повернули направо, потом на север... надеюсь, впереди ловушек больше нет — слишком далеко тащить доски... и, наконец, налево. После чего упёрлись в тупик. Пустой. Сания с Элиной не было. Только на полу валялись обрывки верёвок и две чёрные тряпки — похоже, сюда девушки привели с завязанными глазами...

Ох-х! Неужели?

— Ссэнасс, что тут случилось, можешь понять?

— Ушишили... они ушишили...

Я повторила вслух то, что узнала от ларры. Рейн потер нос.

— Винарт, скажите быстро, Элина — левша или правша?

— Левша, а что?

— То. По какой руке пойдёт. Надеюсь, ума не сворачивать как попало у дочек Лена хватит. А Сания? Брай, что скажешь?

— Правша.

Еще раз ох-х... Мы можем искать их, пока не заблудимся сами или нас самих не найдут...

— Старшая Сания. А кто затевает проказы?

— Обе, — мрачно откликнулся Винарт.

— Я чую... — Ссэнасс спрыгнула с моих плеч на пол. — Идите сследом...

Рейн кивнул и скомандовал:

— Становимся в цепочку. Идём!

На первом перекрёстке мы повернули направо. На следующем — налево. Потом — опять направо. М-да... до такого бы я не додумалась никогда.

— Может, покричать?

— И не думай! — покачал головой Рейн. Прищурился на ларру: — Ты чувствуешь ловушки под полом?

— Могу...

— Тогда беги вперёд со всех лап. А мы следом. А то никогда не догоним...

Интересно, насколько они нас опережают? Направо, налево, направо, налево... коридоры изгибаются, ветвятся, сердце колотится в груди, в боку колет, в горле пересохло. Ох, как там Соль? Наверное, уже проснулась и

голодная... а я тут — бегу, бегу...

Когда за поворотом мелькнула тень, я не поверила глазам. Светло-серая, не чёрная!

Рейн тоже заметил и рванул вперёд, опережая скачущую с задранным хвостом, как пёс по следу, ларру. Парни помчались следом... Я ковыляла, держась за колющий бок, последней. И вывалилась из-за поворота как раз вовремя, чтобы увидеть, как Элина, всхлипывая, повисла на шее у Винарта, а Сания спряталась в объятиях Брайта, который притиснул её к себе, тихо шепча что-то на ухо.

Нашли! Мы их нашли!

Вот только где мы все оказались в результате?

— Так! — хлопнул в ладоши Рейн. — Времени не теряем, голоса не повышаем. Только тихий шёпот... Нам нужно как можно быстрее уйти отсюда.

— А попить у вас нет? — робко вступила Элина.

Увы. Ни попить, ни поесть. Зато есть желание унести ноги побыстрее из этих чудных мест. Посмотрела на ларру, поманила её пальцем. Та, гордо задрав хвост, потрусила ко мне. Рейн, качнув головой, подошёл тоже.

— Все обнимаются... меня обнимешь?

Я почувствовала, как краснею. Ну вот о чём он, а? Но чуть-чуть можно... Шагнула к нему и прижалась к груди — хорошо-то как. Рейн обнял меня — и чертыхнулся, уколовшись. Ой, неужели ещё не прошло трёх часов?

Словно в ответ на мой немой вопрос, платье на талии замерцало и моя сбруя — чёрная жуть с колючками и верёвками — явилась во всей красе.

— Ой, Сита, что это на тебе? — удивилась Сания. — Это же...

— Угу, она самая. Сбруя, — кивнула я. — Пошли быстрей отсюда!

Нас вела Ссэннесс. Бежала впереди, уверенно сворачивая на поворотах. Один раз замялась и сказала, что дальше нельзя — ловушка. Пришлось повернуть назад и идти в обход. Сейчас мы шли не цепочкой, аарами. Я и Рейн — впереди, потому что ларру видели только мы.

Я нервничала. Чем дальше, тем сильнее. И потому, что знала, что проснулась голодная Соль. И потому, что устала, а выход был ещё непонятно где — эти серые совершенно одинаковые тунNELи сводили с ума. Казалось, потолок давит на голову, а мы ходим по кругу и не движемся никуда.

Когда за очередным изгибом коридора замаячили наши доски, я чуть не зарыдала от счастья. Остался всего один поворот... всего один...

Осторожно перевели по доскам Сани и Эли — у тех тоже подгибалась ноги. Их историю мы уже знали. Девушек выманили из магазина, сказав, что Тир снова плохо и та умирает. Что Винарт поскакал за ньером Ленартом, а за ними послал наёмный экипаж и посыльного. А когда карета тронулась, им просто скрутили руки, сунули в рот какие-то тряпки и завязали глаза. Может, они бы отбились... но нападение было слишком неожиданным. Безли не слишком долго, зато потом тащили по лестнице и куда-то вели, вели. Потом приказали сесть на пол и ждать, мол, за вами придут...

Когда похитители ушли, Сани и Эли смогли освободиться. Сначала избавились от повязок. Почему сейчас такие и лохматые — пришлось тереться головами о стену. Потом Эли смогла выплюнуть кляп. И зубами — я оценила подвиг — распутала узлы на руках. Помогла Сания. Оставаться и ждать, пока за ними придут похитители, дочки Лена не стали. Встали и пошли... и брели неведомо куда по своей замечательной системе, пока мы их не нагнали.

Я вздохнула. Сидели б на месте — были б уже дома. Но, если честно, я бы тоже не стала ждать. Смогла бы — сбежала бы.

Ну вот, последний поворот, изгиб длинного коридора... и мы с Рейном шарахнулись назад, едва не сбив с ног идущих за нами Брайта с Санией. Ларра, взвыв дурным голосом, сиганула в сторону и исчезла в камне стены.

Впереди, там, где мы ожидали увидеть поднятые ворота, стояла колыхающаяся, чёрная как сажа, как деготь, как последняя ночь, стена тьмы.

Пожиратель!

— Быстро все назад! — скомандовал Рейн.

— Что? — удивилась Эли.

Ага, этого тоже не видит никто, кроме нас. Вот как пропадали люди.

— Впереди местный призрак.

Ну да, можно и так сказать. Чтоб народ не пугать.

— Рейн, нам не убежать. Он ходит через стены, я видела. Наверное, это то самое, что мне снилось.

Мы все пятались назад. Мы с Рейном потому, что от жуткого чёрного впереди к нам потянулись — медленно, колеблясь, словно бы нехотя — толстые жгуты щупальца. А остальные — глядя на нас.

От судьбы не уйти. Потянула узел верёвки на талии — цепь с лязгом, который я слышала уже десятки раз, упала на каменные плиты под ногами. Я, нагнувшись, быстро её подняла. И растянула на руках кольцом,

обратившись лицом к тьме.

— Все молчите... я попробую. Не выйдет — бегите! Рейн, и ты тоже!

Как, как же оно начинается? Крутанула пояс в руках... вот, вот начало. Поехали!

— Аранша э ршеншш грдуфрэн ас тэй фо асти... — начала я громко выворачивать язык. Не зря я столько снова и снова твердила это заклинание — слова сейчас текли легко, словно я знала их с рождения. Или даже до...

Договорив в первый раз, втянула воздух — цепь словно изменилась: сейчас она казалась горячей, и не чёрной, а какой-то красноватой, словно на ней начала пропасть то ли ржавчина, то ли кровь. Рейн, поддерживая меня сзади за плечи и талию, тихо тянул за собой, помогая отступать. А тьма — то, что было тьмой — ползла следом.

Второй раз дался труднее — во рту пересохло, язык едва ворочался, горло драло. Цепь оттягивала руки, наливаясь тяжестью и жаром. А Пожиратель продолжал надвигаться, поглощая плиты пола между нами одну за другой... и он двигался быстрее, чем я отступала.

Сглотнула: пан или пропал! И завела в третий раз:

— Аранша э ршеншш грдуфрэн...

Руки жгло. Цепь горела — самым настоящим образом, — словно я держала не металл, а пылающие тряпки... больно...

— ...сигата, сирашэ, фаштари кираф! — прокричала я традиционное «и пусть будет так!»

Артефакт вспыхнул нестерпимым блеском... чёрная стена замерла.

А дальше что? Что должно быть дальше? Не знаю... я не знаю... только понимаю, что заклинание не вечно, а на вторую попытку меня не хватит. Не хватит? Ну и пусть!

Отпихнув левой рукой Рейна, подняла правую и, как пращу, раскрутила горящее кольцо над головой. Руки — ерунда, вытерплю. А выживем — залечу... И, почувствовав предел, швырнула артефакт в чёрную стену впереди.

Как во сне, когда все происходит медленно-медленно, я глядела, как пылающий овал, вращаясь, полетел к стене тьмы. Та подалась назад, даже шарахнулась — но не успела — белый огонь коснулся мрака.

И тьма завыла. Жутко, страшно, так, что с потолка посыпалась пыль, а пол завибрировал и затрясся под ногами. Сзади кто-то взвизгнул и охнул. А я смотрела, смотрела, как упавшее на пол кольцо засасывает в поднявшийся из него конус света воронку чернильно-чёрной тьмы... Вытягивает из перекрывавшего нам путь облака мрак, и оно светлеет по краям, как и положено по определению порядочной эктоплазме. Теперь

лишь бы заклинанию хватило сил... Заглянула в себя — я пустая, совсем пустая. Настолько, что даже Соль слышать не могу. Прислонилась к Рейну за спиной:

— Видишь?
— Вижу. Его хватит?
— Не знаю. Надеюсь.

Рейн обернулся назад:

— Пока не подходите! Ещё опасно!

Облако уже стало почти белым. Словно по ошибке спустилось в эти подземные серые катакомбы с голубых светлых небес. Кольцо на полу мигнуло в последний раз красным и погасло. Наверное, всё... Но такой огромный сгусток эктоплазмы! Интересно, что с ним будет? Рассеется со временем? Или превратится в приличный призрак стенающей ньеры в кружевном пеньюаре и с цепями на руках? Хотя — нервно хихикнула — тут хватит не на одну ньеру, а на тот самый институт ньер королевского Двора в полном составе, и ещё останется... Но цепь надо подобрать. А то попадёт в руки кому не следует, и кто-нибудь выпустит душу Пожирателя. Кстати, не факт, что в поясе заключена только она одна...

Дёрнув плечами, отлипла от Рейна и поковыляла вперёд, к лежащему на полу артефакту.

Того, что случится дальше, я не ожидала. Никогда не слышала, чтобы бесхозная эктоплазма вела себя так...

Я только успела наклониться, когда колыхавшееся рядом ватное облако словно решило, что делать дальше. И, резко выкинув жгут, ударило мне в спину. Я взмыла от боли — меня раздувало, распирало, жгло вдоль позвоночника, казалось, сейчас лопнут и уши, и глаза... А потом внезапно боль прекратилась. Потому что на меня сверху, закрыв собой, прыгнул Рейн. И теперь он корчился и кричал от нестерпимой муки... а я пыталась проморгаться от слёз и выбраться, выползти из-под него, потому что уже поняла, что это такое, и я должна была, я могла это вынести. А вот он — нет.

Когда-то на практике нас водили в больницу. И там я видела — один-единственный раз, но, чтобы запомнить, этого мне хватило на всю жизнь, — как человек умирает от столбняка. Помочь было ничем нельзя, а смотреть — невыносимо. И сейчас то же самое происходило рядом со мной с Рейном... Он, который всегда всё терпел молча, кричал. Страшно. Выгибаясь, как лук, царапая сорванными ногтями камень... И я ничем, ничем не могла помочь, потому что только и успела кое-как перевернуться, запутавшись ногами в этой дурацкой жёлтой юбке... Помогла ларра. От

облака оставалось уже немного, когда Ссэннесс с истеричным не мяуканьем — воплем выпрыгнула прямо из стены и, зажмурив глаза, шлёпнулась на спину Рейну. И распласталась блином, закрыв мужа от белого ножа, воткнутого ему в спину. И тоже взвыла...

— Ньера, ньера Сита! Вы живы?

Ох, Брайт. Открыла глаза и закивала. Говорить я не могла, похоже, сорвала горло. А где муж? Где мой Рейн? Лежит рядом. На спине. Глаза закрыты... Поползла к нему. Он дышит? Почему я не слышу?

— Рейн? — прошипела, как сдувающийся мячик... — Рейн?

— Рейн, он... — Брайт покачал головой.

Вот нет! Не отдам! Я снова полна магией выше головы... и я лекарь. А это сердце — моё! И оно будет, будет биться!

— Отойди! — выдохнула и махнула рукой. Рванула камзол мужа в сторону, потом жилет... из кармашка выкатился комочек бумаги. Поймала, развернула:

«Ты меня любишь?»

«Я тебя люблю больше жизни».

Боги, Рейн... Не отдам!

Я понимаю, что делать. Ведь в нас ударила магия. Это сила, энергия, как молния. Просто разряд был огромным. Меня распирает так, словно я могу пальцем горы снести или море вскипятить... а ведь он получил больше, намного больше. Вон ларра меховым мешком валяется у стены. Но живая — ухо дёргается. Значит, с Рейном надо всё делать, как если бы ударила молния, — искусственное дыхание и стараться, чтобы снова забилось сердце... А там разберусь. Но я не позволю, ни за что не позволю ему умереть!

Пока размышляла, успела разорвать ворот рубашки, положить на правильное место ладони и, не задумываясь, произнести: «Раннат!» — «Бейся!»

Тук. Тук. Тук-тук... И, уже почти в обычном темпе, — тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Ох... Села задом на пол. Теперь нормально. Вот, и дышит уже сам... А сейчас так. Положила руки себе на горло — не дело сипеть: «Сиарти ласат!». Прокашлялась. Ага, сразу стало лучше. Покрутила головой. Поймала изумлённый взгляд Брайта:

— Брайт, Винарт! Ньера Рейна ударила молния, аналог молнии. Сейчас он без сознания. Мы должны доставить его домой как можно быстрее. Понятно? Берите его на руки, а мы пойдём следом. Теперь выход

открыт.

Махнула рукой прижавшимся друг к другу Эли и Сани — уходим! Подняла на руки Ссэннесс — ну и тяжёлая же! — потом подобрала пояс с пола. Нацепила артефакт на плечо, как лямку торбы. Сойдёт. Мужчины, переглянувшись, подхватили Рейна за плечи и лодыжки. Голова с растрепанными чёрными волосами бессильно откинулась вниз, явив выпирающий на шее кадык. Не могу на это смотреть... больно.

Ну, трогаемся...

Кучер, сначала обрадованно замахавший руками при появлении Сании с Элиной, расстроенно охнул, увидев Рейна. В карету мы погрузились очень быстро — по ходу сели я и Брай с Рейном на руках, против хода — девочки и Винарт. Жеребца Винарта привязали за повод сзади.

— Решётку в лабиринт заперли? — забеспокоилась я.

— Да, я сделала, мне Брай сказал, где замок, — кивнула Сани. И добавила: — И сбегала проверила — решётка опустилась. А что было с вами?

— В катакомбах пропадали люди, знаете? — Девушки и Винарт дружно закивали. — Вот мы встретили того призрака, который их убивал. — Говорить «жрал» я не стала. И так всё достаточно мерзко... — Он загораживал нам дорогу. А я знала заклинание. Только потом, отдачей, нас ударило освободившейся магией, как молнией. Понимаете? — Теперь кивки были не столь уверенными.

Ну, ладно.

Отвела чёрные волосы со лба мужа, приложила ладонь. Ледяной и влажный. Ой, не нравится мне это. Второй рукой я придерживала висевшую тряпкой Ссэннесс. Какая же ларра молодец! Без неё бы и девочки, и мы пропали...

Карета качалась, колеса стучали по брускатке, я чувствовала, что упльываю... Лишь бы до дома продержаться и Соль покормить...

Глава 9

Цена забывается, качество остаётся.

Меньше чем через час я, вымытая, в другой одежде — жёлтое платье, похоже, было испорчено непоправимо — сидела на кровати, глядя на мужа и пытаясь сообразить: что же теперь? Сытая Соль спала у себя в корзине. Ссэнасс, которой я нацедила полную миску молока, есть не стала — просто уползла под кровать. Краем уха я слышала, как ларра там ворочается. И теперь остался Холт...

Что мне делать дальше?

Стук в дверь прервал невесёлые мысли.

— Заходи, Брай, — позвала я.

— А как вы узнали, что это — я? — поинтересовался парень. — Что с патроном? Я могу помочь?

— Ты всегда перед третьим ударом делаешь небольшую паузу, — пожала я плечами. — Можешь. Рейн без сознания. Сердце работает стабильно, он дышит сам... но, видишь? Думаю, его надо сначала переодеть и обтереть.

Вообще-то, я хотела сделать ещё две вещи. Во-первых, осмотреть спину Рейна вдоль позвоночника. У меня до сих пор всё болело и горело. Если у мужа там ожоги или повреждения мышц, я при помощи своего справочника залечу это запросто. А во-вторых, я не знала, надолго ли Рейн в таком состоянии. Значит, следует позаботиться о гигиене. Только нужен не марлевый подгузник, как для Соль, а что-то погабаритнее. Ужасно, когда с молодым, полным сил мужчиной случается такое... но такое случается. И тогда остается только делать всё, что можешь. Даже если это «всё» — просто обеспечить чистоту...

Принесла тазик с водой и мягкой тряпкой. И ножницы. Одежда не должна мешать дыханию. Что сможем снять — снимем. Что не сможем — разрежем. Это всего лишь вещи.

Пока занимались Рейном — я из всех сил старалась смотреть на него отстранённо, как на одного из пациентов, которых лечила под присмотром учителя Рассела в госпитале, — слушала рассказ Брайта. Ньер Ленарт и Винарт отправились в полицейский участок — обвинить в организации похищения Сиринни и дать письменные показания. В особняк учителя танцев отбыл целый взвод полиции — арестовать всю прислугу. Пусть Эли

и Сания потом опознают, кто именно увёз их в той карете. А цветочница подтвердит. С учётом последствий содеянного Сирины грозила казнь. Я посмотрела на неподвижного Рейна и пожала плечами — ну и демоны с ним, заслужил!

Еще Брайт усмехнулся, что на город, кажется, обрушится град разводов в благородных семействах. Похоже, четыре месяца, проведённых в Паэнье, Сирины вел удивительно активный образ жизни... и теперь обнародованными оказались пачки любовных писем от разноцветных пассий самых разнообразных статусов. И совсем не факт, что все мужья или женихи пожелают замять дело.

Я вздохнула: вот бы Сирины этим и ограничиться! — тогда продолжал бы пасть на своем зелёном лужке, рвал себе цветочки, дрыгал в удовольствие ногами и хлопал перед зеркалом глазами. Так нет, разобиделся, что ему изменили! А заодно захотел сорвать большой куш. И чуть по подлости и дурости не погубил нас всех...

Зачаровывать подгузник для мужа я отправилась в ванную — делать это на виду у другого мужчины почему-токазалось неудобным. Когда вернулась, Брайт спросил:

— Ньера, вы — маг? Настоящий маг? Ведь у вас не просто кое-какие способности, да?

— Да, я — потомственная магиня, — посмотрела ему в глаза. — Закончила с отличием семинарию в Виэнии. Но мы с Рейном решили этого не афишировать. Сейчас пришлось показать свою силу — иначе бы нас всех сожрали... но лучше эту историю замять. Хорошо?

— Понял. Я поговорю с Винартом, Санией и Элиной. Мы не расскажем никому.

— А ньер Ленарт знает и тоже молчит, — улыбнулась я, помогая перевернуть оставшегося в одних нижних портках Холта на живот. Подняла руку. — Подожди, не отвлекай. — И уставилась на мужину спину.

Ну и что тут? Суживающаяся к талии гладкая белая мускулистая спина с продольной ложбинкой и чуть проступающими позвонками посередине. Только холодная, как ледышка. И тоже влажная, будто он очень сильно потел. Взяла тряпку, прополоскала, отжала, сложила квадратиком и стала бережно протирать кожу. По ощущениям, внутри всё было в порядке — легкие, сердце... Тогда что не так? И почему он ледяной? Перешла на магическое зрение и ахнула — позвоночник светился, а вокруг мерцали неправильной формы пятна разной величины. Это что ж такое?

Подняла руку, призывая Брайта помолчать.

Сейчас, сейчас соображу...

Меня долбануло разрядом магии. И вся энергия, потраченная на сковывание Пожирателя, восстановилась. Но, похоже, в меня вбухали больше, чем я могла принять, — и именно поэтому мог гореть позвоночник. Не исключено, что, если посмотреть магическим зрением на мою собственную спину, картина окажется похожей.

Что там писал Сильванус? Что магия вырабатывается и содержится в мехах, пузырях, ёмкостях вроде лёгких, расположенных по обе стороны от хребта. Могло ли быть так, что невидимые обычно органы светились сейчас из-за избыточного давления в них? Могла ли я именно поэтому чувствовать ощущение распирания, переполнения до тошноты? Как выяснить? Зеркало мне тут не помощник — непонятно почему, в зеркалах заклинания иногда искаjались до неузнаваемости. Надо исхитриться вывернуть собственную шею. А ларра? Она может видеть? Если да, может быть, попросить её поглядеть?

— Брай, выйди на минуту в кабинет. Я позову тебя обратно. Мне нужно проверить одну вещь...

— Хорошо, ньера.

— Можешь звать меня Ситой. После сегодняшнего...

— Хорошо, Сита, — улыбнулся он, стоя в дверях.

Я свесила голову с кровати:

— Ссэнасс! Ссэнасс! Ты там как? Посмотреть кое-что можешь?

Тишина. И молоко, как стояло нетронутым, так и стоит... В первый раз такое. Ох, хочется верить, что ларра справится... Знала бы, как помочь, помогла бы. Но как лечат ларр? Я вон к человеку подступиться не могу...

Значит, сама. Расстегнула пуговки от горла почти до талии. Спустила платье с плеч. И попыталась извернуться. Там что-то светится или это у меня круги в глазах от выкручивания шеи? Ой, не знаю.

Подумав, растянулась на животе на кровати — может, лежа будет удобнее? Ну не кошка я, так выворачиваться... Но определенно, там то ли беленькое синеется, то ли синенькое белеется. Выходит, я тоже свечусь. И это само по себе не смертельно. Уже хорошо.

Думаю дальше.

Холт — прирождённый маг без магии. Лишенец. По Сильванусу пытались лечить лишенцев, как раз накачивая в них магию в попытке надуть схлопнувшиеся пузыри. Ничего не вышло. Но, думаю, такой порции энергии, как хватанул Холт, не получал из подопытных никто. Значит, сейчас беру гримуар и начинаю читать то, что раньше только бегло просматривала. Досконально, со всеми ссылками, примечаниями,

подробностями, дозами...

— Брай, иди сюда! — позвала я, приведя в порядок платье. А то неудобно — озадачила парня и сама о нём забыла.

— Сита?

— Слушай. Как я и сказала, Рейна долбануло молнией. Только не электрического происхождения, а магического. Я сейчас постараюсь найти в своих книгах всё, что есть по этому поводу. А тебя попрошу взять на себя все дела мужа и ещё — найти крепкий ящик с замком, шкатулку... ну, что-нибудь такое. Надо спрятать пояс, которым я махала в подземелье. Вряд ли кто на него польстится, но всё же...

— Сделаю. Тогда я пойду, а вечером загляну, расскажу о делах.

— Девочкам привет передай...

До вечера я читала. Заглядывал дядя Лен — после случившегося ньер Ленарт потребовал, чтобы я звала его так, — сокрушался. Забегали сёстры. Они уже пришли в себя — ведь всей той инфернальной астральной жути, которой хлебнули мы с Холтом, Эли и Сани не видели. Агнесса занесла поднос с ужином прямо в комнату — я отказалась оставлять Рейна одного даже ненадолго. Зашел Винарт, спросил, не может ли чем помочь?

А чем тут поможешь?

Рейна я раздela доголa под одеялом — почему-то думалось, что муж не хотел бы, чтобы я его видела в первый раз вот таким... Потом скрепила на его талии свой продвинутый переразмеренный подгузник. Но теперь вставала другая проблема — а как мужа кормить? Рейн отказывался даже пить. Я пыталась капать ему на губы водой — он начинал беспокоиться, мотал головой, словно ему не нравится. А ведь сама я проглотила четыре стакана чая подряд — всё никак не могла нахлебаться после забега по лабиринту и ударной порции магии. Выходит, ему тоже нужно...

Положив после вечернего кормления в корзину Соль, посмотрела на полную молока миску Ссэнасс. На лежащего на спине бледного, с заострившимся носом Холта. На миску. И, встав на четвереньки, поползла по кровати к мужу. Попробую. Вдруг получится? У меня ж этого жидкого питательного полезного продукта — залейся. Не зря меня Орсетта коровой тогда обозвала — напророчила. Встречу в следующий раз, расскажу, что она — провидица. Пусть радуется! А Сильванус — только что прочитала! — пишет о важности грудного вскармливания магиями своих детей. Никаких кормилиц! Мол, молоко у нас несёт что-то, для формирования тех пузырей необходимое. Но если с пузырями он угадал — я же видела их своими глазами! — может, и тут есть рациональное зерно?

Выдавила белую каплю на палец. Лизнула сама. Сладковатое. И, в общем, больше ничего особенного. Никакой магии тоже не чувствую. Выдавила ещё одну. Поднесла палец ко рту мужа и мазнула по нижней губе. Рейн застонал... и облизал губы. Ага! А ещё? Только знать бы, когда он придёт в себя, не придушит ли меня за такое кормление? Но что-то есть и пить ему надо? И, в конце концов, я что — хуже той коровы?

Через полчаса я застегнула платье. Потом подумала, расстегнула снова, стянула с себя и надела тонкую батистовую рубаху до колен. Пора спать. А я могу его ещё и греть. М-да, этот тоже пророк. Пообещал на ночь остаться в моей постели... и вот, нате вам, лежит.

Подкатилась к мужу под холодный бок, обняла его рукой, чтобы слышать стук сердца. Лишь бы он очнулся! Вроде бы, у Сильвануса случалось, что испытуемые лишенцы теряли сознание. Но обычно они приходили в себя за минуты... ну, за час. А Холт такой уже девять часов. И перемен нет... Ну и ладно. Буду рядом, ухаживать, кормить, говорить с ним... кажется, теперь время у нас есть.

К утру Рейн так и не пришёл в себя. Зато миска Ссэннесс у кровати оказалась пустой. Уже хорошо. Сейчас умоюсь, покормлю Соль, нацежу немного молока ларре и займусь мужем: надо его обтереть, сделать массаж рук и ног, перевернуть и, наконец, накормить. Как раз до завтрака и управлюсь.

К обеду я изучила всё, что было о лишенцах в моих книгах. В принципе, прочитанное давало повод для оптимизма. Из почти четырёх десятков потенциальных магов не обратимо пострадал только один — ослеп. Впрочем, магия тоже не появилась ни у кого. Мне самой было уже лучше. Вчерашнее жжение сменилось зудом. Я решила терпеть. Можно, конечно, размотать распиравшую меня магию на что-нибудь не вредное, — почему-то думалось, что тогда чесаться перестанет, — но я смутно надеялась, что если тоже свечусь, как светлячок в брачную пору, то, может, мои пузыри растянутся посильнее? Магии много не бывает... Я, конечно, и так не из слабых, но быть сильной — это очень привлекательно. Рейн тоже мерцал в магическом зрении, аки Млечный Путь в ясную ночь. Попробовала разглядеть контуры пятен — кривые все какие-то. Это — как боб. А то — вообще дефективная груша. Интересно, они трёхмерные?

Ссэннесс по-прежнему не показывала носу. И даже не откликалась. Но миска снова опустела. А когда после обеда я покормила Соль, но, засмотревшись на мужа, забыла о ларре, настырная вредина загремела посудиной под кроватью. Ладно, для этой ничего не жалко. Ведь в

сущности, ларра нас спасла...

Вечером я сидела с головой мужа на коленях, осторожно сцепивая тому по нескольку капель молока в рот. И тут его рука шевельнулась.

— Сита? — голос был еле слышен.

— Рейн, Рейн... Да, это я, и все живы! Ты пострадал больше всех!

— Сита... — Он открыл глаза. Заморгал. Криво улыбнулся. — Знаешь, я тебя не вижу. Тут темно?

Рианнес, помоги нам!

— Это нормально, — я гладила его волосы, целуя лоб. — Час назад ты меня и не слышал, и даже не шевелился.

— Мы где?

— В нашей комнате, в кровати. Прошли сутки. Что ты помнишь?

— Лабиринт, дочки Лена, путь к выходу, Пожиратель, твоё заклинание... — доложил муж. — Кстати, чем это ты меня кормишь?

— Своим молоком. От всего остального ты отказывался. Даже воду пить не хотел.

Брови Рейна взлетели к волосам.

— А что ещё интересное я пропустил?

Ох, не сердится? Уже хорошо...

Рука Рейна похлопала по его голому животу, ощупывая. Сползла ниже...

— А это что?

— Как у Соль, — насколько могла корректно сформулировала я. Ну не скажешь же взрослому мужчине, что на него нацепили подгузник?

— Ясно, — фыркнул Рейн. — Но лучше помоги мне встать. А ещё лучше позови Брайта — пусть поможет он. Брай сейчас тут?

Странный у нас получается брак. Мы целовались только раз, никогда не спали вместе, но он принимал у меня роды. А я кормлю его своим молоком... Запредельная, невероятная интимность. И представить не могла, что с кем-то у меня будет так. Но — улыбнулась — мужская гордость присутствует. Придётся звать Брая.

— Сейчас.

Надо же надеть платье, прежде чем принимать гостей.

Выгнать всех, кто желал выразить радость по поводу того, что Рейн пришёл в сознание, я смогла только через час, сославшись на то, что мужу нельзя утомляться, а мне пора кормить малышку. И снова села рядом.

— Рейн, как ты себя чувствуешь?

— В голове не шумит, а просто штормит... Хуже, чем после самого жуткого похмелья. Спина почему-то горит. И чешется — жуть. Расскажешь мне, что было?

— Пояс забрал душу, или разум — назови, как хочешь. — Пожирателя. А сама эктоплазма, пропитанная магией, осталась. Помнишь белое облако?

— Да.

— И, похоже, этой массе магии было нужно новое вместилище. Сначала она начала вливаться в меня — а это больно, словно разрывается изнутри. Когда я закричала, ты кинулся меня спасать и закрыл собой. И большая часть облака вошла в тебя. А остаток впитала ларра — она загородила тебя, когда тебе стало совсем плохо.

— Понятно. И что теперь?

— Теперь ждём. Это как удар молнии. Я вчера прочла всё, что есть в моих книгах, — прогнозы очень хорошие. Из сорока известных случаев все пострадавшие, кроме одного, восстановились полностью.

— А последний?

— Тоже остался жив.

— Сита, не виляй.

— Ослеп. Но это — один из сорока! Хочешь молока?

Он улыбнулся.

— Знаешь, хочу. Я мечтал целовать твою грудь... но было жутко даже заикнуться о таком. А сейчас есть повод. Только сними, совсем сними эту рубашку...

Мы заснули в обнимку. И он уже не был ледяным.

Утром я с трудом разлепила веки и, оторопев, уставилась на корзинку Соль. Потрясла головой. Зажмурилась. Открыла глаза снова. Хлопнула себя по лбу. Не помогло.

Две сидящие по сторонам корзинки одинаковые серые полосатые кошки переглянулись и захихикали. Дружно прикрыли рты лапами, уставившись на меня зелеными хитрыми глазищами...

Обалдеть!

— Ссэнасс? Это ты?

— Яя-у. А это — Анишиша... — отозвалась та, что казалась чуть побольше и покруглее.

— Ссэнасс, как?

— Сссмогла...

Ясно. Ссэнасс получила кусок эктоплазмы и порцию магии больше, чем могла усвоить. И тогда она трансформировала их по образу и подобию.

Так вот как размножаются ларры!

— Отдельная миска в подарок на день рождения нужна? — поинтересовалась я.

— Миссска хорошишо... — согласно закивали кошки.

— Хочу голубую, с рыбкой, — сообщила Анишиша.

Гм-м. Значит, отправлю сегодня Брая по магазинам — искать миску. С рыбкой, не иначе.

— Ссэнасс, скажи, как мне помочь Рейну? — задала я вопрос, волновавший сильнее всего.

— Шишиди.

— А что-то делать надо?

— Шишиди, — повторила ларра.

Ладно, буду ждать.

Ждать пришлось неделю. За это время мы с Брайтом закончили разбирать бумаги. Список подозрительных кораблей, торговцев, чиновников разных рангов был готов. Пока работали, Рейн сидел вместе с нами. Чтобы он не скучал, мы проговаривали то, что делаем, вслух. Я видела, как муж нервничает, насколько его угнетает возможность остаться слепым навсегда... но он ни разу не упрекнул меня за то, что я слишком рано сунулась к тому поясу.

Хотя кое-что в наших отношениях меня напрягало. После первого дня, когда меня всю ощупали и исцеловали, Рейн отстранился. То есть засыпали мы рядом... но больше ничего не было. Даже поцелуев. Я спросила... и получила странный ответ: «Давай подождём».

Зато у Винарта и Элины всё наладилось. Лен сам предложил парню помолвку, правда с условием, что тот женится на Эли не раньше, чем заработает пятьдесят тысяч монет. Впрочем, при помощи такого будущего тестя вложить деньги выгодно смог бы даже Андреас или павиан с островов Южной Физанты.

Я спросила Лена, что будет с Сириньи? Тот помрачнел и ответил коротко: «Больше мы о нём не услышим». Вдаваться в подробности я не стала. У меня своих проблем гора и море.

Впрочем, одной стало меньше — сны о лабиринте и чёрном поясе меня больше не беспокоили. А артефакт мы замотали в страшный мешок из дерюги и сунули в ёщё более страшный железный ящик для инструмента. На такое не полистился бы даже сборщик металломолома или старьёвщик. Вот и ладно!

Сама я тоже не магичила. Что-то словно удерживало от пробы сил.

Спина чесалась, но с каждым днём всё меньше и меньше. И тылы Рейна тоже поубавили яркость. Я надеялась, что зрение мужа вернётся, когда свечение исчезнет совсем.

Но это произошло раньше. Когда я проснулась на восьмой день, Рейн уже не спал. А лежал на спине рядом со мной в утреннем полумраке и крутил перед носом ладонь. Сдвигал — раздвигал пальцы, сгибал то тот, то этот. Видит? Он видит? Подняла кулак с оттопыренным большим пальцем и сунула мужу под нос. Тот фыркнул и улыбнулся.

— Рейн, я так рада!

— А уж я как рад... Пока, правда, мне что один палец, что три — всё едино. Но твой жест я понял.

Повернулась к нему, прижимаясь теснее. Теперь всё у нас будет хорошо...

— Сита, не торопись.

— Почему?

— Сам не знаю, как объяснить. Я не такой. Чувствую себя не таким.

— Это как? Зрение теперь точно вернётся, на физическом плане — я проверяла — повреждений нет. Если ты об этом.

— Нет, не об этом.

— А о чём?

— Я изменился. Сам не пойму как. И чувствую себя — как бы объяснить? — нестабильным. Будто пороховая бочка с зажжённым фитилем. Сита, я боюсь, что могу быть для тебя опасен. Потому и держусь в стороне.

Я поправила ворот своей рубашки — после первого дня муж стал спать одетым и заставлял одеваться меня — и вздохнула. Опять у нас всё не как у людей... Но тут хоть понятно, что делать.

— Рейн, ты меня любишь?

Он повернул голову и улыбнулся. Потом кивнул.

— Вот и ладно. А я люблю тебя. И это — главное. Остальное решаемо.

— Сита, ты не понимаешь. Со мной что-то не в порядке. Появилась ярость, приступы неконтролируемого гнева. Когда нестерпимо хочется что-то ударить, стукнуть, сломать. Хоть стул об пол, хоть вазу об стену. Выплеснуть кипящую внутри злость. Со мной никогда такого раньше не было. А я же могу убить тебя одним случайным ударом. Я знаю — как. С сегодняшнего дня спим отдельно, хорошо? Пока я был слепым, это было не так опасно. Но сейчас... Нужен тебе муж, который способен разнести дом по кирпичику, переломать всю мебель, а тебе свернуть шею? Думаю, что

нет.

Да чтоб его!

— Рейн, ты знаешь не всё.

— Ты о чём?

— Сейчас, покормлю Соль и расскажу. История запутанная и длинная.

Пока возилась с малышкой, рассказывала. Как читала всё, что нашла о лишенцах. О теории Сильвануса и опытах его последователей. О том, что сейчас у Рейна на магическом плане спина светится ярче, чем вечерняя гавань в День Корабля. И я сама лишь немногим бледнее. И что я думаю, что вдутая, влитая, впихнутая в нас магия, пока она не устаканилась, могла повлиять и на стабильность психики. Но, считаю, что это должно пройти. Что я не знаю, возрастут ли мои собственные способности и появится ли что-то у Рейна, но предлагаю надеяться на лучшее, пока не магичить, чтобы всё не испортить, и спокойно ждать. И, да, у меня тоже были головные боли, и чувство распиранья до тошноты хуже, чем во время беременности. Правда, кусаться мне не хотелось. Но он же и получил порцию магии намного больше моей.

— Кстати, Ссэнасс советует ждать, — закончила я рассказ. — И её тоже расперло.

— Ларру расперло? Как это? — удивился Рейн.

— Ну, можешь подобрать другое слово, но это вполне точно отражает суть. — Я развела руки широко в стороны, иллюстрируя сказанное. — Сейчас увидишь сам. Наши с тобой странности рядом бледнеют. — Поставила на пол две полные миски с молоком.

На лицо мужа, когда тот увидел вышедших из-под кровати двух абсолютно одинаковых толстых полосатых зверюг с гордо задранными хвостами, стоило посмотреть. Шагающие бок о бок в ногу кошки обернулись, свернув, как на шарнирах, головы на спину, радостно зубасто заулыбались и даже дружно помахали выросшими из спин пятymi лапами.

— Справа — Ссэнасс. Слева — Анишша, — прокомментировала я. — А ты ещё говоришь, у тебя что-то не в порядке.

— Ка-ак?

— Так. Оказалось, что ларры состоят из молока и магии, — улыбнулась я.

Холт привычно фыркнул и вытянулся на спине, закинув руки за голову. Потом покосился в мою сторону:

— Так и будешь сидеть в кресле?

— Рубашку снять?

— Пока оставь.

Ну вот... но хоть больше не прогоняет.

* * *

Через два дня мы уезжали из Паэньи. Брайт остался — ему предстояло координировать действия приплывших в гости эскадр и проводящих учения невдалеке драгун. Потом он вместе с невестой собирался вернуться прямо в столицу. А нас ждал следующий город — лежащая на восточном берегу Сафрина.

Два последних сюрприза я получила в день отъезда. Первый — когда мы вернулись с завтрака в комнату, на кровати меня ждала точная копия моего испорченного платья с жёлтыми цветами фрезии. Муж улыбнулся:

— Мне оно слишком нравилось. И я не был уверен, что в другом городе мы найдем такую ткань.

Второй сюрприз преподнесла Ссэнасс.

Закончив последний завтрак, ларры переглянулись и уставились на меня круглыми глазищами. А потом спросили хором:

— Возьмёшишь сссебе кошишку?

Ох! Я о таком и не мечтала! Конечно, возьму!

— Кормить будешшишь?

А куда ж я денусь?

Оказалось, ехать со мной, то есть стать моей ларрой хочет Ссэнасс, сроднившаяся с моим молоком и магией. А Аншиша останется жить в доме Лена. Она пока молодая, неопытная. Вот пусть следит за порядком и учится.

В результате отъезд отложился на час. Я бегала по дому, искала тару, пригодную для комфортной транспортировки ларр. В итоге на кухне нашлась корзина с крышкой, почти такая же, как та, в которой предстояло ехать Соль. Я сложила туда запасные пелёнки, байковое одеяло — а на деле устроила мягкое гнездо для Ссэнасс.

А потом собрала Лена с домочадцами и объяснила, что в их доме живёт ларр. Которая только при нас помогала несколько раз — нашла банку с мышьяком, отыскала по следу хозяек в лабиринте, наконец, закрыла собой Рейна. Аншиша продемонстрировала своё существование, заставив зазвенеть подвесками люстру и уронив с полки толстенный том «О сверхъестественном». Лен, Эли и Сани впечатлились и поклялись, что сами будут следить, чтобы впредь Мариза не забывала ставить ежедневно

блюдце с молоком под комод. Я хмыкнула — при такой частоте кормлений Анишша скоро станет ходить на шести лапах...

Провожали нас все вместе.

Только жаль, что я так и не побывала в ботаническом саду.
Но мы же приедем сюда на свадьбу Эли и Винарта?

Часть третья
САФРИНА
Пропавшие розы

Глава 1

«Дикая свинья» звучит гораздо благороднее, чем просто «свинья».

E. Лец

Похоже, тягу к путешествиям и к перемене мест, я удовлетворила надолго. И не только я...

Ссэннесс в карете нервничала и всё время порывалась перебраться из корзинки в единственное место, где она чувствовала себя относительно спокойно, — на мои колени. Поместились бы — так попробовала бы влезть за пазуху. Правда, по вечерам, когда мы останавливались на очередном постоялом дворе, неугомонная ларра ожидала и шла исследовать окрестности. То есть уходила в ближайшую стену и пропадала до утра. Наверное, искала родственников. Или просто изучала всё вокруг, как это любят делать кошки.

Соль — умница у меня дочка! — большую часть времени тихо сопела в корзинке, невзирая на то, едет карета или стоит на месте. Правда, мой активный и вёрткий ребёнок научился выкручиваться и выпутываться из пелёнок. После одного случая, переросшего в экологическую катастрофу, я стала закреплять зачарованный подгузник у неё на талии, как штаны. А с пелёнками пусть делает что хочет. Ей виднее. А ещё, похоже, она уже скоро начнёт держать головку. И взгляд стал совсем другим — сфокусированным, осмысленным. И я, и Рейн подолгу держали дочку на руках и разговаривали. Не знаю, рано или нет начинать учить словам, — но я начала, получая в ответ осмысленные «агу» и «уа».

Но вот Рейн меня напрягал. Часть дня он ехал со мной, часть скакал верхом рядом на одном из заводных коней. Я нехорошо завидовала — мне тоже хотелось размяться, но ездила я так себе. Да и ребёнка с ларрой не бросишь. Но дело было не в верховой езде... Холт словно ушёл в себя. Как и в наше первое путешествие, он часами молчал, глядя в окно. Я понимала, что его подавленное настроение относится не ко мне... но возникла иррациональная обида. Почему он молчит? Если мы — это действительно мы, а не я и он — то обсудить то, что его тревожило, должны вместе. А получилось, что он решил всё сам, за нас двоих.

Ну и, наконец, трястись целый день даже в удобной карете — не

подарок. Устает поясница, нет возможности нормально размяться, а самые обычные бытовые потребности превращаются в проблему. Попробуй попроси кучера остановиться «во-о-н у тех следующих кустиков», если за каретой рысит десяток гвардейцев. Тех же самых, кстати, что и в прошлый раз. Я спросила Холта, совпадение ли это, но тот только фыркнул в ответ.

Путешествовали мы уже три дня, и ехать до Сафрины предстояло ещё дней пять, если погода останется солнечной, а дороги — сухими. Я косилась на Рейна. Что-то действительно с ним не ладно — раньше таким сумрачным и молчаливым я мужа не видела. Вот так... казалось бы, объяснились, разобрались, решили все проблемы... а лучше не стало. По вечерам, когда я начинала готовиться ко сну, Холт уходил из комнаты и возвращался, когда я уже спала. А когда я вставала ночью, чтобы покормить Соль, он сам делал вид, что спит. Именно делал вид, хотя прикидывался мастерски — и лежал тихо, и дышал редко. Обсуждать своё самочувствие Холт тоже не рвался — только смотрел на меня с тоской, когда ему казалось, что я гляжу в другую сторону. Наверное, если бы не Ссэнасс, я бы сорвалась или спятила. Но ларра своими щоточками снимала напряжение, а ёщё играла с Соль и по пути болтала со мной. Я ценила — ведь Ссэнасс сейчас труднее, чем мне. Она же в первый раз в жизни осталась без своего дома. Корзинка — это не дом.

Добавлял проблем рыжий гвардеец, снова начавший на меня пялиться и ходить по пятам. Если б я могла магичить — живо бы остудила пыл неучтивого ньера. А так приходилось терпеть и делать вид, что ничего особенного не происходит. Рейну жаловаться не хотелось — ему и без этих глупостей не сладко. А пойти с таким к командиру патруля лейтенанту Кийту? Ну, не знаю... Ведь будешь выглядеть то ли кокеткой, то ли дурой, то ли ябедой. Мужчины смотрят на эти вещи как-то иначе.

Сейчас, когда уже наступила осень, темнело раньше. Мы ехали до сумерек, а иногда и дотемна. Потом Холт помогал мне отнести корзину с ларрой в нашу комнату в очередном придорожном трактире. Соль всегда несла я, он и не претендовал. Ужин нам обычно сервировали прямо в номере. Ел муж очень немного и почти сразу после этого уходил во двор, где час или два — по настроению — занимался своим каэртано. Я бы с удовольствием посмотрела... но он меня не звал. Ларра слушала, как я вздыхаю вслед, и утешала: «Шшишди...» А потом добавляла, что «молоко полесссно...»

В общем-то, молоко вносило единственную странную и одновременно чувственную нотку в наши непонятные отношения с Рейном. Корова из меня вышла ёщё та — хватало и Соль, и ларре, и мужу. Мне самой не

нравилось, что прежде аккуратная грудь стала сейчас заметно больше, а под белой кожей просвечивали голубоватые вены. Но Рейн, похоже, был в восторге. Когда он возвращался, вымотанный после тренировки и с мокрой после душа головой, всё было почти как в тот день, когда он признался мне в любви. Меня укладывали на кровать, целовали, ласкали, покусывали, вылизывали... и пили. Интересно, он не понимает, что творит со мной? Когда губы Рейна смыкались на соске, я просто чувствовала, как в такт его движениям меня дергает внизу. С Соль так не было... а Рейн — он будто не просто сосал, а наслаждался и одновременно передавал мне свое желание, окутывая им, лишая разума. Я хотела этих вечерних ласк, ждала и жаждала их... и одновременно злилась. Потому что мне было мало, ужасно мало! Почему, уж если он решил стать моим мужем, мы не можем зайти дальше?

Я попробовала поговорить с ним об этом и услышала в ответ:

— Сита, я боюсь, что, когда совсем потеряю самообладание, могу причинить тебе боль. Давай подождём.

— Рейн, я уверена, всё будет хорошо.

— Сита, ты не понимаешь. — Он грустно улыбнулся. — Полгода назад в мою дверь постучалось счастье. И я буду дураком, непроходимым идиотом, если из-за сиюминутных желаний лишусь его. Я действительно сейчас не в себе. И боюсь, что потеряю контроль и обижу тебя, сделаю плохо, — сглотнул, — просто изнасилую, как зверь. Я хочу, чтобы наутро ты не отводила взгляда, а сама искала меня глазами, чтобы ты светилась, хочу чувствовать, что ты счастлива и любишь меня ещё сильнее. Понимаешь? Примерь на себя — ты бы обидела меня, Ссэнасс или Соль ради того, что «очень захотелось»? Ведь нет... Вот позволь и мне быть хорошим. Для меня это важно.

Понимаю. Но всё равно идиот.

А его спина светилась по-прежнему. Как, кстати, и моя.

Я задумалась — может, мне тоже нужно пить молоко? Но от этой идеи несло явным сумасшествием. Поделилась с ларрой. Та подумала и успокоила меня, сообщив, что раз полезное молоко появляется у меня внутри, значит, всего там уже хватает.

Ну, хоть что-то у нас в порядке!

На четвёртые сутки нам предстояло пересечь крупную реку, Сорану, первую из текущих к Ирнайскому морю на востоке. Командир гвардейцев, симпатичный шатен ньер Кийт, заранее попросил разрешения, если погода будет ясной, остановиться на берегу — выкупать лошадей. Холт, которому, похоже, тоже надоела однообразная тряска в карете, кивнул.

Переехав Сорану по широкому каменному мосту, мы свернули на север, вверх по течению. Небольшой посёлок Айсира, выросший у переправы, скоро остался позади, а мне пришлось взять на руки Соль, потому что на колдобинах просёлочной дороги карету тряслось и мотало. Зато на повороте я смогла рассмотреть из окна холмы и ещё зеленую дубраву впереди. Хорошо. Мне всегда нравился запах леса и опавшей листвы. Будет возможность — хоть немного пройдусь. Иногда хочется побывать одной, в тишине. Да и сколько я уже не гуляла по лесу? Подумать страшно — месяцы и месяцы...

Улыбнулась. Наверняка ньер Кийт думал не только о лошадях. С бегущей с севера с отрогов гор Сораной была связана интересная старинная легенда. Когда-то давно, очень давно, когда боги спускались на землю чаще, чем теперь, богиня любви — бессмертная златокосая Виарна — полюбила юношу-охотника, жившего в небольшой деревушке у подножья гор Сиррано. Тот ответил прекрасной богине взаимностью, и счастье пары было полным. Но случилось так, что однажды, охотясь в лесу, юноша спас от дикого вепря простую девушку из соседней деревни. И пока он нёс ту на руках домой, а испуганная дева, прильнув к широкой груди своего спасителя, обнимала его за шею, — влюбился по уши, забыв ради частого стука сердца и робкого дыханья смертной о своей божественной возлюбленной. Ведь сердцу не прикажешь...

Напрасно ждала Виарна охотника на назначенном месте в горах — тот больше не пришёл. Слезы текли по прекрасному лицу тоскующей богини, капали дождём в ладонь. Посмотрела она в это водяное зеркало и увидела, что случилось. Злой Виарна не была и мстить не стала. Что тут поделаешь? Смертный выбрал такую же, как он сам, — мотылькам положено порхать с мотыльками, а не парить с орлами в вышине. Пожелала Виарна тому юноше счастья и верной любви, а из её пролитых слёз появился исток Сораны.

И говорят, что тот, кто зайдёт в реку нагим и сумеет попасть в ту самую струю слёз богини, всегда будет счастлив и никогда не узнает мук неразделённой любви.

Надо ли говорить, что о купаниях голышом в Соране ходили слухи по всей стране? Кстати, для меня такое — покосилась на сидящего рядом с нейтральным лицом Холта — тоже было бы актуально.

Ещё через полчаса мы въехали под сень огромных дубов. А десять минут спустя остановились на просторной тенистой поляне недалеко от берега.

— Рейн, я хотела бы пройтись, размяться. Соль спит, за ней присмотрит Ссэнасс. Можно?

— Иди, если хочешь. Насколько я знаю, опасных диких зверей в округе уж века два как нет, — улыбнулся муж. — Тебя проводить?

— Я очень люблю запах листвы в дубравах, а заблудиться тут негде: мы на правом берегу Сораны. Так что я пойду тихонько вверх по течению, посижу у воды, а потом поверну назад. И у нас же есть личные компасы, ты не забыл?

— Забудешь тут, — хмыкнул Рейн. — Знала бы ты, что со мной было, когда ты их зачаровывала.

— Что? — заинтересовалась я.

— Я чуть с ума не спятил. Выволакивал себя из комнаты, где на кровати лежала голая красавица, моя жена, за шиворот. Это ты мою силу воли и выдержку проверяла? — Серые глаза смеялись. Рейн прищурился и добавил: — Если б не то, что тебе было ещё нельзя, допроверялась бы.

Я покраснела, опустив ресницы.

Ага. А теперь он который день проверяет мою.

А ещё возникла мысль — зайти подальше от стоянки и, пока гвардейцы заняты лошадьми, искупаться самой. Хотелось освежиться. Ну и ещё — вдруг легенда не лжёт, и мне повезёт?

Запах дубовой листвы — особенный. Ни одно другое лиственное дерево не пахнет так пряно, не щекочет так ароматом нос. Даже острый запах тополиных почек по весне не столь ярок. И сами стволы вековых деревьев, за любым из которых легко могли спрятаться три таких, как я, поражали: каждое дерево — целый мир. Поднимаешь голову и зачарованно скользишь взглядом по стволу, следишь, как от него отходят мощные сучья, как они ветвятся, тянутся к небу. Чёрные, скрюченные, узловатые... и прекрасные. В сказках рассказывалось, что дубы особенно любят лесной народ — ильвы. Я их понимала. Я тоже любила дубы.

Тропинка, по которой я шла, была чуть влажной, земля густо-коричневой. Иногда приходилось переступать через узловатые корни. У одного из них я заметила не в сезон расцветшую фиалку. А на другом распластала тёмно-вишнёевые крылья с белой каймой большая траурница.

Я старалась не отходить от реки — ведь и пошла-то за тем, чтобы найти подходящее для купания место. Тропа повернула вправо, а я, уцепившись за ветку лещины и подобрав другой рукой подол юбки, попыталась без потерь съехать в овраг впереди. И повернула налево, к реке. Ойкнула, чуть не наступив на ужа. Спасибо, что не на гадюку. Под ногами

зачавкало. Ну, и зачем, спрашивается, я сюда полезла? Сейчас узнаю.

Через два десятка шагов впереди засияла вода. Вот только меня от неё отделяла широкая полоса таволги вперемешку с осотом, лезть в который босыми ногами совсем не улыбалось. Ладно... поднимусь чуть-чуть выше по склону, благо он не очень крутой, попробую обойти болото и всё же выйти к воде. Посмотрела на грязную ладонь, которой цеплялась за выступающий корень. Ну, перемажусь слегка... ничего. Жаль, что ещё нельзя магичить.

Я угадала. У выхода из лощины на моей стороне обнаружился здоровущий камень. Пологий, он выступал из-под склона и доходил почти до воды. Осот на нём не рос. Так, мох, и в трещинах — низенькая травка. Осмотрелась. Отлично, никого! И сверху так нависли кусты ежевики, что медведю не прорваться. Скинула туфли, скатала и стянула чулки, через голову сдёрнула платье. Потом настал черёд панталон и нательной рубахи. Волосы подобрала узлом — мочить голову я не собиралась.

Осторожно, на цыпочках, прикрывая руками грудь, подошла к воде. Дно тёмное, не песок. Зато глубоко, похоже, уже в двух шагах от берега. И как мне туда? Наверное, просто шагать.

Ага, чавк в ил... М-да — выдернула ногу и критически посмотрела на ступню в чёрном ботинке по щиколотку... Ладно, уже сунулась — не отступать же? Чавк, чавк, чавк... а теперь поплыли. Боги, хорошо-то как! Прохладно, свежо, чисто — захотелось нырнуть или хотя бы лечь на спину. Но вместо этого я встала, чуть касаясь пальцами ног дна, и начала обмывать себя ладонями. Шею, грудь, подмышки, живот... Счастье-то какое! Мне ж нормальной ванны ещё пять дней не видать!

Напоследок умылась. Теперь можно немножко поплавать. Течение медленное, не унесёт. Завертела головой. Ой, а чуть дальше у берега — заводь. А в ней — цветущие белые кувшинки. Красота невероятная!

Не торопясь, наслаждаясь каждым движением, разводя руками воду, поплыла к сиявшим на темной глади белоснежным цветам. Только надо быть осторожной —казалось, что очень легко запутаться в длинных стеблях. А спасать меня тут некому.

Плавать нагой — наслаждение. Река прохладная, прозрачная... От движений рук по ровной глади идет рябь, разбегаются испуганные водомерки, разлетаются стрекозы с синими крыльшками, прыскают в стороны мелкие рыбки. Струи ласкают тело, в них растворяешься, становишься невесомой...

Раздвигая покачивающиеся на воде листья, подплыла к ближайшей кувшинке. Нет, не устоять. Принесу её Рейну, покажу Ссэнасс — та

наверняка такого не видела. Острые на концах лепестки словно мерцали, светились белым. Как снег в свете луны, как иней или — засмеялась — сахар в серебряной ложке. А внутри цветка — маленькое солнышко из загнутых внутрь ярко-жёлтых тычинок. Точно не устоять. Только нужно аккуратно оборвать стебель. Ну, это ж не просмолённая верёвка — справлюсь...

Заложив цветок за ухо, поплыла назад. Жаль, но пора возвращаться.

Чулки я надевать не стала. Кожа влажная, не натянуть. А ступни — гм-м... конечно, я обтирала их травой, как могла, — но все равно Рейн, узрев мои ноготки в аккуратных чёрных рамочках из грязи, поперхнулся бы. И фыркал бы потом до вечера. Зато сама — свежая и чистая.

Я радовалась, когда удалось легко — по корням как по ступеням — подняться из оврага. Улыбалась и напевала, идя по тропе назад к поляне. Счастье длилось до тех пор, пока я, огибая очередной вековой дуб, неожиданно нос к носу не столкнулась с рыжим гвардейцем.

— Ньера гуляет?

Невинный, казалось бы, вопрос прозвучал двусмысленно. Может быть, из-за тона говорящего и того, как он буквально ощупывал меня глазами. Взгляд остановился на влажном локоне на шее, рыжий усмехнулся.

— Купались? Ньера ищет любви?

— Ньер, я возвращаюсь на поляну, к мужу. Если желаете, можете меня проводить.

Он словно не рассыпал. Заступил дорогу:

— Я тоже купался. И тоже в надежде на любовь. Что скажете, ньера?

Сглотнула. Здоровый, как бык. И такой же симпатичный. Не люблю красных наглых рож. Чуть прищурилась — ой, какая аура нехорошая... плохо дело. Как же я не хочу магичить! Держалась ведь почти две недели! И вот, из-за какого-то озабоченного бугая всё коту под хвост?

Я не боялась. Укол воздушным лезвием в одну из болевых точек — и ему долго будет не до ньер. Но так не хотелось прибегать к магии... Внутри что-то противилось, было ощущение, что, начав колдовать, совершу непоправимую ошибку.

И как тогда?

Подпрыгнув, уставилась за спину рыжему, словно что-то увидела, и махнула рукой:

— Рейн?! Иди сюда!

Он оглянулся. А когда понял, что я обманула, и повернулся снова, меня на тропе уже не было. Хорошо, что стволы дубов такие толстые.

— Ньера хочет поиграть? — Голос игривым отчего-то не казался. — Зря.

И замолчал.

Я, прижавшись спиной к мощному стволу, пыталась сообразить, что делать дальше. Каков мой шанс удрать? Бегает он быстрее...

Оказалось, что не только бегает.

Он вынырнул из-за ствола. Осклабился:

— Оборки юбки торчат. Широкая. — И сделал шаг ко мне.

— Мой муж вас убьёт. — Я говорила, глядя ему прямо в глаза. И верила в сказанное.

На секунду он замялся. Потом крылья носа раздулись, глаза сузились:

— Плевать! Я всегда беру, что хочу. А ты, ньера, будешь молчать! Тебе позор не нужен.

Он не успел меня схватить, хоть и попытался. Рейн возник как из ниоткуда. Прыжком. С поднятой рукой, ребром которой ударил по правому плечу рыжего.

Тот заорал, падая на одно колено. Я еле успела отскочить, иначе б рухнувший гвардеец въехал головой не в дуб, а мне в живот.

— Одна ключица сломана. И надо было сделать это раньше. — Голос мужа был ледяным.

Я ахнула, когда Рейн поднял руку второй раз и ударил снова:

— Вторая сломана.

И занёс руку снова. Посмотрел на меня:

— Сита, он к тебе прикоснулся хоть пальцем?

Я замотала головой:

— Нет, ничего не было. Рейн, не надо! Хватит!

Взгляд мужа был чёрным, нечеловеческим. По скулам ходили желваки. Рейн с видимым усилием и каким-то сожалением опустил руку. Взглянул вниз, под ноги, где на сухих дубовых листьях корчился рыжий. Поймав взгляд мужа, несостоявшийся насильник сглотнул и замер, как испуганный зверёк, увидевший коршуна. А потом заскулил... Ох, как я его понимаю... мне сейчас тоже было страшно.

— Сита, идём.

Холодным ровным голосом. Не предложение, не просьба — приказ. Руки муж мне не предложил. Да я и не хотела. Повернулся спиной и зашагал прочь.

Подняла упавшую на землю кувшинку. Из помятого цветка, как слеза, на руку мне выкатилась одна капля. Поднесла её ко рту и слизнула... Воды Сораны, богиня Виарна — помогите нам!

Вечером, в трактире, он заговорил сам.

— Видела?

— Видела что, Рейн?

— То. Я опасен. Я чуть его не убил. Ведь второй удар был лишним. А я больше того! — хотел ударить в третий раз, чтобы перебить горталь. И, если бы ты на это не смотрела, ударил бы. И убил. Понимаешь?

— Что с ним теперь будет? — спросила я.

— Вылечат, выгонят, накажут. А я сам не досмотрел... и зря отпустил тебя одну.

— Я бы справилась, но пришлось бы колдовать. А я не хочу пока трогать ту магию. Мы оба ещё светимся.

— Та магия... Сита, я боюсь. Я думаю... — Он сглотнул и замолк.

— Что, Рейн? Что ты думаешь? — Хорошо, что он наконец заговорил. Лишь бы не замолчал... Я должна знать, что его мучает.

— Смотри, Сита. Пояс забрал душу Пожирателя, так?

— Ну да. Душу, разум... Назови, как хочешь. Всё равно это точно выяснить невозможно.

— Но, помнишь, мы с тобой сомневались, хватит ли у артефакта и твоего заклинания силы, чтобы засосать всё? Вытянуть всю черноту из эктоплазмы? А что, если её не хватило?

Тогда... тогда... тогда выходит, что этот остаток, чем бы он ни был, сейчас в Холте. Ведь именно он получил большую часть этого облака... И, если это так, то может статься, что вспышки гнева обусловлены не только тем, что психика разбалансирована из-за поглощения организмом ударной дозы магии... Может статься, что в муже свернулось змеёй и ждет своего часа одно из чёрных щупалец Пожирателя.

И, похоже, Рейн всерьёз боится, что однажды это чёрное возьмёт верх.

— Рейн, подумай сам. Допустим, ты прав. Допустим, ты и в самом деле получил с магией нечто чужеродное. Но ведь силу воли, разум и характер ты не потерял. И не перестал быть собой — заботливым, любящим, умным, прекрасным человеком. Решаешь ты. Ведь то, что с тобой творится, даже на простую одержимость не тянет.

Он чуть усмехнулся. Я продолжила:

— В любом из нас есть тёмные стороны. Больше ли, меньше ли. Но как-то справляемся. А скорее всего, дело в том, что из-за магического удара у тебя началось то, что нормальные дети магов переживают в возрасте десяти-двенадцати лет, когда происходит скачок магии. Приготовься, Соль нам ещё нервы потреплет и нашей крови попьёт: даже самые кроткие и

послушные в этом возрасте хулиганят, вопят как бандиты и бегают по стенам...

— Да-а?! Неужели и ты вопила?

Как мило он удивляется. Тёмные брови приподнимаются, голова чуть склоняется набок, черные волосы падают на плечо. Поймала себя на мысли, что хочу забраться к нему на колени, закинуть руки ему на шею... Вздохнула. Вот назвали изначально брак фиктивным — как накаркали...

Улыбнулась:

— И я тоже. Встретил бы ты меня тогда... Кстати, у меня есть идея, как проверить твою догадку. С нами же магический детектор на четырёх лапах! — и позвала: — Ссэнасс! Ссэнасс!

Серая морда обнаружилась в корзинке. Высунулась, облизнулась. Вводить в курс дела ларру надобности не было — та наверняка слышала весь разговор...

— Ссэнасс, посмотри на Рейна.

— Сссейчас... — Зелёные глазищи уставились на мужа. Тот криво усмехнулся, покачал головой. Ларра разглядывала Рейна долго, внимательно, пристально. Вылезла из корзинки. Подошла ближе. Обошла кругом. Запрыгнула к мужу на колени. Потыкала лапой. Наконец, перевела взгляд на меня:

— В нём нет сссла...

Чего нет?

— Сссла... Прсссто шшшди...

Ох, нет зла! Ну и хорошо!

— Спасибо, Ссэнасс! — И посмотрела Рейну в глаза: — Слышал? Понял? Нет в тебе зла! — И, молясь Виарне, чтобы не ошибиться, поднялась со своего стула, подошла к сидящему мужу и обняла. — Я верю тебе. И я верю в тебя... Неважно, если мы не получим магии. Но давай попробуем использовать этот шанс? А если перебьём в процессе экспериментирования по Сильванусу в доме всю посуду, то просто купим новую, да? И, Рейн, — запустила пальцы ему в волосы, — я у реки перемазалась в тине. Хочешь помочь помыть мне ноги?

Он заломил бровь. Лицо, как раньше, — один в один. Глаза улыбались.

— Буду рад оказать небольшую услугу прелестной ньере...

— Но что-то в нем есссть, — неожиданно заявила устроившаяся рядом с корзинкой Соль ларра.

Мы, оторопев, уставились на неё.

— Ссэнасс?

— Мытье ног отменяется, — грустно вздохнул муж. — Ссэнасс, поподробнее можешь рассказать?

— Не ссынаю... — ларра прикрыла глаза лапой.

— Ладно. — Я, стараясь не показывать разочарования, поднялась с кровати, подошла к табуретке с тазом в углу комнаты, плеснула туда из фаянсового кувшина воду. Стоя к мужу спиной, приподняла спереди подол и поставила одну ногу в таз. Вот так ничего провокационного в этом нет. Просто гигиена. — Давай вместе подумаем. И начнём с того, что такое вообще этот Пожиратель и откуда он взялся...

Покончив с левой ногой, спустила её на пол, на полотенце, и задрала правую.

— Рейн, я крутила так и эдак... Мне кажется, что Пожиратель связан с ловушками в полу. Представь... Я не говорю, что это так и есть... но послушай и подумай. А потом поищи в моей гипотезе дырки. Допустим, давным-давно назад в одной из ловушек сгинул — провалился и погиб — сильный маг. И, судя по всему, маг недобрый. В момент смерти из него выплеснулась эктоплазма. Много — ведь он был сильным и, вдобавок, долгожителем. Так получился злой, пропитанный магией призрак, обитающий в провале. Предположим, что время шло, ничего не происходило, призрак уснул. А потом кто-то, исследуя тунNELи, снова активировал ловушку. И то ли пропал там сам, то ли туда свалился кто-то ещё... Но призрак проснулся и получил пищу — новую порцию эктоплазмы, которую поглотил, потому что она была слабее, чем он. Вот как Ссэнасс вобрала и перестроила под себя свою порцию облака, понимаешь?

Потоптавшись ногами на брошенном на полу полотенце, обернулась к Холту. Тот внимательно слушал.

— А дальше как-то так. Призрак ел, набирался сил. А позже стал сам выходить на охоту... вот тогда-то в катакомбах и начали пропадать люди. Сначала единицами, затем целыми группами.

— Возможно. — Рейн закинул руки за голову, потянулся. — Скажем, так: известным нам фактам твоя гипотеза не противоречит. Но что из этого следует? К чему ты ведёшь?

— К тому, что цепь всосала и сковала Пожирателя. Но если предположить, что ты получил вместе с порцией магии что-то другое, кусок личности, разума или памяти от одной из его жертв? Зла в нём нет, а вот что-то инородное, что мешает, раздражает и выводит тебя из себя, — может быть. Как камень в ботинке, от которого и самый добрый человек начнёт рычать.

— Гм-м. Душу прекрасной заблудшей девы, например, — подмигнул Рейн. — И скоро я начну заплетать чёрные локоны в косы, а по утрам петь у окна тонким голосом.

Я, не удержавшись, засмеялась.

Вообще, похоже, поговорить стоило давно — настроение от нашей беседы у мужа поднялось однозначно.

— Спасибо, Сита, мне стало спокойнее. Теперь я хоть понимаю, чем это может быть. И знаю, что не проснусь однажды утром чудовищем... — Посмотрел на меня. — Как думаешь, долго мы будем светиться, как пара тропических медуз?

— А ты это тоже видишь? — заинтересовалась я.

— Ну, сегодня с утра ты переодевалась, стоя спиной ко мне. Сначала я подумал, что ты где-то ушибла спину и это синяки. А потом дошло, что они мерцают. И я вспомнил твой рассказ.

— Рейн! Раньше ты чувствовал сильное волшебство, но не видел заклинаний! Это значит, что твоя магическая чувствительность уже возросла. Значит, что бы ни произошло дальше, польза уже есть. Ведь такого не купишь!

— Не купишь. И не продашь, — фыркнул муж. — Спроса такой сомнительный товар точно бы не нашёл. Ну что, спать нам не пора?

Глава 2

Мужчина, если бы и смог понять, что думает женщина, всё равно не поверил бы.

T. Паркер

Жаль, что в карете невозможно читать. Я поняла, что хочу проштудировать мои книги ещё раз. Теперь на тему «как извлечь пользу из одержимости?».

Может, проще просто выучить их наизусть?

— Мне снился странный сон, — повернулся ко мне Рейн. — Я стоял на носу корабля, плывущего по открытому морю. Само по себе это нормально. Только вот корабль был не парусный, а вёсельный. А я опирался на здоровенный топор.

— Ты книг о фризландских завоевателях недавно не читал? — поинтересовалась я.

— Да нет. И всё казалось очень реальным. Влажный солёный ветер, брызги волн, сильная качка. И, да, у меня была заплетённая в косы рыжая борода, — Рейн чуть нервно огладил рукой гладко выбритый подбородок.

Это он шутит?

— Ну, значит, не суждено тебе плести чёрные косы и петь по утрам высоким голосом у окна, — покачала я головой. — А о рыжих, кстати, ходит слава, что те очень вспыльчивы.

— Гм-м... Северяне в катакомбах Паэны? Как они туда попали, я уж не спрашиваю. Но что они там потеряли?

— Поинтересуйся в следующем сне? Может, объяснят.

Холт фыркнул.

А потом придинулся ко мне:

— А ёщё говорят, что фризландские воины были неравнодушны к красивым женщинам. И чаще ходили в набеги за ними, а не за банальным золотом.

Я правильно понимаю, что мораторий на супружеские ласки если не отменён, то смягчён? И как я должна себя вести, чтобы не спровоцировать мужа, но и не спугнуть? Ох, понятия не имею...

Оказалось, что заминка — это правильная тактика. Он сам протянул руку, приподнимая мой подбородок. Заглянул в глаза, приблизил лицо к

моему... и в этот момент карета подпрыгнула на ухабе. Не знаю, планировал муж нежный поцелуй или страстный, но меня просто подкинуло и бросило на него так, что я въехала головой Рейну в живот. Тот крякнул. А потом рассмеялся:

— М-да, экипаж на проселочной дороге — не самое удобное место для лобзаний.

Это точно. Без зубов от таких любезностей оставаться запросто.

— Подождём до вечера? — Я оправила юбку, усаживаясь на своё место с ним рядом.

— Посмотрим. Если честно, я опасаюсь. Тут я знаю, что не зайду слишком далеко. А вдвоём в спальне? Слышала выражение «забрало упало»?

Да, слышала. Не способен соображать, не может остановиться.

Нехорошо.

Наверное, на лице у меня что-то такое-эдакое нарисовалось, потому что Холт грустно фыркнул:

— Вижу, ты улавливаешь суть проблемы. Так что давай повременим.

Вздохнув, продела руку под его локоть и положила голову на плечо. Он погладил меня по волосам.

Сейчас наш путь лежал по центральной части полуострова — высокому сухому плоскогорью, хребтом делившему Таристу с севера на юг. Холмы, покрытые садами олив с толстыми корявыми серыми стволами и серебристыми листьями, аккуратные виноградники, сады цитрусовых с пышными тёмно-зелёными кронами, деревеньки с уютными белёными домиками под красной черепицей, народ в соломенных шляпах на полях — это была мирная благодатная земля. По обочинам белой дороги цвели алые маки и голубой цикорий, клонились уже жёлтые колосья дикого ячменя. Днем воздух плыл волнами от жары, но вечерами, вдохнув, хотелось петь... Мне нравилось.

Время от времени мы останавливались, чтобы размяться, купить на придорожном базарчике спелых краснобоких персиков или жёлтую круглую дыню или же просто посмотреть с крутого поворота дороги на открывающийся вид. Рейн без конца меня баловал, покупая кулёчки жареного миндаля, золотистые прозрачные цукаты, жареные в меду пирожки. Я тихонько сплавляла большую часть подношений кучеру — иначе бы к концу пути мне грозило превратиться в очень счастливую и очень упитанную ньеру.

Оказалось, что Рейн уже проезжал по этой дороге, и теперь он

рассказывал мне о том, что видел и что будет впереди. Кстати, одну он меня больше никуда не отпускал. А командир гвардейцев ньер Кийт выглядел сконфуженным. Не знаю, что сказал ему Рейн... но муж был в своём праве. Лейтенант недоглядел, и его подчинённый попытался напасть на тех, кого был обязан охранять. Сам рыжий бесследно пропал. Я спросила о нём Холта, тот ответил так:

— Как только срастутся кости, у него будет выбор. Он может уйти со службы, но тогда пойдёт под суд. Причём это дело деньгами замять не удастся, я позаботился. Либо же он отправится на службу в одну из дальних горных крепостей. Посидит по шею в снегу лет восемь-десять, поразмыслит.

Я кивнула. Справедливо. Ведь будь я обычной женщиной, а не магиней, и не явись вовремя муж, этот насильник мог бы сломать мне жизнь.

Ссэннасс потихоньку привыкла к дороге и теперь большую часть времени сидела у меня на коленях, таращась в окно. Мне полагалось объяснять то, чего она не понимала. Если я неправлялась, на подмогу приходил Холт. Особенно ларру интересовали звери и птицы — первый орущий на заборе петух произвёл настоящий фурор.

Соль большую часть времени в карете спала. Похоже, ей не слишком нравилось, что из-за тряски и качки было невозможно держать равновесие. И дочка наверстыvalа своё по ночам — оказавшись в устойчивом месте, брыкалась, переворачивалась, скидывала одеяльце, пыталась поднимать головку, махала руками, ловя ларрин хвост, агукала и вообще выступала как могла. Не знаю, когда спала Ссэннасс, но нянькой она оказалась незаменимой — приочных бдениях у колыбели Соль и неумении спать сидя я бы за пять дней нашего пути озверела похлеще мужа.

* * *

Когда до Сафрины остался всего один дневной перегон, муж задумался — отпустить конвой или рано? С одной стороны, мы почти приехали. С другой, последний участок пути был трудным и даже опасным — съезд, вернее, сползание, по крутой вившейся серпантином дороге с плоскогорья на побережье, где и раскинулась Сафрина. Поразмыслив, Холт решил, что добавочная страховка в виде нескольких гвардейцев лишней не будет.

Ночевали мы в придорожном трактире в небольшой деревушке

Сайлине — последней перед спуском с плато к побережью. Хозяин сказал, что отсюда в ясную погоду отлично видно полосу Ирнайского моря на востоке и красные крыши города. Может быть — вчера мы приехали уже в сумерках, и проверить это утверждение не представлялось возможным.

В данный момент Рейн, в белой рубахе и серых холщовых штанах, повернувшись ко мне спиной, брился у окна, а я, сидя на постели, кормила дочку и, пока он не видит, ела мужа глазами. Длинные ноги и узкие бёдра — это красиво. Да и вообще, чем дальше, тем симпатичнее казался мне Холт. Правда, обратной стороной этой медали стали растущие сомнения в собственной привлекательности.

Из мечтательно-созерцательного состояния вырвал стук в дверь. И кого там спозаранку принесло? Не челядь — до завтрака ещё почти час. Тогда кто? Поднявшись, отошла за ширму в угол — не в том я виде, чтобы перед посторонними дефилировать.

Холт отпер дверь. Оказалось, прискакал нарочный из Сафрины. В чем дело, сам посыльный не знал, просто вручил Рейну письмо, ловко поймал серебряную монету и исчез.

Прочитав послание, Рейн присел к столу и забарабанил пальцами по столешнице.

— Сита, послушай. Перед отъездом из Паэнни я связался со старым знакомым в Сафрине. Думал, погостим у него, как у Лена, — у этого ньера на окраине города большой особняк с садом и видом на залив. Но, похоже, придётся искать другое место. Ньер Бернали пропал.

— Как пропал? — заморгала я на мужа, укладывая уснувшую Соль в корзину и прикрывая дочку байковым одеялом.

— Пока не знаю. Вышел из дома три дня назад и исчез. Письмо для ньера Холта с наказом отправить его мне навстречу по этой дороге, если что-то случится, он написал заранее. Выходит, чего-то в этаком духе и ожидал.

— А что в письме?

— Ничего конкретного. Про сложные обстоятельства и извинения, что не может быть мне полезен.

— Обтекаемая формулировка. Звучит так, словно он испарился сам, по собственной воле. Во избежание чего-то.

— Возможно. Например, угрозы для близких или собственной жизни.

Холт шагнул к окну, выглянул наружу:

— Лейтенант Кийт! Погодите седлать коней! Мы задержимся тут ещё на час. — Обернулся ко мне. — Давай-ка сядем и спокойно помозгуем. Не нравится мне всё это...

Надо сказать, меня непонятности, начавшиеся ещё на подъезде к городу, тоже встревожили. А если учесть, что я снова не могу магичить, получалось совсем несимпатично...

— Сита, что?

— Ничего хорошего, — вздохнула я. — Я же без магии. Могла бы колдовать — взяли бы какую-нибудь личную вещь ньера Бернали, и я бы сказала, жив он или мёртв, находится далеко или близко. Да даже по письму — оно же написано от руки им собственноручно? — можно бы было что-то выяснить. А так — сиди и гадай. Как думаешь, что произошло?

— Что угодно, — пожал плечами муж. — Я знаю его недостаточно хорошо. И он, кстати, не имеет понятия, кто я. Для него я — столичный чиновник ньер Холт из центральной налоговой инспекции. Кстати, Холт — одно из моих имён со стороны отца. Я им пользуюсь на службе.

— Что значит «одно из имён»? — ошеломлённо уставилась я на мужа. За кого я вышла замуж-то? И вышла ли?

— Не волнуйся, женаты мы по-настоящему, — Рейн, как всегда, видел меня нас kvозь. — Про имена позже. — Ехидно прищурился, фыркнул: — А если б ты решила развестись, я бы и разговора этого не завёл. Было бы ни к чему. Так о Бернали. Может, задолжал кому-то денег и бегает от кредиторов. Может, личные дела — он не беден и при том не женат. Может, влез во что-то незаконное. И — самое плохое — если что-то стало известно обо мне и цели нашего приезда.

Замолчал, давая мне время обдумать сказанное.

За окном заржала лошадь. Я ската пальцами виски, пытаясь понять, с какой стороны подступиться к проблеме. Ладно, пока отложим тот факт, что, оказывается, я не знаю толком, кто мой муж, и вернёмся к насущному:

— Рейн, что мы будем делать?

— Вот думаю. Вообще, надолго задерживаться в Сафрине я не планировал. Смотри сама — порт служит лишь для одной цели — каботажных перевозок между Таристой и Симирией на другом берегу Ирнайского моря. В Симирие, как ты знаешь, заканчивается большинство сухопутных путей с востока. Шёлк, шианская длинноворсовая шерсть, даласские клиники, ковры, корица, мускат и ладан — всё везут оттуда. Ну и более утилитарные вещи — рис, овечьи сыры и конскую колбасу. И пиратам тут особо разгуляться негде. Зато есть другое — с востока же идёт опий. Некое количество было, есть и будет всегда. Но нужно присматривать, чтобы ручеёк не превращался в реку. Я тут думал и так, и эдак — кому нужны пираты? Что они дают? Ведь у нас не два-три

капитана, решивших быстро разбогатеть любой ценой, а организованный промысел в масштабах страны. И выходит, что пиратство приводит к двум вещам: расшатывает внутреннюю стабильность и устойчивость Таристы — это раз. И приносит кому-то кучу денег — два.

— Наркотики делают то же самое, — сообразила я.

— Правильно. Вот я и решил взглянуть своими глазами на город. Узнать, много ли чиновников сменилось за последние несколько лет, как вообще тут обстоят дела... Понимаешь?

Понимаю. Если по канавам и подворотням валяются накурившиеся моряки и просто левые ньеры, значит, ручеёк превратился в реку. И, наверняка, есть много других способов разведать обстановку, о которых я просто не знаю.

— Рейн, а разве у короны нет агентов в крупных городах?

— Есть. Но личный контроль ничто не заменит. Бывали случаи, и неоднократно, когда разленившиеся агенты, вместо того, чтобы ловить мышей, писали отсебятину. Ну, чтобы не потерять жалование. Или не замечали очевидного. Но ещё хуже двойные агенты... представляешь, о чём я?

Наверное, представляю. Но если одна сторона — корона, то кто — вторая?

— По-разному. Местные преступные группировки, например контрабандисты. Та же Андарра, которая мечтает перехватить часть нашей торговли. Чиновники, расхищающие выделенные на строительство деньги... Заинтересованные лица всегда есть. Но мы опять не о том. Нужно понять, что делать дальше.

— А ты должен туда ехать срочно? — заглянула я в серьёзные серые глаза. — Если бы мы остановились где-то или, например, отправились погостить в Виэнию, к учителю Расселу, и там подождали, пока пройдёт наше непонятное состояние. Чтобы ты снова стал собой, а я могла помогать тебе магией...

— Хорошо бы. Но такая задержка нежелательна. Подумай, сколько арестованных из Салерано и Паэнни дожидается нас в столице. Следует разобраться с ними как можно быстрее и решить вопрос с пиратством раз и навсегда. Кстати, насчет Паэнни. Ты поняла, что там нам удалось вообще не засветиться? — Усмехнулся. — Негоциант ньер Раиндэлл лен Холт, гостивший у старого друга ньера Сертано, никак не связан ни с арестами в городе, ни с отстранением от работы начальника порта, ни с тем, что полдюжины кораблей перейдут короне, а их экипажи отправятся в колонии без обратного билета.

Я задумалась... А ведь и вправду. Приехали, уехали... занимались семейными делами. И всё! Те, кому известна истина — Лен и Брай, — будут молчать.

— Тут ты тоже хочешь так?

— Хотел бы. Но сейчас не очень понимаю, как такое провернуть. В данный момент у меня есть острое желание посадить тебя в карету вместе с дочкой и отправить в твою Виэнию, под присмотр ньера Дилэнси.

Ага. И остаться один на один со своими демонами и снами о плавающих по морю северянах с топорами. Нет, не пойдёт.

— Вместе, Рейн. Только вместе, — улыбнулась я мужу. — А не нравится — отведи меня в ближайший Храм и разведись.

— Придумаешь безопасный способ — возьму с собой. Не придумаешь — отошлю в Виэнию, — Рейн поджал губы.

Как бы отучить его решать за меня?

— В гостиницу или пансион нельзя, там с бумагами не поработаешь, — начала рассуждать я вслух. — Надёжных знакомых у тебя тут больше нет, иначе бы ты сказал. Значит, снимаем дом. Только своё жилье — это две проблемы. Первая — безопасность. Но её можно обеспечить аккуратным выбором — найти дом в хорошем спокойном квартале и без панорамных, куда карета въехать может, окон на первом этаже. А второй вопрос — как вести хозяйство. И тут я могу помочь. Магии у меня нет, зато знаешь, как я умею торговаться на рыбном рынке? — сглотнула смешок, когда лицо Холта вытянулось на два пальца сильнее обычного. — Ну да, пока замужем была, пришлось мне развивать и такие нестандартные для ньер таланты, — усмехнулась. — Вот что скажешь, если ты изобразишь налогового инспектора, присланного просмотреть ждущие проверки бумаги, а я буду всего лишь твоей служанкой? Ведь так безопаснее? Кому нужна прислуга? Она ничего не знает и ничего не стоит.

— Ты готова пойти на унижение, чтобы быть рядом со мной? — Лицо замкнуто, глаза прищурены, спрашивает серьёзно.

Хмыкнула про себя. Нет, только мужчина может увидеть героизм в том, чтобы принести рыбу с базара. Но произнесла совсем другое:

— Безо всяких сомнений. И понимаю, на что иду, — ведь я так уже жила. С Андреасом. Только тут я знаю, зачем и ради чего и кого это делаю. А кто там косо поглядит, беспокоит меня меньше всего.

Он улыбнулся уголками губ, чуть качнул головой. А потом вдруг расхохотался и стукнул себя по лбу ладонью:

— Дошло! До меня дошло! Ты затеваешь всё это, чтобы не носить новые платья!

Шутка разрядила напряжение.
И у нас появился план.

Моя инициатива обернулась немилой обязанностью. Ясно, что шёлковых нарядов, отороченных сиранским кружевом, прислуге не положено. Значит, мне предстояло сделать то, от чего я до сей поры успешно отлынивала, поскольку шить не любила, и подогнать по фигуре три-четыре моих семинарских платья. Расставить в груди, ушить в талии. Задумалась, а нельзя ли в талии просто подпоясать — кто на служанку станет смотреть? Купить чуть понощенную соломенную шляпку — и всё — статус изменился, ни один богатый или благородный ньер не взглянет на тебя дважды.

Зато плюсы в новом положении тоже имелись. Так же субъективные... но от того не менее приятные. Готовить мне нравилось, и даже очень, и Холт с этим моим талантом ещё не сталкивался. Соваться на кухню дома в Салерано, где всем заправляла тетушка Бетани, да ещё когда сама на позднем сроке беременности, было чревато сразу в двух смыслах. В особняке Лена мне тоже проявить себя было негде. Но если тут будет свой дом с настоящей кухней... Прикинула, чем могу удивить мужа? Интересно, ему понравится моя готовка? Мою стряпню хвалил даже Андреас.

— Так, — Холт строго взглянул на меня. — Сейчас трое гвардейцев переодеваются в штатское и едут с нами. Остальные ждут их возвращения здесь. Спускаемся в долину, там я оставляю тебя и Соль под присмотром Кийта в ближайшей к городу таверне. А сам с парой сопровождающих еду искать подходящий дом. Как найду — перевезу вас туда. Всё ясно?

Кивнула. Главное — я, то есть мы с Соль и ларрой, — едем с ним. Остальное — бантики на юбке.

— Да, переоденься прямо сейчас.
Да разве я возражаю? Даже интересно.

Жильё для нас, на мой взгляд, Холт подобрал очень удачное. Муж снял второй этаж симпатичного жёлтого оштукатуренного дома на стыке богатого аристократического и торгового кварталов. На первом этаже здания красовалась вывеска большого ювелирного магазина «Драгоценности Петронио: кольца, цепи, броши».

У приглянувшихся мужу апартаментов над ювелирным имелся отдельный вход, куда вела крутая каменная лестница. Раньше тут жил владелец магазина. Но дела пошли в гору, и недавно ньер Петронио купил себе особняк неподалеку. Куда и перебрался с семьёй. Освободившийся же

этаж решил сдать, и Холт как раз успел первым.

Привлекло мужа то, что в ювелирном всегда — днём и ночью — дежурила охрана с собаками. А мимо не реже, чем раз в час, проходил полицейский патруль.

Отдавая ключ от солидной, обитой железными полосами входной двери, ньер Петронио — пожилой плотный мужчина с седыми бакенбардами, покатыми плечами и острым взглядом — разглядывал нас пристально почти до неприличия. Только что в лупу не рассматривал и ногтем не ковырял. Я, потупив глаза, скромно стояла сзади с корзиной с малышкой в руках, слушая объяснения Холта, что я — недавно овдовевшая дочь его кормилицы, которую он взял с собой, потому что уверен в моей надёжности. Вы же понимаете, как важна надёжность и добропорядочность при службе у человека, работающего с документами государственной важности?

Сам Холт сейчас был одет в невзрачный, кофейного цвета камзол с роговыми пуговицами, на ногах — коричневые грубоватые башмаки с чёрными пряжками. Дополняла образ типичного чиновника средней руки чёрная фетровая, чуть ношенная шляпа. Я не узнавала мужа — казалось, что сменив костюм, тот сменил личность. Теперь передо мной был занудливый, въедливый, неприятный тип с выпирающим и лезущим из всех дыр чувством собственной важности. Незнакомец, да и только! Хотя с таким и знакомиться не захочешь...

Ньер Петронио огладил раздвоенный подбородок — кажется, он относился к подоходным декларациям без пieteta и документами государственной важности их не считал. Тем не менее удостоверение столичного налогового инспектора, которое предъявил Холт, сыграло свою роль. Ювелир вытянул из бокового кармана чёрного сюртука золотую массивную цепь, отстегнул от кольца один из ключей — я оценила затейливость бородки — и передал его Холту. После чего ньеры раскланялись, и сделка была завершена.

— Плату за месяц он потребовал вперёд, — усмехнулся муж, глядя в спину удаляющемуся ньеру Петронио.

Вселение много времени не заняло. Почти все наши вещи в дорожных сундуках растаяли за горизонтом вместе с Кийтом и каретой. Себе мы оставили только по одному хорошему платню на всякий случай. Зато я обзавелась поношенной соломенной шляпкой и грубыми тупоносыми потёртыми башмаками из свиной кожи. А кольцо с пальца повесила на длинном шнурке на шею, спрятав под воротник, — тут его никто не увидит.

Я с интересом рассматривала бывший дом ювелира. Четыре доставшиеся нам комнаты были частично меблированы, хотя мне обстановка казалась тяжеловесной. Избыточно основательной. Некоторых предметов не хватало — только на тёмном паркетном полу виднелись следы ножек или квадраты пыли — похоже, фамильное, или наиболее ценное, или самое любимое ньер Петронию взял при переезде с собой. На забранных частыми решётками окнах висели тяжёлые бархатные шторы. На письменном столе из тёмного дерева можно было устраивать армейские учения. Или использовать этот стол в качестве тарана при сносе вражеских крепостей.

Из удобств в нашем новом жилье имелась чугунная ванна, воду для которой нужно было греть на дровяной колонке, и очень неплохо оборудованная кухня. Кроме большой печи, там обнаружился буфет, полный приличной фаянсовой посуды, три кастрюли разного размера и пара сковородок. И даже кое-какие припасы вроде соли и муки в шкафу.

Спален имелось две, и Холт настоял на том, что ночевать мы будем в разных комнатах. Я понимала опасения мужа. Две ночи назад ему опять привиделся рыжий бородач с топором, и вылилось это в то, что лежащий за моей спиной Холт, не просыпаясь, вцепился руками в пояс моих панталон, рванул — и пояс лопнул! От треска ткани проснулись мы оба. Муж пришёл в ужас. Я постаралась спрятать страх и, наоборот, высказалась в том плане, что мне приятно его внимание даже в такой оригинальной форме... но правда была в том, что Холт одним рывком разорвал широкую корсажную лету,вшитую в пояс, чтобы тот не деформировался. А ведь на корсажной ленте можно корову повесить — и выдержит! Выяснить на себе, что берсерк способен сотворить в запале с женщиной, мне не хотелось. Тем более что лечиться или защищаться магией я сейчас не могла.

Но, с другой стороны, мне было одиноко и как-то обидно. Что он творит? Всё же слишком резко. Отталкивает, отталкивает... а я ведь тоже не железная. Однажды мне покажется, что я ему не нужна... на том всё и закончится. Ещё одна несчастная любовь, ещё один неудачный опыт...

И, наконец, я знала, что взрослым здоровым индивидуумам сильного пола нужна близость с женщинами. Иначе мужчины становятся раздражительными, нервными... вот как сейчас Холт. В дороге я как-то поинтересовалась, округло сформулировав вопрос, давно ли в последний раз Рейн тесно общался с ньерами? Тот заломил бровь и с любопытством уставился на меня. Может, приличные жёны о таком мужей не спрашивают? Помолчал, помолчал, но потом всё же оборонил, что муж, ценивший своё супружеское право, не станет ходить налево. Я поняла

сказанное так, что с тех пор, как мы поженились, то есть уже несколько месяцев, он воздерживается. Вот насколько это влияет на его взвинченность?

И можно ли как-нибудь его развинтить без опасности для жизни?

Устроив у себя в комнате Соль и покормив дочку с ларрой, занялась постельным бельём. Ссэннесс ходила за мной хвостом, с интересом тыкаясь во все углы. Потом запрыгнула на шкаф и исчезла в потолке. Понятно — отправилась исследовать чердак.

Я пошла на кухню. Холт потоптался вокруг, потом неожиданно поцеловал меня в щёку — я удивилась, до сих пор такие нежности в ходу у нас не были — и сообщил, что уходит по делам. Ведь правильный педант-инспектор должен потребовать свои бумажки сразу по приезде и постараться в кратчайшие сроки надоест всем так, чтобы эти все сделали всё мыслимое и немыслимое, лишь бы отвязаться от докучливого зануды.

И, уже стоя на пороге, поинтересовался напоследок, всего ли мне хватает? Не надо ли чего-нибудь купить для меня, Соль или дома?

Я сглотнула. Андреас отучил меня обращаться за помощью. А тут мне её предложили. И как поступить? Несомненно, приятно. Но должен ли хозяин сам ходить за покупками? Или это — забота служанки? Попыталась вспомнить, как вёл себя Холт в Салерано. Вроде там на рынок или по магазинам он не рвался. Значит, это предложение лично для меня. Но, наверное, стоит отказаться, объяснив, что я не хочу рушить наши легенды. Только надо это сделать так, чтобы дать понять, что я оценила его любезность, что мне она приятна и что я с радостью буду прибегать к его помощи в будущем.

Начала я с того, что подошла к мужу, закинула руки ему на плечи и сказала то, что думала:

— Главное, возвращайся быстрее сам.

В результате меня поцеловали снова. Уже не в щёку. А потом прижали к стене, и через минуту мы оба дышали так, будто три раза обежали вокруг Сафирны по кругу.

— Знаешь, мы же впервые с тобой действительно наедине. Одни во всём доме. Ты и я. Си-та-а...

— Ох, Рейн...

— Не знаю, как мы будем жить. Не знаю, как я выдержу...

Его губы обжигали мою шею, а рука комкала юбку, задирая подол выше и выше. Я запустила пальцы в его волосы, чувствуя, как колотится сердце и подгибаются колени. Внезапно он отстранился:

— Прости. Мне нужно идти. Вернусь через пару часов. Запри за мной дверь!

И сбежал.

Вздохнув, я отправилась в ванную. Решила, что нагрею воду и вымоюсь с дороги. И искупаю Соль. А потом сяду и напишу список того, что нужно купить. А завтра с утра пойду на рынок. Давно я там не была!

Холт вернулся, как и обещал, через два часа. Причём все же завернул по пути в трактир и прикупил пару уже жареных цыплят, свежего хлеба и небольшой бумажный пакет с молотым кофе. Последний — на утро.

Документы обещали доставить завтра спозаранку. Холт усмехнулся, сказав, что допёк всю местную инспекцию придирками, нравоучениями, чтением параграфов из налогового регламента и прочим занудством за полтора часа так, что его недовольство выделенным письменным столом и каприз по поводу работы дома были встречены чуть ли не аплодисментами присутствующих.

Я ответила тем, что сообщила, что в ванной мужа ждёт бак горячей воды и чистое полотенце, и есть свежий чай, правда, без сахара, и — не ах какие — но горячие блины. А куриц я сейчас разогрею.

Первый наш день в Сафрине закончился собачьей истерикой пополам со смачной мужской руганью снизу — это Ссэннесс пошла на разведку в ювелирный магазин. Не знаю, видели её псы или просто чуяли, но, похоже, ларра нашла себе забаву. Пришлось сделать внушение, чтобы больше не хулиганила, — а то выгонят нас — и что тогда? Ссэннесс пообещала, что лая больше не будет. И скромно ушла в стенку.

Весь вечер мы с Рейном косились друг на друга. Когда вместе ужинали, когда просматривали мой список покупок, когда вдвоём ахали над Соль — та уверенно начала держать головку. И, кажется, намеревалась в кратчайшие сроки научиться ползать. Правда, почему-то задом наперёд. После того, как я накормила дочку и позаботилась о ларре, настала очередь Рейна.

Эта странная вечерняя близость, оправданная и как бы узаконенная кудесником Сильванусом, смущала и одновременно доставляла удовольствие нам обоим. Рейн не просто пил меня — целовал, ласкал, говорил слова, которых я никогда не слышала раньше. И не думала, что их заслуживаю. О том, что мои ладони, как крылья голубки. Что моя кожа нежнее шёлка, а пахнет весенними цветами. Что мои волосы — это

шёлковые сети, в которых запуталось его сердце. И что красивее женщины он не видел...

Кажется, его немного забавляло моё смущение.

Но прежде мы всегда держались в рамках. Точнее, в рамках держал себя Рейн, потому что боялся потерять самообладание. А я стеснялась, зная, что в любой момент к нам могут постучаться посторонние. Но теперь мы остались наедине, вдвоём во всём доме. Может быть, нам хватит изводить себя и нужно все-таки рискнуть? Если Рейну это поможет стать спокойнее, расслабиться... Ему же надо...

— Миф, — улыбнулся муж. — Удобный миф. Ты думаешь, каждый муж беременной жены, которая уже не может исполнять супружеский долг, задрав хвост, кидается искать другую юбку? А если бы мы не встретились, ты завела бы себе ньюера для приятного времяпровождения? — поднял голову, посмотрел на мою возмущённую физиономию, усмехнулся. — Вижу, ответ написан на лице. А почему ты о нас думаешь хуже? У большинства мужчин избирательность не меньше. Вот мне нужна ты, и никто другой. И я готов подождать.

— Рейн, я не верю, что ты сделаешь мне больно. А если сделаешь — я прощу. Потому что не ты заставляешь меня быть с тобой, это — мой собственный выбор. И потому, что я тоже люблю тебя.

— Сита, нет. Я уже понял кое-что насчёт тебя и отвечаю — нет! Ссэнасс советует подождать, и я согласен. Пока мыходим с синюшными спинами, думай о нас, как о женихе с невестой, — засмеялся, — ведь этот этап мы как-то пропустили. Хватит того, что я каждый вечер творю с твоей грудью. Мм-м... — губы переместились к шее, — ... и не только с ней.

Я попыталась отпихнуть его. Разговаривать, когда происходит такое, было просто невозможно. Не удавалось даже думать. А узнать хотелось:

— Рейн, Рейн... Что ты имел в виду, когда сказал, что кое-что насчёт меня понял?

Спросила и тут же пожалела. Сейчас ответит, что уже понял, что я — бесчувственная, но его это устраивает. Или не устраивает. Что так, что эдак — плохо.

— Понял, что твой первый муж был ещё тупее, чем я думал. Прости, подробно объяснять не стану. Если доживём — покажу.

Совершенно непонятно, зато оптимистично. Особенно последняя фраза.

— Сита, — он улыбнулся, — у тебя уже ребёнок, но при этом в некоторых вещах ты осталась девочкой. Потерпи...

Ладно. Я гладила пальцами его плечи, перебирала чёрные волосы,

прикасалась к лицу, и меня это всё вполне устраивало. Я бы даже не возражала, если бы дети появлялись от поцелуев — в исполнении мужа они мне очень-очень нравились.

— Отпускай меня — я пойду.

— А если мне приснится страшный сон? — улыбнулась я.

— Сита, ну что ж ты делаешь? Ты же видишь, что я не хочу уходить. Вот только боюсь, что сам могу оказаться страшнее любого кошмара. Знала бы ты, о чём я думаю, когда целую твою грудь. Причём, — он чуть напрягся, — кажется, не все мысли мои. Например, сегодня пришли в голову два способа, о которых я раньше не слышал.

Вроде шутка, а вроде и нет.

— Ну, если такое пришло в голову, вывод однозначен: тот, кто делится с тобой актуальными знаниями, — человек, мужчина. Я бы сказала, что это уже здорово. Что не чудо-юдо какое и не голосящая по утрам из окна малохольная дева.

— А как ты относишься к рыжим?

— Которые знают много способов? — опустила я ресницы.

— Сита!!!

Мой муж-брюнет внутри рыжий. А снаружи — синий! — вздохнула я, глядя на спину поднимающегося с кровати Холта.

— Стой!

— Сита?..

— Дай посмотрю на пятна. Что они побледнели ещё немного — вижу. Но мне кажется, что края как-то изменились. Контуры, что ли, стали чётче? Присядь, погляжу.

Уверенности не было. Так что я постаралась как следует запомнить текущее положение дел, чтобы впредь следить аккуратнее.

Потом Холт разглядывал мою спину. Я перекинула волосы на грудь и смирно сидела, обняв колени. Он гладил кончиками пальцев позвоночник, водил вокруг. Я ёжилась. Пока не трогаешь — вроде ничего, не так уж и чешется. Но стоит прикоснуться — и зуд становится почти нестерпимым.

— Моя голубая жена. А если без смеха, ты тоже побледнела. И пятна — ты права — их границы меняются. Часть ещё расплывчата, но часть стала выглядеть чётко, как проведённая толстым карандашом линия.

Так и эдак. И как — хорошо? Вот бы знать...

Пару раз я ловила себя на желании написать о том, что произошло в катакомбах, учителю. Спросить совета. Даже бралась за ручку. И каждый раз откладывала её в сторону. Потому что творящееся со мной и Рейном казалось чем-то очень личным, почти интимным. И как практически

невозможно заговорить о нескромных недомоганиях даже с близким человеком, так и тут — я не находила слов... Зато потом нашла предлог или причину, почему стоит промолчать. Если всё закончится ничем — так и говорить не о чём. А если что-то выйдет, то не стоит доверять секрет такого масштаба бумаге и почте. И становиться предметом для любопытства всех последователей Сильвануса. Быть двухголовым телёнком в кунсткамере не хотелось совершенно.

Так что нашим главным научным консультантом оставалась Ссэннесс.

Меня это вполне устраивало. Кто ещё может взглянуть на проблему изнутри?

Рейн закончил меня разглядывать и придинулся вплотную. Обнял. Сейчас я сидела в кольце его рук и ног, он дышал мне в ухо. Потом твёрдая ладонь поднырнула под мою руку, приподняла грудь. Большой палец погладил сосок. Муж коснулся губами мочки уха: «Си-и-та...»

Он снова целовал мою шею и плечо — медленно, тягуче, сладко. И опять наши сердца колотились, как сумасшедшие. Вторая ладонь сползла на живот, потянула шнурок панталон, распуская узел, скользнула в них. Я зажмурилась...

И тут он остановился. И со стоном резко от меня отодвинулся.

Я обернулась к нему:

— Рейн?..

— Сита, Сита... Ты такая нежная, доверчивая, послушная. Как я могу? Как?

Что тут скажешь? Постараюсь быть ещё и терпеливой. Когда-нибудь это кончится.

Когда Холт ушёл, из-под кровати вынырнула Ссэннесс. Запрыгнула на одеяло, потопталась, выбирая место, и улеглась носом ко мне. Лап сейчас было почему-то пять.

— Хороший дом. А ты — шшишди...

Жду.

Глава 3

Труд кончается, но хорошо выполненная работа не пропадёт.

Катон Старший

Бумаги привезли, как и обещали, на следующее утро. Холт учинил целое представление, гоняя доставивших их местных инспекторов. А попутно просветил нас всех, что и ящики неудобные, и почерк у писарей нехорош, и рассортировано всё не так, как следовало бы... В общем, думаю, часто тревожить нас не станут.

Я копалась на кухне, соображая, чем мы будем питаться. Хотелось обязательно угостить Рейна тремя особенно хорошо удававшимися мне блюдами — пряным мясом в горшочках, песочными пирожными со взбитыми сливками и цукатами и — хмыкнула — жареной миреньей. Но в данный момент о деликатесах речь не шла, вопрос стоял просто и остро — было неясно, из чего готовить завтрак. В общем, беру корзину, спрашиваю у Холта, где тут ближайший рынок — наверняка ведь знает, — и топаю туда. А пока делаю нам по бутерброду из остатков вчерашнего хлеба и курицы. И кофе. Без молока и сахара.

Перед тем, как выйти из дома, села напротив зеркала. Нужно было заплести волосы. И тут имелись нюансы.

Благородные ньеры предпочитали высокие прически с пучками или падавшими на шею локонами. А вот крестьянкам и прислуге полагалось носить косы. И не просто косы — по плетению на голове можно было понять, откуда родом хозяйка. Например, на крайнем юге Таристы принято было носить одну косу, начиная её с макушки, и вплетая новые и новые пряди. А в предгорьях Сиррано предпочтение отдавалось двум косам на прямой пробор. Иногда коса подвязывалась петлёй, так называемой баранкой, или укладывалась короной вокруг головы. Иногда косичек было несколько, а затем они объединялись в одну. Мы с Вилькой потратили несколько месяцев, рассматривая селянок на базаре в Виэнии и копаясь в библиотеке — нам приспичило составить каталог народных причесок родной страны. Затея провалилась с треском. Точнее, мы махнули на неё рукой, после того как поговорили на рынке с парой колоритных особ из соседних деревень. Только у одной на голове красовался хитро

заплетённый кукиш, а у другой коса начиналась от линии волос, потом делилась на две и крепилась за ушами. Выяснилось, что между разделёнными речушкой шириной в три шага селениями идёт давнее соперничество, и разный фасон причёсок — тоже предмет соревнования — кто придумает позатейнее.

— Рейн, откуда я родом? — обернулась я к прихлебывающему кофе мужу.

— Из Кансары. Помнится, ты так говорила. — Он удивлённо уставился на меня.

Спасибо, напомнил. В следующий раз спрошу, как меня зовут. Интересно, что ответит?

— Ты не понял. Я — твоя служанка. Откуда столичные господа берут прислугу? От этого зависит причёска.

— Аа-а, ты о косах? Ну, давай, будешь из Лизардии — это две косы корзиночкой. Как, подойдёт?

Ух ты! Он это знает! Хотя чему я удивляюсь... если он — сыщик, то знает и не такое.

Дежавю. Я, в старом синем платье и поношенных башмаках, топаю вверх по крутой булыжной мостовой, а в руках у меня корзина, из которой торчит хвост миреньи...

Учитель оценил бы юмор ситуации.

Собственно, корзин было две. В другой лежали яйца, помидоры, дюжина красных яблок, зелень, два круга копчёной колбасы, хлеб. А в первой, кроме миреньи, пакеты с крупами, бутыль с маслом, бутыль с молоком, коса лука и остальное, чему запах чудесной рыбы не страшен. В результате возник некий дисбаланс, попросту говоря, перекос — правая корзина оказалась заметно тяжелее левой.

Я планировала отнести всё домой, разгрузиться, покормить Соль, передохнуть, приготовить мужу обед и сходить на рынок во второй раз — прикупить картофеля, сахара и далее по списку. В принципе, можно было управиться за одну ходку, если взять посыльного. Но служанке не прилично транжириТЬ деньги хозяина, не для того он её нанимал. Так что будем таскать всё ручками. Кстати, мне не вредно, засиделась я дома. «Крылья голубки» — это мило, но несколько непрактично.

В результате до вечера я убегалась так, что валилась с ног. Но была вознаграждена восхищённым «Мм-м!!!» Холта, смаковавшего за ужином нежную розоватую мякоть миреньи с гарниром из жаренного ломтиками золотистого картофеля и колечек сладкого красного лука.

— Что это? Потрясающе!

— Нравится? — поинтересовалась я.

— Мм-м... — взяточно ответил муж, отправляя ещё один ломтик в рот и прикрывая глаза. — Так что это?

— Доешь — скажу, — улыбнулась я, подцепив вилкой очередной сочный розовый кусочек.

Холт фыркнул. Серые глаза иронично прищурились на меня. Кажется, догадался сам.

— Ну он и дурак!

Точно, догадался.

— Угу, — согласилась я.

— Сита, спрошу о другом. Просматривал я сегодня декларации. И понял, что не знаю, на что обращать внимание. Если у тебя завтра по хозяйству дел не очень много, посиди, как освободишься, со мной. Или туттишь да гладь... или я слепой.

— Я бы сказала навскидку, что здесь надо искать не корабли, которые как «Чайка», приходят перегруженными, а, наоборот, смотреть за теми, кто бегает туда и обратно полупустыми. Наверное, такие возят что-то, кроме занесённого в бумажки. И это что-то окупает хлопоты.

— Разумно. Попробую приглядеться с этой точки зрения. — Посмотрел на опустевшую тарелку: — Добавка миремни есть? Потрясающая рыба!

* * *

— Иногда, чтобы сделать что-то одно, нужно заняться совсем другим, — заявил мне Рейн на следующее утро.

— Это как? — удивилась я.

— Не знаю, как работает мозг, но когда есть сложная задача, к которой не знаешь как подступиться, разумно отложить её в сторону, и она крутится, крутится где-то там на заднем плане... а потом неожиданно ты понимаешь, что решение — вот оно!

Задумалась. А ведь у меня тоже так бывало! Моешь окно — и вдруг приходит в голову, как перевести строчку магической формулы, над которой накануне страдала два часа. Или, наоборот, читаешь гrimuар — и ни с того ни с сего соображаешь, что забыла купить на рынке.

— И чем ты хочешь заняться? — спросила я мужа.

— Полистать твой учебник. Попросил бы один из семейных

гримуаров, но для меня там страницы пусты. Пришла в голову мысль, что если посмотрю, какие есть заклинания и что с ними можно делать, смогу придумать, как лучше использовать твои таланты.

— Я сама хотела поискать в книгах всё, что есть об одержимости. Конечно, это не совсем твой случай... но лишнее знание никогда не помешает. Как твой рыжий — снится?

— Хорошо, что спросила. Я вспомнил, что видел во сне руки. Свои руки. В наручах. Давай-ка, пока помню рисунок, сяду и зарисую. Может быть, потом пригодится... Кстати, а тебе ничего на новом месте не привиделось?

Я покачала головой — ничего необычного. Кроме самого Холта. Но об этом лучше промолчать.

Но хорошая мысль — собирать детали сновидений. Можно будет и судить об их истинности, и по подробностям попытаться отследить источник. Ну, и если Рейн убедится, что снится ему не злыдень какой, может, и у нас всё наладится.

Рейн подошёл к окну, выглянул наружу.

Наша улица поднималась от гавани вверх, через торговый квартал к району, где за высокими каменными оградами стояли утопающие в зелени особняки знати. Называлась она красиво — Суалибили — улица Звенящих Утренних Колокольчиков. Вообще, часть названий в Сафрине была не таристийской — когда-то на этом месте жили совсем другие, приехавшие с востока люди. Но никого это смешение языков не смущало. Из-за рельефа улица Колокольчиков изгибалась, так что парадные окна дома, как и вход магазина внизу, выходили на юго-восток. Из спальни Холта и кабинета, через крыши домов впереди, была видна бледно-голубая полоса моря. Окна двух других комнат и кухни смотрели на северо-запад, в сторону предгорий. Это если поднять взгляд. А так можно было наблюдать бытовые сценки на чужих задних дворах. Например, вчера я мельком видела, как через двор от меня какая-то молодуха тайком, спрятавшись за развесанными на просушку пододеяльниками, целовалась с разносчиком бакалеи — свой лоток парень оставил под ближайшим кустом. А налюбовавшись на чужие шуры-муры, я убила десять минут, глядя, как рыжий котенок пытается подкрасться к голубю... В общем, неплохое расположение окон — в доме весь день светло и есть на что глазами похлопать. Хотя летом актуальность бархатных штор явно чувствовалась.

— Сита, погода портится. Всё же уже осень. У тебя есть тёплые вещи? И зонт?

Упс. Старый коричневый зонт — как раз подходящий для прислуги —

у меня имелся. А вот платья для зимы не очень годились. Самое плотное, синее, было полуsherстяным. И что хуже, у Соль тоже не было ничего теплее байкового одеяльца.

— Рейн, я видела на краю рынка ряды с одеждой. Давай быстро сбегаю, куплю шали себе и Соль.

— Сначала присядь, нужно поговорить.

Я опустилась на край стула и настороженно уставилась на мужа.

— Послушай, я готов вечно выдавать тебе по сорок серебрушек в неделю, если это делает тебя счастливой. Но всё же я думаю о тебе как о жене. И надеюсь, что ты станешь моей женой по-настоящему. Так что содержать я тебя не только обязан, но и хочу. Тем более что я в долг — муж тебе попался ущербный... — чуть грустно улыбнулся. — Вот давай свои деньги ты будешь копить, хранить и всё такое прочее. Но брать на хозяйство, себя и дочку ты станешь из этого кошеля, который я кладу в верхний ящик комода. Если деньги в нём вдруг кончатся, я досыплю ещё — это не проблема. И, да — о премиальных за раскрытие аферы начальника порта в Паэнье я не забыл — все бумаги оформит Брай. Могу выдать, если хочешь, твою долю уже сейчас. Или подожди до столицы — смотри сама, как тебе удобнее.

Вспомнилось, как мы с Андреасом ехали из Виэнии в Салерано. И как на постоялом дворе я сумела вылечить старшего сына трактирщика, который воткнул себе в ногу вилы. Напоролся в сене. Рана была нехорошей, горячей, красная натянутая кожа вокруг лоснилась, вверх по икре пошли тёмные жилки... Моих сил еле хватило. Трактирщик понял, и чего избежал сын, и чего стоило это мне, и, не торгаясь, отсыпал десять золотых — сумму по тем временам для нас огромную. И их тут же забрал и спрятал Андреас, сказав, что у него деньги будут сохраннее. Я не возражала. Тогда мне казалось, что именно так — нормально. Само собой, больше я этих золотых не видела.

Встав, подошла к комоду, выдвинула ящик. Ага, уж кошель так кошель. Такой полновесный мешок размером в два кулака! Потянула за угол — из горла с весёлым звоном выкатились вперемешку десятка два золотых и серебряных монет. И это — только малая доля. Да на то, что здесь, три года прожить можно!

Взяла два золотых и дюжину серебряных соленов, пересчитала, положила в глубокий карман. Карманам я доверяла больше, чем кошелям — срезать кошелёк проще, чем тянуть что-то из кармана горстью. Подошла к мужу:

— Спасибо, принимаю. Тогда я на рынок, а ты зарисуй наруччи, потом

вместе поглядим, да? За Соль присмотрит Ссэнасс.

М-да, если погода испортится — на базар не побегаешь. Значит, надо накупить впрок чего-то, что хорошо хранится. Например, копчёный окорок и копчёную же рыбу, сухую колбасу, кусок твёрдого сыра, тонких пресных лепёшек, помидоров... Пока шла по улице, список рос и рос. Кстати, Холт прав: задул холодный ветер с моря, облепляя юбкой ноги и перекашивая мою соломенную шляпу. Похоже, погода меняется. Действительно пришла осень.

Я выбрала себе огромную серую тёплую шаль, суконный бежевый капор с парой крашенных под фазана куриных пёрышек, перчатки. Ещё одну шаль — мягкую, белоснежную, из козьего пуха, втрое дороже моей, — взяла, чтобы укрывать Соль. А вдобавок — две пары пинеток и вязаный чепчик. Фланелевый я и сама сшить сумею.

Продуктами нагрузилась так, что у корзин ручки трещали, — торговцы тоже обеспокоенно поглядывали на небо и охотно скидывали цену на провиант.

— Тётенька, давайте помогу поднести? — рядом подпрыгивал, заглядывая мне в лицо, чумазый мальчишка лет десяти в безразмерных портках и грязной серой шляпе немыслимого фасона.

Подумала.

— Идти недалеко, до улицы Колокольчиков. Плата — медяк и крендель с маком. Согласен?

— Два медяка!

— Я сама — служанка. И транжириТЬ хозяйское не могу. Один, или несу без твоей помощи.

— Ла-адно...

В общем, сделка для обеих сторон была неплохой. А повела я себя так, как была должна. Бессмысленно наряжаться в старье, а потом начинать сорить деньгами. Надеюсь, пацан не утащит мой окорок.

В результате домой я вернулась раньше, успев до дождя. А медяков я всё же дала два — потому что по пути у кряхтящего носильщика порывом ветра скособочило шляпу, оттуда вывалилась прядь длинных волос, и стало понятно, что это — девочка. Которой, судя по радости при виде лишней монетки, приходилось в жизни куда труднее, чем мне самой.

— Ты добрая, тётенька! Когда пойдёшь на рынок ещё — спроси Винту! Это я, и я всё тебе донесу! — чумазое дитя унеслось вскачь вниз по улице. А с неба начали падать тяжёлые холодные капли — студёный ветер пригнал осенний дождь.

Пока я ходила, муж зарисовал свои сны. В своеобразной манере. Похоже, в Холте дремал талант карикатуриста. Если он захочет кому-нибудь отомстить — пусть нарисует! Но пока муж изобразил зверя, которого иначе, чем шестиногим слоном, было не обозвать. Странная тварь стояла на четырёх задних — ногах, лапах, конечностях? — а в передних умудрялась держать секибу. Никогда не видела слонов с секирами. И, надеюсь, что и не увижу — зрелище не для слабонервных. Впрочем, традиционные бивни и задранный хобот тоже присутствовали. Посмотрев на моё лицо, Рейн фыркнул и пожал плечами. Мол, он не виноват: что приснилось — то и нарисовал.

Ладно, будем искать шестиногих слонопотамов. Это не самое странное в нашей жизни.

Разобрав продукты, я, уже в домашнем платье, залегла в любимой позе — поперёк кровати задом кверху, подперев щёку рукой, с гримуаром под носом. Холт с учебником устроился рядом, использовав вместо подушки самую выдающуюся часть моего тела. Глаза мужа были в книге, но рука бродила в районе моих коленей. С кухни тянуло аппетитным запахом — там булькал гороховый суп с копчёным мясом. На второе я собиралась сделать лепёшки с начинкой из тёртого сыра, чеснока и помидоров.

Сытая Соль, на которую я уже примерила и чепчик, и пинетки и которая с негодованием их отвергла, навоевавшись, тихо спала в своей корзинке. Ларра ушла на крышу — смотреть на город и на дождь.

Хо-ро-шо...

Сейчас меня не волновали ни пираты, ни слоны, ни другие мировые или локальные проблемы — мне просто было хорошо.

Два дня лил дождь. Мы сидели дома, попеременно читали магические книги и работали с бумагами. Кажется, что-то мы уловили, хотя принцип казался странным. Часть кораблей плавала между Сафриной и Симирай не спеша, в сроки, как получится, зато с полной загрузкой. Оттуда рис — туда оливковое масло. Оттуда ковры и козью шерсть — туда говядину и твёрдые сыры. Оттуда кедровую древесину, туда — транзитом — заморскую посуду. Всё понятно. Но было полдюжины судов, которые метались туда-сюда так, словно у них паруса на корме горели. Казалось, что для них сроки важнее рентабельности. А вот почему — было совершенно неясно. Вроде бы опий — не скоропортящийся продукт. И в Сафрине эти корабли тоже не задерживались... Непонятно. Все шхуны принадлежали разным частным лицам, и ни одного из этих имён Холт раньше не слышал.

Я поинтересовалась, он что, знает всех судовладельцев Таристы? И получила лаконичный ответ: «Всех крупных».

Ладно, думаем дальше.

Моя спина, по словам Холта, продолжала меняться. Ставшие чёткими линии бледнели быстрее. В них даже появились разрывы. Я интерпретировала это как то, что мои магические мешки, или мехи, или пузыри, или как их там, наконец-то решили, в каких границах желают существовать. Оставалось молиться покровителю магии Рианнесу, чтобы эти пределы были шире прежних. Но кто знает? От Ссэнасс ничего, кроме «шшишди...», добиться было невозможно. А ещё ларра иногда на два-три часа исчезала. Правда, только в то время, когда Соль мирно дремала — своими обязанностями няньки Ссэнасс никогда не манкировала. Я попыталась выяснить, куда она ходит, и получила ошеломивший меня ответ.

— Сссплю на ссобаке.

Что думает по этому поводу собака, спрашивать я не стала.

* * *

— Тебе привет от Брая, Лена, Тир, Сани и Эли, — сообщил Холт за завтраком.

— Мне давно любопытно, у тебя шар, зеркало или амулет? — поинтересовалась я в ответ.

— Вообще-то, это, как понимаешь, секрет. Но тебе скажу... Кстати, что сама думаешь?

— Что шар и зеркало менее компакты и удобны в обращении. В дороге их легко разбить и с собой носить не станешь. Но чем вещь миниатюрнее, тем больше надо вбухать в неё сил, чтобы работала. А ты с лёгкостью общаешься на таком расстоянии со столицей и Паэнней. Вывод: мой муж — большая шишка, ибо кому попало амулет такой силы и цены не дадут. Правильно?

— Правильно, моя умная жена, — засмеялся Рейн. — Так слушай, к чему я это рассказываю. Брай лично разбирал переписку ныне уже покойного Сириньи. И вот с последней мерой мы, похоже, поспешили. Потому как выяснилось, что — как ты там его называла? ногодрыг-педагог, да? — был ещё жаднее и пронырливее, чем мы думали. Оказалось, что в свободное от постельных утех и танцев время Сириньи подрабатывал шпионом, посылая собранные в Паэнье сведения о флоте, товарообороте,

важных должностных лицах и их семьях к себе на родину, в Андарру. И не только туда. Нашлась ещё целая пачка бумаг — как понял Брай — дубли донесений, которые Сирины отправил в Лорецию. К столичному адресату он обращался без имени, называя его высокочтимым ньером. Интересно то, что в этих посланиях речь идёт не о товарообороте или корабельных пушках, а о личных делах и семьях влиятельных лиц. Причём иногда Сирины поручалось соблазнить ту или иную особу, похоже, чтобы получить рычаг для воздействия на мужа или же для возможности шантажа семьи неосмотрительной ньеры. Вот так.

— И что теперь?

— Теперь? Список есть, будем разбираться. Часть проблем рассосётся сама собой, потому что при аресте слуг стопка любовных писем со стола попала на глаза слишком многим людям и уже стала достоянием гласности. Как я слышал, излияния Сирины на тему кружевных подвязок на прелестных ножках зачитывали вслух и при этом бились об заклад, чье имя окажется в следующем опусе. В результате — Брайт напророчил верно — Паэнью захлестнула волна разводов и разрывов помоловок.

— Как думаешь, — вернулась я к тому, что казалось важнее семейной жизни смотрителя катакомб, — столичный покровитель Сирины как-то связан с нашим делом?

— Не знаю. Не уверен даже, что мы сможем его вычислить. Но прикинь, если ты владеешь фамильными тайнами важных персон, тебе легко заставить их выполнять свои приказы или воспользоваться влиянием, чтобы расставить по нужным местам своих людей. Это сгодится и для пиратства, и для контрабанды, и для протекции в торговле, и если ты просто высоко метишь. Поглядим.

— Рейн, дождь закончился. И продукты тоже. Я накину шаль и схожу на рынок?

— Конечно, иди. Только не таскай корзин, от которых верблюда расплещит. Или найми носильщика. А как вернёшься, я тоже выйду в город — а то пока нормально и не осмотрелся.

— А ты будешь искать своего пропавшего знакомого?

— Вообще-то, я рассчитывал на тебя. Половина линий на твоей спине уже пропала. Ещё неделя-полторы, — а столько мы тут наверняка проторчим, — и ты сможешь магичить. А сейчас всё равно непонятно, как его искать... И хочет ли он, чтоб его нашли.

Я шла на рынок, пряча лицо от порывов резкого влажного ветра, и раздумывала о недостатках жизни на верхнем этаже. Основным, на мой

взгляд, была невозможность закупить продукты впрок. В обычных домах обязательно сооружались прохладные, ниже уровня земли, погреба. И там сыры или окорока могли лежать неделями. Состоятельные люди прибегали к помощи магии. Я сама зачаровала в доме в Салерано большой деревянный ящик, обитый пробкой, — внутри, вне зависимости от температуры снаружи, всегда держался лёгкий мороз. Такие заклинания надо было подновлять примерно раз в год, но пока они работали, хранение мяса или молока проблемой не являлось. А сейчас мне приходилось изворачиваться — скажем, сваришь пряный бараний суп с рисом и помидорами, и пока не съешь, два раза в день — утром и вечером — кипятишь его, чтобы не прокис. Неудобно. О прочем и не говорю... Хорошо, что Соль с ларрой были на натуральном кормлении и заботиться о свежести продукта не приходилось. Но к тому времени, как Соль начнёт есть кашки или тёртое яблоко, лучше оказаться там, где есть возможность держать пищу в холоде.

Седло барашка, свежий каравай, пирожки с курагой, первая хурма, мера риса, кусок сыра, пара головок чеснока, свежая зелень, кочан капусты, четыре среднего размера морских окуня с красными хвостами, копчёный цыпленок... я опять нагрузилась так, что пожалела, что хозяйки не ходят с тачками. А что? — удобно бы было — туда столько всего напихать можно!

Начала неуклюже разворачиваться, стукнув корзиной по ноге какого-то мужчину. Тот отскочил и выругался под нос.

— Тётичка, тётичка! Я помогу! — раздался звонкий голос.

Оглянулась — ко мне, размахивая руками и скользя на грязи, бежала знакомая фигурка в штанах мешком.

Как её зовут? Винта? Или нужно называть Винтом? Если прячет, что она девочка, раскрывать не стану — не моё это дело.

— Хорошо. Держи корзины. Плату знаешь.

— Тётичка... — Серые глазищи уставились мне в лицо. — А можно один медяк сейчас?

— Зачем?

— Я молока куплю. Мне надо.

Молока? Ну, пусть. Не похоже, что врёт.

— На медяк. Беги, покупай, жду тебя здесь.

Если сбежит — мне наука. Но как-то верилось, что Винта вернётся. А я пока пучок укропа прихвачу... и вот этот ещё тёплый крендель.

Она прибежала быстро. И шла тоже быстро, оглядываясь каждые десять шагов — не отстала ли я и довольна ли её усердием?

У дома я отдала Винте второй медяк и добавила пару пирожков и

половинку кренделя. Судя по тому, что девочка порывалась затащить корзины вверх по лестнице, оплатой она осталась довольна.

— Тётичка, а вы когда снова на базар пойдёте?

— Через день, наверное.

— Ага! Я ждать вас буду! — и улетела вниз по улице, прижав к себе бутыль с молоком.

За ужином вернувшийся из города Холт был рассеян, сидел и барабанил пальцами по столу. Поймал мой взгляд:

— Сафрина изменилась. А в чём дело — не пойму. Просто чувствую. Я прошёлся по городу, посмотрел с набережной на корабли, посидел в трактире... Да, прогулялся мимо дома пропавшего ньера Бернали.

— И? — поторопила я.

— И. В подворотне напротив дежурит пара личностей не злодейского, но и не респектабельного вида. На меня внимания не обратили — улица большая, народу много ходит. Но я бы сказал, что это аргумент в пользу гипотезы, что мой знакомый сам залёг на дно.

М-да. Значит, пока не знаем, что за рыба водится в этом водоёме, следует быть очень осторожными.

Варим суп, выявляем странные закономерности в декларациях, верим, что рано или поздно перестанем быть синими...

А сейчас я уберу со стола и пойду купать Соль.

Ну и ларру за компанию.

И полы заодно помою...

— Рейн, а у нас на этой стороне полуострова есть королевский флот?

— У нас везде есть королевский флот, — хмыкнул муж. — Потому и живём спокойно.

Угу, ясно. Хочешь мира — готовься к войне.

— А королевский флот имеет право останавливать и досматривать суда?

— Если есть веские — подчёркиваю, веские — основания подозревать, что судно нуждается в помощи или замешано в преступлении.

— Я подумала, что если какой-то из тех кораблей, которые бегают туда-сюда порожняком, выловить и посмотреть — что они там возят?

— Хм. В принципе, если не разберёмся по-другому, можно. В крайнем случае, объясним недостоверными агентурными сведениями и тупоумием всё перепутавшего капитана.

Пока разговаривали, я перебирала зелень для салата у кухонного стола,

а Рейн стоял за моей спиной. Не рядом, не вплотную... но я чувствовала его всей кожей. С самого приезда муж ходил за мной следом. Устраивался с книгой или бумагами там, где я занималась чем-то другим, даже на кухне. Провожал глазами. И при малейшей возможности касался, притрагивался, обнимал, тыкался носом, целовал, гладил...

Его внимание и близость, несомненно, были приятны. Если бы не одно «но». Я боялась. Боялась не того, что он однажды сорвётся и причинит боль, а того, что когда мы всё-таки окажемся вместе, я не оправдаю его ожиданий. И потеряю его. Не знаю, как должны вести себя ныеры в интимной обстановке, но, должно быть, я делала что-то неправильно. Потому что Андреас охладел ко мне очень, очень быстро.

Так что сейчас я разрывалась. С одной стороны, мне хотелось, чтобы мужу было хорошо. С другой — мне самой было неплохо и так. И было страшно, что период вынужденного ухаживания, не переходящего в близость, — это самое сладкое, что светит мне в нашем коротком странном браке. И что, когда всё случится, не я, а Холт наутро отведёт глаза...

Чем дольше ждёшь — тем ждёшь большего. Когда мне было пять лет и мама была ещё жива, я увидела в витрине куклу. Она покорила и поразила меня с первого взгляда — с фарфоровым лициком, красными губками бантиком, огромными голубыми глазами и водопадом золотых кудрей. Платье было розовым, а из-под кружевных манжет виднелись ручки с тоненькими белыми пальчиками. Она казалась настоящей девочкой, и мне ужасно, безумно хотелось, чтобы Белинда — это имя казалось мне необыкновенно красивым — стала моей куклой. И больше — моей подругой. Ведь она — как живая!

Но я понимала, что кукла — дорогая. А жили мы не слишком богато — мать выплачивала ростовщикам долга отца с набежавшими процентами, и на это уходили почти все заработанные ею деньги. Но каждый раз, когда выпадала возможность, я бежала к витрине — посмотреть, поговорить с моей Белиндой. С каждым днём она казалась мне прекраснее и прекраснее. Я дофантазировала до того, что убедила себя, что Белинда молчит, потому что на нас смотрят. А вот если бы мы остались вдвоём, она обязательно, непременно бы со мной заговорила!

А потом пришла зима и мой день рождения. Когда я открыла большую альюю коробку — счастью не было предела — с белого нежного шёлка, в своём розовом платье, на меня голубыми глазами смотрела Белинда!

Восторг продлился ровно до того момента, пока я не схватила её руками и не прижала к себе. Оказалось, что под платьем нет тела. Нормального тела. Обутые в туфельки ножки ниже колен, фарфоровая

голова, кисти рук крепились чёрными железными крючками к чему-то, напоминавшему набитый тряпками мешок с грубыми отростками-культияпами рук и ног. Все мои мечты о подруге, всё, что я нафантализировала, пока ждала и хотела, лопнуло в один миг, как мыльный пузырь.

Я сумела сдержаться и не разреветься — ведь мама ждала от меня радости...

А сейчас я сама чувствовала себя такой Белиндой. Не знаю, что видит Холт, когда смотрит на меня, но когда он приподнимет платье, флёр исчезнет. Так что не надо ложных иллюзий — они разбивают сердце.

Обернулась к мужу с улыбкой:

— Рейн, когда мы спускались с плоскогорья, я обратила внимания, что грузовых повозок на дороге совсем немного. А товар в порт привозят десятки кораблей...

— Вопрос понял. Сейчас расскажу. Смотри, Сафрина на северо-востоке Таристы, да? Ту дорогу, по которой мы спускались, ты оценила — серпантин, много круtyх опасных поворотов. Для карет и всадников — приемлемо. Для грузов — тяжело и опасно. Зато южнее есть место, где с плоскогорья вниз падает каскадами водопадов большая река — Ардас. И пару сотен лет назад один предприимчивый купец нанял строителей, которые по его замыслу углубили русло и установили под потоком воды полдюжины колёс. А от них идут тросы, которые тянут подъёмники. Сделано всё надежно, цена приемлемая, за один раз подъёмник может вытянуть на гору платформу с парой волов или коней. Или телегу с мукоj. А наверху идёт ровная дорога. Вот и выходит экономия сил, нервов, времени и, в конечном итоге, денег. А потомки умного купца давно купили дворянскую грамоту и проживают в Лореции.

Интересная история.

— Да, — продолжил Холт, — ещё один большой тракт ведёт на юг вдоль побережья. По нему везут все товары, предназначенные для центра страны. Через два дня пути дорога поворачивает на запад, но там рельеф уже пологий. Поедем — посмотришь сама.

Ещё интереснее.

Рейн взглянул на меня, сделал шаг и обнял.

Я прижалась к нему.

Пусть будет что будет...

Глава 4

Убийство — это всегда ошибка. Не следует делать того, о чём нельзя поговорить за чашкой чая.

O. Уайльд

Я выглянула в окно и поморщилась. Нет, ну просто осенний дождь — это удовольствие ниже среднего. Но ледяная косая морось, да с порывами холодного ветра, который рвёт из рук зонтик... но идти на рынок всё равно придётся.

— Любопытно, — в голосе Рейна слышалась улыбка: — Ты вжилась в роль служанки так, что даже я тебе верю. Например, за десять дней, что мы тут, ты ни разу даже не заглянула в ювелирный, который прямо под нами. Настоящий героизм!

Гм. Героизм. Ну да, разумные соображения — что нечего прислуге делать в магазине, где цена за одну брошку больше её полугодового жалования, — присутствовали тоже. Но не особо и хотелось. Вот был бы там книжный — удержаться оказалось бы намного сложнее.

Зато ларра продолжала ходить вниз «спать на собаке».

Ещё раз пересчитала деньги. Закуталась в шаль. Зашировала ботинки. Нацепила суконный капор — соломенная шляпа уже не по сезону. Взяла две корзины, зонт... всё, пошла.

Почему тут так часто идёт дождь, я уже знала. Дело было в горах Сиррано на севере, смыкавшихся с другим горным хребтом на востоке. Из-за гор тёплый воздух с восточных равнин отворачивал на юг, шёл над морем, напитывался влагой... и проливался над Сафриной дождём, наткнувшись на высокое плоскогорье за ней. С другой стороны, именно восточный хребет перенаправлял грузовые потоки в Симиру, а оттуда — к нам. Забавно: горы полезны для торговли, но вредны для погоды. Но нельзя же хотеть всего?

На рынке я постаралась управиться быстро. Кусок свежей говядины, лук, морковь, чеснок, перец, стоун риса впрок, стоун сахара и — не удержалась — купила половинку аппетитно пахнущего копчёного угря. Теперь свежий хлеб, сыр, завёрнутый в белую тряпицу кусок сливочного масла — и можно опять сидеть два-три дня дома, в тепле и приятной

компании.

Как всегда, не успела я закончить покупки, словно из-под земли вынырнула Винта.

— Тётина! Давайте корзины!

Я еле узнала Винту — поверх несообразной шляпы на голову девочки нахлобучила колпаком промасленный бумажный мешок, очевидно, спасавший от дождя. Капли стучали по коричневой бумаге и, не задерживаясь, скатывались вниз. Правда, резкий ветер всё время норовил сдуть с русой головы и мешок, и шапку.

Я улыбнулась:

— На, держи корзины. И пошли отсюда быстрее — кажется, сейчас польёт ещё пуще.

Винта кивнула, одновременно тревожно озираясь. Что это с ней? Проследила за взглядом девочки — что делают на рынке эти двое парней? Не покупатели... в руках ни одного свертка, и на прилавки вообще не глядят. Зато смотрят на Винту, а теперь начали разглядывать и меня. Неприятно как-то.

— Пошли. И, Винта, что это за люди?

— Какие? — дернулась девочка, одновременно ускоряя шаг.

— Двое мужчин. Похожи на матросов. Что им от тебя надо?

Вместо ответа Винта припустилась почти бегом. Я оглянулась — те двое о чём-то спорили, глядя в нашу сторону.

— Пойдёмте быстрее, тётина!

По узкой пешеходной улице, соединявшей два квартала, мы почти бежали. Я заразилась паникой Винты и всё время оборачивалась через плечо. Но, кажется, никому мы не были нужны. Да и вообще, что я? Пусть не ясный, но всё же день. А я лишь невзрачная служанка с тощим кошельком и корзиной с продуктами. Да и Винта явно не карманница какая-то.

Но всё же, выйдя на улицу Колокольчиков, я с облегчением перевела дух. Тут, несмотря на дождь, ходили люди. Запыхавшаяся Винта тоже сбавила шаг. До дома осталось пройти совсем немного.

У лестницы я забрала корзины. Дала два медяка:

— Если хочешь, подожди минутку. У меня на кухне есть блины, сейчас вынесу тебе парочку.

Девочка радостно закивала, поддёргивая штаны.

Секунду подумав, перехватила груз в одну руку и сунула Винте свой зонтик.

— Держи. Я быстро.

Рейн открыл дверь, укоризненно посмотрел на корзины, подхватил перегруженную тару и быстрым шагом пошёл на кухню.

— Рейн...

— Не сейчас. У меня сеанс связи со столицей, — поставил снедь на стол и исчез в кабинете, плотно прикрыв за собой дверь.

Ладно, потом расскажет.

Подошла к буфету, доставая тарелку с блинами. Отделила три от стопки, добавила ломтик бекона, положила всё в пакет из-под хлеба.

Я уже была в прихожей, когда с улицы раздался визг:

— Пусти-и-ите!!!

Распахнула дверь и увидела, как двое — те самые, с базара — тащат упирающуюся девчонку прочь по улице. Мой перевёрнутый зонт валялся у подножья лестницы.

Мне даже в голову не пришло позвать Холта — я просто кинулась по ступеням вниз, следом за волокущими Винту мужчинами и вцепилась в рукав парня, который был ближе:

— Что тут происходит?

— А, вторая пришла? Ну, ты нам тоже пригодишься! — Глаза обернувшегося мужика были злющими... и расчётливыми. И уже не я, а он держал меня за рукав. А в другой руке возник нож. — Заори, получишь в бок!

Второй отвесил Винте оплеуху, оборвав крик.

Я открыла рот — что делать? А, вот — вдали показался полицейский патруль! Они нас видят, они помогут!

Но полицейские вместо того, чтобы бежать к нам, повернулись спинами...

Сообразив, что могу сделать, чтобы выиграть время, ахнула, свела глаза к переносице и мягкой бескостной кучей осела в лужу. Не ору, бить и убивать не за что... но пусть попробуют меня поднять! Если надо — лягу!

— Вставай, курва! — меня сильно ударили ногой по ребрам. — Не встанешь — тут и умрешь!

Кажется, они были уверены, что никто не вступится за нас, никто не будет им мешать. Как те предатели-полицейские... И правда — улица мгновенно опустела. Но Рейн — он в кабинете, окна которого выходят на улицу. Если закричу — наверняка услышит! Ага, закричу... и тут же получу нож под ребро.

Неужели придётся магичить?

Не пришлось — выручила ларра. Я открыла рот, увидев скачущую по лужам серую кошку с задранным хвостом, следом за которой неслись два

громадных короткошёрстных чёрных пса. Ларра мявнула, и первая из собак прыгнула, вцепившись в плечо мужика, занёсшего надо мной нож. Мужик взвыл. Тащивший Винту разбойник грязно выругался и, отшвырнув девочку, бросился бежать. Второй чёрный кобель помчался следом, скачком настиг, рванул убегавшего за ляжку и, рыча, затряс зажатым в зубах синим лоскутом, выданным из штанов. Бандит, удвоив скорость, хромая и держась за филейную часть, метнулся в ближайший переулок.

— Холт! Хооолт! — завопила я на всю улицу.

Могла бы и не орать — он уже был рядом, с обнажённым клинком в руках. И — без раздумий, с ходу — вонзил его в бок тому, с ножом, которого грызла собака. Теперь на земле валялись трое — я на спине в ледяной луже, поперёк меня бандит, из бока которого хлестала кровь, и рядом, кучкой тряпья, — Винта с растрёпанными волосами. Шапку девочки вместе с самодельным капюшоном унёс ветер.

Улица по-прежнему была пуста.

Впрочем, не прошло и пары минут, как из ювелирного, ругаясь на ни с того ни с сего взбесившихся и удравших собак, примчался запыхавшийся сторож.

Рейн, который уже взял себя в руки и помог мне подняться на ноги, тут же пристроил того к делу. Мужчины вдвоём оттащили труп бандита с проезжей части. Муж присел, чтобы обыскать тело, — надо же попытаться понять, кто и почему на нас напал? Нашёл ли что-то, узнать мне не удалось — появились прятавшиеся до того в подворотне полицейские.

И вот тут ньер Аржулен с его собаками оказался очень кстати. Сторож, бурно жестикулируя, засвидетельствовал, что своими глазами видел, как на служанку благородного ньера, живущего над магазином, напали грабители. Да, ньер, который сверху, вот он. А собаки... собаки тоже помогли. А бандит — вон — в канаве валяется.

Я пришла в себя уже достаточно, чтобы сообразить, что вряд ли стоит рассказывать лишнее тем, кто явно не собирался нас защищать. И изобразила полную, беспросветную глупость и растерянность. Уже пришедшая в сознание Винта вела себя похоже — сидела на земле, размазывала грязь по щекам и всхлипывала:

— Тё-ётенька, тё-ё-ётенька...

— Это твоя племянница? — ткнул в меня пальцем один из полицейских.

Я кивнула, показывая исподтишка сжатый кулак Холту, который уставился на допустившего фамильярность патрульного злым взглядом.

— Ну ладно, никто не пострадал, труп мы заберём, а впредь не

нарывайтесь на неприятности! — и повернулся спиной.

Сторож, спохватившись, что магазин остался без охраны, свистнул, подзывая собак, которые как раз закончили разбираться с упавшим на землю пакетом с блинами. Сидевшая рядом ларра умильно смотрела на чавкающих псов, и я только захлопала глазами, когда Ссэннесс прыжком вскочила на загривок ближайшему из здоровенных кобелей, потрусивших к хозяину. Самое удивительное, что страшенный, размером с телёнка, с клыками в палец пёс ещё и завилял куцым хвостом. И, обернувшись, попытался лизнуть ларру. Ну и ну!

На прощанье муж высыпал в ладонь ньеру Аржулену пять серебряных соленов. Тот замялся, но взял:

— Если что, обращайтесь!

Винту мы забрали с собой.

— Почему ты не закричала сразу?

Честно? Да просто не сообразила. И не думала, что всё так серьезно.

— Сита, Сита... Что же нам делать?

Мозги мне вправить. Я привыкла думать и поступать, как маг. А сейчас, когда колдовать не могу, выясняется, что гожусь только на то, чтобы сковородки чистить да на рынок ходить. Курица курицей...

— Сильно испугалась?

Ну вот, кажется, уже не злится. Всхлипнула, оправляя платье. Сама мокрая, юбка грязная, да ещё в пятнах крови, край новой шали тоже испачкан, на рёбрах синяк, наверное, будет. Но Винте, трясущейся за моей спиной, хуже. Словно услышав мои мысли, девчонка отступила к дверям:

— Тётинька, я пойду?

— Куда? — оглянулась я. — Давай вымойся, высохни, я тебя накормлю и поговорим. Ты из нас одна знаешь, что случилось.

— Не-не-не... — замотала мокрой головой Винта. — Ничего я не знаю!

Врёт. Но так боится, что правду из неё сейчас не вытянуть и не выбить.

— Пойдём в ванную, а потом я поищу для тебя сухую одежду.

Холт покачал головой.

— Разожгу плиту, поставлю чайник. — Улыбнулся: — С этим я вполне справлюсь.

Через час мы сидели на кухне.

Мытая Винта умывала три громадных бутерброда с маслом и рыбой, а потом пристроилась на деревянном полу у горячей печки и задремала. Её

жуткие безразмерные штаны сохли на верёвке рядом. Как и моя шаль с аккуратно застиранным — в прохладной воде с добавлением уксуса — краем, и пострадавшая юбка.

Сама Винта в моих падавших с неё панталонах и одной из рубашек Холта выглядела чучело-чучелом. Правда, очень милым — с худенького личика смотрели огромные серые глаза, а распущеные русые волосы, которые я помогла расчесать, доставали до попы. В процессе мытья выяснилось, что Мышонку, как я прозвала про себя девочку, уже одиннадцать лет. Живёт она одна, потому что мама пропала два года назад. А молоко нужно было для котят, у которых тоже пропала кошка-мама. Но она нашлась...

Боги, почему такое происходит с детьми?

Рейн покосился на разомлевшую Винту и поманил меня пальцем:

— Пойдём в комнату, поговорим.

Я послушно потянулась следом.

Не успели мы зайти в комнату, как он меня обнял. Зарылся носом в волосы:

— Сита, Сита, я снова чуть тебя не потерял.

Я обняла его за талию, прижимаясь теснее:

— Ты меня спас.

— Скажи спасибо Ссэнасс. — Усмехнулся: — Ты поняла, что наша ларра у собак — вожак стаи? — и посерёзнул. — А ещё я опять утратил контроль. Как увидел тебя на земле и бандита с ножом... Первый порыв вообще был — отрубить голову.

Я икнула. Никогда ещё не видела отрубленных голов... и как-то не рвусь расширять кругозор. Подняла глаза на мужа:

— Смотри на это по-другому. Выходит, тот, кто тебе снится, готов сражаться вместе с тобой и защищать меня.

Муж задумался.

— Ну, если он тоже тебя полюбит, может, всё и не так страшно.

— Рейн, дай я присяду? Ноги не очень держат.

— Ох, прости, сейчас.

Сели мы интересно: он в кресле, а я — у него на коленях. Он опять зарылся лицом в мои волосы... а потом заговорил. Серьёзно.

— Сита, думаю, что эта попытка похищения — то самое, что мы искали. Послушай, что узнал я...

Вообще, наша Тариста была весьма мирной и законопослушной

страной. Нет, ну случались дебоши в трактирах, кражи на рынках, грабежи домов... но это, скорее, было исключением из правила, чем нормой. Вот конфликты соседей, судебные тяжбы и торговые войны — этого да, у нас хватало. Но о разбойниках на дорогах я читала лишь в приключенческих романах — в Таристе их повывели поколения назад. Может быть, потому тогда, в Салерано, мы с Холтом и не были готовы к нападению. А то, что произошло сегодня, было вовсе из ряда вон.

— Итак, в двух словах: пропадают люди. Сначала я попытался выяснить, не случалось ли в городе чего-то необычного, — но ответа не получил. Тогда я расширил круг поисков и потребовал отчёт обо всех происшествиях в радиусе двух дней пути. Вот тут-то и выявились закономерности. В одной деревне исчезли молодые селянки, которых позвали на сбор винограда в большое поместье. Ушли — и не вернулись. В другой — несколько опять-таки девушек наняли в городской дом кухарками и прислугой — и те тоже сгинули: родные ждали писем или других весточек и не получили ничего. Пытались искать сами — не нашли. И таких случаев — десятки. И из самой Сафрины шли жалобы, что пропала такая-то, исчезла сякая-то... а потом, полтора года назад, как отрезало. Больше никаких жалоб. Тишина да гладь. Словно всё вошло в норму. Или, — сделал паузу, — все напуганы до такой степени, что больше не жалуются. — И закончил: — Вот что я почувствовал во время той прогулки по городу — страх.

Я пожевала. Он обнял меня крепче и продолжил:

— То, что произошло сегодня, расставляет всё по местам. Вас — двух юных девушек — пытались похитить среди бела дня прямо на улице. То, что не вмешался никто из прохожих, — допустимо, не все способны противостоять головорезам, рискуя получить нож под ребро. Но вот то, что полиция явно прикрывала нападавших, — это из рук вон плохо. Ты поняла, что, если бы не Аржулен с его парами, нас бы попытались забрать в отделение и, скорее всего, мы бы оттуда не вернулись? Я бы умер от расстройства и сердечного приступа в камере, а вы с Винтой исчезли. Ну, ясно, с нами бы так не случилось... но с обычными горожанами могло произойти именно такое. Но что ни делается — всё к лучшему. Теперь мы знаем, где и что искать.

— И что будем делать дальше? — сейчас меня волновало это.

— Вкратце — сбрасываем маскировку. Больше я тебя одну из дома не выпущу. И прямо сейчас отправлю сообщение о случившемся в столицу. Ведь тебе тоже понятно, что происходит? Кто-то наладил торговлю рабынями, которых через Симиру сплавляют на восток.

— Рабынями? — округлила я глаза. Как в такое поверить?

— Ты видела восточных женщин? Смуглая кожа, широкие лица, черные прямые волосы, узкие тёмные глаза. Наши девушки — белокожие, русые и светлые, серо- и голубоглазые — это редкость и ценность. А порядки в какой-нибудь Эрминии или Сарианте другие: женщины там сидят в домах, им запрещается выходить на улицу без сопровождения и с открытым лицом, они не могут владеть собственностью и многое другое. Если девушка сядет верхом на коня, это считается жутким непотребством, и бесстыдницу забивают камнями. И, да, рабство там есть. А за трёх красивых девушек-рабынь можно получить денег больше, чем за табун лошадей.

Ох.

— Кстати, — дыхание Холта коснулось моей шеи, — что ты собираешься делать с Винтой?

— Арвинта, — улыбнулась я. — Её полное имя — Арвинта. Думаю, предложу ей поехать в Виэнию, к учителю. Возраст как раз подходящий.

— Туда? Почему?

— Пока мы мылись, она забеспокоилась, что у меня спина в ушибах — с остатками синих разводов. Спросила, не ты ли меня бьёшь? Ты показался ей очень страшным.

Ой, зря я про это... с юмором на эту тему у Холта не очень. Сглотнула и продолжила:

— Выходит, она может видеть заклинания. Рейн, отпускай меня — мне Соль пора кормить. И ларру...

— Иди. Мне надо поработать.

До того, как заняться Соль, я отвела Винту на диван и дала подушку с одеялом. За это меня опять назвали «доброй тётикой». Я не стала возражать... хотя какая я «тётичка» в двадцать один год?

Рейн появился, когда я уже положила засыпавшую дочку в колыбель.

— Ну, всё что мог, я уже совершил. Всех поставил на уши. Доклад ушёл в Лорецию. Первый полк кирасир будет тут завтра к вечеру — они ждали на южной дороге. Кийт со своим отрядом обещает прискакать к утру. Королевский флот, о котором ты говорила, получил список подозрительных судов — их будут не просто досматривать — а обшаривать от киля до клотика. Впрочем, всех остальных — тоже...

— Что значит «первый полк кирасир»?

— То, что за ним скачут ещё два. Если замешана полиция, береговая охрана, экипажи части кораблей, наверняка мэр, как думаешь, все эти люди

просто так сами и сдадутся?

Я взглянула на часы. Четыре вечера. Ещё даже не темно... но почему так беспокойно на душе?

Холт озвучил мои предчувствия:

— Собери все вещи так, чтобы, в случае чего, было удобно бежать. Колыбель с Соль передвинь к стене у дверей коридора, от окна подальше. Тетрадь с записями прячешь в пелёнки... Да! Переоденься во что-то удобное и тёплое. И найди подходящее платье для Арвинты.

— Ты как налёта ждёшь...

— Надеюсь, что нет. Им понадобится время, чтобы решить, как поступить. Ведь на первый взгляд ничего особенно страшного не произошло — ну, один убитый грабитель и пара перепуганных девчонок.

Хорошо. Постараюсь не ныть, не истерить. И делаю то, что говорит муж. Важного в доме — в порядке значимости — Соль, ларра и мои книги. Ссэнасс позаботится о себе сама. Значит, подгребаю поближе дочку и книжки и сижу над ними, как наседка на яйцах.

На часах было восемь, а на улице уже стемнело, когда снаружи громко постучались. Холт подошёл к двери, посмотрел в глазок, отпер. Оказалось, нас посетил домовладелец, ювелир ньер Петронио.

Пожилой мужчина явно нервничал. Оглянулся через плечо, судорожно теребя пальцами полы камзола, и вместо приветствия произнес:

— Я хочу, чтоб вы съехали! Немедленно!

Холт спокойно уставился визитёру в глаза:

— Доброго вечера, ньер Петронио. Я вас не понимаю. Мы внесли деньги за месяц вперёд. Не прошло и половины. Согласно существующим правилам договор аренды заключён, и расторгнуть его можете только в суде, имея на то веские и уважительные причины. Я со своей стороны ничем условий договора не нарушил.

— Я верну вам деньги за половину месяца. Но хочу, чтобы вы ушли прямо сейчас! Мне не нужны неприятности с полицией! — высказавшись, ньер Петронио наклонил голову, избегая взгляда Холта.

— Какие неприятности? О чём вы говорите? Да, на мою служанку сегодня напали грабители. Но она ни в чём не виновата. И как это связано с арендой помещения? — муж говорил ледяным голосом. — Вы знаете, кто я? Что я проверяю налоговые декларации в самой Лореции? И нахожусь тут по делу? Неоконченному, замечу, делу? Объяснитесь! — и добавил ядовитым тоном: — Должно быть, вам нужны неприятности с налоговой инспекцией. Ну что же, это я могу устроить.

Ювелир сглотнул. Снова нервно оглянулся через плечо.

— Я имею права требовать расторжения договора...

— Предупредив, согласно закону, меня за два дня. Хорошо, завтра я поищу другое помещение. И, поскольку вы обременили меня неожиданными хлопотами, вы вернёте мне все деньги. И ни о каком «прямо сейчас» речь идти не может — на улице ночь и дождь, я должен позаботиться о сохранности доверенных мне государственных бумаг!

Ньер Петронио уже не просто волновался, а был почти в истерике:

— Я верну, верну всё до солена! И пожалуйста, прошу вас, извините меня, мне не нужны проблемы со сборщиками налогов. Но покиньте этот дом!

— Вы осложнили мою ревизию! — чопорно возвестил Холт. — Возвращайтесь завтра утром с деньгами. — И захлопнул дверь.

Прислонился к стене рядом, помотал головой.

— Поняла? Выходит, от нас решили избавиться. Нового жилья мы не найдём, и уехать из города нам не дадут. А склеродж-ювелир напуган настолько, что, когда я потребовал назад все деньги, согласился их отдать. Сита, слушай. Сейчас проверим, чтобы все окна были закрыты. Дверь тут — сама видишь — шестиногому мамонту не вышибить. Предупреди Винту, чтобы к окнам не подходила, а я проверю, всё ли заперто. Нам надо спокойно просидеть тут до утра. Ещё — никакого лишнего света. Если нас пришли на ночь глядя гнать из дома, то может возникнуть и другая мысль — перестрелять с соседних крыш из арбалетов. И не волнуйся, я бывал в переделках куда хуже этой.

Угу. Не волнуюсь и не упрекаю. Ведь я сама настояла на том, чтобы сопровождать его в Сафрину...

В десять вечера из стены появилась ларра:

— Внисссу...

— Что внизу, Ссэннасс?

— Всссё увосссят...

Оказалось, несколько помощников под личным контролем ньера Петронио сгребают из витрин и сейфа товар в мешки. Ох! Значит ли это, что ночью надо ждать штурма?

Холт посмотрел на меня:

— Дело плохо. Оставаться здесь опасно. Если устроят пожар, дождь не спасёт. Сита, ты как, готова бежать? Только уходить надо немедля. За домом наверняка следят. Но сейчас возня на нижнем этаже отвлекает их внимание.

Проснувшаяся Винта жалась ко мне и смотрела на Холта круглыми глазами. Ещё круглее глаза стали, когда девочка заметила Ссэнасс. Ага, видит! — точно есть магический Дар!

Мои книги Холт уложил в непромокаемый заплечный мешок на длинных лямках. А нам выделил от щедрот две пары своих штанов. Кто выглядел краше — я или Винта, — сказать не берусь. Одним старым платьем я прикрыла сверху корзинку Соль — дополнительная страховка от холода и сырости. Ещё от одного отодрала юбку — решила, что Винте на плащ вполне сойдёт. Последнее пришлось бросить. Вообще, взяли мы минимум всего, хотя Винта соорудила из скатерти торбу и покидала туда хлеб, недоеденного угря, блины и остальное, что готовить не надо. Девочка слушалась беспрекословно и пыталась помочь как могла. Похоже, она чувствовала себя виноватой:

— Это же из-за меня, тётенка. Если б не я, ничего бы не случилось... Я помогу, я город хорошо знаю, нас не найдут.

Вздохнув, дала Винте корзинку Ссэнасс, куда мы сложили нашу хорошую одежду и часть документов. Ларра собиралась идти своими лапами. Да, дождь она не очень одобряла, зато какая интересная и бурная жизнь! «Не скучишино!»

Я до последнего момента не понимала, куда же мы собираемся бежать? Оказалось, в коридорчике рядом с кухней в потолке имелся люк, ведущий на чердак. Ссэнасс пошла первой и через минуту высунула из потолка голову:

— Пусссто...

Потом залезла Винта. Я передала ей корзину ларры, корзинку с Соль, мешок с книгами и, подкинутая мужем, забралась сама. Рейн ловко подпрыгнул, зацепился руками и подтянулся наверх.

— Ссэнасс, что там ювелир?

— Сссейчассс...

Рейн как раз закончил медленно, без скрипа, открывать окно, ведущее на крышу, когда ларра появилась снова:

— Ссснимает хруссстальные люссстры...

Боги, благословите жадную душу ньера Петронио! Пусть приберёт и люстры, и бронзовые ручки, и ковры с пола... лишь бы возился подольше!

Я хотела взять Соль на руки, но Рейн отсоветовал.

— Крыша мокрая. Если поскользнёшься с ней на руках, равновесие не восстановишь, упадёте обе. Я понесу корзину с дочкой, доверься мне. А Ссэнасс позаботится, чтобы нас не заметили.

Грубая обувь прислуги с рифлёными подметками для хождения по крышам в самый раз. Мы не спешили, старались двигаться очень тихо. Сначала было страшно, но потом я просто начала ступать за Рейном след в след и как-то успокоилась. Если что, он поддержит... Винта шла сзади и даже, кажется, мурлыкала под нос. И хорошо, что идёт дождь. Нас ни на фоне неба, ни с пяти шагов не разглядеть.

С первой крыши Рейн аккуратно не спрыгнул — сполз на другую, чуть ниже. Затем была третья, повыше. Потом мы прятались за большой трубой — Ссэнасс сказала, что впереди люди. Наконец Рейн соскользнул на крышу дровяного сарая и сообщил шёпотом:

— Мы в квартале от улицы Колокольчиков. Но куда дальше, я не знаю. Можно ждать утра в сарае, но если начнут искать — могут и найти.

— Я знаю! — зашипела Винта.

— Куда?

— Мой дом, я живу в подвале рядом с портом.

— Не пойдёт, — качнул головой Холт. — Это место наверняка обшарят первым. Нужно что-то другое. — Прищёлкнул пальцами: — Вот!

— Что вот?

— Никто не свяжет нас с ньером Бернали. А усадьбу того я знаю вдоль и поперёк. И она сейчас пустует. И отсюда до неё пешком — почти час ходьбы. Даже если начнут искать по городу, до утра туда не доберутся.

Сами мы добирались больше двух часов. Двигались перебежками между неосвещёнными подворотнями, хлюпали по тёмным задним дворам, два раза перелезали через дощатые заборы. Один раз заплакала Соль. Пришлось забиться в тёмный, пахнущий мочой тупичок за сараем неизвестного назначения и приложить её к груди. Дочка, убедившись, что все блага мира и её мама на месте, снова уснула. Ссэнасс тоже умоталась и забралась ко мне на плечи, как когда-то в катакомбах. Винта шла следом и держалась молодцом — ни слова жалобы!

Дождь усилился — мы все, кроме Соль, были уже мокрыми как мыши... Но зато никто нас в этом мраке и хмари не отыщет!

Наконец мы перевалили через очередной забор, а оттуда, перебежав пустырь, полезли вверх по мокрому косогору. Я чуть не провалилась в какую-то расщелину, хорошо, Холт успел схватить меня за руку и дёрнуть. Путь закончился у высоченной решётки с железными пиками наверху:

— М-да, а этого я не помню, — муж выглядел смущённым. — Сейчас посмотрю, что можно сделать. Правее есть дорожка, и если там сделали калитку...

Цепляясь за решётку, как за опору, по-крабьи поползли вправо... искать дорожку и калитку. Тут нам до утра точно не провисеть.

Калитка, выходящая на узенькую, обрамлённую валунами тропку, нашлась. Я не удивилась, когда Холт отдал мне корзину с дочкой, сунул руку за пазуху, извлёк оттуда несколько прицепленных к кольцу кривых железяк и стал по очереди запихивать их в замок. На пятой или шестой тот сдался и щёлкнул.

— Заходим, и я запираю за нами снова. Ссэнасс, нужна твоя помошь! — проверь дом!

Ларра неохотно соскользнула с моих плеч и потрусила по тропе в темноту. Я поёжилась — без неё стало резко холоднее. Странно как, она же не настоящая кошка...

Пока есть время — сунула руку в корзину Соль — ага, тепло, сухо. Правильно я шали купила! Оглянулась на Винту — та куталась в мою юбку и клацала зубами. Но, поймав мой взгляд, попыталась улыбнуться.

Холт закончил возиться с калиткой. Протянул руку, забирая тару с нашим дитём. Подставил локоть мне:

— Опирайся. Устала?

Не столько устала, сколько боюсь... Пока мы успешно убегаем и тянем время. Сколько сейчас? Наверное, около часу ночи. Или двух... А сколько нам ещё ждать подмоги? Ведь уже ясно, что лейтенант Кийт со своим десятком гвардейцев нас не спасёт. Надо дожить до того кирасирского полка. А он будет только к следующему вечеру.

Из темноты выскочила ларра.

— В доме люди. Сссемеро. Ссслье...

Засада. Скорее всего, на ньера Бернали, но в данном случае разницы нет.

— Ссэнасс, молодец! Вот там — сторожка. Проверь её? — показал в сторону кустов Холт.

Пока ждали, прятались под огромным деревом. Что за порода — дуб, платан, шелковица или что-то ещё, — в темноте было не разобрать. Под ногами хлюпало и чавкало. Но хоть сверху не капало. И сбоку не дуло.

— Пусссто! — гордо сообщила Ссэнасс, не прошло и пяти минут.

— Пошли? — улыбнулся муж. — Там нас точно никто искать не станет!

Глава 5

Чтобы дойти до цели, надо прежде всего идти.

О. Бальзак

Утро мы встретили, сидя на полу в крошечной комнатке с одним, занавешенным ситцевой тряпкой в синий горошек окном. Как только рассвело, Ссэнасс пробежала по дорожке, убирая наши следы. До самого склона за калиткой.

Мы доедали угрем с мокрым хлебом и хлюпали носами — кажется, простудились все.

Муж связался с Кийтом и велел тому ждать в трактире в центре города. Если что — оттуда до нас десять минут галопом. Но приказал лейтенанту самому никуда не лезть, пока не придёт подмога. Любопытствующим говорить, что, мол, ожидают прибытия корабля с важной персоной. А про кирасиров — строго молчать!

Мы сами на важных персон сейчас не тянули. А вот на погорельцев или утопленников — в самый раз. Я в очередной раз проверила Соль — у той под простынкой лежала моя шерстяная шаль, поверх фланелевой пеленки и байкового одеяла — её, и старое платье прикрывало корзину вместо балдахина. Зимовать можно. За книги я не беспокоилась — те были зачарованы от сырости. А вот то, что Винта начала чихать, мне совсем не нравилось.

— Знаешь, мой рыжий фризландец очень хотел вернуться и подраться, — Рейн притянул меня к себе под бок.

— Ты же не спал? Откуда знаешь?

— Ну, как-то почувствовал... Но — ты была права, — я сильнее. Намного сильнее.

К вечеру закончился угорь, хлеб, блины, несколько варёных картофелин и, главное, терпение. Я попеременно ёрзала и зевала, Винта таращилась на Холта большими испуганными глазами, Ссэнасс замаялась развлекать Соль, которой наскутила её корзинка.

— Ну всё, можно выходить, — наконец обрадовал нас муж. — Карета ожидает у ворот.

Какой выходить? Я весь зад отсидела, и застуженная спина не гнётся.

Холт фыркнул, как когда-то, на заре нашего знакомства, и протянул руку, помогая подняться. Потом сбросил с плеч плащ и накинул на меня:

— Переоденешься в гостинице. Кстати, наши вещи прибыли с каретой.

Винта крутила головой в попытке понять, в каких отношениях с Холтом мы состоим. Ну, пока не спрашивает в лоб, я помолчу.

Вышли наружу. Было ещё светло, и дождь кончился, но из-за влажности стоял туман, а от земли поднимался пар. С деревьев падали тяжёлые капли. А меж стволами мелькали синие мундиры кирасиров. Прекрасная картина!

Ещё больше я обрадовалась, увидев на подъездной дорожке Кийта верхом на его гнедом, двух гвардейцев сопровождения и знакомый тёмный экипаж.

Холт поднял руку в приветственном жесте, и жестом же, без слов, велел охране оставаться в сёдрах и следовать за нами.

Через полчаса мы были в гостинице. Заняли лучший номер из целых трёх комнат и тут же заказали горячий ужин. В коридоре, у дверей, тоже дежурили гвардейцы.

— Ну, вот мы и в безопасности, — улыбнулся Рейн. — Переодеваемся в сухое, едим... И, да, сейчас побреюсь, — недовольно провёл рукой по подбородку.

— Рейн! — сделала я страшные глаза, лишь только он вышел из ванной.

Он уставился на меня. Я качнула головой в сторону дальней комнаты. Не говорить же вслух при Винте, что у меня грудь болит? Я не сцепивала молоко больше суток и недокормила вчера ларру. И мужа... И теперь мне было совсем-совсем нехорошо.

Не знаю, что он понял, но взял корзину с Соль и пошёл к двери в спальню.

— Винта, послушай! — обратилась я к девочке, которая молча ждала на стуле у дверей. — Теперь всё будет в порядке, и мы о тебе позаботимся. По-настоящему позаботимся. Сейчас — вот рубашка и штаны — переоденься в чистое и до ужина отдохни на диване. А после еды поговорим, хорошо?

— Спасибо, тётинька! — Всем девочка хороша, и послушная, и умница, но этот звонкий голос было слышно, наверное, на половине этажа...

Кивнув, пошла вслед за Рейном.

Тот встретил меня у дверей. Счастливая Соль под присмотром ларры уже барахталаась на середине кровати.

— Сита моя...

— Угу, пока твоя. Но сейчас лопну! — спешно начала я распутывать завязки плаща.

Рейн сначала не понял, потом округлил глаза. И — невероятно — покраснел!

Не смущалась только ларра. Ссэннасс считала, что заработала свою полную миску, и я была с ней согласна.

Но Рейн... после вчерашнего страха, оказавшись с ним рядом, я чувствовала его близость острее, чем обычно. Под предлогом, что мне всё равно следует переодеться, он раздел меня целиком. Правда, я тут же нырнула под покрывало.

На себе он оставил только штаны. Хотя, кажется, поначалу порывался снять и их. Потом пробормотал: «Нет, не в гостинице и не в спешке...» Неужели же договорился со своим альтер эго и принял решение? О!

— Знаешь, вчера, когда дело стало оборачиваться плохо, я жалел только об одном — что у нас ничего не было.

— Ничего? А это что?

— Это — не то. Хотя тоже что-то.

Его губы ласкали грудь, а рука гуляла от шеи до лодыжек, оглаживая нежно и в то же время весьма настойчиво. Сейчас я сидела, опираясь спиной на изголовье кровати, а он лежал у меня на коленях. Я подняла руку, дотронулась пальцами до лица мужа...

— Рейн... я...

— Знаю. И я тоже. Очень-очень. Если бы не ужин. И обязанности...

Договорить Рейн не успел — за стеной загрохотало, словно уронили шкаф с посудой или люстру с потолка, а затем раздался дружный хохот. Похоже, в соседнем номере кто-то что-то праздновал.

М-да, всё же обстановка не совсем подходящая...

Снова что-то загремело, потом за стеной взвизгнули и заржали.

Рейн фыркнул:

— Гостиница...

Да понимаю. И гостиница, и Винта за незапертой дверью, и ужин будет вот-вот... и всё равно...

За стеной ухнуло и бухнуло. Я грустно вздохнула.

— Сита, ты такое сокровище! — сообщил глядящий на меня снизу муж. И тут же испортил всё впечатление, добавив: — Жаль, что надо

вставать...

За стеной послышался топот, следом раздался негодующий вопль... Ссэннесс, закончив вылизываться, заинтересованно навострила уши. Мм-м... Если будут дальше гулять всем табуном, пусть ждут в гости ларру. Она у нас — общительное существо с непредсказуемым чувством юмора.

Я надела серое шёлковое платье. Строго и элегантно. И, расчесав волосы, сделала низкий пучок.

Холт подошёл сзади, положил мне руки на плечи, поймал взгляд в зеркале:

— К такой причёске тебе бы пошли длинные серьги в старинном духе. С камнями в цвет глаз, длинными подвесками, в ажурной серебряной оправе. И, знаешь, вот странность — в Лореции у меня такие есть!

— Тётинька, какая ты красивая! — встретила меня голосистая Винта.

— Называй её ньера Сита, — строго поднял палец Холт. — Тебе купим платье завтра.

— Я не хочу платье! — серые глаза округлились. — Мне надо штаны!

— Винта, садись к столу, сейчас принесут еду, — вступила я. — А потом всё обсудим. — Улыбнулась. — А пока расскажи нам о своей маме? У нее был магический Дар, да?

— А вы, тётинь... ой, ньера Сита, откуда знаете?

— Ты видишь нашу Ссэннесс.

— Это кошка такая магическая умная? Да?

Я промолчала. Винта слогнула:

— Мама ушла два года назад. Она говорила мне никогда, никогда не носить женское платье и всегда прятать волосы.

Да, Рейн был прав. Это тянулось уже давно. И горожане не знали, у кого им искать защиты. Те, кто обязан их был охранять, оберегать, почему-то этого не делали.

— Она была магом, да?

— Не знаю. Но у нас было сухо и тепло без печки.

— А как ты думаешь, Арвинта, твоя мама хотела бы, чтобы ты поступила в магическую семинарию в Виэнии?

— Где это?

— На юго-западе отсюда.

— Не, я не могу... я буду ждать маму. А то она приедет, а меня нет.

Я закусила губу и посмотрела на Рейна. Тот покачал головой. Он думал о том же, что и я, — вряд ли мама Винты когда-нибудь вернётся домой.

— Арвинта, я обещаю, мы поищем твою маму. Но тебе следует учиться читать, писать — ты же уже большая!

— А я умею читать и писать! — Винта вздернула голову. — Я могу жить одна, я жила! И теперь я буду очень-очень осторожной!

На этом разговор закончился — принесли ужин. Мы, не завтракавшие и не обедавшие, встретили горячее мясо с овощами с большим энтузиазмом. Сюрпризом стало то, что Винта посмотрела на нас... а потом взяла нож в правую руку, вилку в левую и стала аккуратно есть.

— Винта, как звали твою маму?

— Оридия лен Санрини.

«Лен»? Ещё одна неожиданность.

— А когда она исчезла?

— Два года и месяц назад... — Глаза Винты набухли слезами.

— Мы поищем, обещаю, сделаем, что сможем, — я посмотрела на Холта, тот кивнул.

— А где папа?

— Не знаю, я его никогда не видела.

— А что говорила мама?

— Что он на корабле уплыл, и мы ждать должны.

Дождались. Двенадцать лет... Что бы там ни было, но Винту нужно было вытаскивать из этого круга сломанных надежд.

— Знаешь, Винта, у меня тоже нет мамы.

— А что с ней случилось?

— Познакомимся поближе — расскажу...

Мы с Винтой, Соль и Ссэннесс пошли спать в одну комнату, ту самую, где была широкая кровать и плясали за стенкой. Холт отправился в противоположную.

О результатеочных бдений мужа я узнала наутро.

— Прибыл ещё один полк. Город окружён, дороги перекрыты. Мэр, начальник полиции, начальники таможни и порта арестованы. Три отделения полиции взяты, всех полицейских повязали — вряд ли кто-то сохранит свой пост. Квартал иностранных купцов оцеплен. Склады сейчас обыскивают. А в гавань с ночным приливом войдёт королевская эскадра. Другая эскадра движется наперерез к Симиру — может быть, успеют ещё кого-то перехватить. А потом наши встанут там «с дружественным визитом», и поведём переговоры через посольство: в торговле и хороших отношениях с нами они ой как заинтересованы.

Ух ты! И всё это за один день...

— Есть первые результаты. На «Летучей рыбе» — одной из шхун из нашего подозрительного списка — в трюме нашли трёх девушки. И ещё двух — в одном из купеческих домов.

— Что будет с купцом? — заинтересовалась я.

— Ну, раз он совершил преступление на земле Таристы, то и отвечать придётся по нашим законам. А что у нас за работорговлю — сама знаешь.

Слышала. Однозначно — конфискация имущества и смерть. Ну и волей же будет!

— Да, шум будет. Но если простить — уважать нас и наши законы не станут никогда. А если выяснится, что за белокожую наложницу можно заплатить не кошельком, а головой, аппетиты резко поубавятся. И, кстати, из столицы — разбираться с виновными и искать пропавших — по просьбе короны едут двое магов. Работорговлю у нас очень не любят...

— Рейн, но как вышло, что это длилось годами?

— Как? Думаю, ответ надо искать в Лореции. Почему те жалобы, которые писались, ложились под сукно? И как вышло, что чиновники сплошь оказались коррумпированы, но никто этого не заметил? Сита, — посмотрел внимательно мне в глаза, — где-то в Лореции прячется огромная акула. И она наверняка знает, что охота началась!

Дальше, предсказуемо, Рейн предложил отправить меня в гости к ньери Расселу... годика на три. Пока всё утрясётся.

Я огрызнулась, напомнив о «в горе и в радости».

Он ткнул пальцем в колыбель Соль.

Я показала на ларру и добавила, что пусть хоть сейчас разведётся, я, как свободная женщина, сама потащусь за ним хвостом.

Рейн обречённо вздохнул... Но, по-моему, он был рад!

За покупками для Винты Рейн отрядил со мной четырёх гвардейцев. А одетой в плащ девочке велел держать рот на замке — саму её под капюшоном было не разглядеть, но вот голос... Когда вырастет, это дитя сможет командовать без рупора флотилиями или работать корабельной сиреной — такую услышишь с другого берега моря!

Сам Рейн мирно устроился у стола с бумагами и никуда не рвался.

— А зачем? — поднял он на меня взгляд. — Заметь, мы тут опять как бы и ни при чём. Был зануда-инспектор, была его страдающая нездоровой любовью к рыбе и любящая запасаться продуктами впрок служанка... — подмигнул, — даже если кто-то и свяжет наше исчезновение с тем, что происходит в городе, лиц всё равно никто толком не запомнил. А в иной обстановке, в другой одежде, с изменившимися манерами нас будет и не

узнать. Я тебя сейчас и отпускаю спокойно, потому что ты собираешься в места, куда не заходила раньше, да ещё как знатная ньера. Ну и, разумеется, под охраной.

Покупки были предлогом. Сначала мы поехали на улицу Суалибили — мне хотелось взглянуть на наш дом. И было на что...

От здания остался закопчённый остов. Все окна были окружены широким ореолом сажи, видно, полыхало сильно. Крыша провалилась. По улице плыл запах горелого. У входа в бывший магазин по лужам чёрной грязи бегал туда-сюда ньер Петронио без головного убора — судя по всклокоченной шевелюре, ювелир драл на себе волосы. Винта открыла было рот, но я поднесла палец к губам, и девочка послушно промолчала.

Мои чувства были двоякими. С одной стороны, это несчастье спровоцировало наше присутствие, с другой — ньер Петронио снял хрустальные люстры, но ни намёком не дал знать об опасности женщине с грудным младенцем, которую хотели сжечь живьём, чтобы избежать огласки.

Так что пусть разбирается сам. Застрахован — молодец. Нет — погорел. Хотя на месте страховщиков я бы притормозила выплаты, прослушав о хрустальных люстрах.

Потом, руководствуясь указаниями Винты, мы поехали туда, где девочка жила до того, как мама пропала, а её саму выселили из дома. Карету пришлось оставить за углом — в узком переулке, круто спускавшемся к морю, той было бы негде развернуться. Двое гвардейцев пошли с нами. Я не возражала — даже если все бандиты уже повязаны, свою долю случайного везения я исчерпала на месяц вперёд. А бережённую Рианнес бережёт.

Винта привела нас к небольшому белому домику с голубой деревянной дверью. Садика перед ним не было, только рядом со ступенькой у двери стоял один горшок с неизбежной красной геранью. На двери висел начищенный латунный молоток в форме кошачьей мордочки с кольцом в пасти.

Я постучалась. Через минуту послышались быстрые шаги и голос:

— Кайта, Кайта — это ты?

Лязгнул засов, дверь распахнулась, и мы увидели симпатичную молодую женщину, торопливо вытирающую испачканные мукой руки о широкий белый фартук.

Мы уставились друг на друга.

— Добрый день? — В конце приветствия звучал явный

вопросительный знак.

— Мы с племянницей, — я положила руку Винте на плечо и сжала пальцы, — ищем прежних жильцов этого дома.

— Зачем? — Хозяйка попыталась сдуть со щеки упавшую на лицо светлую прядь. Та приподнялась и снова упала на щеку. Вздохнув, женщина укоризненно посмотрела на ладонь в муке и заправила прядь за ухо.

— Моя мама пропала... — всхлипнула Винта.

Может быть, она была и права. Против этих серых глазищ не устоит даже каменное сердце.

— Заходите, — кивнула блондинка, — поговорим.

Гвардейцы остались снаружи.

Сиранта с мужем купили этот дом недавно, прошедшим летом. До того они жили в деревне, но мечтали перебраться в город, копили, откладывали деньги, а тут Ториг получил небольшое наследство от бабушки... вот, хватило. С ними поехала сестра мужа. Кайта думала, что найдёт в городе работу и выйдет замуж — девушка была хорошенькой. Торигу ещё хватило на лодку — руки у мужа росли из правильного места, и освоил он новый промысел быстро. Казалось бы, счастье было полным — долгов нет, еды вдоволь, заработка неплохой, даже на обновки оставалось... но три дня назад пропала Кайта. Ушла за покупками — и не вернулась. Муж бросил промысел, бегает по городу, ищет... только никто ничего не видел, и где искать — непонятно.

— Мама Винты исчезла два года назад. Вот, мы зашли узнать, нет ли вестей... — Я вздохнула. — В Сафрине пропадали молодые женщины, плохо, что соседи вас не предупредили, — покачала я головой. — Но больше этого не будет. И, Сиранта, может быть, мы сумеем помочь. Вчера нашли пять девушек из похищенных. По домам их пока не отпустили, нужно сначала узнать всё о случившемся. Есть вероятность, что среди них и ваша золовка. Думаю, сопровождающие нас гвардейцы знают, где сейчас девушки. Если хотите, мы вас проводим.

— Пять? — у Сиранты округлились глаза.

А я глядела на неё. Молоденькая пухленькая милая голубоглазая блондинка. Её счастье, что приехали они недавно, и, очевидно, приводя дом в порядок, Сиранта и носа за дверь не высывала...

— Да-да, сейчас я пойду с вами! Вы подождёте, пока я переоденусь?

— Не говорите пока мужу — вдруг её там нет? И возьмите на всякий случай запасной плащ, — посоветовала я. — И, Сиранта, можно попросить

vas о небольшой услуге?

— Да, конечно! — Хозяйка металась по комнате, одновременно развязывая фартук и проверяя содержимое холщовой сумки.

— Мы оставим письмо. Храните его. И если сюда придёт мама Винты — её зовут Оридия лен Санрини, — отдайте ей, чтобы она знала, где найти дочь.

В письме я оставила адрес моего наставника Рассела лен Дилэнси, а Винта приписала внизу несколько кривых крупных строк от себя.

— Конечно! — улыбнулась Сиранта.

Мы подождали хозяйку на улице. Я оглядывалась и вдыхала свежий солёный воздух. Непогода закончилась, и, хоть ненадолго, снова выглянуло солнце. Ещё влажные булыжные мостовые, красные мокрые крыши — всё выглядело новым, ярким, почти праздничным. А может, то было настроение. Мне казалось, что вместе с дождём будто смилось, растворилось, ушло нависавшее над городом тёмное облако...

Вот только жаль, что Сафрины я так толком и не видела — ни набережной, ни гавани, ни — был тут такой — музея древностей. Улыбнулась — служанкам положено ходить по хозяйственным делам, а не по городским музеям.

Но следовало поспешить — мы отсутствовали уже почти полтора часа, а Соль вечно спать не будет.

Оказалось, что освобождённых пленниц отвезли в один из полицейских участков. Старший из сопровождающих нас гвардейцев сказал что-то двум стоявшим у двери кирасирам, и Сиранту пропустили внутрь. Я осталась в карете с Винтой — показывать одиннадцатилетней девочке, чем могло бы закончиться вчерашнее происшествие, мне не хотелось. И оставлять её одну — тоже.

Сиранта появилась быстро, минут через пять, с лицом белым, как мука, из которой она пекла свои пирожки.

— Спасибо вам, Кайта тут, она жива... но она... она... — Лицо исказилась, по щекам побежали слёзы.

Я незаметно показала на Винту и покачала головой. Не при детях.

Сиранта поняла, кивнула, одновременно вытирая рукавом слёзы:

— Я побегу за мужем. — Попыталась криво улыбнуться. — Главное, что живая.

Я сама прикусила губу — столько слёз, сломанных жизней, страха, сиротства — зачем?! Неужели деньги этого стоили? Ну что же, кто бы ни

был в этом виноват, он заплатит. И ценой будет его собственная кровь. Я не злая — но по всем меркам, человеческим и божеским, он заслужил смерти.

Посмотрела на Винту.

— Ну, Кайта отыскалась, и живая... поехали за покупками?

— А вдруг тут есть моя мама? Я тоже хочу посмотреть!

Без шансов. Но если отказать, спорить могу, Винта удерёт при первой возможности, чтобы вернуться сюда.

— Скажи мне, как выглядит твоя мама, и пусть гвардейцы проверят. Нас не пустят. — Я слегка лукавила, меня, может быть, и пустили бы. Но у меня тоже есть предел, а я — кормящая мать. И тут заменить меня некому.

— Она красивая. Волосы светлые, глаза синие. А на щеке, вот тут, — Винта ткнула пальцем, показывая, где, — ... родинка.

— Ньер Ферандо, — высунувшись из окна, я обратилась к гвардейцу, которого знала по имени. — Проверьте, пожалуйста, нет ли среди найденных женщин светловолосой синеглазой ньеры с родинкой вот здесь. Имя — Оридия лен Санрини.

Мы ждали недолго. Гвардеец вышел, покачал головой:

— Никого с родинкой. — Отвёл глаза. И, уже в сторону, одними губами: — Своими руками убил бы гадов!

Правильно я не пошла.

До возвращения мы ещё успели прикупить Арвинте в дорогом магазине на центральной улице две пары штанов — из полотна и хорошей шерсти, куртку, три рубашки и сапожки. Ну и мелочи вроде щётки для волос, носков, носовых платков. И саквояж, чтобы всё это уложить. То, что магазин именовался «Мода для юных ньеров», Винту не смущило. А вот от покупки юбки она отказалась наотрез. «Мама не велела», и всё тут.

Я не стала спорить.

Вернулись мы вовремя — Соль уже не спала, хотя её пока успешно развлекала ларра.

Винта, взяв саквояж с покупками, исчезла в соседней комнате — отправилась примерять обновки.

А Холт поманил меня пальцем:

— У меня есть пара новостей. Правда, хорошими их не назвать. Пока вас не было, я по-быстрому обернулся до порта и обратно. Нужно было кое-что проверить. Так вот. Помнишь, в реестре потопленных пиратами кораблей была такая «Голубая жемчужина» — двухмачтовик с высоко задранным бушпритом и большой надстройкой на корме? Я сначала думал,

что обознался. Так нет, это она!

— А кому она сейчас принадлежит?

Варианты могли быть разными — от ни о чём не подозревающего добросовестного приобретателя до родича прежнего владельца, учинившего мошенничество ради страховки.

— Она — одна из списка тех, которые мечутся как угорелье между Сафриной и Симирой. Что приводит нас к мысли...

— ...что работорговля тут и пиратство на Закатном океане — связаны, — закончила я за мужа.

Холт кивнул.

— А вторая новость?

— Сита, иди ко мне ближе, дай я тебя обниму.

Похоже, что-то совсем плохое.

— Рейн?

— Два года и один месяц назад, не успев выйти из гавани, вспыхнула и взорвалась шхуна «Улыбка богини». Не спасся никто. Происшествие списали на взрыв порохового погреба, но я сделал запрос и уже получил ответ — на «Улыбке» никогда не было пушек.

В голове бешеным хороводом закрутились мысли... Зачем он это рассказал? Два года и один месяц — звучит знакомо. Да! Как раз тогда пропала мама Винты, которая умела держать дом в тепле и сухости, даже не топя печку...

— Сита, магини могут сотворить такое?

— Да, могут. Ты же знаешь. — Я прижалась к нему теснее, обнимая за талию, пряча лицо на груди. И я тоже могу, если отнять у меня всё, если смерть покажется желаннее жизни. — Ты думаешь, это сделала мама Винты?

— Да, я думаю, Оридия лен Санрини никогда не вернётся домой.

— Бедная Винта... она так надеется... так ждёт...

Мне показалось, или за спиной мужа тихонько скрипнула дверь?

Выглянула из-за его плеча — нет, вроде бы всё закрыто. В комнате, кроме нас, никого не было.

Глава 6

Произведение оптимизма на знание — величина постоянная.

Л. Ландау

Ночью я проснулась от всхлипываний Винты. Девочка, чтобы не беспокоить меня, отодвинулась на самый край кровати и скорчилась там в позе эмбриона, закусив зубами угол подушки и стараясь не плакать в голос. Её тряслось мелкой дрожью.

Неужели она слышала что-то из нашего разговора? Или это просто реакция на всё случившееся в последние дни? Чего стоит ребёнку держаться, как держалась Винта, — не показывая страха, не жалуясь, поспевая за двумя взрослыми в темноте, под проливным дождём?

Сама подвинулась к ней ближе и молча обняла. Укрыла одеялом и стала гладить по голове, тихо шепча: «Всё будет хорошо... Всё будет хорошо...» Винта сначала пыталась меня отпихнуть, а потом прижалась и затахла. И уснула.

Ничего. Жизнь продолжается — это я знала по своему опыту.

Рейн сказал, что нам предстоит пробыть в городе ещё три-четыре дня, — он хотел самолично досконально изучить списки замешанных в работорговле чиновников. Особое внимание обратить на вступивших в должность пару лет назад и узнать, кто именно в столице подписал приказы об их назначении.

Два стоящих в гавани судна из нашего перечня подозрительных уже были арестованы. Вместе с командами. Степень причастности и виновности предстояло выяснить. Ещё четыре корабля должна была перехватить в море вторая эскадра. Муж считал, что найти их владельцев вряд ли удастся, поскольку таких может вовсе не существовать в природе. А вот след денег, полученных за продажу девушек, мог куда-то привести. Ведь либо золото клали в банк либо кому-то передавали. И так и эдак — есть шанс отыскать...

В купеческом квартале нашли ещё одну молодую женщину из предместий — её прикупил себе для утех хозяин. Именно прикупил, не нанял... Причём продавцом оказался не кто иной, как начальник полиции

Сафрины.

Я поинтересовалась — а как же те агенты короны, которые должны были писать отчёты о положении дел в городе? Рейн пожал плечами:

— То самое, о чём я тебе говорил. Один, очевидно, продался. За что теперь и поплатится. А другой пропал — по словам гвардейца, которого я послал навести справки, жильцы выехали полгода назад в неизвестном направлении. То есть нового адреса нет, и в городе их больше никто не видел.

— И что сие значит?

— Что надо проверить ещё и начальника почты. Не исключено, что письма, идущие в столицу, вскрывались. И хотя адресатом значился не тайный департамент, а якобы живущая в столице племянница, кому-то могло не понравиться, что по Лореции поползут слухи о том, что в Сафрине исчезают девушки.

— Рейн, но кто будет вести все допросы, дознания? Ведь надо быть уверенным, что переловят всех виновных, что никто не откупится, не уйдёт от возмездия. И ты должен знать точно, что предоставленные тебе сведения — истинные, что все необходимые вопросы были заданы и ответы получены.

— Знаешь, не все кирасиры во втором полку — просто кирасиры. Я спустил на город целую свору сыщиков, и поверь, ни один камень на этом берегу не останется неперевёрнутым... — нахмурился, потёр лоб. — Сита, у меня с глазами что-то странное.

— Что, Рейн?

— Как плывёт всё. Будто сильно головой ударился. Точнее, ничего не болит, но контуры предметов, они словно в радужной дымке... не пойму. — Вперился в меня, криво улыбнулся: — Ты у меня — какая-то розовая. Даже не розовая, а, знаешь, по весне в предгорьях цветут цикламены?

— Рейн... — цикламеновая я озабоченно уставилась на мужа. Прищурилась, аура была тревожной, с рыжими всполохами. Похоже, ту неделю слепоты он запомнил крепко.

— А сейчас почему-то посинела... — сообщил мне Рейн задумчиво.

Посинеешь от таких мыслей... О, вот! Представила лицо Соль, причмокивающей у моей груди:

— А сейчас, сейчас как?

— Опять цикламеновая, даже с алым. И будто ярче стало.

— Рейн! Ты стал видеть ауры!!!

— Что?!

— То! Ты. Видишь. Ауры.

— Да-а?! — уставился на меня, потом брови поползли вверх. — Неужели ты так по жизни в розовом тумане и ходишь? — Перевёл взгляд вниз, на свою руку. Растирыил пальцы. Соединил. Растирыил. Укоризненно покачал головой.

— Нет, не хожу. Послушай, у нормальных магов это приходит с созреванием, годам к двенадцати-тринадцати. И я учились включать и отключать магическое зрение по своему желанию. Это — вроде как пассивное умение, не требующее расхода магии. Можно смотреть на мир, как все вокруг. Можно — как ты сейчас. А можно — но это надо тренироваться, выработать фокусировку — видеть ауру интересующего тебя человека посреди толпы. Это просто особенность организма, примерно как слышать высокие звуки или видеть самый тусклый свет. Но ты понимаешь, что это значит? Твои способности растут!

— Мм-м. Сита, слушай. Никому, вообще никому, об этом не говори. Даже ньера Расселу. Пусть я для всех останусь обычным человеком, хорошо?

Поняла. Это — дополнительный вид чувств, добавочный способ получения информации, при умелом использовании — детектор лжи. А при том, что по ауре мага от не-мага и не отличишь, Холт может скрывать свои новые таланты долго... очень долго...

— Хорошо. Но это обнадёживает, да?

— Поглядим, — улыбнулся муж. — Ты меня научишь, что с этим делать?

— Конечно, — засмеялась я в ответ.

Он поймал меня за руку и притянул к себе.

— Скажи, а маги могут читать мысли других людей?

— Я не слышала. Точнее, так. В учебниках об этом ничего нет. Я когда-то спрашивала у учителя, тот сказал, что таких заклинаний не существует. Или же их никто не знает. Но в то же время достоверно известно и подтверждено опытами, что магически одарённые близнецы иногда видят глазами друг друга. Например, одного из пары сажали в закрытой комнате и давали рассматривать картину. А второй — на другом конце города — описывал увиденное словами так, словно полотно висело у него под носом. Включая трещины на краске и подпись художника. Но, в общем, такие феномены крайне редки. Сам понимаешь, чтобы близнецы, да ещё маги... и практического применения это не нашло. Не в карты же жульничать?

— Близкие люди. А мужья с женами?

— Не знаю, — я подняла его ладонь, потерлась об неё щекой.

— Ладно, поживём-увидим, — чуть пожал плечами муж. И, высвободив руку, стал водить пальцем по коже в вырезе моего платья. Склонился к уху: — Если б не гостиница и не Винта рядом...

— А как твой северянин? — перехватила я настойчивую длань, которая попробовала нырнуть вниз, под ткань платья.

— Знаешь, в голове вертится имя «Ингварр», вроде как с двумя «р» на конце. А дальше что-то непроизносимое...

— Ну, это ты магический язык пока учить не начал. Непроизносимое — это там. Но Раиндэлл Ингварр лен Холт — звучит красиво. Главное, чтобы твоё «Рейн» всегда стояло первым.

Хорошо, что Рейн уже не нервничает и не мечтает переломать мебель и перебить посуду, а шутит. И добавила:

— В Лореции есть большая библиотека, да? Вот если такой фризландец существовал, там о нём наверняка что-нибудь найдётся. Приедем, покопаемся, да? Ой, Рейн, пока есть время, ты не посмотришь мою спину? И не покажешь свою?

— Ну, я синий и без осмотра. Вдоль позвоночника как муравьи строем ходят — дивное чувство. А на тебя с удовольствием взгляну. Пойдём ко мне в комнату?

— Мм-м... — сообщил Холт пять минут спустя, водя пальцем по моей спине.

Расстёгнутое платье он спустил до талии.

— Может, перейдёшь на тарисийский? — слегка желчно осведомилась я. А то сидит, что-то там рисует и ничего внятного не говорит.

— Кожа у тебя, как лепестки весенних яблонь... А синего стало меньше. Расплывчатых линий нет вообще, и светится примерно четверть от того, что было вначале.

Это хорошо. Выходит, к тому моменту, как мы попадём в столицу, я снова смогу магичить. Вот только знать бы — стало у меня всего больше или меньше? Обидно, если зря страдала. Оправила платье:

— Рейн, давай я тебя посмотрю.

— Хорошо. Только расстегни рубашку сама. Да-а... вот так. Манжеты, теперь от ворота вниз...

Его голос казался другим, глубоким, хрипловатым. Подняла глаза — смотрит на меня в упор из-под полуопущенных век. Занервничав, облизнула губы. И, похоже, он узрел в этом какой-то намёк — через секунду я оказалась лежащей на спине в платье, опять почему-то спущенном до пояса. А он, в непонятно как молниеносно расстегнувшейся

рубашке, навис сверху. Опираясь на руки, чтобы не давить всем весом мне на грудь.

— Си-и-та-а...

Одна рука нырнула вниз, задирая подол. И, не останавливаясь на этом, потянула завязку панталон. Ладонь скользнула под распустившуюся тесёмку, и ещё ниже — я ахнула, почувствовав его пальцы. И стала отпихивать от себя.

— Не брыкайся, — он улыбался. — Сейчас отпущу. Всё, что хотел, я уже узнал. — Перекатился вбок. — Погляди мою спину?

Угу. Сейчас, глазки в кучку соберу и посмотрю. И даже скажу что-нибудь умное.

Но, если серьёзно, изменения были, и явные.

Да, он был ещё синюшным и светящимся, как лучшая гнилушка с образцового болота. Но зато замкнутые контуры пятен сгладились, приобрели плавность и чёткость. Пока разрывов, как у меня, в линиях не было... но ведь и магии он хватанул на порядок больше. И до того был лишенцем. Я сочла картину внушающей надежду, о чём и сообщила мужу.

Пока приводила себя в порядок — я собиралась пойти поиграть и позаниматься с Соль, но являться Винте в таком виде значило подать дурной пример, Холт присел за стол и достал лист с непонятной схемой, напоминавшей то ли паутину, то ли развесистое родословное древо кого-то дюже знатного. Десятки кругов, в каждом — имя. И между ними — чёрточки взаимосвязей. Разные. Жирные чёрные линии. Тонкие чёрные линии. Пунктиры.

— Что это?

— Сама видишь. Наши фигуранты и то, как они связаны между собой. Это только те, кто проживает в столице и каким-то боком причастен к этой истории. Подписывал назначения нечестных чиновников, игнорировал жалобы, покрывал явное мошенничество со страховками кораблей и т. п.

Гм. Да тут их...

Холт верно понял моё выражение лица:

— Много, да? Я б сказал, это не просто злоупотребление властью ради наживы. Предполагаю, здесь большее...

— А почему линии разные?

— Жирные — точно установленная связь: неоднократно оказанные услуги, родство, партнёрство. Тонкие — известные разовые контакты. Пунктир — мои предположения. Но видишь, какая путаница?

— Мм-м... — я пригляделась. — Рейн, если поменять вот эти два имени местами, то уберутся длинные тонкие через весь рисунок, и всё

станет выглядеть попроще.

Холт всмотрелся.

— Согласен. Ещё идеи будут?

— Да. Думаю, все имена надо написать на отдельных кружочках плотной бумаги. И тогда, меняя их расположение друг относительно друга, нужно будет перерисовывать только связи.

Муж заинтересованно прищурился.

— А ещё?

— А ещё разбей на группы по какому-нибудь осмысленному ключевому признаку и промаркируй кружочки с именами цветом. Вдруг увидим что-то новое?

То, что правильный способ представления данных — это наполовину решённая задача, ньер Рассел вдолбил в мою голову намертво.

— И по какому принципу предлагаешь делить?

— Кто бы знал... — задумалась я. — Родство. Учились в одной семинарии, так сказать — однокашники. Или держат деньги в одном банке. А ещё стоит проверить сделки с недвижимостью — не продавал ли или не уступал ли кто-то кому-то чего-то хорошего по льготной цене... Тогда будет хоть видно, кто с кем расплачивался.

— И откуда у меня такая умная жена? — наклонил голову набок Холт.

— Нанял? — невинно осведомилась я.

Рейн засмеялся.

В другой спальне Винта в новых штанах и с блюдом антипедагогичных, но таких полезных для улучшения настроения пирожков с повидлом прямо на кровати листала мой учебник. Я подняла бровь.

— Тё... ой, ньера Сита, я аккуратно! Пирожки беру левой, а страницы листаю правой! Откуда у вас эта книжка?

— От мамы, — честно сказала я.

— А у вас мама тоже магиней была?

— Была. И, Винта, послушай меня. Попробуй говорить потише, хорошо? Мы же не на рынке, где стоит шум да гам. Как думаешь, хорошо ли, если половина этажа услышит, что у наших мам были магические способности?

— Ой! — Винта виновато уставилась на меня, прикрыв рот ладошкой с обгрызенными ногтями.

Я кивнула:

— Да, важность сохранения тайн ты уже хорошо понимаешь. А ещё

юные, — улыбнулась, — и даже не очень юные ньеры не голосят, как рыбные торговки на пристани. Мягкость тона и мелодичность голоса не мешают нам быть не менее крутыми, чем самые суровые, побывавшие в невероятных переделках, насквозь просоленные морские волки.

Винта неуверенно улыбнулась в ответ на мою не слишком удачную шутку.

— Винта, скажи, тебе нужно сделать в Сафрине что-нибудь ещё? Через пару дней мы уедем и не вернемся сюда долго.

— Я хотела Воблу побить, думаю, это он меня ловцам продал.

— Ловцов больше не будет. И, знаешь что, вставай иди к ньери Рейну. Расскажи ему всё-всё-всё, что знаешь и о ловцах, и об остальном. Это поможет сделать так, чтобы больше девочки могли не бояться ходить по улицам в юбках.

— И отомстить за маму...

— И отомстить за маму, — согласилась я.

— Иду. Я кое-что слышала, всё расскажу!

Оказалось, что после того, как Винту выгнали из дома, та где только не искала ночлег. И одним из хороших мест оказался сеновал на чердаке конюшни большого постоялого двора. Забиралась туда через узкое чердачное окошко Винта по вечерам, после того, как лошадям раздавали на ночь сено. Мало того, сообразительная девочка ещё и догадалась накидать скорлупы от орехов под приставленной к сеновалу лестницей. Как кто наступит — у него под ногами трещит, и можно успеть спрятаться в углу или выскохнуть на крышу.

Несколько раз Винту спугивали любовные парочки или зашедшие в поисках тепла выпивохи. Но один раз она стала свидетельницей разговора важного приезжего господина с кем-то из местных.

В тот весенний вечер на улице лил дождь. Поэтому, когда внизу раздался хруст скорлупы под сапогами, девочка просто юркнула в угол, прикрывшись сеном.

Мужчины прошли в конец коридора и остановились прямо под ней. Видеть собеседников через дощатое перекрытие Винта не могла, а вот слышала разговор прекрасно.

Пересказать дословно, о чём шла речь, спустя полгода у Винты не вышло. Она честно морщила лоб, пытаясь сосредоточиться. Райн подсел к ней, взял маленькие ладошки в свои руки, передавая уверенность и одобрение:

— Не волнуйся. Просто давай по порядку...

По порядку было так. Один лебезил, а другой вёл себя важно, слова не произносил, а ронял, как брошенные нищему от щедрот монеты. Первый, заискивая, называл второго «высоко...» — тут Винта запуталась. То ли «...превосходительством», то ли «...благородием». Что-то длинное. И имя было — Фы..., Фе... — какое-то чудное, затейливое. Винта такого раньше не слышала. Но «Ф» там точно было.

Рейн тоже задумался, потом пожал плечами.

Сначала девочка не поняла, что речь идёт о поставке девушек в Симиру. Их — похочатывая, словно хорошо пошутили, — называли «розы Сафрины», или просто «наши розочки». А потом, когда речь зашла о «непокорных — секите, но так, чтобы шрамов не осталось. Или привяжите к кровати на денёк и отдайте экипажу — а остальных смотреть заставьте», до Винты дошло. Ещё упоминался какой-то ньер Ке... Кей... — во! — Кейрист, который опасен и которого надо убрать вместе с семьей.

— Пропавший агент, — вслух вздохнул муж.

Договорились до того, что следующий перевод денег — пятьдесят тысяч соленов — подобострастный тип пообещал отправить через «Банк корабелов Равсела» не позднее конца мая. Название банка Винта запомнила, потому что именно в нём мама хранила их небольшие сбережения.

Под конец тот, который важный, пообещал безопасность и бездействие со стороны властей и сказал, что завтра покинет Сафрину, мол, надоел ему этот дождливый захолустный городишко. Второй кивал и поддакивал.

— Итак, у нас есть название банка, через который шли переводы, и часть имени. Винта, ты молодец! Повтори, как назывался постоянный двор? «Счастливая волна»? А точную дату помнишь? Нет? Жаль. Ну ничего, сейчас дам команду проверить журнал постояльцев за весну.

А ещё Винта выдала целый список тех, кто высматривал, выслеживал, хватал девушек. Ловцов. С описаниями, прозвищами, даже адресами. Это было здорово. Только меня слегка царапнуло, что Винта испытывала явное удовлетворение от свершающейся мести — щёки раскраснелись, глаза горели, ноздри раздувались. Кстати, имя Воблы прозвучало тоже. Понять можно. Похоже, потерявшей мать девочке, которая пряталась и тряслась от страха день за днём, месяц за месяцем, было необходимо почувствовать себя снова сильной, уверенной. Победительницей.

Качнула головой — может, мне просто кажется, что она слишком наслаждается возможностью отплатить? Это взрослые привыкли держать эмоции в узде. А у детей всё выплёскивается...

Ведь Винта не злая. Об осиротевших котятах заботилась. Купила

молоко для них на последние деньги. Это — поступок доброй души. Так что, наверное, зря я беспокоюсь. Меня же не тревожит то, что Рейн мстит за отца? Правда, муж делает это молча, с непроницаемым лицом, а не шипит, как закипающий чайник. Но он взрослый. А Винта ещё ребёнок. И мстить за неё и её маму некому. Всё справедливо.

Отправив Винту доедать пирожки, Холт пробежал глазами исписанный лист.

— Сейчас отойду на пару часов. Не волнуйся. Обед принесут, я распорядился, охрана у дверей стоит. Это, — помахал листом, — отдам своим людям. А журнал из трактира хочу просмотреть сам, может, увижу знакомые имена. Эх, жаль, ты сейчас не можешь делать копии записей, как в Салерано.

Шагнул к двери. Обернулся:

— Сказать мне на прощанье ничего не хочешь?

Кивнула:

— Хочу. Если будет непонятно по датам, смотри, кто занимал лучшие комнаты и требовал больше всего дополнительных услуг.

Холт кивнул в ответ. Лицо казалось нейтральным.

Только когда он закрыл дверь снаружи, до меня дошло — ему не нужен был совет. Он хотел, чтобы я с ним попрощалась, поцеловала и попросила вернуться быстрее. А я вместо этого... Ох, ну я и дура!

Пока я купала Соль, Винта стояла на подхвате с полотенцем и преданно ела меня глазами. Наконец, она не выдержала:

— Тё... ой, ньера Сита, можно я спрошу?

— Спрашивай, — улыбнулась я.

Винта сглотнула. Открыла рот, закрыла. Похоже, вопрос был для неё очень важен.

— Вы с ньером Холтом ищете того, кто всё это сделал, да? Того, из-за кого пропала моя мама? Можно, я с вами?

Я покачала головой:

— Винта, ты — будущий маг. И в том возрасте, когда нужно учиться, а не думать о мести. Я могу — и хочу — отправить тебя к ньеру, который научил меня всему, что я знаю. Он стал моим наставником, когда я тоже осталась без мамы, а тётя не могла меня содержать и не была в состоянии со мной справиться. Его зовут ньер Рассел лен Дилэнси, он преподаватель магической семинарии в городе Виэния. Поверь, он — хороший человек и замечательный педагог. Я, — улыбнулась, — надеюсь однажды вернуться к

нему сама, в аспирантуру.

Винта смотрела на меня отчаянными глазами. Нижняя губа задрожала.

— Не отсылайте меня! Я не хочу... Я хочу с вами. А если вы не можете меня содержать, я сама смогу прокормиться, честное слово! Только не прогоняйте меня!

— Мышка, — можно я буду звать тебя так? — Мышка... Тебя никто не прогоняет. Но там, куда мы едем, может оказаться опасно. Сама я ехать должна. А вот девочке, ребёнку, там не место. Ты уже и так много пережила.

— Я полезная, я много умею! Могу готовить, могу на посылках бегать, за покупками ходить, дом убирать! А ещё я умею красивые прически делать, меня мама научила, я ей помогала. А, — в серых глазищах заблестели слёзы, — если не хотите меня брать, тогда оставьте тут. В Сафрине я хоть всё и всех знаю.

Справедливо. Ведь она — человек, а не собака или кукла. И способность быть самостоятельной доказала.

— Хорошо, Винта, — я подхватила брыкающуюся Соль поперек животика, выудила из ванны и ловко подставила полотенце. — Тогда слушай. Сначала ты должна узнать, на что соглашаешься. Основное — мы все можем оказаться в опасности, как две ночи назад. Причём откуда грозит беда, я не знаю. Знаю только, что точно грозит.

— Я понимаю, — мотнула русой головой Винта.

Вот что я делаю, а? И не придётся ли потом за это бесконечно себя грызть? Но оставить её здесь, в Сафрине, в бессмысленном кругу напрасных ожиданий — тоже не выход.

— Понимаешь? Тогда докажи это. За эти два дня до отъезда ты должна научиться говорить тихо, как положено юной ньере. И ещё — ты поклянешься памятью мамы, что никому и никогда не расскажешь о том, что знаешь о нас. Что моя мама была магом, что у нас есть Ссэнасс и обо всём остальном, что увидишь или услышишь. Хорошо?

— Это как вы — изображали служанку, да? Чтобы все думали, что вы ничего не знаете и вообще ни при чём?

Сообразительная девочка.

— Примерно, — улыбнулась я, заканчивая бережно промокать светлые волосики дочки. Подняла её к лицу. Соль тут же внесла лепту в разговор, булькнув нечто оптимистичное и попытавшись ухватить меня за нос. Глаза у Соль по-прежнему были ярко-голубыми. Хотя пока судить рано, может, ещё посереют... Прикрыв головку краем полотенца, прислонила дочку к плечу, отдав на растерзанье ухо.

— Я буду вас причёсывать, можно? А ещё чистить и гладить платье.

Кажется, Винта твёрдо решила доказать свою полезность. Почему нет? Это правильный путь и к самоуважению, и к преуспеянию.

— Хорошо. Беру тебя личной помощницей. Оплата — три серебряных солена в неделю. Твои обязанности: помогать мне по хозяйству, если это потребуется, следить за моими платьями — ты шить, кстати, любишь? — выжидающе уставилась на Винту — та интенсивно закивала. Я вознесла молитву Рианнесу — сама я относилась к оторванным пуговицам и обтрепавшимся манжетам как к проявлению мирового зла и вселенской несправедливости, хотя до сих пор, стиснув зубы, исправно делала всё потребное. — Попробуем с причёсками, это — полезный навык. И, наконец, ты будешь учиться тому и столько, чему и сколько я скажу. Это первое. Согласна?

Винта закивала головой, как наша учебная семинарская лошадка, когда той показывали морковку. Примем за согласие.

— И второе, — продолжила я. — Мне не нужна просто наёмная прислуга. Мне нужен друг и помощник, которому я могла бы доверять целиком. Я, со своей стороны, обещаю делать для тебя то, что делала бы для моей Сонеали. Но ты, в ответ, должна поклясться слушаться меня так, как слушалась бы свою маму. Поэтому предупрежу сразу — не позже, чем через год или полтора, я всё равно отправлю тебя в Виэнию. Потому что дать тебе образование, какое потребно будущей магине, сама я не смогу. А в семинарии — могут. Там тебя научат, как стать такой, как мама. Нет, нет, я не хочу тебя прогонять — выучившись, ты сможешь снова вернуться к нам. Если захочешь, конечно. И когда Соль подрастёт — она тоже туда обязательно поедет. Поняла?

— А мы найдём за год того, кто виноват?

— Наверное. Сделаем всё, что можем, — пожала я свободным плечом.

А если не найдём, отложим это в сторону и станем жить дальше... Мне вот до сих пор хотелось надавать по ушам Андреасу... но портить ради этого свою жизнь я не собиралась. Лучше пойду дальше, достигну большего, стану счастливой. Но если он попадётся мне на пути — сам будет виноват!

— Тогда я согласна! Спасибо за оплату, она большая, как у взрослой! — Винта, шевеля губами, начала загибать пальцы, похоже, пересчитывала серебряные солены в привычные медяки. — И можете звать меня Мышкой. — Неожиданно всхлипнула: — Меня мама Мышонком звала.

Я свободной рукой обняла Винту за плечи. А потом прижала к себе.

Плевать, что рука мокрая, ей сейчас это нужно. Мышка уткнулась мне в бок. А потом, что-то решив, обняла за талию и крепко прижалась.

Глава 7

План — лучший способ добиться случайного результата.

Б. А. Гуиннетт

Я поняла, что мне нужно купить, причём срочно, — детские игрушки. Что-то, что можно хватать, крутить, сосать, мусолить, грызть и иными способами проявлять симпатию и интерес. Но что нельзя проглотить, засунуть в нос или в ухо. И где такое взять, если в город лучше не высовываться?

Пошла с вопросом к Рейну.

Но тот успел первым, с порога озадачив меня встречной проблемой.

— Сита, послушай, тебе словосочетание «Ингварр Красный» или «Ингварр Кровавый» знакомым не кажется?

— Ингварр — это же имя твоего северянина. Ты что, разобрал, что дальше?

— Разобрал. Кажется, я начал через пень-колоду понимать речь фризландцев.

— А зачем их понесло в катакомбы — узнал?

— Ещё нет. Зато, пока говорил, сообразил кое-что другое: в Лореции, в Большой Королевской библиотеке, есть целый стеллаж с генеалогическими древами знати всего континента. И фризландцев тоже. Вот если Ингварр Кровавый существовал, почти наверняка там должны быть следы.

Резонно. Покопаемся, поищем.

— А в трактире что-нибудь выяснил? — поинтересовалась я.

— Увы. Журнал просмотрел — ни одного знакомого имени. Либо это кто-то, кого я не знаю, либо постоялец использовал псевдоним. При том, что прошло уже полгода, воспоминания и у владельца «Счастливой волны», и у прислуги более чем смутные. Темноволосый, не молодой, не старый, важный и вальяжный. Никаких особых примет, запоминающихся привычек, необычных колец на пальцах и так далее. Звался без затей — ньер Керит. Никаких «Ф». Единственная зацепка — потребовал убрать с этажа, третью которого занимал, всех кошек. Но причину объяснять не стал. Может, чихает он от них, а может — просто недолюбливает.

М-да. Исскать будем долго. Попробовать завести кошку и начать

наносить визиты потенциальным подозреваемым? Если не пустят на порог или сразу выгонят, значит, пришли по верному адресу.

— Не волнуйся. Есть ещё след денег в банке. А ты зачем пришла?

— Поздороваться, — улыбнулась я.

Рейн заломил бровь, прищурился. Ладонь начала похлопывать по бедру... ой, сейчас что-то будет.

Угадала. Пикнуть не успела, как мы оказались вдвоём в большом кресле, я у него на коленях, в позе, крайне неудобной для любого сопротивления, если не считать таковым дурацкие взбрыки ногами под сбившейся юбкой.

— Ты мне ещё прощание задолжала, — сообщил муж задирав подол ёщё выше.

Он уверен, что воспитанные вежливые ньеры должны прощаться со своими мужьями именно так?

— Я не дотерплю до дома, — сообщили мне, прикусывая мочку уха. Одна рука Рейна обнимала мои плечи, поддерживая. А вторая, вторая нырнула под ком тафты, две минуты назад звавшейся юбкой.

— Того, кто придумал, что ньеры должны носить панталоны ниже колен, следует посадить на муравейник! — заявил муж две минуты спустя. — Вернёмся в столицу, попрошу Риналдо издать указ, запрещающий этот выверт благопристойности.

Если честно, я была почти согласна. Но всё же возразила:

— Что ты! Нельзя! Мы оскорбим добропорядок всех незамужних ньер старше сорока!

— А пусть не заглядывают под чужие юбки! — возразил муж.

Резонно.

То, что произошло дальше, стало полнейшей неожиданностью. Уткнувшись в мои волосы Рейн горячо выдохнул: «С ума схожу от твоего запаха!» — и внезапно громко зарычал прямо мне в ухо. Рывком не вскочил — взлетел — с кресла, вздрогнув и меня и стиснув рёбра почти до боли, крутанул, как куклу, забросил на плечо. Головой вниз, задом кверху. В два шага оказался у кровати, на которую без особой нежности меня и швырнул. И, пока я ловила ртом воздух и пыталась сообразить, что происходит, за три секунды содрал с себя рубашку. Так, что пуговицы с манжет полетели, застучав дробью по деревянному полу. А потом дёрнул конец кожаного пояса на штанах, расстёгивая пряжку.

— Рейн, Рейн! — Неужели я нарвалась-таки на то самое «забрало упало»?

— Ррр... — Расстёгнутый пояс улетел вслед за рубашкой на пол, сейчас муж возился с пуговицами на брюках.

— Рейн, — позвала я снова, не повышая голоса. Вот так, без паники. В любом случае, убивать он меня не собирается.

Горящие глаза вперились мне в лицо. А я, собравшись в кулак, поймала его взгляд и стала думать о том, как я его люблю, как верю, как благодарна. И о том, что он никогда меня не обидит...

На минуту он застыл надо мной неподвижно — в ауре — пожар, на лбу — мелкие капли пота. Но пуговицы оставил в покое. А потом стиснул кулаки добела и выдохнул:

— Ох, Сита... Ты поняла?

— Поняла. Но ты сильнее. А я ему, похоже, нравлюсь.

— Не то слово, — усмехнулся муж уже своей привычной усмешкой, присаживаясь рядом. — Он просто рванулся. Я тебе больно не сделал?

— Нет. И скажи ему, если можешь, конечно, с ним говорить, что твоя жена — магиня. Будет хулиганить — проведу обряд и выгоню прочь!

Муж напрягся. Брови над серыми глазами насупились, а потом поползли вверх.

— Говорит, что не выгонишь. Он привязан к этому миру клятвой, что не уйдёт к богам, пока не найдёт то, что искал.

— А что он искал? — заморгала я.

— Что-то в катакомбах. Я таких слов пока не знаю. Понял только «сила».

— А сам он уйти хочет или нет?

— Гм. — Задумался, потом изрёк. — Там ждёт брат, но ему и тут неплохо.

— Ладно, если будет вести себя прилично, подарю ему на день рождения тарисийско-фризландский словарь и большую секиру, — попыталась пощутить я.

А что остается делать, если вдруг вы выясняете, что в голове вашего мужа не просто застрял осколок чужих воспоминаний, а поселился кусок чужой — и чуждой — личности. Некий незваный третий. И теперь остаётся только ждать, что будет дальше. Но невольно этот Ингварр дал мне подсказку. Обычно от одержимости лечат, изгоняя вселившееся в человека существо. Но это не всегда удаётся. И тогда есть другой путь — ослабить и сковать. Принципы я знала, где искать заклинание — тоже. Оставалось дождаться момента, когда ко мне снова вернётся магия, и тогда у нас будет управа на неистового Ингварра.

Холт качнулся на растянутой черноволосой головой. Прядь упала на

плечо. Захотелось протянуть руку и пригладить. Кстати, а сама я после таскания кверху задом на кого похожа?

— Ты лохматая, — сообщил муж.

— Почему ты об этом подумал? — забеспокоилась я.

— Потому что смотрю на тебя, — он пожал плечами.

— Я думала о том, что растрепалась, секунду назад.

— Либо совпадение... либо нет. Если нет — меня бы это обрадовало.

И, да, я делаю упражнения на фокусировку зрения. Как ты сказала — сосредотачиваюсь на контурах предметов, отметая ауры. И наоборот. Получается уже неплохо. — Усмехнулся. — Хожу, не спотыкаюсь. Но с вычленением одного объекта пока не выходит. И, Сита, я даже без аур вижу, что ты снова ёрзаешь. Сама скажешь, в чём дело?

— Скажу. Нужны игрушки для Соль. А ещё Винта едет с нами. И хочу узнать — а куда мы, собственно, едем?

— Давай по порядку. Игрушки... — Легко вскочил с кровати, подошёл к шкафу, открыл, сунул руку на верхнюю полку, извлек оттуда свёрток в хрустящей песочного цвета бумаге. — Вот, погляди, не подойдёт?

Ух ты! Серебряная чеканная погремушка на удобной ручке, украшенная кусочками перламутра и бирюзой. Причём сделано прочно и так, что пораниться нечем. Потрясла — раздался мелодичный звон. Прелест какая!

Вторым подарком стал китёнок, сшитый из мягкого плюша. Размером в две ладони, очень уютный, голубой, с чёрными глазищами, полосатыми плавниками и хвостом, а ещё почему-то с белым пузом и четырьмя полосками белого горошка вдоль спины. Впрочем, китов я видела только на чёрно-белых гравюрах в книгах — кто знает, может, они так и выглядят? Но какой милый...

Холт улыбнулся:

— Вижу, угадал. У моего хорошего друга сынишке скоро три. Так что я примерно представлял, что искать.

— Шикни на своего Ингварра и иди ко мне, — позвала я. — Такая добыча достойна награды!

— Пока не стоит, — Рейн грустно улыбнулся. — Думаю, так. Смотри, ты почти уже не синяя — неделя, две — и сможешь снова магичить, да? И примерно столько же нам ехать до Лореции. Вот приедем — и в своём доме, в личной спальне, когда впереди будет вся ночь... — Он произносил слова медленно, с нажимом, глядя мне в глаза из-под полуопущенных век. А я чувствовала, как горят щеки.

— Так мы едем в Лорецию?

— Да. Помнишь, я говорил тебе, что больших портов, через которые идет основной поток грузов, — пять? В Салерано, Паэнье и Сафрине мы побывали. В Лорецию собираемся теперь. Остаётся Каинарра на крайнем юге. В принципе, тоже бы стоило заехать — но Лореция ближе, и, думаю, все нити ведут именно в столицу. А в Каинарру мы потом Брая отправим. Есть ощущение, что не стоит тянуть... И против Винты не возражаю, у неё верное сердце и голова на плечах есть.

Значит, наш путь лежит в столицу.

Игрушки на пробу показали ларре. Та одобрила обе. Завалилась на спину и стала ловко подкидывать кита лапами в воздух, благо, лап у нас опять было шесть. Погремушку Ссэнасс подцепила хвостом, отбивая такт. Не кошка, а мартышка! Наигравшись, обнялась двумя передними лапами с китёнком, и с болтающейся на хвосте погремушкой на четырёх задних двинулась к колыбели Соль. Надо думать, дарить проверенное.

Винта глядела на ларрину эквилибристику, вытаращив глаза и зажав ладонью рот. Подпирающий косяк муж изо всех сил пытался сохранить серьёзность. Я его понимала — смотреть без смеха на представление, которое устроила Ссэнасс, было невозможно.

* * *

Через два дня мы отбыли из Сафрины по южной дороге.

Винта, которую мне таки ж удалось убедить надеть юбку и говорить потише, ехала в одной карете с нами. Единственno, было не очень удобно, что в присутствии девочки представлялось невозможным ни прижаться к мужу, ни положить ему голову на плечо, ни говорить о делах. А язык чесался и любопытство мучило. Я так и не узнала, нашёлся ли ньер Бернали, что стало с градоначальником Сафрины и другими чиновниками, удалось ли освободить кого-то из девушек, уже перевезённых в Симиру. И, наконец, в полный рост встал вопрос: за кем же я замужем? Если лен Холт — это только одно из имён со стороны отца.

Карету потряхивало. В левом окошке мелькала полоса не голубого сейчас, а тёмно-серого моря с широкой белой полосой прибоя вдоль берега. Шум от набегающих на каменистый пляж волн — прошедший пару дней назад штурм ещё не совсем утих — достигал дороги и смешивался со стуком копыт и колёс, делая невозможным тихий разговор. Вздохнула — совершенно непонятно, чем заняться. Читать не выйдет, слишком тряско, а

остальное... посмотрела на играющую с Ссэнасс Винту. Мышка, почувствовав мой взгляд, оторвалась от ларры и неуверенно улыбнулась в ответ.

Похоже, муж тоже был не слишком доволен путешествием. По виду не заподозришь, а вот по ауре — заметно. Держался Холт ровно, дружелюбно, рассказывал нам с Винтой о местах, по которым мы проезжали. Мы даже сделали небольшой крюк, чтобы взглянуть на горный подъёмник и водопады Ардаса. Я впечатлялась — до того я никогда не видела ничего подобного этим огромным механизмам, состоящим из колёс, валов, шестерней и тросов. Тут кипела жизнь и работа. Река не спит никогда — и Холт объяснил нам, что подъём грузов на плоскогорье продолжается и ночью. Для безопасности и из технических соображений трасса была разбита на три отрезка с пологими проездами между ними.

— Смотри, это сделано не только для страховки. На террасах устроены промежуточные склады для ценных товаров. Иначе, чем на подъёмнике или по узким крутым тропам, туда не попасть. А охрана тут — сама видишь — более чем серьёзная.

Ещё интересным показалось то, что лошадям и волам перед подъёмом накидывали на головы чёрные мешки.

— Панораму они вряд ли оценят, — усмехнулся муж, — а испугаться пролетевшей мимо вороны и шарахнуться — могут.

Я кивнула.

Рейн даже предложил подняться и спуститься, чтобы рассмотреть и механизмы в действии, и упомянутую панораму, но я отказалась. Это задержало бы нас на несколько часов, да и Соль не нравился шум вокруг. Зато Ссэнасс была в восторге.

Вечером у трактира я заметила, как Винта гладит морду одной из заводных лошадей и скормливает той сорванный с обочины пучок зелёной травы. Дело ясное, одинокие дети часто тянутся к животным — вот и Винта ищет тепла и у Ссэнасс, и у этой гнедой. Хотя — пригляделась, — возможно, тут нечто большее. Подошла ближе:

— Винта, а ты умеешь ездить верхом?

— Не-ет... — протянула девочка разочарованным голосом.

— А хотела бы научиться?

— Да!!! — Восклицательных знаков в коротенькой реплике было явно больше одного.

Я обернулась к Рейну, который слушал наш разговор. Тот понял, коротко кивнул и обратился к лейтенанту Кийту, осматривающему копыта

своего жеребца.

— Ньер Кийт, вы не станете возражать, если я попрошу ньера Ферандо преподать юной ньере несколько уроков верховой езды, пока мы в пути?

Лейтенант не стал. Подозреваю, что Холт мог бы просто приказать или поставить того в известность о своём решении, но Рейн практически всегда был вежлив и корректен. Немного подумав, я вспомнила, что вежливость вежливостью, но, кроме того, существует такая вещь, как «цепочка командования». Указание ньеру Ферандо должен дать его командир. А если это сделает сам Холт, то поставит авторитет этого командира под сомнение.

Умно.

И выбор Холта я одобряла. Ньер Ферандо был уже не молод, наверное, ближе к сорока, чем к тридцати. Очень спокойный, с обветренным загорелым лицом и щёткой усов непонятного цвета под крупным носом. Мне импонировала солидная невозмутимость, основательность и неторопливость этого гвардейца. Но при том всё, что ему поручали, исполнялось аккуратно и в должный срок. Я не раз замечала, как два самых молодых члена отряда — блондин Риардо и темноволосый Картенс — приходили к Ферандо за советом, и тот всегда встречал их доброжелательно. Я и сама в случае надобности обращалась именно к нему. Вот как тогда, когда мы искали Кайту. Кстати, это ещё один аргумент в пользу выбора Холта — ньер Ферандо показал сострадание и сочувствие к жертвам, и он знает, что мама Винты тоже пропала. То есть отнесётся к девочке мягче и с пониманием.

Ньер Ферандо действительно принял поручение охотно. Незаметно подмигнул нам и строгим голосом сообщил Винте, что на срок обучения та принята в гвардию, а потому должна слушаться и стараться. Завтра в шесть утра ей надлежит быть на конюшне, чтобы посмотреть, как лошадей чистят и седлают. А как освоится — будет помогать.

Мы угадали — Винта просто захлебнулась от восторга. А кроме того, верховая езда принесла ей дополнительный бонус. Мышка обернулась ко мне с сияющим лицом:

— Теперь я снова буду носить штаны!

Последними осчастливленными оказались мы с Холтом. Поскольку оба считали, что Винта вцепится в лошадь, как блоха в собачий загривок, — не стряхнёшь. И, следовательно, мы опять останемся в карете вдвоём.

Тем же вечером Винта преподнесла мне ещё один сюрприз, заставив открыть рот и захлопать глазами.

Ночевали мы в смежных комнатах — Рейн в одной, я с Соль и

Мышкой — в соседней. Ссэнасс болталась между нами, как ей больше нравилось. Где интереснее — там и серая морда.

Так вот, я сидела на кровати, расшнуровывая высокий дорожный ботинок, когда Винта неожиданно выдала:

— Ньера Сита, а вы — жена погибшего брата ньера Холта?

Вот тут я и открыла рот. Даже больше, как поэтично выражалась Вилька, уронила челюсть на пол.

— Почему ты так решила?

— Он очень нежно относится к вам и к маленькой, но... — Винта смущилась и замолчала.

— Что «но»? Говори уж.

Винта сглотнула, а потом выдавила еле слышно:

— Видно, что вы никогда вместе не спали. И ночуете вы в одной комнате со мной. Значит, вы ему родственница, но не жена.

Нет. Одной потерянной челюстью тут не отделаешься... Но откуда она взяла погибшего брата?

Надо объяснить, вот только непонятно как... Следует ли говорить этой пусть милой, но чужой девочке, что Холт — не отец Соль? Да, это будет честно. Но если однажды, через годы, эта честность бумерангом ударит по Рейну и дочке? Ведь муж принял Соль как родную. И относился к ней как к родной. А вот от родного папочки нам обеим, однозначно, стоило держаться подальше.

— Мышка, мы с ньером Холтом уже давно женаты. Просто у нас сейчас непростой период. Соль слишком мала, и я болела...

Вот так — почти честно. Ни слова лжи, но и о том, что хотелось скрыть, я умолчала.

Винта нахмурилась.

Хотела бы я знать, что за мысли сейчас крутятся в этой русой голове... Но как-то нехорошо, что то, что происходит между мной и Холтом — точнее то, что *не* происходит, — настолько легко разглядеть. Ничего, доедем до Лореции, а уж там...

Посмотрела на Винту:

— Я заметила, что тут на кухне варили позднюю ежевику. Как думаешь, если мы попросим для сладких снов варенья и свежую булку?

Винта засияла, разом позабыв обо всех непонятностях во взаимоотношениях работодателей.

Я погрозила пальцем:

— Но потом мы ещё раз почистим зубы!

Мышка закивала.

С верховой ездой мы угадали. Винте отдали под седло одну из заводных лошадей — средних лет гнедую кобылу в белых чулках.

— Коста без придури, зря не шарахается. И своё уже отгарцевала. Самоё то, что надо, для начинающих, — пояснил выбор ньер Ферандо.

Винта тут же переименовала Косту в Косточку и пожертвовала той яблоко из своего завтрака. Мы с Рейном переглянулись.

Единственno, нужно купить Винте хорошие хромовые сапоги. На низком каблуке, с голенищем до колена. Ботинки или обувь на высоком каблуке не годятся — стремя в таких часто съезжает под каблук, норовя там застрять. И, если конь неожиданно понесёт или заиграет, а всадник не удержится в седле, может произойти несчастье — лошадь потащит упавшего, нога которого застяла в стремени, за собой по дороге. Головой по камням.

Ньер Ферандо сам подержал Косточку, пока Винта не вскарабкалась в седло, подождал, пока та освоится и подтянет стремена, возьмёт, как надо, повод.

Вообще, я сочувствовала Винте — ехали мы в основном рысью, значит, к вечеру Мышку растрясёт, а поясница и ноги будут не просто болеть, а отваливаться.

— Ничего, справится, — улыбнулся Рейн. — Охота пуще неволи. Ещё учи, что она в отличной физической форме и лёгенькая. А мы... — придвинулся ближе, — раз уж мы остались вдвоём, догадываешься, чем я хочу заняться?

— Магией? — округлила я глаза. Потом вспомнила: — Рейн, Мышка вчера вечером кое-что мне сказала...

И передала наш разговор.

— По мне, ты поступила верно, — кивнул муж. — Есть грустная пословица: «Не хочешь, чтобы тайну узнал враг, не делись ей с другом». Пусть для всех Соль изначально будет моей дочерью. Думаю, так будет лучше и спокойнее и для нас, и для неё.

Я была согласна. И подумала, что, если ради дочери придётся солгать, что я встретила Холта и кинулась в его объятья на полгода раньше, чем это случилось на самом деле, совру без колебаний. О чём и сообщила мужу.

Тот засмеялся.

— Уж да. В это поверят скорее, чем в то, что ты вышла замуж за меня почти на полгода позже, и прошло ещё полгода, а с объятьями всё никак да никак... Но скоро...

Я прижалась к нему. Он, приподняв моё лицо, потянулся к губам...

Время до обеда пролетело незаметно.

Глава 8

Ветер, задевающий свечу, раздувает огонь в жаровне.

П. О. Бомарше

Мы были в пути уже неделю.

Дорога плавно поднялась на центральное плоскогорье — тут погода была и теплее, и мягче. И солнце светило чаще. И даже деревья ещё стояли в зелёной листве.

Винта срослась со своей Косточкой — дошло до того, что однажды Мышка попросилась переночевать на сеновале в конюшне. Я запретила. Всё же Арвина — юная ньера, так что пусть приучается вести себя так, как положено благородным девочкам и девушкам. А ещё теперь, когда Винта отмылась, причесалась как положено и начала понемножку отъедаться, стало видно, что в будущем она превратится в очень хорошенькую ньеру. А может, и больше. И не хотелось, чтобы и без того пережившую столько девочку напугал какой-нибудь пьяный конюх или развязный приезжий. Пусть и грубые слова, и жадные руки останутся для Мышки в прошлом.

Рейн тренировался видеть ауры. Как ни странно, но тут дорога помогла. Гвардейцы нашего эскадрона ехали вразбивку, и учиться вычленять ауры отдельного субъекта, когда тот не в толпе, а в небольшой неплотной группе и не смещается относительно тебя со временем, оказалось удобным. Муж сказал, что пока не очень стабильно, но у него выходит.

Сама я с трепетом ждала двух событий — прибытия в Лорецию, чтобы по-настоящему выйти замуж, и момента, когда исчезнет со спины последняя синева. Кривых линий на спине осталось считаное количество. Восемь отрезков, потом пять... к настоящему моменту их было всего два.

Дополнительным поводом для волнения стало то, что наш путь пролегал относительно недалеко от Виэнии. Всего полтора дня на север — и я бы смогла встретиться с наставником. Я так по нему соскучилась!

Путешествуй я одна — колебаться не стала бы. Но со мной был Холт, а спрятать что-то от ньера Рассела мне не удалось пока ни разу. Так что история с катакомбами, Пожирателем и синевой на спине всплыла бы

наверняка. Всё же лгунья из меня никакая...

— Не расстраивайся, — Холт, взяв меня за руку, нежно поцеловал сгиб запястья. — Пусть сначала станет ясно, что мы с тобой приобрели. Может быть, и рассказывать не о чём. Когда закончится эта история, согласен съездить к твоему учителю — погостим столько, сколько ты захочешь. Что такое пять дней пути от Лореции?

Это как он считает? Сейчас нам вроде бы предстоит ехать почти неделю на юго-запад. А до Виэнии ещё пара дней. Вместе — семь или восемь!

— Не так, — улыбнулся Холт. — Виэния лежит чуть в стороне от большого королевского тракта. Это — дорога получше, чем та, по которой мы трясемся теперь. И поедешь ты не в простой дорожной карете, а в нашем личном экипаже, на других лошадях...

Гм. А выходила замуж за архивариуса...

Что же, отложу визит к учителю на потом.

* * *

Гром грянул, когда до Лореции оставалось всего три дня пути.

Холт, постучавшись, вошёл в нашу с Винтой комнату.

— Винта, помоги Ссэннасс приглядеть за Соль. Сита, нам нужно поговорить.

Тон был ровным, но выглядел муж мрачнее тучи перед грозой. И аура была нехорошей, грязно-синей с чёрными мазками. Ох! Что-то стряслось.

Начал Холт с того, что усадил меня в кресло. Встал передо мной на колени и, не глядя в лицо, выдал:

— Сита! Я должен попросить у тебя прощения. Я невозможный, невероятный, невыносимый самонадеянный дурак, который заигрался в шпионские игры и благородство.

Сердце упало.

— Рейн, что случилось? Ты сам не свой. Рейн?! Скажи, что стряслось? Он молчал, не поднимая глаз.

— Рейн?! — озарение упало чёрной молнией. — У нас с тобой не всё в порядке, да? Ты хочешь со мной развестись?

— Послушай, Сита...

Почему он не отрицает? Почему не говорит «нет»? Не скажет, что любит и что мы не расстанемся никогда?

— Сита, я умалчивал о многом, слишком о многом. Выслушай меня.

Опустился на пол у моих ног. Я смотрела на его склонённую голову — сейчас видна была только чёрная макушка, лица он не поднимал.

— Начать придётся издалека. Сита, всё, что ты знаешь обо мне, — правда. Но не вся. Тебе известно, что одно из моих имён по отцу — лен Холт. Что я богат. Что учился в элитном военном училище вместе с нашим королём, Риналдо Третьим Райнесан. Что три года служил в военном флоте, плавая по всему миру. А вернувшись, пошёл по стопам отца и стал большой шишкой в Тайном сыске. Добавлю, что в настоящий момент я возглавляю сыск.

Я внимательно слушала, стараясь запомнить каждое слово, каждую интонацию. Пока он не сообщил ничего нового и ничего страшного. Но зачем-то же всё это он мне рассказывает?

— Я должен был открыться тебе после катакомб, когда ты сказала, что любишь и что останешься со мной. А может быть, даже раньше — чтобы ты знала, с кем имеешь дело и с кем собираешься связать жизнь. Ноказалось, что это не к спеху, другие проблемы представлялись и важнее, и актуальнее. А ёщё — помнишь — я был слеп. Целую неделю. Если б я начал тогда рассказывать тебе о том, как богат и что могу дать, ты подумала бы, что я пытаюсь тебя купить.

Покачала головой. Нет, не подумала бы. К тому моменту он уже знал, что я не продаюсь.

— Знаешь, когда мне было девятнадцать, я влюбился в очень красивую девушку. Случилось всё так. Я приехал в Тиранту — небольшой городок севернее Лореции — по делам. Жил там как лен Холт. И встретил её! Золотые волосы, голубые глаза — ньера Лисетта казалась мне небесным созданием. Через две недели я признался ей в любви и попросил руки. И она — представь мой восторг! — ответила согласием. Я помчался в столицу — к отцу, рассказать о своём счастье, — а когда мы вдвоём, всего пять дней спустя, вернулись в Тиранту, оказалось, что прелестная Лисетта уже успела обвенчаться с местным судовладельцем. Тот был почти на двадцать лет старше меня, зато Лисетта была убеждена, что я, хоть и из столицы, относительно беден. А её жених — богат. И моё предложение было использовано как рычаг, чтобы подтолкнуть состоятельного поклонника.

Я вздохнула. Теперь понятно, почему он так долго всё скрывал. Такие оплеухи помнятся десятилетиями... И Холт хотел быть уверен, что я полюбила его, а не деньги и не должность главы Тайного сыска со всеми её привилегиями.

— Да, с Лисеттой мы встретились четыре года спустя, когда её муж накопил денег достаточно, чтобы заручиться поддержкой влиятельных лиц и быть представленным ко Двору. — В голосе Холта прозвучала усмешка. На мгновение Рейн поднял лицо, поймал мой взгляд, но тут же опустил голову снова. — И тут мы переходим к главному. Дело в том, Сита, что моя мать происходит из дома Райнесан.

Кажется, я ахнула. Короли Райнесан правили Таристой испокон времён. И это была единственная дворянская фамилия, перед которой не ставилось «лен». Райнесан и всё, этого достаточно. Вторых таких нет. Но то, что мой Холт имеет к этому отношение... Нет, я могла подумать всё, что угодно, — но это!!!

— Нет, нет, не пугайся, я и близко не принц, скорее — как ты там однажды интересно выразилась? — так, этому забору троюродный плетень... — уловил моё смятение Рейн. — Сейчас расскажу всё подробно, по порядку. Мать отца моей матери была младшей дочерью Риккардо Четвёртого, прапрадеда нашего Риналдо. Для обычной семьи такое родство было бы вовсе неважно, так, седьмая вода на киселе. Но мы, Райнесан, не плодовиты. Редко у кого рождается больше, чем по одному или два ребёнка. Помнишь, мы с тобой смеялись над «утопическими» романами? Иногда я думаю, что и удачливость, и магия Райнесан и вправду пришли не из этого мира. Но побочным эффектом преимуществ стали трудности с обзаведением потомством. И в моей семье тоже так. В каждом поколении было всего по одному ребёнку, поэтому и состояние, и титул прабабушки остались — как бы выразиться? — неразмытыми. Перешли целиком ко мне. А в общей очереди к трону на момент заключения нашего брака в Салерано я значился под счастливым тринадцатым номером и был уверен, что никакие проблемы и ограничения, связанные с правлением или долгом перед престолом, меня не коснутся.

Холт замолчал.

А я переваривала сказанное. Выходило, что теперь каким-то кривым боком я прибилась в родственницы к монарху. Покачала головой — вот куда я не рвалась, так это вверх по иерархической лестнице, для магов это — не главное. Но так уж вышло. Каприз фортуны: понравился архивариус, влюбилась в эмиссара, а он — сюрприз! — оказался дальним родичем королю. И то, за что был готов расшибиться в лепёшку мой первый муж — деньги, влияние при Дворе, титул, — у Холта было изначально.

Правда, смешно. Часто судьба даёт тому, кто не просит. Или не тому, кто просит. Или не то, что просит... В общем, то ли шутит, то ли издевается.

Только непонятно, почему Рейн так расстроен? И почему надобность в этом разговоре возникла так внезапно?

— Рейн, что ты узнал только что и как это может отразиться на нас?

— Моя умная жена... — Рейн вздохнул. — Спасибо, что простила моё умолчание...

А я разве простила? Что-то не припомню, чтобы я такое говорила. Просто сейчас другое кажется более важным. Уж сначала пусть расскажет всё до конца, а потом решим с санкциями и проскрипциями. Главное я поняла — он меня не разлюбил. А с остальным как-нибудь справимся.

— Только что я узнал, что карета ньера Терренса лен Ливарно, ехавшего с семьёй на день рождения тестя, сорвалась с обрыва прямо в море. Лошади понесли. Выживших нет — тела ньера Терренса, его жены Лидии, шестилетнего сына Гилтамо уже найдены. Пока не нашли девятилетнюю дочь, но в то, что девочка спаслась, не верит никто.

— Ох... — отозвалась я. Несчастная семья... А собирались на праздник!

— Ньер Ливарно и его сын значились под номерами семь и восемь в общем порядке престолонаследия. И, Сита, это не всё. К моменту, когда мы выехали из Сафрины, я был уже не тринадцатым, а одиннадцатым в списке. А три дня назад — когда от сердечного приступа скончался шестидесятилетний ньер Буркас, стал десятым. Кажется, Райнесан поразил злой рок... или не рок.

— Рейн, — отозвалась я, — ты сейчас говоришь о двух вещах, да? Первая, что если Соль будет считаться твоей дочерью, то и ей можетгрозить опасность. Ну, и мне за компанию. Но Соль ведь девочка, в список наследников она неходит!

Я знала, что законы Таристы при наследовании титулов и владений для мужчин и женщин — разные. Девушка наследовала родителям, только если у неё не было братьев. И то с ограничениями. Она не брала титул сама и не передавала супругу — последнееказалось разумным, уменьшая количество браков по расчёту, — а как бы хранила семейное достояние уже для своего сына. Так что, по логике, Соль не угрожало ничего. Она оказывалась вне этой иерархии. Хотя выходило, что нужно трижды крепко подумать, прежде чем публично признать Сонеали родной дочерью Рейна: ведь её сыновья, как ни крути, Райнесан не будут.

Я продолжила:

— То есть первое большой роли не играет. Соль — не наследница трона, а за нами самими охотятся так и эдак. Но почему я думаю, что ты не договорил чего-то важного, чего-то, что касается именно нас с тобой?

— Сита, есть древний закон, регламентирующий вступление в брак членов дома Райнесан, стоящих близко к трону. Первые девять наследников имеют право жениться только с монаршего дозволения. С одной стороны, сделано это для безопасности державы, чтобы не вышло так, что какая-нибудь вертихвостка из Андарры охмурила юного принца. С другой, страна нуждается в союзах и союзниках. И лучший способ их приобрести — породниться с тем, с кем хочешь дружить, торговать и вместе защищаться от врагов. Дом Райнесан связан узами родства с другими королевскими домами континента, и каждые несколько поколений эти связи обновляются. Это — часть платы за долгий мир и процветание Таристы. Понимаешь?

Понимаю. Рейн сейчас — восьмой в очереди к трону. Значит...

— Рейн, но мы же... мы...

— Сита, ты ведь знаешь, что по закону брак считается заключённым не в момент венчания в Храме, а наутро, после первой брачной ночи.

Да, знаю. Я читала в детстве сказки, где юная героиня, которую злые родственники или корыстные опекуны шантажом или насилием выдали замуж за нелюбимого, умудрялась сбежать в последнюю минуту, связав занавески с простилями или прыгнув вниз головой в озеро... Кончались такие истории всегда хорошо. Девушку спасал её верный поклонник на чёрном коне, и в finale влюблённые вдвоём, рука об руку, являлись в Храм, чтобы засвидетельствовать, что брак не был осуществлён, и тут же заключить новый, счастливый.

— Сита, если бы мы уже были женаты, никто не смог бы нас разлучить. Ни сам Риналдо, ни Совет Гильдий, ни Храм. Я бы тебя никому не отдал. Но я, дурак, идиот, безмозглый кретин с раздутым самомнением, тянул... казалось, что поступаю правильно, что так будет лучше. Я так хотел сделать тебя счастливой... И вот!

Холт отчаянно уставился мне в глаза.

А я глядела на него...

Я понимаю. Он — человек чести. И его воспитание, кровь, долг требуют одного — быть верным и кристально честным со своим сюзереном и главой рода. То есть явиться с повинной к Риналдо, доложить, что мы обвенчаны в Храме, но брак не осуществлён, и попросить разрешения. Но если для Риналдо окажется в тот момент важнее заручиться союзом с какой-нибудь Эрминией, он запросто отмахнётся от бесполезной бесприданницы меня и навяжет Холту черноволосую восточную принцессу или как они там у них называются...

— Сита, ты — маг, сильный маг. Для Риналдо это будет веским доводом.

Судя по голосу Рейна, он сам не слишком верил в сказанное.

— Рейн, ты меня любишь? — задала я самый важный, на мой взгляд, вопрос.

— Больше жизни... — отозвался муж.

— Я тебя тоже люблю. Мы спали в одной постели и вместе спасались от смерти. Если это не супружество — то что? — О молоке, которое продолжал пить Рейн, я не упоминала. Сам поймёт, что с чужим мужчиной, магия там или нет, такое было бы невозможным. — Для меня мы — женаты. И что будет с Соль, если наш брак не признают и об этом узнает Андреас? Но я понимаю, для тебя солгать королю равнозначно измене. Ты просто не можешь...

— Сита, Сита... — Холт обнял мои ноги. — Ты слишком высокого мнения обо мне. Да, я не предам Риналдо. Но я убежден, что именно ты, твоя помощь и твоя магия могут стать решающим аргументом в борьбе за его жизнь. Ты же понимаешь, что происходит? Есть заговор, охвативший всю страну. Наследники гибнут один за другим. Когда уберут всех лишних, придёт перед самого Риналдо. И, — хитро прищурился, глядя мне в глаза, — если выбирать между несущественным обстоятельством небольшого умолчания о точной дате осуществления нашего брака...

Я невольно рассмеялась, когда он выдал эту казуистическую тираду на одном дыхании...

— ...и жизнью моего сюзерена, я, как верный подданный, естественно, выберу последнее. Согласна? — Серьезно посмотрел на меня. — Сейчас свяжусь со столицей и скажу, что не сразу осознал важность новости, но на всякий случай напоминаю, что ещё несколько месяцев назад, в Салерано, я женился. Так что, увы, из марьяжных планов меня придётся исключить. Только не знаю, говорить ли, что ты — магиня... С одной стороны — это аргумент в пользу моего брака и, кроме того, поможет отвлечь внимание и проскочить скользкую тему подробностей заключения нашего союза. С другой, пока никто не знает, что ты — маг, тебя не принимают в расчёт. Для тебя так безопаснее, а в случае чего ты сможешь преподнести сюрприз нашему врагу...

Вроде бы всё, что он говорил, звучало хорошо, даже здорово. И я была рада, безмерно рада, что Холт не отодвинул меня в сторону ради долга. Вот только я смотрела на его ауру — и в ней уверенности не видела. А наблюдались сполохи сомнений, можно даже сказать, угрызений. Похоже, ему было очень нехорошо от того, что он собирался сделать ради меня.

Холт поднялся с пола. Обернулся ко мне, косо улыбнулся, забарабанил пальцами по бедру. Потом кивнул каким-то своим мыслям, рука легла на

горло, пальцы скользнули под ворот рубашки... За амулетом связи? Лицо мужа казалось замкнутым и решительным, губы чуть кривились.

Боги, что же я творю? Как я могу заставлять его делать такое? Положить на одну чашу весов его честь, на другую — нашу любовь, потребовать взвесить и сказать — что дороже?

А что было бы дороже мне самой? Ох-х...

«Я не любил тебя бы так, не будь мне честь дороже...»^[4]

Да, сейчас он солжёт ради меня... но что будет потом?

Подняла руку ладонью к нему, чувствуя себя самой большой и самой несчастной дурой в Таристе. Но по-другому я не могла.

— Рейн, остановись! Не делай этого! Не лги, не криви душой! Я знаю тебя и понимаю, что ты не простишь себя. И не простишь меня. И не сразу, не сейчас, но чувство вины будет есть тебя как ржавчина и подточит, убьёт нашу любовь. Слушай! Я люблю тебя всем сердцем. И, даже если Риналдо не даст согласия, всё равно стану твоей. На это разрешения не надо! А мне не нужен никто другой, кроме тебя.

— Сита, родная моя... Я сам виноват и сам найду путь. Но тебя не отдам. И не оставлю Соль... Давай так. До столицы есть время всё обдумать. А дальше, как и что бы мы ни решили, это будет наше совместное решение. И больше — клянусь! — никаких секретов!

Я вздохнула и кивнула.

Вот назовёшь брак фиктивным...

* * *

Той ночью я не спала. Смотрела на умаявшуюся за день Винту — та сегодня впервые попробовала поднять лошадь в галоп, — на чмокавшую в корзине Соль — если дочка будет расти с такой скоростью дальше, нам скоро понадобиться новая корзина, погабаритнее. За компанию со мной вечеряла Ссэнасс. Ларра совершенно не понимала всех перипетий, связанных с долгом и честью, пока я не напомнила ей, как Ссэнасс сама, хотя ужасно боялась, покинула дом и отправилась в катакомбы искать и спасать хозяек. Вот это и есть и честь, и долг.

Утром Рейн по-прежнему был расстроен и задумчив. Весь завтрак я ловила на себе его тоскливые взгляды, а в карете, не успела захлопнуться дверца, он притиснул меня к себе и отпустил только тогда, когда заметил, что я не могу вдохнуть. Кажется, дело ещё хуже, чем показалось с первого взгляда. Его слова подтвердили впечатление:

— Сита, я решил поговорить с Ринаaldo лично. Доложу о том, что нашёл. Точнее, что мы нашли. Вряд ли всё это его обрадует... но зато будет значить, что я и моя служба нужны как никогда. И обычно в конце разговора кузен Рилд спрашивает, что он может для меня сделать и как наградить. До сих пор я отшутивался... но теперь у меня будет просьба.

— Ничего, мы столько ждали, потерпим ещё немного, — изобразила я оптимизм.

— Сита моя...

Я потерлась головой о его плечо. Да, всё неожиданно запуталось, но душу грело то, что вчера первым порывом, даже не порывом — осознанным решением — было то, что он выбрал меня. Но что же с нами творится? То подвал, то катакомбы, то пожар... а теперь вот о трон споткнулись. Эх!

Зато вечером меня ждал сюрприз. Долгожданный — и всё равно неожиданный.

— Сита! Разводы с твоей спины исчезли! Совсем! Все! Как ни смотрю — не вижу ни следа!

Я часто заморгала. И что дальше? Почему-то стало страшно. А вдруг магии теперь меньше, а не больше? Я боюсь...

— Рейн, давай я ещё пару дней потерплю. А потом начну с того, что измерю свою силу.

— А существуют способы для измерения? — заинтересовался муж.

— Существуют, — улыбнулась я. — Всё очень просто. Есть несложное, не слишком эффективное заклинание «столп пламени». И почему-то ширина этого столпа у всех одинаковая. А вот высота зависит от силы мага. В Виэнии для испытаний мы использовали заднюю стену большого каменного амбара, размеченную по высоте. — Засмеялась: — Она вся в саже, там поколение за поколением маялись. Подходишь, колдуешь, смотришь, до какой риски достал язык огня. Если услышишь о маге «сила шесть локтей» или «сила три с половиной локтя», значит, это то самое и есть. Методика стандартная.

— А сколько локтей было у тебя? — прищурился Холт.

— Десять. Даже чуть больше. — В моём голосе прозвучало явное самодовольство, ну и пусть, не так часто я себя хвалю! Ведь действительно, было чем гордиться, — во всей семинарии перемагичить меня мог только учитель, который легко выдавал дюжину локтей, показывая, что нам есть куда стремиться.

Кстати, об учителе.

Не знаю, как он вычислил, где меня искать, но на очередном постоялом дворе нас поджидало пришедшее три дня назад письмо от ньера Рассела.

«Привет, ученица!

Услышал, что ты направляешься в столицу. Рад, что у тебя всё в порядке, но есть вещи, о которых тебе следует знать.

До меня дошло, что твой бывший муж, Андреас лен Тинтари, продал дом в Салерано и также перебрался в Лорецию в надежде найти работу при Дворе. Не думаю, что ему это удастся, но всё же будь готова к встрече.

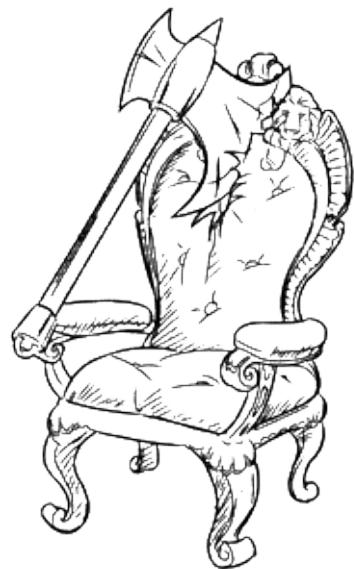
Как поживает твоя малышка? И не собираешься ли ты вернуться в Виэнию? Место в аспирантуре и мой флигель тебя ждут. Передавай привет молодому Холту и обязательно добавь от меня, что юным магам нужно учиться, чтобы развивать талант, и предела тут нет.

Жду твоего письма с нового адреса.

Твой учитель,

Рассел лен Дилэнси».

**Часть четвертая
ЛОРЕЦИЯ
Топор Кровавого Ингварра**

Глава 1

Помните, что счастье не зависит от того, кто вы и что вы имеете, оно зависит исключительно от того, что вы думаете.

Дейл Карнеги

— Знаешь, я подумал, — Холт долил в чашку кофе из стоящего на столе фарфорового кофейника и посмотрел на меня сквозь полуопущенные ресницы, — а давай поедем к тебе в гости?

Я растерянно заморгала. Это он о чём?

Оказалось, всё просто и в то же время невероятно. Кусок земли близ столицы, который отписал мне Холт ещё до отъезда из Салерано и о котором я благополучно успела позабыть, был не просто каким-нибудь тривиальным полем или виноградником. А настоящим поместьем с домом на берегу моря. Впрочем, поле и виноградник там тоже присутствовали. А ещё были оливковая роща и небольшая река, из которой крестьяне маленькой деревушки, также имевшей какое-то отношение ко мне, брали пресную воду для скота и для полива.

Я знала, что свой источник пресной воды сразу поднимает цену земли втройне, если не впятеро. А тут угодья близ столицы. Сколько ж такое стоит?

Называлось поместье красиво — Сотэра — что переводилось с древнекаритского как «благодатная».

— До Лореции верхом или в карете оттуда всего два часа, — небрежно заметил муж, пригубив из чашки. — А нам это даст покой, приватность и, в случае чего, сбережёт твою репутацию. Ведь это я набился к тебе в гости, а не ты поселилась в доме у чужого мужчины.

Настроение резко упало вниз. «Чужой мужчина». Получается, он всё же раздумывает о том, не последовать ли стезёй долга. И готов ждать решения Риналдо, каким бы то ни было. Только с какой радости тот захочет осчастливить незнанную бедную ньери с ребёнком на руках?

Вздохнула. Ладно, пока никто не умер — не стоит думать о похоронах.

Лучше размышлять о чём-нибудь хорошем.

Вот, например, у Холта все разводы на спине из состояния «чернила на мокрой промокашке» перешли в почти пристойное «пьяный матрос расписался в получении аванса». И разрывов стало больше. Если и дальше

всё пойдёт, как у меня, то ещё до дня Зимнего солнцестояния мы узнаем, что приобрёл муж в катакомбах. Плюсы уже имелись — Рейн наловчился смотреть на ауры лишь чуть хуже меня самой.

Намедни мы с ним два часа — конвою на удивление — бродили по большому рынку на скрещении двух дорог. Спешившиеся гвардейцы озадаченно топтались на обочине — не могли понять, что нам надо, если ничего не покупаем? А мы разглядывали ауры. Ведь торговцы часто привирают, расхваливая свой товар. Кто точно скажет, глядя на синюшный трупик порождения куриного племени, сколько лет убиенная птичка прожила на свете? Ну, скажем, признаки есть — достаточно взглянуть на лапы. Но Холт в куриных статях не разбирался. А спрашивал продавца. Выслушивал, внимательно на того глядя, а потом мы отходили в сторону и обсуждали, насколько совпадали наши выводы.

Впрочем, без покупок мы не ушли — я вспомнила, что скоро могу копировать документы, и Холт приобрел целую кипу тетрадей, похожих на те, куда мы записывали собранные данные.

У Винты тоже всё начало налаживаться. Мышка повеселела, освоила строевую рысь, подружилась с гвардейцами, а по ночам спокойно спала — без плача или кошмаров. Единственno, девочка грустила, что скоро придётся расстаться с Косточкой. Тут я помочь не могла. Непонятно, что ждало нас самих, и заводить ещё и пожилую лошадь — ну, это было слишком. Но, выходит, решение вырвать Винту из привычной обстановки, где она бесконечно бы переживала свою потерю, было верным: изменилось всё вокруг — поменялись и мысли.

А довольно всх была Ссэнасс. Из ларры вышла заправская путешественница. Пока Соль спала, Ссэнасс восседала на крыше кареты, с любопытством озирая окрестности и время от времени высовывая к нам из потолка серую морду, чтобы спросить о чём-нибудь, что она не понимала.

По ночам ларра уходила гулять... Я поинтересовалась, куда она ходит?
— Ссобаки хорошиши. И луна нравитссся...

Этакая ларрина лирика.

Интересно, если бы ларры сочиняли мемуары, что бы написала Ссэнасс?

* * *

Я стояла в холле своего нового дома. Слов не находилось. Вообще! Притопнула ногой — мрамор. Чёрный, белый, коричневый,

золотистый — настоящая мозаика на полу, создававшая впечатление чуть сумрачной прохлады и роскоши. Через высокое стрельчатое окно в боковой стене виднелись цветущие ещё алые розы, кипарис — и синяя полоса моря вдали.

Впереди начиналась широкая мраморная же лестница...

Втянула воздух — пахло свежим морским ветром, к которому примешивался уютный запах воска. Похоже, к нашему приезду дом не просто убрали, а надраили и вылизали до блеска — от начищенных рожков большой хрустальной люстры в холле до полированной старинной мебели.

За окном раздалась резкая птичья трель, вырвав меня из восторженного ступора.

Оглянулась на Холта — стоит с невозмутимым видом. Лишь по ауре видно, как волнуется, ждёт моей реакции.

— Рейн, дом прекрасен! Мне тут очень, очень нравится!

Холт оглянулся на бросившую багаж и прилипшую к окну Винту и наклонился к моему уху:

— Вообще-то, я хотел внести тебя сюда на руках...

Зря он об этом, пока мы в подвешенном состоянии. Как голодную собаку костью дразнить. Хотя... хотя всё равно приятно.

Пока шли на второй этаж, где были расположены комнаты хозяев, Рейн рассказал, что при доме постоянно живут управляющий, экономка и садовник.

Управляющий — ньер Батлинор — занимался делами и распоряжался хозяйством всего поместья, от стрижки небольшой отары породистых тонкорунных овец до продажи оливкового масла. Доход с имения в хорошие годы составлял около трёх тысяч золотых.

Экономка следила за порядком в особняке и припасами, присматривала за приходящей из деревни кухаркой и, по мере надобности, нанимала для уборки или текущих работ подёнщиц. Выходило, что мне самой по дому и делать ничего не надо.

Наконец, садовник, военный в отставке, кроме стрижки роз, отвечал за охрану особняка и всей Сотэры. Сам выпускал на ночь в сад собак и нанимал сторожей. Всё же большой город здесь слишком близко, чтобы быть беспечными.

— Если с моей магией всё окажется в порядке, тут я помогу, — отозвалась я. — Наложу охранные заклинания и чары, отпугивающие воров, и на сам дом, и на ограду сада. А потом пройдусь и по периметру поместья.

— Ты мудрая хозяйка, — улыбнулся Рейн. — Но ньеру Мартинсу я бы, на твоём месте, говорить об этом не стал. Ни к чему давать повод для беспечности или для того, чтобы он стал считать себя ненужным.

Рейн привёл меня в просторную угловую комнату с двумя огромными окнами. Одно выходило на море, другое — в сад. У последнего имелся широкий балкон с навесом, притенявшим от полуденного солнца. Я оценила — можно наслаждаться всеми прелестями сада, глядя сверху — читать, отдыхать, пить кофе. Или ставить колыбель с малышкой, чтобы та спала на свежем воздухе.

— Самая удобная комната в доме. Справа примыкает отдельная детская. Слева — ванная и — видишь вот ту небольшую дверь? — гардеробная. Через неё, не выходя в коридор, можно пройти в соседние апартаменты. Я хотел попросить тебя отдать их мне.

Кивнула. Вообще, я чувствовала растерянность — всё было и так и не так, как я ждала. Усадьба была чудесна, комната — от золотистых занавесок на окнах до gobelena над камином — пленяла взор. Уютно, красиво, соразмерно. И, совершенно явно, сам Рейн знал этот дом и это поместье до последнего уголка и любил его. Вот только кто мне Рейн теперь? Про себя я звала его мужем, но так ли это? И зовёт ли он меня женой?

— Смотри, видишь рядом со столом деревянную панель на стене?

Вижу, красиво. Ручная старинная резьба настоящего мастера...

— Третий цветок сверху. Нажми пальцем сердцевинку. Да, вот так. А теперь потяни за вторую завитушку.

Сделала, как он сказал, и в стене на уровне моей груди открылся небольшой — в две ладони шириной — тайник. Заглянула внутрь — пусто. Даже пыли нет.

— Чтобы запереть — просто захлопни. Место довольно надёжное. Потом я покажу тебе остальные секреты этого дома. Например, из винного погреба пробит туннель в грот, выходящий к морю. На всякий случай...

— Ты жил здесь, да?

— Да, — улыбнулся Рейн. — Сотэру очень любила моя мама.

Хотела спросить, что с ней стряслось... и осеклась. И так наша радость омрачена неопределенностью. Зачем добавлять ещё и грусть невосполнимых потерь?

— Спасибо тебе, чудесный дом. Нам с Соль будет тут очень хорошо... Расскажи, а что ещё здесь есть?

— Внизу небольшая столовая — можно рассадить полсотни

человек, — бальный зал, зимний сад, десяток комнат общего назначения.

Икнула. Рейн что, думает, что я начну вести светскую жизнь, приглашать гостей, а затем отдавать визиты? Но как? С одной стороны, я тут никого не знаю. С другой — судя по всему, мой личный статус подобен летящей курице — вот-вот шлётнется в грязь. Кто я сейчас? Безработная магиня и незаконная жена? Много ли достойных ньер и ньеров захотят завести дружбу с никому не известной Алекситой лен Ориенси? Ох, сомневаюсь... И, с третьей стороны, прожигать жизнь, тратя её на увеселения, мне совсем не улыбалось. Тут на магию, которая манила куда сильнее, времени не хватает...

— Да, ещё внизу есть библиотека. Правда, подборку книг серьёзной не назвать, — улыбнулся муж.

Винту, которая ходила за мной хвостом, я устроила в небольшой гостевой комнате у лестницы. Девочка недоверчиво потрогала лежащее на постели шёлковое бежевое покрывало, расшитое колокольчиками и незабудками, подбежала к окну — то выходило в сад. Оглянулась на меня:

— Это всё — моё? Я тут буду жить?

В голосе звучал восторг, смешанный с недоверием.

— Да, твоё, — улыбнулась я.

Дальше я поступила по рекомендации Холта, который посоветовал следующее:

— Займи её работой и учёбой. А наградой пусть станет верховая езда и чтение книг из библиотеки. Тогда и скучать будет некогда, и глупости в голове не заведутся.

Угу. Чувствуется подход элитного военного училища. Которое без глупостей.

Хотя, поразмыслив, я решила, что разумное зерно в совете есть. И сообщила Мышке, что та будет числиться моей личной помощницей. Сказав, задумалась — а что ж поручить-то? До сих пор я как-то сама со всем справлялась... Ладно, сейчас соображу.

Строго посмотрела на евшую меня глазами Винту.

Пусть в её обязанности входит присмотр за гардеробом, борьба с оторванными пуговицами и молью, а также выполнение моих личных поручений. По утрам, если у меня нет для неё работы, Винта поступает в распоряжение экономки. Мыть полы или посуду её не заставят, а вот помочь со счетами, подрубить занавески или сбегать куда-нибудь с письмом — это будет. Задача Винты — разобраться в деталях, как ведётся хозяйство в большом доме, — такое благородной ньере всегда пригодится.

А после обеда Мышке предстоит заниматься чистописанием и учить под моим присмотром магический язык. Основы ей понадобятся, и скоро.

Выдав эту тираду, облегчённо вздохнула. Для начала хватит. Ещё подберу в библиотеке, если там есть, пару книг о манерах и этикете — думаю, это займёт Винту надолго.

— А можно, я буду играть с ларрой? — уставилась на меня девочка.

— Конечно. И с ней, и с Соль. И гулять в саду, — улыбнулась я. — Мне тут тоже всё внове, постепенно разберёмся.

— Я помогу! — радостно закивала головой Винта.

Проще всего оказалось устроить Соль и ларру. Первой предстояло поселиться в одной комнате со мной — мала она ещё для отдельной детской, а вторая сама разбёрется, где и как ей разместиться.

Ссэннесс не разочаровала. Нырнула под мою кровать, вынырнула...

— Всё наше? Хорошо, нравится... А ссобаки сдесесь есссть?

Я, прикусив губу, чтобы не засмеяться, вопросительно уставилась на Рейна. Как у нас с собаководством? Вроде он говорил, что сторож выпускает кого-то в сад по ночам.

— Есть пара волкодавов, — улыбнулся Рейн. — И я уже отдал приказ перевезти сюда из Салерано наших Хвата и Рвача. Через неделю прибудут. Этих можно будет держать в доме.

Ну да, на той паре Ссэннесс уместится и вдоль, и поперёк.

— Хорошо, — удовлетворённо закивала ларра.

— Сита, побудь здесь, я сейчас вернусь, — попросил Холт минуту спустя.

Да куда ж я денусь?

«Сейчас» растянулось почти на полчаса, но когда муж вернулся, я второй раз за день потеряла дар речи.

Рейн принёс колыбель. Настоящую, резную, из светлого дерева, на высоком основании, позволяющем её покачивать.

Присев на край кровати, я закусила губу. Из глаз полились слёзы...

— Сита? — Рейн опустился рядом. — Ты что, тебе не нравится?

— Нра... вится... — всхлипнула я. — Рейн, я... я не смогу без тебя жить!

— Ох, Сита...

Мы обнялись, он гладил меня по волосам, а я рыдала у него на плече, как никогда не плакала по Андреасу.

Что же нам делать?

На самом деле для себя решение я приняла.

Я его люблю. И пусть случится так, что нам придётся расстаться, что брак будет аннулирован. Но пока мы вместе, пока не произнесены страшные слова, Рейн для меня — муж. Я хочу быть с ним — и точка. Чем это обернётся потом, поглядим. Но если выбирать — сожалеть о том, что что-то было, или о том, что чего-то не было, в данном случае я однозначно предпочту первое.

Ну, а ещё вспомнилось, как Холт приходил в мою комнату в Салерано, спать на другом краю кровати. А потом мы клялись и божились в Храме, что все ночи провели в одной постели.

Если люди спят вместе, — в смысле, занимаются любовью, — чаще всего это видно. По взгляду, мелким, неосознанным движениям — собственническим жестам, как бы случайным касаниям. Если нет — видно тоже. Даже одиннадцатилетняя Винта поняла, что мы, хоть и вместе, а порознь.

— Рейн, — подняла я глаза на мужа, — ты собираешься просить о нас, когда пойдёшь к королю?

— Хочешь, чтобы всё прояснилось быстрее? — серые глаза чуть прищурились.

— Нет, наоборот, хотела уговорить тебя обождать.

— Зачем?

— Ведь пока никто не знает, что мы вернулись? Я же слышала, как на прощанье ты отдал ньери Кийту приказ молчать о путешествии и его цели. Если мы повременим хотя бы пару дней, я успею немало. Завтра же с утра начну магичить. Сначала сделаю копии всех документов. Столько, сколько надо. Потом защищу, как умею, наш дом. А после этого — заклинание я уже нашла — зачарую шнурок, чтобы ты перевязывал волосы. Там всё непросто, но если выйдет, вешица будет не только скрывать твои истинные чувства, но и поможет изображать ложные. Только много разных я не смогу — подумай, выбери пять эмоций, которые могут оказаться полезными.

Посмотрела на него и в очередной раз хлюпнула носом. Сжала зубы, задрала подбородок. Нечего хныкать — слёзы не помогают. Проморгавшись, продолжила:

— И, знаешь, что бы ни решил Риналдо, я тебя не брошу. Я тебе нужна. Ты ведь не хочешь никому говорить, что можешь стать магом. Но если это произойдёт — тебе необходима будет помошь, одних книг мало. Обещаю научить тебя всему, что знаю сама...

— Сита, Сита... — Рейн прижал меня к себе.

— Отпускай. Хочу переодеться, умыться, покормить Соль, а потом ты покажешь мне библиотеку.

— Ты крепкий орешек... Я сразу это понял, как увидел тебя на пороге, — попытался пошутить муж. — Кстати, а обед в твои жизненные планы не входит?

Вообще-то мне четвёртый день кусок в горло не лез. Но если я — кормящая мать, поесть однозначно стоит.

Библиотека и вправду оказалась небольшой — комната в половину моей со стеллажами до потолка вдоль стен и письменным столом у окна. Я ходила вдоль полок, водя пальцем по кожаным переплётам: «История Таристы» в десяти томах, «Морские сражения», «Путешествие за семь морей»... А, вот интереснее! Невольно начала улыбаться, увидев знакомые по семинарской библиотеке названия романов: «Сианерра и Синар», «Верная Панерта — таинственный призрак любви», «Хозяйка туманного замка», «Страдания Луады». Погладила по корешку и взяла в руки «Сианерру». Помнится, именно в ней героиня привязала простыни с брачного ложа к шторам на окне, а когда длины не хватило, отрезала свою белокурую косу — и сбежала, не дав осуществиться нежеланному браку. Раскрыла книгу, наугад ткнув пальцем в строчки. Прочла, куда попала: «Настоящая любовь требует жертв. Но они сладостны, и за единение душ, сотворённых друг для друга небесами, стоит бороться!» Слог показался тяжеловатым и высокопарным, зато сама мысль пришла как нельзя кстати. Не может быть, чтобы не нашлось способа...

Сняв с полки не читанную раньше «Луаду», присела в кресло. И застряла. История юной девы со слабым магическим Даром, которая не могла колдовать, но была способна предвидеть будущее, по непонятной причине поглотила меня целиком. Может быть, потому, что слишком не хотелось возвращаться к проблемной действительности, где опять всё пошло наперекосяк... Когда я в пятнадцатый раз пробормотала под нос: «Ещё одну страничку — и иду на кухню!» — поняла, что влипла. Проще это дочитать, чем мучиться и думать, что ещё стряслось с добродетельной девицей, о Даре которой прослыпал местный владыка и решил, не спрашивая у неё согласия, взять в жены. Но Луада заглянула в будущее и узнала, что счастья им не видать, она умрёт меньше, чем через год после свадьбы, а владыка затеет заговор против короля и будет казнён за измену. Посреди ночи девушка оседлала вороного коня, чтобы скакать прочь, но когда спасение было уже близко, её схватили. Казалось, свадьба с ненавистным ньером была неизбежной, но молодой дворянин, охранявший

невесту, поверил её словам и подлил остальным стражам в вино сонного зелья... Луада бежала, долго скиталась, от страданий и лишений потеряла свой Дар, а в сердце её поселилась любовь к юноше, даже имени которого она не успела узнать. И вот два года спустя она оказалась в том самом городе, где на площади должны были обезглавить всё же поднявшего бунт владыку и его вассалов. И среди обречённых Луада увидела юношу, в которого была влюблена. Девушка смогла пробиться к помосту, и хотя из толпы летели проклятия, кинулась в ноги палачам, взывая к древнему закону, по которому осуждённого миловали, если находилась девица, готовая прямо у эшафота выйти за него замуж. Так Луада спасла своего Гиранта, стала его женой, вернула Дар, и жили они долго и счастливо...

Захлопнув книгу, ошалело затрясла головой. Конечно, приятно, что история закончилась хорошо. Тем более что я совершила ещё один крайне логичный поступок — по названию книги невозможно было понять, закончится дело свадебным флердоранжем или белыми кладбищенскими лилиями, вот я и загадала — если Луада выживет, то и мы с Холтом как-нибудь выкрутимся. Но, кстати, неужели действительно существовал такой странный закон? Приходит любая дурнушка к эшафоту, выбирает себе жениха посимпатичнее... любопытно, все ли парни соглашались на такой брак? И можно ли было после развестись?

Или это всё — вымысел автора? Интересно бы узнать. Вроде я видела на полке с историческими книгами фолиант «Древние законы Таристы» — жаль, что прямо сейчас нельзя полистать. Солнце уже садится, Соль скоро проснется, а я за весь день не сделала ничего толкового.

Прихватив с собой толстенный талмуд в серой коже, отправилась искать Рейна.

Тот сидел в кабинете у стола, заваленного бумагами. Услышав шаги, повернулся ко мне.

— Я видел тебя в библиотеке, но отрывать от книги не стал. Ты впервые за последние три дня улыбалась без грусти...

— Да, читала роман. Скажи, неужели и вправду существует закон, по которому любая незамужняя особа женского пола имеет право спасти осуждённого от казни, взяв того в мужья?

— Есть такое, — усмехнулся муж. — Вижу том у тебя в руках — полистай, найдёшь эту статью где-то в районе трёхсотых страниц. Хотя бывают законы и почудесатее. Вот как с заключением брака... — Холт помрачнел.

— А сейчас этот выверт юриспруденции действует?

— Насколько мне известно, он не отменён до сих пор. Другой вопрос, что очень мало кто о нём знает. До последнего времени к смерти у нас приговаривали крайне редко, всех смутьянов просто сплавляли в колонии. Вот и забылось. И хорошо, что так. А то спорить могу — нашлись бы искательницы приключений, готовые пойманных пиратов или работников по рукам разобрать... — хмыкнул Холт.

Я перевела взгляд за окно, на уже красное закатное небо.

— Ох, я об ужине забыла...

— Ничего, я распорядился.

— А ты чем занят?

— Думаю. Вот скажи, ты веришь, что в одно и то же время началась эта история с пиратством и работорговлей, и — независимо от неё — напал мор на дом Райнесан?

Что тут думать? Не верю. Посмотрела мужу в глаза:

— Кто-то расшатывает трон и собирает огромные деньги. Я бы предположила, что это — заговор.

— Согласен, — кивнул Холт.

Глава 2

Для поцелуя нужны обе руки.

М. Твен

После ужина обычно деловой и собранный Холт неожиданно предложил:

— Не хочу заставлять тебя на ночь глядя ломать голову над вывертами нашей семейной генеалогии. Давай оставим это на завтра — фамильное древо до утра не убежит. Пойдём погуляем по саду?

Мы молча бродили по каменистым дорожкам. Пахло розами и ещё чем-то сладко-цветочным, название чего я не могла припомнить. Потом всплыло — петуны! Эти тоже цветут до самых заморозков. Время от времени Холт останавливался, разворачивал меня лицом к себе, обнимал. Мне почему-то было грустно — казалось, что мы прощаемся. Вот расскажет он обо всём через два дня своему «кузену Рилду», и тот ответит, что мужчин Райнесан подходящего возраста осталось по пальцам пересчитать, а нужды страны требуют... и пропал мой Рейн. Вряд ли он пойдёт против воли короля. Не так воспитан. Будет любить, тосковать, заботиться о нас с Соль — но разве мне это надо? Обеспечить и обиходить нас я могу и сама. А вот видеть его с другой — не смогу. Сил не хватит. И, если так случится, уеду. Вернусь в Виэнию, к учителю. Поживу там лет пять...

— Сита?

— Да?

— Если у меня появится магия, я стану долгожителем, как и ты?

— Вероятно.

— Если что-то случится — ты станешь меня ждать?

Это он о чём? Что переживёт любую обычную жену? Угу. И лет через пятьдесят мы сможем повторить попытку... Если Риналдо или его потомок не сделают Холта женихом многоразового использования.

— Как ты собираешься скрывать от жены магию? — ответила я вопросом на вопрос.

Холт вздохнул.

— Пойдём домой, пора кормить Соль, — попросила я.

На самом деле я всё понимала. И что Рейн не виноват, ну, не очень

виноват. И что его натура и воспитание сделали слово «честь» не пустым звуком. И всё равно почему-то было обидно. Как-то это неправильно.

— Сита, на другой я не женюсь. Если всё пойдет наперекосяк, согласишься уехать со мной из Таристы?

— Да, — ответила я, не раздумывая.

Здесь без него или где-то, но с ним, — какой тут может быть выбор?

Вернувшись в комнату, обнаружила, что рядом с моей кроватью, на видном месте, красуется миска Ссэннесс. Ларра сама достала её из багажа, поставила так, чтобы мимо не пройти и не проехать, и уселась рядом — а то вдруг всё же не замечу?

Ещё бы флаг в лапы взяла!

— Сейчас, покормлю Соль, ты — следующая, — улыбнулась я.

Ребятёнок в обнимку с китёнком сопел в новой колыбели. Попой вверх, в одном продвинутом подгузнике. Светлые волосики уже отрасли, начав завиваться мягкими локонами и колечками. Ручки и ножки в перевязочках, лицико повернуто, розовый ротик приоткрыт — Соль во сне улыбалась. Так сладко спит... Наверное, подожду, пока сама проснётся... а пока нацежу молока ларре, та вон у миски бдит!

Чуть качнула колыбель... Рейн сказал, что на чердаке, среди старой мебели, должен быть манеж в котором когда-то барахтался он сам. И что завтра он его обязательно разыщет и установит. Тогда днём Соль можно будет запускать туда ползать — дочка уже довольно уверенно перемещалась задом наперёд. Я не протестовала — ей виднее, как удобнее.

Ссэннесс запыхтела. Я повернулась к ней.

— Ссэннесс, теперь это наш дом, и ты за него отвечаешь, как отвечала за дом в Паэнье. Прошу, познакомься со всеми, кто тут живёт, и последи — хорошо?

— Крысccc не будет. — Ларра уставилась на меня зелёными круглыми глазищами, подумала и подмигнула.

Интересно, она имела в виду только четвероногих?

Когда я закончила с ларрой и дочкой, за окном уже была ночь.

А где Холт? Он что, не придёт?

Смешно — мы столкнулись нос к носу в темноте моей гардеробной. Я шла к нему, а он — ко мне. Он не сказал ничего, только качнул черноволосой головой с распущенными волосами и хмыкнул. А потом легко подхватил меня на руки и понёс на кровать.

Когда мы встретились, на нём были полотняные штаны, а на мне —

батистовая ночная сорочка. Но каким-то образом, когда он опустил меня на постель, оказалось, что сорочка пропала. Кажется, у Рейна была собственная магия.

— Мм-м... Ты обо мне не забыла?

— Не у всякой ньеры есть синий муж. Так что о своём я помню ежесекундно, — сообщила я в ответ, пока он устраивал меня у спинки кровати и устраивался сам с головой на моих коленях.

Запустила пальцы правой руки ему в волосы — обожаю! Левую он поймал, потому что её понесло куда-то совсем не туда. Хотя зачем он меня остановил? Ну, подумаешь, собиралась потянуть за завязку его штанов... неужели он намерен снова спать в них? Или всё же нет?

Думать было сложно — я упльывала. Его губы ласкали и тянули сосок и в такт дёргало внизу. Свободная рука мужа поглаживала мою поясницу. И он смотрел, смотрел на меня так, что от нежности разрывалось сердце.

— Я тебя люблю, — выдохнула я.

— Сита, я жизнь за тебя отдам, — оторвался он от моей груди. — И я тебя тоже люблю. Как сумасшедший, да.

Я засмеялась.

Рейн приподнялся с моих колен, сел и потянул меня к себе. А после сделал то, чего прежде не делал со мной никто, — откинулся на спину и затащил себе на грудь. Я растерялась. Он лежал подо мной, придерживая руками, чтобы я не скатилась. А потом запустил пальцы в волосы на затылке, пригибая голову вниз, к себе на плечо. Я слышала стук его сердца и его дыхание, чувствовала идущее от него тепло, даже жар...

Это было что-то совсем новое. Андреас вёл себя абсолютно по-другому — наваливался сверху, мял грудь, зад или что под руку попадалось, целовал взасос и, не медля, переходил к сути дела. Плохо с ним не было, но, пожалуй, просто поцелуи были бы приятнее.

— Поговорим? — предложил Рейн.

— Что? — ошалело заморгала я на него глазами сверху вниз. Это шутка такая?

— Сита, я хочу тебя до боли. А мой Ингварр четвёртый день стучит мне изнутри по черепушке своим топором — хочет донести мысль, какой я идиот... И, знаешь, я с ним согласен. Я мечтаю, чтобы ты стала моей женой в полном смысле слова, чтобы, кроме Соль, у нас были ещё дети... но, кажется, нам снова придётся ждать.

Ждать? Чего? Рака на горе после дождичка в четверг? Или дозволения Риналдо? Почему в первое мне верится больше? Наверное, потому, что я ещё не забыла, как Рейн спрашивал меня о последней королевской

фаворитке. А ведь Ринаaldo вроде ещё не женат. То есть, если ему приглянулась ньера, мог бы не тянуть её к себе в постель, а сделать королевой. Но, похоже, при Дворе иные правила и нравы... а если так, то, скорее всего, не видя в браке со мной большой выгоды для Таристы, Ринаaldo предложит и Рейну что-то вроде: «Да живи с ней, никто тебе не мешает! А надоест — отправишь куда подальше. Сам понимаешь, любовь — одно, а женитьба — другое».

Спрашивается, надо нам ждать такого?

Почувствовав, что сползаю вправо, согнула колено. А потом — упрочивая позиции — уселась на живот мужа верхом. Может, у нас и будет-то всего одна ночь. Или его опять обуяет приступ благородства — и даже той не будет. Так чего мяться и маяться?

Посмотрела сверху вниз: ага, глаза распахнуты, зрачки чёрные, аура пылает красным. А ещё врёт, что хочет уйти!

Положила ладони ему на плечи:

— Хочу гладить, ощущать твою кожу. И чувствовать, как ты ласкаешь меня. Рейн, ты поклялся, что решать мы будем вместе. Я решила — ты обещал мне, что сегодня будешь со мной, я мечтала об этом и хочу этого сейчас. И вижу по твоей ауре, что ты, что бы ни говорил, хочешь того же. А что ты видишь во мне?

— Сита, Сита моя... Ты уверена?

Я молча кивнула.

— Тогда я скажу, что вижу самую желанную женщину... мою жену.

Он перевернулся, опрокидывая меня на постель. Его руки, его губы были везде... Он умудрялся одновременно гладить меня по волосам и целовать под коленкой. И я — я стала отвечать, чувствуя, что мне мало, мало и как в животе разгорается огненный цветок.

Мы спешили, словно каждое прикосновение было последним, а наше время истекало...

Я почему-то снова оказалась на его груди, он тискал — поглаживанием это было не назвать — мой зад, прижимая к себе. Штанов на нём уже не было. Я уперлась ладонями ему в грудь, чуть привстала и съехала вниз. Вот как сейчас скажет: «Вы ёрзаете, ньера!» — и будет прав. Но вместо этого он напрягся и застонал, вцепившись пальцами в простыню. Я, закусив губу, запрокинула голову — то, что я чувствовала, было удивительно, просто невероятно хорошо...

А потом, наёрзавшись всласть, приподнялась и медленно, осторожно опустилась снова, уже по-настоящему соединяясь с мужем. И тоже застонала. Я хотела, очень его хотела — но почему-то оказалось больно.

Наверное, слишком долго этого у меня не было.

— Сита, любовь моя... боги...

Я чуть наклонилась вперёд и приподнялась. Закрыла глаза, прислушиваясь к ощущениям... Уже не больно. Сладко. Только немножко слишком остро.

Руки Рейна прижали меня к груди.

— Сита, хорошая моя, радость моя, позволь мне помочь...

Не отпуская и не выпуская, он перекатился, оказавшись сверху.

Я не ждала большего, мне и так было приятно, удивительно приятно... Но он что-то прикинул, подхватил мои ноги под колени и, примерившись, часто, очень часто, короткими ударами стал бить в глубине. То, что он творил, было необычно и хорошо, невероятно хорошо, невыносимо... почувствовала, как невольно напрягаю мышцы живота, от чего ощущения стали ещё острее, и расслабиться было уже невозможно, а потом, ахнув, вцепилась ему в плечи, уронив на себя. Боги! Похоже, просто раньше я спала не с тем мужчиной.

Рейн стиснул меня, выдохнув в лицо: «Сита!», и рухнул сверху.

Похоже, ему было не хуже, чем мне.

Ну вот, приплыли.

А фейерверк в День Корабля по сравнению с этим — просто пшик!

— Ну, теперь я и вправду — твой муж. Сита? Сита?! Ты снова плачешь? Я сделал больно? Или ты жалеешь?

— Нет. Рейн... просто я так счастлива и так тебя люблю...

— Я тебя тоже. И я тоже очень, очень счастлив. Знаешь, как я боялся, когда только влюбился, что я тебе неинтересен и что ты никогда меня к себе не подпустишь?

Засмеялась — попробуй такого не подпусти...

Я — его жена.

— Знаешь, я сейчас начну светиться от счастья, — сообщил мне Рейн, когда мы отдохнули.

— Ты уже, — покосилась я на его ауру. Я и сама чувствовала, что не в состоянии прекратить глупо улыбаться. Хотя одновременно тянуло зевнуть и закрыть глаза.

Рейн понял. Притянул меня на плечо, я прижалась к нему теснее — и уплыла в сон.

Разбудившее меня посреди ночи видение было коротким. Очень коротким, но оставило ощущение тревоги, страха, даже ужаса. Сначала вокруг была тьма, тяжелая, давящая, безмолвная, непроглядная. Затем мрак

стал светлеть, рассеиваться, перетекая в кроваво-красный. И — первый звук — раздался свист рассекаемого воздуха, а следом — заставивший меня вздрогнуть тяжёлый рубящий удар. Столько было выплеснуто злобы, ярости, ненависти... Взгляд сфокусировался, показывая то алое, что заслоняло обзор.

Передо мной высилась искорёженная спинка массивного, обитого красным бархатом кресла, а из неё торчал застрявший в дереве огромный топор. Его лезвие почему-то тоже казалось алым, а потом я увидела, как по кромке вниз медленно ползёт, набухая, тяжёлая кровавая капля...

Вскрикнув, открыла глаза.

— Сита, — Холт проснулся мгновенно, стоило мне дернуться. — Что?

— Страшный сон, — поёжилась я, нашаривая в темноте его ладонь.

— Расскажи. Первая ночь на новом месте...

— Ничего особенного. Никаких людей. Просто предмет интерьера, кажется, кресло, разрубленное топором. Кресло красное, топор большой. Всё, — пожала плечами я.

Я уже успела забыть о появившейся после родов способности, ведь в Сафрине она не проявляла себя никак, а опасность нам там грозила вполне реальная. Ну что стоило бы присниться, как меня хватает на улице пара головорезов и тащит туда, где держат других девушек? Я знала бы, чего ждать, и вела бы себя осторожнее. А Холт нашёл бы раньше то, что искал. Но если то, что мне привиделось, — предупреждение...

— Рейн, если это вещий сон, то пока понять из него можно слишком мало. Но он будет повторяться, обрастая новыми деталями. Как было в Паэнье.

— Ладно, поглядим, — хмыкнул муж, целуя меня в макушку. — Сита, у тебя чудесный запах от волос. Как ты смотришь на то, что раз уж мы проснулись посреди ночи, не засыпать сразу снова?

Интересно, случайно ли совпадение, что слова «положительно» и «лежать» — однокоренные? Вообще-то, утром я хотела осторожно спросить, понравилось ли ему со мной, но, кажется, можно не спрашивать.

Вчера я запланировала встать пораньше, чтобы приняться за дела, но вместо этого нежилась в постели, чувствуя себя счастливой сытой кошкой. Сейчас меня не заботила и не волновала даже моя магия — больше там чего или меньше. Я бездумно смотрела, как утренний бриз колышет золотистую шёлковую штору на приоткрытом окне, и вспоминала то, что было ночью. Похоже, я начала понимать, почему Рейн назвал Андреаса дураком. Хотя дурак тут не вполне подходит. Просто эгоист, как и во всём

остальном. Зато со мной, кажется, всё нормально. И я не разочаровала Холта. Даже сейчас, во сне, муж прижимал меня к себе собственническим жестом. Улыбнулась — выпутаться из его рук, не разбудив, никак не выйдет — крепко так держит, надёжно. Ну и хорошо. Меня устраивает.

Хотя подняться бы надо...

Осторожно взялась за руку мужа повыше запястья и потянула вверх...

— Сита-а... — зевнул он у меня над ухом. — Уже утро?

— Раннее. Спи ещё. А мне к Соль надо встать, а то сейчас заплачет.

— Сейчас отпущу. — Он потянулся к моей шее, поцеловал. — Возвращайся быстрее.

— Конечно, — погладила я пальцами его щёку.

И пусть теперь Риналдо попробует нас развести! Магини своё не отдают! А Рейн теперь, как и Соль, — моё!

— Ньера Сита! Вы сегодня такая красивая! — сообщила мне за завтраком уминающая третью булочку с клубничным вареньем Винта.

Ну да, я постаралась. Выбрала голубое утреннее платье, которое нравилось Рейну, причесалась так, чтобы три завитых локона падали на шею, а остальное собрала в высокую причёску. Надела маминые серьги с голубыми топазами. Но, кажется, дело было не в этом. Я действительно, как когда-то обещал Холт, не сводила с него глаз. А он неотрывно следил за мной... И сейчас меня совершенно не занимало, кто там что разрешит, а кто — нет.

Рейн собирался отправиться в столицу послезавтра. А если спросят раньше, где он, скажет, что уже рядом. Формально это правда. Но в данный момент не до визитов вежливости, дел было столько, что день мы расписали чуть не по минутам.

После завтрака мы отправились знакомиться с экономкой и остальной постоянной челядью — вчера было как-то недосуг. Винту взяли с собой — надо и её представить тоже. К этому моменту я уже знала от Рейна, что должности управляющего и экономки в Сотэре, можно сказать, наследственные.

Белинда — так по забавному стечению обстоятельств звали ничем не напоминавшую золотоволосую куклу из моего детства сухощавую деловую ньеру лет сорока — происходила из семьи, давшей Сотэре уже четыре экономки. И у этой достойной ньеры, кроме старших сыновей, один из которых работал приказчиком в скобяном магазине в Лореции, а другой плавал в торговом флоте, подрастала семнадцатилетняя дочь Бианка,

надеявшаяся со временем заменить мать на этой важной и почётной службе.

Сейчас Белинда и Бианка, в одинаковых тёмно-синих платьях с белоснежными крахмальными воротничками и манжетами, и ещё несколько человек чинно стояли шеренгой в холле у лестницы, ожидая нас. Возглавлявший ряд высокий рыжеусый мужчина в сером сюртуке и начищенных сапогах явно был управляющим, ньером Батлинором. В другом — с военной выпрявкой и бочкообразной грудью — я опознала ньера Мартина, отвечавшего за сад и охрану поместья. Краснощёкая девушка в чепчике и переднике следом за ним, похоже, была кухаркой. Надо бы узнать, как её зовут, и похвалить завтрак. Завершали шеренгу три молодые женщины — наверное, горничные.

Я чувствовала себя немного растерянной — в жизни никем не командовала. Припомнила, как вела себя в Паэнье Тирисия — легко, вежливо, но твёрдо. И быть в доме у Лена был идеально налажен, всё шло как бы само собой, как катится по ровной дороге хорошо смазанная повозка.

Мне было интересно, как представит меня Рейн. Ну, кроме того, что я теперь — владелица Сотэры.

— Ньера Алессита лен Холт лен Сейранн Райнесан, урождённая лен Ориенси, моя супруга, новая владелица Сотэры, — невозмутимо произнёс муж.

Я прикусила губу, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. Но «лен Сейранн» — это ещё откуда? Со стороны отца или матери?

Шеренга склонила головы. Женщины вдобавок низко присели. Выказав уважение, все дружно уставились на меня. Похоже, я должна что-то сказать. А что? Ну, Холт, ну шутник, ведь мог бы предупредить! Так нет — стоит себе как ни в чём не бывало, только глаза блестят и по ауре сполохи пробегают.

Взяла себя в руки:

— Рада познакомиться со всеми вами. Надеюсь, у нас не будет никаких трений и мы подружимся. Хочу представить нашу воспитанницу — Арвинту лен Санрини. Сейчас прошу вас подойти ко мне в порядке старшинства, назвать имя и сказать, чем вы занимаетесь в поместье.

Первым, ожидаемо, выступил вперёд ньер Батлинор. Оказалось, что он служит в Сотэре уже пятнадцать лет. А кухарку звали Соэнтой, и девушка очень засмутилась, когда я похвалила её стряпню и обещала ближе к вечеру зайти на кухню, обсудить ужин.

В конце я попросила всех вернуться к текущим обязанностям. Винту я

отправила на кухню с Соэнтой — та казалась располагающе уютной и доброй, и наверняка легко найдёт общий язык с Мышкой. А по делу требовалось составить примерное меню на неделю. Вот пусть Мышка займётся. Вечером посмотрю на результат и, если надо, — подправлю.

Не успели все разойтись, обернулась к Холту:

— Лен Сейранн — это что и откуда?

— Это наш основной титул, дающий статус. Тот самый, оставшийся от прабабушки Алтанасии. Мы входим в число пятидесяти сентаньеров — крупнейших землевладельцев Тариста.

Рианнес, во что я влипла?

— И так я представлю тебя при Дворе, — припечатал Рейн.

Наверное, мои глаза стали совсем круглыми.

— Ну ты же не думала, что я позволю тебе стать моей любовницей? — пожал плечами муж. — Теперь хода назад нет.

Нет? Вот и прекрасно! Задний ход в некоторых ситуациях только вреден!

Улыбнулась:

— Пошли в кабинет, магичить? Ты решил, сколько копий документов тебе нужно?

Оказалось, желательно сделать по три дубликата как наших записей из Паэньи, так и данных, собранных в Сафрине. Хорошо, что последних была всего одна на треть исписанная тетрадь. Зато крупнейший порт страны оставил после себя светлую память — целую кипу гроссбухов.

Ну, Рианнес, помоги!

Вообще-то, было страшно. Я пробыла без волшебства — синеспинной — почти два месяца. А вдруг что-то сломалось, лопнуло, разладилось — и я теперь, как какая-нибудь Орсетта? В два с половиной локтя? Может быть, именно из страха я и уговорила себя, что нечего мерить магию, выплёскивая силу попусту. Надо делами заниматься. Уж что есть — то есть. Ведь там, в катакомбах, у меня не было выбора. Я спасала нас с Холтом, Брая, Винарта и девочек... и абсолютно не нарочно подставилась под удар.

Ладно, приступаю...

Значит, Сафрина. Заполненных листов тут меньше половины, так что вероятность накосячить очень мала... Положила на ровную поверхность стола две тетради друг на друга, испанную — сверху. На неё — руки. И, сконцентрировавшись на образе зеркала, начала произносить знакомые слова...

— Сирайя шерфян акринато ритари... — Как две друг на друга тетради похожи...

Рейн тихо стоял у стены — понимал, что отвлекать нельзя. Но всё равно в туманной глубине моего мысленного зеркала я видела его лицо, знакомый прищур серых глаз, длинный нос, чуть кривую улыбку... Сегодня почему-то улыбка Рейна маячила всюду, даже когда я зажмуривалась. Ну и пусты...

Договорив, открыла тетрадь — и потеряла дар речи.

Всё, что надо, я скопировала. Точь-в-точь и, по ощущениям, много магии на это не потратила. Но на бумаге, на каждой странице — и на чистых, и фоном на исписанных — возникла бледная, но отлично узнаваемая физиономия моего мужа.

Я смущенно закашлялась и попыталась заныкать тетрадку в карман.

Рейн не позволил. Перехватил мою руку, открыл... Брови поползли к волосам. Муж пролистал страницы до последней и, к моему облегчению, улыбнулся:

— Как ты этого добилась? Но ты представляешь меня намного симпатичнее, чем то, что я вижу по утрам в зеркале.

— Вот я в зеркале тебя и увидела, — хмыкнула я. — А с утра все страшные.

И попыталась сменить тему:

— А как твой Ингварр, доволен?

Рейн зачем-то оглянулся на закрытую дверь. Зачем, я поняла через три секунды, когда он сообщил мне заговорщицким шёпотом прямо в ухо:

— Да, доволен. Говорит, что пять раз для первой ночи — результат не выдающийся, но и не позорный. И советует взять в охапку тебя, ребёнка, еды и шкур для тепла и свалить на какой-нибудь уединённый островок — зимовать. Чтоб ничего не отвлекало.

Я наклонила голову, чувствуя, как пылают щеки. А он засмеялся и прижал меня к груди, целуя в открытое плечо...

Как просто быть счастливыми. Жаль, что мы не можем последовать совету умного Ингварра.

Я скопировала четыре тетради. И остановилась не потому, что почувствовала близость предела, а потому, что решила быть, пока не пойму что к чему, максимально осторожной. Вдруг вычерпаю себя до конца, а Сильванусовы пузыри возьмут — и упс! — схлопнутся?

Поделилась опасениями с Рейном. Тот сказал, что, по его мнению, опасности нет, но тут он не эксперт. И предложил пойти погулять —

осмотреть сад и ближайшие окрестности — вчера днём я их видела, что называется, в факультативном режиме. По пути можно поговорить. Если я считаю, что на сегодня магии хватит, — значит, так тому и быть. А вечером он проверит мою спину — не появилась ли снова синева.

Днём сад был чудесен. Вчера, в вечернем сумраке и тенях, я просто не могла разглядеть эту красоту... Кипарисы, пинии, вечнозелёные, с глянцевой листвой рододендроны, седые подстриженные кустики душистой лаванды, красные и белые розы — если он такой осенью, как же прекрасен он летом? Холт сорвал одну розу — чистого алого цвета — и протянул мне:

— Я вижу тебя такой. Приколи к корсажу.

Путь и лирика закончились, когда мы пришли к водонапорной башне, сложенной из неотёсанных серых камней.

— Её высота — двадцать пять локтей, чтобы напор воды на верхнем этаже был хорошим. Подойдёт для твоих измерений?

Кивнула.

— Тогда сегодня же прикажу разметить заднюю стену. Кстати, удобное место — за оливами нас не видно посторонним.

Я оглянулась на начинавшийся за нашими спинами оливковый сад. Большинство деревьев выглядели старыми, с серо-серебристыми узловатыми толстыми стволами и густым шатром серебристой листвы. Впрочем, что такое для вечнозелёных олив, живущих по две тысячи лет, старость? Это мне, прожившей в сто раз меньше, деревья кажутся древними... И, как интересно, — многие стволы, сросшиеся наверху, раздваивались у самой земли. Олива — двудомное растение, и очевидно, при закладке сада в каждую ямку сажали два дерева — женское и мужское. Они выросли, срослись, сплелись, стали единым и неделимым целым... как мечтаю стать я с Рейном. Да, и жить две тысячи лет рядом...

— Совсем не видно, — повторил Рейн, подходя ближе. И пожаловался:

— Знаешь, у меня мозги набекрень!

Что сказать? Он не одинок.

Чем дольше держишься, тем громче падаешь. Мы держались очень долго.

Глава 3

Прямота не обеспечивает кратчайшего пути к цели.

E. Лец

После ужина мы устроились в моей комнате, на кровати.

Боялась я зря — никакой синевы на моей спине не появилось. Но зато, пока осматривали окрестности и дом, всплыли важные, как мне казалось, вопросы.

— Рейн, я хочу поговорить.

Он оторвался от моего плеча.

— Мм-м?

— Рейн, смотри. Я — маг. Ты, возможно, магом станешь. Винта тоже скоро начнёт, если уже не начала, проявлять способности. Ссэнасс она видит — теперь нужно объяснить ей, как смотреть на ауры. И Соль тоже будет магиней... Выходит, нас тут таких уже четверо.

— И?

— И. Сегодня я копировала записи. Для этого заклинания не нужно ничего, кроме сосредоточенности, — сглотнула, вспомнив неожиданный результат первого опыта. — Но в большинстве случаев требуются дополнительные ингредиенты, причём часто не слишком аппетитные. Если хранить в доме банку с морской солью, овечью шерсть или листья лаванды — это нормально, то вряд ли большинство ньер и ньеров держат у себя мышиные хвосты, кошачьи следы, ртуть с мышьяком, не говоря о засушенных жуках, крыльях летучих мышей или склянках с собачьей кровью. Думаю, что нам нужна лаборатория, куда бы не совался никто посторонний. А тут не дом, а проходной двор. Сегодня я застала горничную, которая листала один из гримуаров моей мамы, удивляясь, зачем я храню старую пустую тетрадь.

— В доме есть несколько винных погребов. Можно приспособить один из них.

— Можно. Вот только как сделать, чтобы слуги не начали шептаться, а потом не разнесли по всей округе о том, что тут происходит. Да, маги в Таристе — уважаемая, даже почитаемая каста, но пока ты не поймал ту акулу...

— Согласен. До тех пор лучше держать твой Дар в секрете. Как и мою способность видеть ауры. Иначе мы все, включая детей, станем первоочередной мишенью — слишком крупная игра идёт. Сейчас никто, кроме Риналдо и заведомо надёжных людей, как Брай или Лен, не знает, что я уезжал из Лореции не за невестой, а затем в свадебное путешествие, а по делам. Кстати, официально я вообще был в отпуске. Естественно, рано или поздно утечка случится. Но если на это наложатся сведения о наших истинных возможностях — спокойной жизни точно не будет...

— Ох, — потянулась я. — Время полдвенадцатого ночи, пора вставать. Я же хотела засоровать дом от огня, воров, сглаза и проклятий. А если останутся силы — потом обойду и сад. Проводишь меня?

Почему-то магия, творимая женщинами, заметно лучше работала ночью. Идеальными условиями считались полночь и полнолуние. Сейчас луна была почти полной... то есть обстоятельства складывались благоприятно. Вот только что будет, если нас с Рейном, бродящих ночью по дому, увидит Белинда или кто-то из горничных? Ладно, мы тихонько...

— Как считаешь, село надо защищать? — зевнула я, натягивая ботинки и думая, что в деревню ночью не пойду — пусть не уговаривают! Я не кладбищенский призрак — спотыкаться в темноте по пейзажу!

Рейн объяснил мне сегодня, что деревня «моя» в том смысле, что расположена на принадлежавших мне землях. Так что её жители — мои арендаторы. Плата была необременительной, зато в поместье всегда хватало рабочих рук и преданных слуг. «Своих» женщин узнать было легко — всё по тем же косам. В Сайтерии — так незатейливо приспособили под местный говорок название поместья крестьяне — было принято заплетать от висков две тонкие косички, которые закладывались назад и вплетались в две толстые косы, начинающиеся за ушами. На праздники косы носили свободно. Для работы в поле, чтобы те не болтались впереди и не мешали, подбирали в корзинку. Но две косички от висков — такое в округе было только у нас.

— Если будет время и силы — то да, надо бы, — лицо Рейна было серьёзным. — Знаешь, какое самое сильное оружие? Не меч, не арбалет и даже не пушка. А растревоженные предрассудки, слухи и страх. Не надо убивать нас — достаточно поджигать дом за домом в деревне, отравить колодец для скота и пустить слух, что в поместье поселилась злая ведьма, которая ест детей. И жители с перепуга сами наворотят такого, на что ни одна банда наёмников не способна.

Ох. Ну зачем мне это? Насколько лучше было в Салерано, где в доме жила одна преданная Рейну старая няня и не надо было беспокоиться о

чужом мнении. За порог не выносилось ничего.

Может быть, именно поэтому маги, чья профессия предполагает скрытность, профессиональные секреты и не всегда аппетитные тайны, не рвутся обременять себя особняками с толпой слуг?

— Зачарую, как смогу, — вздохнула я. — А что с лабораторией? Как сделать, чтобы туда никто не совался и слухи не ползли?

— Вроде бы я припомнил подходящее место. Помещение вовсе без окон, зато с хорошей звукоизоляцией нам подойдёт? Размер — в полторы таких комнаты. Туда есть тайный проход из спальни, которую я занимаю сейчас, — винтовая лестница в толще стены.

— Подойдёт, — кивнула я. — А книги и прочее, что не для чужих глаз, я завтра же спрячу. Или запрещу заходить ко мне в комнату, как ты никого не пускал в кабинет в Салерано. Кстати, ты так и не рассказал, что там было.

— Личные вещи, служебные бумаги и — ты сразу бы догадалась, кто я такой — отец повесил там портрет моей мамы, ньери Иоланды лен Сейранн. Завтра покажу тебе его копию. И портреты деда и прабабки тоже. И ещё, Сита. Завтра я побуду здесь, с тобой. Но потом мне придётся поехать в столицу, но доклад к Ринаaldo, больше тянуть нельзя. О нас лишнего говорить не стану. Если спросит — выкручуясь. Было, и всё. Хотя при том, что ты уже молодая мать, а Соль официально — моя дочь, думаю, и вопроса не возникнет. Тебя со временем тоже придётся представить ко Двору. Но пока грудной младенец — хороший повод оттянуть этот момент. Не хочу подставлять тебя под удар.

— Рейн, ты готов солгать королю ради нас?

— Не солгать. Сита, я взвесил в моём сердце последствия. Если какая-нибудь родовитая девица из Андарры или Эрминии останется без не шибко красивого жениха — они это переживут. И Тариста в море не канет. А если я брошу и предам ту, которой поклялся в верности и любви, такого не переживу я сам. Потому что именно это — истинное бесчестье для мужчины. Да, я был бы рад, произойди у нас всё по правилам и правильно, но это случай, когда дух закона важнее его буквы.

— Рейн... — растрогалась я.

— Есть безошибочный способ выразить благодарность, если, конечно, я верно тебя понял, — прищурился муж.

Я покраснела. Понял верно. Вот обойдём особняк и сад, вернёмся — и тогда... Ой, пока не забыла, надо ещё спросить:

— Не сбивай меня с толку! Скажи лучше, ты придумал, какие пять эмоций я должна прицепить к шнурку для волос, защищающему твою

ауру?

— Как это будет работать? — поинтересовался муж.

— Все истинные чувства будут сглажены, скрыты, приглушены. Я нашла нужное заклинание в мамином дневнике. И там же есть заметки, как сымитировать ложные эмоции, искажая ауру. Ограничение — пять — возникло потому, что каждая следующая, наложенная поверх, требует от мага сил больше, чем предыдущая. И — не забудь — нужно будет потом спрятать сами заклинания, чтобы вещица казалась совершенно обычной. Думаю, сначала я потренируюсь на чём-нибудь не слишком ценном, а после сделаю для тебя амулет. И заколки для себя. Мама была девятилоктёвым магом — у нее выходило четыре чувства.

— То есть ты чуть сильнее?

— Раньше была сильнее. Сейчас не знаю. А самой сильной в нашем роду была прабабушка, у неё было пятнадцать локтей.

— Она умерла?

— Она очень давно, задолго до моего рождения, уехала за море со вторым мужем. Сначала приходили письма, потом уже нет. Что случилось, я не знаю.

Интересно. Мы уже так долго с Рейном вместе, но только сейчас открылись друг другу полностью и начинаем делиться историей наших семей.

— Понял. Если хочешь, потом я попробую узнать по своим каналам. А с эмоциями так. Смотри, при Дворе я известен как человек спокойный, можно сказать, непробиваемый. Я долго тренировался держать чувства в узде. Попробуй вспомнить, что ты видела в Салерано, когда мы только познакомились?

Честно? Да ничего. Хотя был нюанс. Да, магическое зрение — это пассивный навык, не требующий затраты силы. Но когда я ходила беременной, то не пользовалась даже им — бережённую Рианнес бережет. Мне было важно знать, что я сделала для Соль всё, что могла. Но Холт... вот когда он фыркает — это какая эмоция?

Спросила. Услышала, что здоровое критическое отношение к действительности, именуемое скептицизмом. А ещё — род смешка. Я задумалась. Что-то о скепсисе в учебниках ничего не было. Или я невнимательно читала?

— Знаешь, давай для начала удивление, заинтересованность, страх, — предложил Холт.

— А страх зачем? — не поняла я. Не припомню, чтобы он пугался. Держался, даже когда думал, что ослеп.

— Если попаду в ловушку, пусть думают, что одолели меня. Полезно, если противник тебя недооценивает.

— Тогда, может, отчаянье? Оно немножко другое в оттенках. И для тебя подойдёт лучше. Думаю, не я одна знаю, что ты не из пугливых.

— Хорошо. Готова идти? Чем раньше закончим — тем раньше вернёмся, — муж заломил бровь и покосился на постель.

Я спрятала улыбку.

Ходили мы не слишком долго, но заснули поздно, уже под утро. Тогда, когда уже умолкли цикады, зато начала пересвистываться пара ранних птиц в саду. Я устала, но не отказалась бы ни от одной минуты этой ночи.

Выспаться не удалось ещё и потому, что мне снова привиделся сон с окровавленным топором. Только на этот раз я разглядела чуть больше. Ровно настолько, чтобы понять, заметить краем глаза, что в кресле, под высокой спинкой, кто-то есть, лежит безвольным кулём. И этот кто-то — без головы, потому что она отрублена.

Утром я проснулась от голосов в саду. Прислушалась к внутренним часам — ох, уже скоро завтрак, пора вставать. Рейн ещё спал. Осторожно повернула голову, разглядывая профиль мужа, сомкнутые веки, твёрдый гладкий подбородок. Последние ночи позволили в полной мере оценить мудрость супруга, не ленившегося бриться на ночь. Особенно в сравнении с Андреасом, которого совершенно не волновало, если утром у меня драло и щипало кожу, а щёки и шея были красными настолько, что неудобно на улицу выйти.

С ума сойти! Вспомнила, каким корректным и сухим, даже чопорным показался Холт при первом знакомстве. Никогда не подумаешь, что в этом тихом омуте *такое* водится!

Муж, словно почувствовав, что я его разглядываю, приоткрыл глаз.

— Уже проснулась? Доброе утро, Сита! — Повернулся на бок, устраивая меня удобнее в кольце рук. И прищурился: — Хочешь что-то спросить?

По-прежнему видит меня насквозь.

— Рейн, а как ты понял, что мне надо? — Улыбнулась: — Вряд ли такому учат в элитном военном училище?

— Знаешь, учат. Ясное дело, теории.

— А есть теория?

— А то как же? Что ты скажешь человеку, который возьмёт виолу в руки и начнёт дергать за струны, не умея этого и не зная нот? Звуки,

конечно, будут. Только какие? Есть мнение, что это, мол, естественный процесс, — так зачем учиться? Всё должно выходить само собой. Но посмотри на Соль — человеческая речь, ходьба на двух ногах и даже ползанье — тоже абсолютно естественны. А у неё пока уверенно получается только задний ход. И сколько ей предстоит учиться! Есть древний трактат об искусстве любви, который заканчивается так «А кто не знает того, что написано в этой книге, будет делить свою жену с тем, кому это известно». Несколько огульно, но в целом верно. А я делить тебя ни с кем не намерен — мне одному мало!

Притянул меня к себе, слегка прикусил ухо. Я выгнулась и заёрзала...

— А мне дашь почитать?

— Если будешь себя хорошо вести, — фыркнул муж.

— Но, Рейн... как ты понял именно обо мне?

— Я вижу твои глаза, слышу дыхание. И очень здорово помогла аура — в ней отражается то, насколько я угадал или промахнулся. Должен тебя похвалить — с тобой очень легко. Ты чувствительная, чувственная, отзываешься на самое легкое касание...

Я невольно надулась от гордости. Ему со мной хорошо, а экс-гад — тупой дятел!

— А как тебе я? — заглянул мне в глаза муж.

Он... он... вот слов не найти, чтобы это выразить и описать! Самый лучший!

— Понял, спасибо! У тебя сейчас аура была не просто чисто алой. Она горела, как звезда.

Я не возражала, что он так меня читает. Пусть. Ведь часто недосказанность из-за вежливости оборачивается недоразумениями, недовольством, напряжённостью... и в итоге приводит к разрыву отношений. Вежливость нужна. Но откровенность важна не менее. Можно один раз в гостях явить хорошие манеры и поковырять за столом спаржу, которую ты не любишь. Но если, решив, что тебе понравилось, тебя начнут потчевать этой варёной зеленью каждый раз? То-то же!

Кстати, ненавижу сельдерей. Надо предупредить кухарку.

А ещё стоит спросить, не играет ли Рейн на виоле. Я бы не удивилась, услышав положительный ответ.

Днём я выкроила время посмотреть, чем занимается Винта. Мне хотелось, чтобы Мышка чувствовала заботу и знала, что я о ней не забыла. Заодно следовало лишний раз напомнить, что о наших с ней магических способностях, даже если заведутся подружки, даже по секрету — всё равно

ни-ни!

Винта — как я почему-то и ожидала — обнаружилась на кухне. С книжкой и маковой булкой. И попыталась при моём появлении сунуть книжку под стол. Ну-ка, что там? О! Знакомые «Страдания Луады»! Сглотнув смешок, сделала строгое лицо:

— Винта, давай так. Читаешь ты, причём в библиотеке, только после того, как закончишь дневные дела. Сейчас доедай и поднимайся наверх, подождёшь меня в комнате. Для тебя есть работа.

Посмотрела на Соэнту, явно желающую что-то спросить, улыбнулась.

— Соэнта, завтрак был очень вкусным. Омлет вышел удивительно воздушным. — Девушка расцвела от похвалы. Я кивнула и продолжила: — Я бы попросила приготовить и отправить ко мне в комнату кувшин несладкого морса. И ты что-то хотела спросить?

— Да, ньера... Про сельдерей я поняла, а вот о чесноке спросить забыла. А мне сейчас котлеты к ужину делать...

Рейн относился к чесноку положительно, я тоже была вполне лояльна.

— Не возражаю против чеснока. Клади смело. И я хотела предупредить: как соберёшься жарить рыбу — позови меня.

Рыбу в Сотэре готовили часто. Морскую, свежую, своего улова. А ещё у прибрежный скал водились омары. Соэнта кивнула:

— Хорошо, ньера.

Поднявшись с Мышкой наверх, выбрала из купленных Рейном вещей самое простое домашнее платье из голубого сатина в мелкий рубчик. И попросила Винту очень тщательно просмотреть все швы, манжеты, воротник и поменять серебряные пуговицы на простые роговые, деревянные или перламутровые. Какие найдёт. Но чтобы ни грамма металла в платье не осталось!

Объяснила, что так нужно для волшебства. И снова взяла с девочки слово, что о наших способностях она будет молчать. Кто бы дружелюбный, с какими бы самыми лучшими целями ни спрашивал.

Винта кивнула. А потом сглотнула и уставилась на меня:

— Простите, ньера Сита, что я сидела на кухне! Я не бездельница. Просто...

Да понимаю. Мышка в первый раз за последние годы почувствовала себя в безопасности. Появилась своя комната с красивыми занавесками и мягким матрасом под белой льняной простыней, чистая одежда, вдоволь еды. Реакция здесь неизбежна. Только легче и лучше сразу занять своё место. Именно это даст уверенность в том, что все блага не пропадут в одиночестве.

— ...Просто книжка очень интересная, — закончила фразу Винта, потупив глаза.

— Хорошо. Можешь почитать вечером. Но не позже одиннадцати пойдёшь в кровать, договорились? Сейчас перешей пуговицы. Потом напиши список, что тебе нужно для рукоделья, — закажем в городе. И ещё — если мне придётся отлучиться, ты будешь присматривать за Соль. Скорее всего, Ссэннесс со всем справится, но не забывай — её-то остальные домочадцы не видят! Значит, нужна нянька — хотя бы для того, чтобы никто не удивлялся.

Ещё в дороге я заметила, что Винта играет с малышкой не менее охотно, чем с ларрой.

— Хорошо! — закивала Винта. — Я буду стараться!

Вот так-то лучше.

Ближе к вечеру я начала готовиться к сеансу магии. Надо же сделать защиту для ауры Рейна, которому назавтра предстояло ехать во дворец, на доклад к королю. Вот только что зачаровывать? Обычный шёлковый шнур или узкая лента, которыми мужчины завязывали волосы, не годились. Нужно что-то более основательное — с камнями или металлом, чтобы заклинание держалось. Жаль, что Рейн не носит обруч для волос. А корона была бы ещё лучше, на неё столько всего интересного навесить можно! Хотя к коронам обычно прилагается неудобное королевство. А зачем нам оно? Совсем не нужно!

Так что делать-то? Помозговав, решила поискать серебряную канитель. Не лучшее из возможного, но хоть что-то... А если не найду — оплету чёрными шёлковыми нитками золотую цепочку. Должна получиться хитрая косичка с металлом внутри. Вот только удобно ли будет её завязывать? И где взять подходящую, достаточно гибкую и прочную цепочку? Эх, ну почему я не подумала об этом раньше?

Рейн, увидев, как я обеспокоенно тычусь по углам комнаты, заглядывая в ящики комода и шкафа, поинтересовался, в чем дело. И, услышав объяснение, кивнул:

— Думаю, у меня есть как раз то, что нужно. Я хожу обычно в тёмном. Зато по статусу придворный наряд расшит серебром с гранатами и чёрными сапфирами. — Усмехнулся: — Ты же знаешь нравы наших вельмож — у некоторых даже шнурки на ботинках золотые! Так что для волос у меня есть тесьма, свитая из чёрного шёлка с добавлением платиновых нитей и парой чёрных сапфиров на концах. Что хорошо, вещица не новая, никто к ней присматриваться лишний раз не станет.

Сейчас принесу.

Пока он ходил, проштудировала ещё раз мамины записи.

И осчастливила вернувшегося мужа заявлением:

— Для начала мне нужны пять капель твоей крови и три волоска из бровей.

— А почему из бровей?

— Ближе к лобной доле мозга.

— Тогда почему не из шевелюры надо лбом?

— Не знаю, не морочь мне голову! Садись лицом к свету, щипчики для бровей у меня есть.

Рейн закатил глаза... Потом прищурился:

— Вижу только один вероятный резон. Волосы с головы можно взять и с расчёски, и с подушки. А вот из бровей, да ещё целых три, незаметно для владельца никак не изъять. Может это быть предосторожностью?

А вот не знаю. Как-то я об этом до сих пор не задумывалась.

Винта ещё не управилась с работой — выяснилось, что в голубом платье есть засада — два десятка железных крючков в неожиданных местах, и не все выходит легко заменить пуговицами. Так что пришлось мне надеть последнее уцелевшее из старых семинарских — страшное, коричневое, в подсохших разводах от ночного сафринского дождя, но только у этой хламиды нигде не было металлической фурнитуры, и пуговицы были самыми простыми — роговыми. Выглядела я, надо думать, своеобразно — Рейн, глядя на меня, глотал смешки. Вот нечего хихикать — альтернатива была проста: либо в этой линялой тряпке, либо нагишом.

— Весело, да? — желчно поинтересовалась я у мужа. — Сейчас будет ещё веселее — снимай с себя всё, в чем есть хоть крупица металла — кант, вышивка, петельки пуговиц, пряжка ремня — не должно быть ничего.

Через минуту Рейн, мне на радость, остался в одних белых кальсонах на тесёмочках. Я усадила его на стул напротив лампы, слотнула — широкие плечи, по которым рассыпана грива чёрных волос, — зрелище более чем деморализующее. И он таращится на меня и тоже непонятно о чём думает. Хотя, судя по выражению лица и алой ауре, как раз понятно. Только совсем не ко времени. Я и так не уверена, что справлюсь, а этот безответственный тип ещё отвлекает!

Прищурилась на чёрные брови мужа. Хорошие, густые, на пару сотен заклинаний хватит! Ну-с, приступаю.

Пока выдириала три волоска, Рейн сидел истуканом. На уколотый воздушным лезвием палец муж тоже не прореагировал. Я аккуратно накапала его крови на тесьму, прилепила к ней волоски, сложила

восьмёркой и водрузила мужу на вороную макушку.

— Теперь сиди смирно! В двух словах — сейчас мне предстоит представить кокон тумана, ваты, окутывающий твою голову и плечи, и четыре раза произнести заклинание, обходя тебя по кругу и вкладывая силу.

— Почему четыре? В этом есть какой-то сакральный смысл? — полюбопытствовал Рейн.

— Обычно либо три, вот как с копированием тетрадей, либо четыре — когда обходишь предмет, обращаясь по очереди к четырём сторонам света. Зачем — не знаю. Могу только предположить, что гвоздь с одного удара не заколотишь. Всё, молчи! Я и без тебя запутаюсь!

Я уже выяснила, что дом ориентирован удобно — по сторонам света. Будто специально для магов строили. Окно на море глядело точно на запад. А начинали обычно с востока. То есть мне просто нужно повернуться спиной к окну. Встала, сложила пальцы домиком над тесьмой, зажмурилась, чтобы представить непроницаемую завесу над головой мужа, и начала, вкладывая в слова приказ и вливая силу:

— Анфштеррантэ аирва тэш, синшфаритэ тэрэ бэрш... — «Всё окутай пеленой, стань защитой, мысли скрой...»

Почувствовала, как ладони становятся горячими. Ага, работает... Магия лилась, словно вода из дырявой лейки, — опять, похоже, я размахнулась...

К тому моменту, как обошла круг, язык завязался узлом, а саму меня шатало — по ощущениям, столько силы я не вкладывала ещё ни разу.

Выдохнула:

— Всё! — и злоухнула на кровать.

— Можно вставать? — спросил Рейн.

— Ага, — зевнула я.

— У меня от твоей магии макушка горячая, — сообщил Рейн.

— Дай потрогать! — заинтересовалась я. — И с эмоциями — это как в себя приду... Подумай, кстати, как будешь их изображать, и придумай ключевые слова для каждой.

— Мм-м?

— Нужны словосочетания, которые случайно не скажешь и в то же время не забудешь. Произносить их можно про себя.

— Удивлённый суслик, любопытный суслик, пуганый суслик — пойдёт? — выдал муж.

Да, похоже, мой суслик крепко его контузил...

Глава 4

Если не можете убедить — сбейте с толку.

Г. Трумэн

Рейн съездил в город, на доклад к королю. Вернулся хмурый и озабоченный, как купец, у которого три корабля подряд не вернулись в срок из плаванья. Вечером, пока я кормила Соль, муж рассказал, в чём дело:

— Пока я отсутствовал, произошло два покушения. Оба провалились, но сама понимаешь, что если так будет продолжаться, рано или поздно удача может отвернуться. Риналдо тоже считает, что дело пахнет масштабным заговором. И касательно нас не всё ладно. Рилд посетовал, что не может подобрать жениха для восемнадцатилетней двоюродной кузины короля Андарры — мол, количество женихов потребного возраста за последний год сократилось драматически. А такую невесту абы за кого не выдашь — ни десятилетний Отавио, ни сорокапятилетний вдовий Гилтрамо — это номера девять и четыре — не подойдут. Нам надо связи крепить, а не создавать новый источник жалоб и головной боли. Изложил мне всё это, а потом поинтересовался, насколько прочен мой брак. Я ответил, что прочнее Кернейских скал. И что сожалею, но полезным в марьяжных планах быть не могу, ибо уже связан. На это мне ответили, что желают видеть тебя при Дворе. Чем скорее, тем лучше. Договорились, что не позже, чем через неделю, я тебя представлю.

Я уставилась на мужа. Что-то его рассказ меня не обрадовал. И нехорошо, что ему всё же пришлось пусть не лгать, но умалчивать и выкручиваться... Получался какой-то малосимпатичный клубок. Ладно если ниток. А если — змей?

— Что брови хмуришь? — косо улыбнулся Рейн.

— Думаю, — отозвалась я. — Путаница какая-то. С одной стороны — заговор. С другой — всё же хотелось бы получить одобрение короля. С третьей — отправлюсь ко Двору и столкнусь нос к носу с экс-гадом. Вот уж кого видеть не жажду...

— Вы теперь в разных весовых категориях. Ты — при том, что сам Риналдо и ещё трое до меня не женаты — по статусу являешься четвёртой ныерой Таристы. А он кто такой?

— Человек, который может начать распускать слухи, — вздохнула

я. — Или начать претендовать на дочь, если почует, что это сулит выгоду. И, наконец, представь, что произойдёт, если такой тип станет придворным магом.

— Сирины от магии? — скривился Холт. Усмехнулся: — Проблему понял. О последнем можешь не волноваться — моего влияния хватит, чтобы на корню зарубить затею честолюбивого ньера Тинтари пристроиться на хлебное место. Просто надо сообразить, как сделать, чтобы был виден объективный подход, а не личная месть мелкому негодяю.

* * *

После завтрака муж позвал меня в кабинет. Взял в руки лист со своей паутиной и начал крутить его так и эдак, разглядывая. Повертел немного, поднял на меня глаза:

— Давай, расскажу тебе, что надумал. Во-первых, нам нужно заняться тем, что мы делали в Салерано и Паэнье, — просмотреть портовые декларации. Будь я главой пиратов, самое ценное отправлял бы сюда, чтобы присматривать лично. Во-вторых, нужно попытаться поковырять банк «Большой корабельный», куда пришли те пятьдесят тысяч из Сафрины. Как у нас хранят тайны вкладов, ты, наверное, наслышана. Но по своим каналам я аккуратненько попробую... В-третьих, есть вот это, — помахал исписанным листом. — В-четвёртых, в тюрьме ждут допроса арестованные из Салерано и Паэнни. И, наконец, можно начать рыть с другого конца — прикинуть, кто же сокращает себе дорожку к трону, убирая конкурентов?

— Для первого нужны грузовые декларации. Второе и четвёртое тоже, сидя в кабинете, не сделаешь. Над третьим мы ломали голову всю дорогу. Так что выбираю последнее, может быть, если взглянем на проблему под другим углом, и остальное станет понятнее. Да, Рейн, а Брай уже вернулся в Лорецию?

— Неделю назад. И вот что я думаю ещё, Сита. Я предложил поехать сюда, потому что Сотэра теперь твоя. Хотел сам помочь тебе освоиться. А ещё не знал, как у нас дело повернётся... Но теперь я от тебя не отступлюсь. Ты — моя жена, и точка. А для работы и безопасности нам лучше бы жить в другом месте.

— Где?

— В городском особняке Сейранн на площади Цветов. Там посторонних не будет. И дом Брая от нашего всего в квартале. Можно работать с бумагами у него. Или привезти их к нам. Посмотрим, как

окажется удобнее. Я подумал, что, если использовать твоё заклинание «отвод глаз», легко перемещаться между домами незаметно...

Гм. Не уверена, что хочу отсюда уезжать. Но если останься тут, Рейну придётся каждый день мотаться по два часа верхом до столицы и обратно, и это нехорошо. Утомительно и опасно. А ещё в городе — явный плюс — не будет лишних глаз и ушей. И муж сможет больше времени проводить со мной рядом.

— Когда едем?

Уехали мы на следующий день.

Винте я предложила оставаться в Сотэре —казалось, что для девочки так будет безопаснее. Но та упёрлась, сказав, что хочет с нами... Если Соль можно, то она-то точно справится! А когда немножко освоится, её можно будет посыпать в город с поручениями или за покупками.

Я вздохнула: ладно, пускай едет.

Ссэнасс отнеслась к очередному переезду спокойно. Уставилась на меня:

— Не сссабудь мисску!

Ой, не забуду! И миску, и корзину, и погремушку, и книжку про исторические законодательные казусы, до которой у меня так и не дошли руки...

Зато я доделала экранировку ауры для мужа. Такое было бы не стыдно показать и ньеру Расселу. А себе заколдовала пару заколок для волос, прицепив к ним эмоции, которые казались самыми женскими и неопасными — любопытство, восторг, испуг. Если потребуется, смогу прикинуться недалёкой глупенькой провинциалкой.

Ещё я успела защитить не только дом, но и всё поместье, насколько хватило сил и умения, от пожаров, интереса злых людей, болезней и проклятий. Хотя Рейн считал, что если мы переедем в другое место, то и Сотэре, скорее всего, ничего не будет угрожать.

Рейн показал мне портрет мамы. Ньера Иоланда лен Сейранн мне не просто понравилась. Она произвела впечатление. Типичной красавицей её было не назвать — моя свекровь оказалась черноволосой, с густыми бровями, длинноватым лицом с холтовским носом, но от портрета просто исходила аура ума, чувства собственного достоинства и силы. Вот это и называется «лица необщим выражением». Один раз увидишь — не забудешь. А ещё прекрасны были руки — с нервыми, тонкими аристократическими пальцами, украшенными парой бриллиантовых колец.

— Как вышло, что твоя мама умерла? — решилась я.

— Несчастный случай. — Холт замолчал. Вздохнул, глядя на ждущую меня, потом продолжил: — Упала с лошади во время королевской охоты на горных джейраков.

Об этой аристократической забаве я читала. Джейраки — небольшие чёрно-рыжие тонконогие антилопы с удивительно вкусным пряным мясом — были редкостью и строго охранялись. Лишь особы королевской крови время от времени гоняли их по крутым холмам. Причём правила охоты не менялись веками: стрелять позволялось только из лука, а ездить полагалось верхом, при этом ньерам — в дамских сёдрах. Быть приглашённым на такую охоту считалось честью, от которой не отказывались.

— Она отлично ездила... но поползла каменная осыпь, лошадь оступилась и упала, придавив её собой. А сверху навалило камней. Когда откопали — было уже поздно.

Я обняла Рейна за талию и прижалась, передавая любовь и поддержку.

А сама думала, что мне эта охота была бы на дух не нужна. Я и с ногами по разные стороны лошади особенно уверенно себя не чувствовала, а уж боком да на горном склоне... Да и вообще такой бессмысленный риск — сплошная глупость. Ведь мама Рейна была магиней и могла бы жить долго, очень долго... а погибла молодой даже по меркам обычных людей.

— Мне тогда было двенадцать, — закончил Райн.

Остальные портреты были тоже интересны, но такого впечатления не произвели. Полюбовавшись на три поколения предков Рейна, я пришла к выводу, что слегка лошадиные физиономии — это типичное райнесановское, и муж, посмеявшись, подтвердил мою догадку. А прабабка, которая королевских кровей, оказалась золотоволосой. Но тоже выглядела умной и властной не по-женски.

Интересный род. И, что приятно, я тут не самая страшная.

В день отъезда, чуть рассвело, я потащила Рейна к водонапорной башне — всё-таки любопытство было не унять. Заднюю стену по приказу мужа уже сделали поперечнополосатой — тонкие линии шли через каждый локоть. Каждая пятая была не белой, а красной.

Муж отошёл в сторону, так, чтобы хорошо видеть и меня, и шкалу.

Я потопталась, вознесла молитву Рианнесу, уставилась на подножье башни и выпалила:

— Каршат пириандис фрашшт!

Полыхнуло так, что я зажмурилась. Точно не меньше, чем было! Больше! Вот только на сколько? Мне показалось, что не хватает всего двух делений до четвёртой красной черты, то есть восемнадцать, но этого же не

может быть!

— Рейн, сколько?

— Ровный столп до семнадцати с половиной, — хладнокровно отозвался муж.

Почти то же, что видела я! Значит, правда! Но как же должно было раздуть мои магические мехи, чтобы вышло такое?

— Если вспомнить, что раньше было десять с половиной локтей, и для простоты считать Сильванусовы пузыри шарами, то радиус твоих увеличился меньше, чем на двадцать процентов, — спокойно пожал плечами Рейн.

Если подумать, совсем и не много. Могла бы, кстати, не ахать, а сама взять и посчитать. Но всё равно, выходит, я теперь сильнее учителя? Хотя ньер Рассел закопает меня в землю одним мизинцем просто потому, что я — вчерашняя семинаристка с куцым опытом, а у него за плечами — десятки лет сложнейшей магической практики.

Интересно, а по наследству эта сила передаётся?

— Ты довольна? — Муж, подойдя вплотную, положил ладони мне на талию.

Я кивнула и потерлась головой об его плечо.

Честно говоря, я была не просто довольна — меня распирало от радости и облегчения, что всё обошлось и обернулось вот так. Два месяца терпела, но приз оказался невероятным! Вот бы и Рейну повезло...

Кстати, я заметила, что наш язык жестов действительно изменился. Сейчас Рейн самым естественным образом делал то, что раньше казалось нетактичным, — обнимал меня за плечи или за талию, когда мы спускались к столу, держался чуть ближе, чем раньше, ровно на границе приличия. Без конца касался то моей руки, то платья... и смотрел, не отрываясь. А я краснела и хлопала глазами на него.

Переезд много времени не занял. Мы погрузились в лаково-чёрную карету, запряжённую парой вороных тонконогих коней. Винта села с нами. Изнутри экипаж был обит жемчужно-серым шёлком, шторки на окнах были синими. Явно заказывал мужчина. Зато мягкость рессор я оценила сразу, как мы тронулись.

По пути Рейн давал пояснения:

— До городских ворот от нас полтора часа рысью на север. Дорога ровная, больших перепадов высот и крутых поворотов нет. Кстати, я говорил тебе, что вдоль берега идёт несильное морское течение, и тоже на север? Очень удачно, все стоки от Лореции и порта уносит в другую сторону, у нас вода чистая даже после сильных штормов.

Угу, для рыбы и омаров очень хорошо. И для купания тоже.

— Смотри, вот там, на холме, за кипарисовой рощей, когда-то стоял древний храм, посвящённый Виарне. Развалины с несколькими колоннами сохранились до сих пор. Если будет желание, можно потом туда прогуляться. В библиотеке есть книга об этом месте.

Интересно, обязательно съездим!

— Обрати внимание на перекрёсток. Отсюда начинается тракт, ведущий на юг. В конце каждой недели здесь бывает большая ярмарка...

И так всё время. Мы с Винтой полюбовались на королевские миндалевые сады, издали оценили габариты Большого Южного маяка и вообще всю дорогу крутили головами, слушая Рейна. Ссэннас архитектура, история и сельское хозяйство не очень занимали, поэтому она просто вылезла на крышу кареты — смотреть на дорогу.

Ближе к городу стало людно. Резво бежавшие до того кони замедлили рысь, мы влились в общий поток повозок и экипажей.

— Скоро приедем, — улыбнулся муж.

Площадь Цветов оказалась центром богатого квартала недалеко от дворца. Судя по всему, названием место было обязано разбитым перед каждым особняком цветникам — наш украшали два стоявших как стражи по сторонам от входа кипариса, бордюр из красиво подстриженных кустов самшита, лаванда и штамбовые розы. Последние до сих пор цвели нереально большими — размером с чайные чашки — бархатистыми бордовыми цветами.

В центре площади был разбит сквер с фонтаном, где по траве под присмотром нянь носилась пара детишек. Похоже, местная площадка для общения. Как колодец в деревне.

— Как догадываешься, особняк достался от прабабушки, а место безопасное и спокойное, — прокомментировал Рейн. — За домом есть небольшой сад для личного пользования.

Я кивнула. После обеда у меня будет уже достаточно сил, чтобы обойти наши владения по периметру и сделать их ещё спокойнее. Что-то последнее время я стала впадать в паранойю, но лучше так, чем проснуться ночью в дыму пожара.

Внутри дом неуловимо напоминал особняк Лена в Паэнье. Тот же стиль богатой, чуть тяжеловесной роскоши вековой давности. Не давит, а скорее создает впечатление надёжности, устойчивости, основательности. Не думаю, что захочу тут что-нибудь менять.

— После обеда едем к портному, — предупредил Рейн.

Вздохнула — а надо? И сама себе ответила — надо. Если теперь я

ньера Сейранн и мне предстоит предстать перед светлыми очами короля Риналдо, то подходящий наряд необходим. Взбрыки взбрыками, самостоятельность самостоятельностью, а подводить мужа нельзя.

Постоянно в доме жила супружеская пара — Кирван и Катарина — занимавшие должности дворецкого и домоправительницы и встретившие нас на пороге. Сухощавому, высокому брюнету Кирвану, судя по всему, шёл уже пятый десяток, но волосы были ещё черными, без седины, а взгляд чем-то напоминал то, как смотрел муж, — пристальный, оценивающий. Прицел, а не прищур. Русоволосая Катарина была немного моложе и выглядела, как бы сказать, менее военизированной.

— Их наняла ещё моя мать, — прокомментировал Рейн. — Ньер Кирван — потомственный телохранитель, служил у отца Риналдо, Филинора Второго. Случилось так, что он пострадал, спасая короля во время покушения. Пока выздоравливал от ран, Катарина его пилила, то есть умоляла сменить работу. Тут и подвернулось предложение моей мамы. — Усмехнулся: — Знаешь, они уже заработали достаточно, чтобы купить собственный дом. Но предпочитают продолжать служить мне.

Я совсем другими глазами уставилась на слушающего рассказ дворецкого. Тот поймал мой взгляд и усмехнулся. Я ответила улыбкой — похоже, эта пара скорее члены семьи, чем наёмные слуги. И что ещё важно, они пошли на службу к той, которая была магиней. То есть не будут удивлены или шокированы, узнав о моих способностях.

Катарина сделала шаг к нам, показала на корзину с дочкой в моих руках:

— Позвольте посмотреть и помочь, ньера Алессита?

— Можно просто ньера Сита, — улыбнулась я. — Конечно. Познакомьтесь — юная ньера Сонеали лен Сейранн.

— Какая прелестная малышка! Но вам нужна будет няня! И кормилица... — встревожилась Катарина, серьёзно глядя на меня голубыми глазами.

— Кормлю её я сама, а няня у нас уже есть. — Взглянула на мужа, пусть сам объяснит.

— Рад сообщить, что в доме появился ещё один член семьи — ларра моей жены, — не стал ходить Рейн вокруг да около. — Так что не волнуйтесь, увидев Соль одну, — нянька и охрана у неё такие, какие не у всякого короля есть.

Сидящая у моих ног Ссэнасс гордо распушилась в полтора раза. И сообщила:

— Ссэнасс хорошишная!

Вот кто бы сомневался?

Винту Катарина сразу взяла под свою опеку. Сказала, что пара ловких рук и проворных ног ей не помешают. Я не возражала.

Мы с Рейном заняли, как когда-то в Паэнье, три комнаты — две спальни и кабинет. В общем-то, вторая спальня была не особо нужна — ночевал Рейн у меня, и выгонять или отпускать его я не собиралась.

В комнате меня ждал сюрприз — оказалось, что муж каким-то чудом уже успел заказать колыбель — точную копию той, что осталась в Сотэре. А рядом стоял манеж размером четыре на четыре локтя, куда можно было выпускать ползать Соль днём. В манеже лежали небольшой мячик, плюшевый жёлтый лев с завлекательной кисточкой на хвосте и мягкий зелёный крокодил. Я кинулась мужу на шею.

— Рад, что ты рада, — улыбнулся тот. — Сейчас переоденемся, перекусим и примемся за дела.

— Итак, давай, наконец, разберёмся в наследниках трона, — сидящий за столом Рейн положил перед собой лист бумаги. — Слушай, и если что-то неясно, спрашивай.

Я кивнула.

— Сейчас правит Ринаaldo Третий Райнесан. Двадцать пять лет, пока не женат, детей нет. Ближайший родственник — замужняя сестра, Сейбретт, у которой есть пятилетний сын, названный Филинором в честь дедушки, Филинора Второго. В данный момент именно он считается наследником Ринаaldo, если тот умрёт, не оставив потомства.

— А муж сестры?

— Вне иерархии. До сих пор политикой или властью не интересовался, его страсть — охота и картины. Но определённый вес при Дворе ньер Мурено имеет. Теперь, когда я стала видеть ауры, попробую приглядеться попристальнее — вдруг у достойного ньера затаённая мечта — стать родоначальником новой династии? — Холт хмыкнул: — Хотя это вряд ли. Зачем тому, кто уже у подножья трона, убивать тех, кто стоит так далеко за ним?

— Значит, можно посмотреть, кто из наследников скоропостижно скончался в последнее время, и приглядеться к следующему?

— Определённо не так просто. Хотя бы потому, что следующий — я, — фыркнул муж.

Я задумчиво почесала нос.

— Ладно, поехали дальше. Номера два и три — младший брат отца Ринаaldo, Никколо, и его сын, Тулайн. Никколо год назад стукнуло шестьдесят. Тулайну тридцать четыре. Был женат, но брак оказался бесплодным. Два года назад жена умерла.

— Упала с лошади? — подозрительно поинтересовалась я.

— Нет, зимняя простуда, перешедшая в острое воспаление мозга. Магов не успели позвать, всё произошло очень быстро, за одну ночь.

— На твой взгляд, там всё чисто?

— Сказать сложно, но если и не всё, я бы списал это на внутрисемейные трения. Не исключено, например, что Никколо — ньерластный и с крутым нравом — понял, что от этой невестки ему внуков не дождаться... — Рейн умолк.

Я прикинула, что дело вряд ли в самом муже, Тулайне. Если бы тот хотел жениться на другой, во-первых, мог бы развестись. А во-вторых, уже женился бы снова. Но пока он ходил вдовцом. Кстати, что за имя такое странное — Тулайн? Спросила и услышала в ответ:

— Ньер Тулайн — дитя одного из государственных браков. Никколо был женат на принцессе из Эрминии. Тулайн унаследовал от матери чёрные волосы, глаза и нрав. Будь с ним осторожна.

Запомню. Кто дальше?

— Дальше идут дети Эрианталии, сестры-близнеца Николло. Сама ньера после смерти мужа ушла в монастырь, но её сын и дочь живут тут, в Лореции. Сыну — Гилтрамо — уже за сорок, у него огромный торговый флот, и сам он любитель путешествовать... Насколько мне известно, в данный момент его в столице нет, по слухам, занят обустройством новых торговых факторий где-то на южном архипелаге. Вдов. Дети — одна пока незамужняя дочь, самая завидная невеста в Таристе. Дочь Эрианталии, Леоретта, замужем. У неё один ребёнок, двадцатидвухлетний Роландо. Он уже женат и имеет наследника, двухлетнего сына.

Я почувствовала, что запуталась. Этот ворох имен так сразу в голову не запихнёшь. Наверное, нужно всё записать или начертить схему, тогда будет проще. Ох, а ведь вся эта толпа знатных незнакомцев — мои новые родственники!

— Рейн, а нигде нет изображения родословного древа Райнесан? — уставилась я с надеждой на мужа.

— Давай нарисую, так действительно будет нагляднее. Но ты поняла, что Гилтрамо — номер четыре, Роландо — пять, а его отпрыск — шестой?

Я кивнула. О муже Леоретты спрошу потом. Наверное, он тоже важен... но сейчас у меня и без него голова кругом.

— Отцом Филинора Второго, как ты знаешь, был Сирранто Пятый, — продолжил Рейн. — У него была одна сестра, можно сказать, счастливое исключение из рода Райнесан. Ньера Урсула родила мужу троих сыновей. Терренс лен Ливарно, разбившийся в карете вместе с семьёй, был её внуком. А скончавшийся от сердечного приступа ньер Буркас — младшим сыном. Второй сын Урсулы, Фиранд — уже покойный, нет, с лошади не падал, утонул вместе с кораблём в шторм, — произвёл одного сына — Люциуса. Тому уже под сорок, и у него есть дочь-подросток Люциус, замечу, самый здравомыслящий в семье — не плавает и верхом не скачет. А занимается — и весьма успешно — банковским делом.

— Люциус сейчас седьмой? — попыталась я осмыслить ситуацию.

— Да. И если его дочь когда-нибудь родит сына, я снова стану девятым, — кивнул Рейн.

— А потомки двух других детей ньеры Урсулы?

— Говорю, по дому Райнесан как мор прошёл, — качнул головой муж. — Ладно, продолжим после обеда. Вижу, с тебя пока хватит. Иди ко мне на колени?

— А надо ещё продолжать? — настороженно поинтересовалась я.

— Докопаемся до пятого колена, и достаточно, — спокойно пожал плечами муж.

Вздохнула. Всё равно так или иначе мне придётся запоминать всех этих ньеров и ньер. Жаль только, что казавшаяся такой здравой идея — посмотреть, кто заинтересован в сокращении очереди к трону — не сработала. Черноволосый Тулайн, флотоводец Гилтрамо, здравомыслящий банкир Люциус или вовсе кто-то из консортов — совершенно непонятно. И как прояснить ситуацию — не ясно.

— Сита, ты когда задумываешься или нервничаешь, начинаешь смешно морщить нос. — Вставший со своего места Рейн подошёл ко мне. Пальцы правой руки выбивали дробь по бедру. Сказать ему, что он тоже выдаёт себя жестами? Хотя я никогда не видела, чтобы он делал так при посторонних. Так что пусть выдаёт.

Рейн присел на ручку моего кресла. Отвёл локон с шеи и наклонился, целуя сгиб...

— Если не хочешь на колени, то как отнесёшься к письменному столу?

— Что-о?! — заморгала я на него.

— Сейчас объясню. Точнее, покажу, — усмехнулся муж, поднимая меня из кресла и усаживая на край стола. Подступил ближе: — Сначала поцелуй...

В тихом омуте такое водится!

До обеда я не могла сосредоточиться — не выходило. Стоило взглянуть в сторону стола, за которым снова устроился невозмутимый Рейн, как мысли начинали прыгать шальными тушканчиками. Сказав, что отойду — поиграю с Соль, перебралась в соседнюю комнату. Устроилась на кровати с томом «Древних законов Таристы», решив, что юриспруденция поможет настроиться на серьёзный лад, открыла, как посоветовал Рейн, на трехсотой странице и начала читать вслух ползающей рядом дочке:

— Если мужчина сможет украсть во время купания исподнее девицы, и буде он пожелает, то эта девица — что-о?! — мой голос взвился фальцетом, — … должна выйти за него замуж.

Соль оптимистично агуканула и сунула в рот погремушку. Сидящая рядом Ссэннесс не по-кошачьи хихикнула.

Почекала раздумчиво нос — ну и кто такое сочинил? Или это была мера по повышению нравственности населения — мол, нечего девицам голышом в водоёмах делать, честной народ смущать. Но неужели этот закон ещё актуален? А если б у меня, пока я плавала за кувшинками, свистнули платье? Или я уже была замужем? Кстати, а если сопрут бельё у замужней, тогда как? Ладно, смотрю дальше.

Дальше шёл тот самый закон о том, что можно выйти замуж за приговорённого к смерти, тем отменив казнь. Правда, с какой радости это считается божьей волей, я не поняла. Зато с интересом прочла ниже, что данный закон был весьма популярен в эпоху расширения тарисийских морских владений и освоения заокеанских колоний. Женатым под виселицей настоятельно рекомендовали перебраться на жительство куданибудь подальше от метрополии… и получали таким образом десятки дееспособных эмигрантов — не просто сильных мужчин, а семейные пары, потомки которых могли составить костяк новых поселений. Любопытно.

Следующий закон — с пометкой «отменён Сирранто Пятым» — гласил, что при браке членов двух семей считаются списанными взаимные долги родственников брачующихся до второго колена. Мол, теперь это одна семья. Я кивнула, да, закон создавал обширное поле для злоупотреблений, правильно его отменили.

Потом я узнала, что буде одна персона спасет жизнь другой персоне, то вторая считается обязанной связать свою жизнь с первой, если та того пожелает.

К этому положению имелись два примечания-оговорки. Первое, что нужны свидетели спасения. Я задумалась — интересно, а зачем такие сложности? Почему мало клятвы на шкатулке Яниры или аналогичной

проверки? Наверное, мало... Но интересно — как это действует на практике? Представила картину: в сезон зимних штормов и кораблекрушений незамужние девицы группками — чтобы свидетели под рукой были, потирая сизые замёрзшие носы и кутаясь от ветра в плащи и шали, бродят вдоль берега и ищут — кого бы тут спасти слегка утопшего, симпатичного и неженатого? Жуть.

Второе примечание гласило, что сиё положение не касается правящего монарха, буде тот женат или нет. Ну, разумно, всё же король отвечает не только за себя.

Прочтя ещё один отменённый три века назад закон, что ньер имеет право требовать развода, если три других ньера увидят ноги его жены выше лодыжки, сказала «м-да». Сейчас ньеры так на балах скачут, что их ножки не три ньера, а весь зал видит. И никого это особо не смущает. С ездой верхом забытый выверт нравственности тоже не сочетался.

Интересно, сколько сотен лет этим законам? Больно чудные... Отложив книгу, взяла на руки Соль. Как она выросла! И светленькие волосики уже до плеч! А глаза по-прежнему голубые, как небо. Красавица моя...

Соль расплылась в беззубой улыбке, булькнула и попыталась ухватить меня за нос.

После обеда я, почувствовав, что магия восстановилась, в сопровождении хлопавшей глазами Винты и ничему не удивлявшейся Катарины прошла по периметру дома и сада, развесившая заклинания. Напоследок укрепила магией входную и заднюю двери. Закончив, присела на диван — передохнуть.

— Ньера Сита, вы — профессиональный маг? — поинтересовалась Катарина.

— Я закончила магическую семинарию в Виэнии, в своём выпуске была лучшей. — Причин прибедняться я не видела. — Если возникнут проблемы со здоровьем, обращайтесь, постараюсь помочь. Но то, что я маг, — мы держим в строгой тайне.

Женщина кивнула.

Вошедший в гостиную Рейн оглядел нашу группку:

— А где Кирван? Нужно доставить письмо Брайту, пусть отнесёт сам.

— Я могу, — встремяла Винта. — Вы только скажите, куда.

— Можешь проводить ньера Кирвана, — согласилась я. Вдруг когда-нибудь пригодится? — Но когда вернёшься, сядешь за чистописание.

Мышка вздохнула. С чистописанием она не очень ладила. Хотя кто ж

его любит?

Рейн строго посмотрел на меня:

— Отдохнула?

— Да.

— Вот и хорошо. Соль спит. А нам пора к портному.

Вечером на тумбочке у кровати я обнаружила синий футляр из шагреневой кожи. Внутри, на белом муаре, лежали серьги. Те самые, которые обещал Рейн, — в стилистике, с длинными изящными серебряными подвесками и ясными камнями в цвет моих глаз...

А под утро мне приснился знакомый топор, всаженный в уже до боли знакомое красное кресло. Но я всё никак не могла рассмотреть — чьё же обезглавленное тело лежит в нём, свесив руку через подлокотник?

Только кровь...

Глава 5

Пока думаешь, что сказать, делай реверанс. Это экономит время.

Л. Кэрролл

Прошло несколько дней. Жизнь входила в колею.

По утрам, после наших ночей, ужасно не хотелось вылезать из тёплой кровати, пропитанной запахом мужа и нашей любви. Но дни были прекрасны не менее, чем ночи, хотя и по-другому.

Я снова могла магичить, причём как! Мне удалось подлечить локоть Кирвану, я повесила на всякий случай маяк на Винту, нашла хитрое заклинание и вывела все одуванчики в саду за домом, что сразу сделало меня любимицей Катарины. Магии было больше, чем я могла потратить, — я бродила по особняку и прикидывала — что бы ещё этакое сотворить?

Синева на спине Рейна планомерно сходила на нет, и — совершенно неожиданно — обнаружился новый скачок его способностей. Разбирая книги в кабинете, муж уронил с полки гrimuар своей матери, ньеры Иоланды, тот раскрылся...

— Сита!!!

— Да, Рейн? — оторвала я голову от бумаг.

— Смотри! Это — гrimuар моей матери. Прежде для меня он был пуст. Но теперь я вижу записи на страницах!

Ух ты! Подскочив со стула, подбежала к Рейну, заглянула через его плечо — увы, для меня листы выглядели чистыми. Но если он видит, то сможет читать мне вслух, а вместе мы скопируем всё новое и интересное. Кстати, у магинь был шанс приобщиться к семейной мудрости своих мужей, магов. Только для этого нужен был ребёнок в животе, причём на позднем сроке беременности. Дитя общей крови служило как бы пропуском.

— Рейн, ты прочтёшь мне его?

Муж чуть иронично взглянул на меня:

— Пока разобрать и правильно выговорить эти кракозяблы мне не по зубам. Но... — прищурился, — я вижу, что перед каждым заклинанием есть небольшая, написанная человеческим языком преамбула, что оно делает и зачем, вообще, нужно. Давай я полистаю на ночь, почитаю тебе, а

ты скажешь, чего хочешь? Не смогу разобрать ваш магический, так тупо перерисую, как дикарь.

Я кивнула и вернулась к бумагам.

Коробки с грузовыми декларациями столичного порта приволок нам Брайт. Он и Сания приехали в Лорецию раньше нас, и я ужасно обрадовалась их визиту. Пожениться они ещё не успели, но было видно, что до брака там остался маленький шажок — Брай и Сани косились друг на дружку также, как мы с Рейном, и всё время по-дуряцки улыбались. Сани обещала показать мне столицу — самые интересные, по её мнению, места. А Брая Рейн немедленно припахал к работе. Первым плодом сотрудничества стали те самые коробки с бумагами, которые, замаскировав моим «отводом глаз», прикрытые этим же заклинанием мужчины перетаскали в дом. А если кто и видел, что перед нашим особняком целый час стояла пустая карета, — так что с того?

Сания тоже считала, что Соль очень выросла, и вообще, красивее и смышлёнее ребёнка на свете не найти. И пока Брай сидел с нами за бумагами, старательно баловала мою дочку. Я не возражала — с маленькими надо как можно больше возиться и говорить, а меня не хватало на всё...

Сания уже побывала в королевском дворце на балу и была представлена ко Двору. Ей понравилось. Но, рассказывая, она неожиданно прыснула, причём объяснять, в чём дело, не захотела:

— Ты удивишься! Это забавно...

Ну ладно. Буду морально готова позабавиться. Рейн сказал, что два заказанных платья обещали закончить к концу недели — вот тогда он поведёт меня на встречу с сюзереном и главой рода. Сначала я замандражировала — всё же король! — а потом подумала, что лично мне ничего от этого Риналдо не нужно, всё потребное у меня уже есть, — и успокоилась.

Я отписала с нового адреса Вильке, ньери Расселу и Бетани. И долго раздумывала, писать ли, и если писать — то что? — моей тёте Леонелле. Наконец, посоветовавшись с Рейном, округло сформулировала, что у меня всё в порядке, малышка растёт, муж меня любит, но где именно мы будем жить — пока не совсем понятно. И вложила послание в конверт, адресованный учителю, с просьбой отправить тёте из Виэнии. Лучше так, чем поутру увидеть на пороге прекрасного Андреаса, который решит, что можно что-нибудь стрясти с хорошо пристроившейся бывшей супруги.

Рейн, кстати, навёл по своим каналам справки об экс-гаде. Тот действительно перебрался в Лорецию, остановился в небогатом квартале,

но потратил кучу денег на новые наряды и взятки. Плакали огрызки наследства моей мамы... Денег у меня сейчас хватало, но всё равно было жутко обидно. Интересно, а что с Орсеттой?

— А это важно? — пожал плечами Рейн.

Я подумала-подумала — и согласилась с точкой зрения мужа — совершенно неважно.

Пришло известие из Сафрины — там неожиданно объявился пропавший ньер Бернали. Выяснилось, что всё произошло примерно так, как предполагал Рейн. Бернали, защищая какую-то девушку на улице, убил одного из ловцов. После чего вынужден был бежать — иначе сам бы стал трупом, ведь именно страх и сознание того, что сопротивление бесполезно, были сильнейшим оружием работников Сафрины. Но я была рада услышать, что хороший человек остался жив. Вспомнив, что ньер Бернали вроде неженат, заинтересовалась девушкой. Муж ответа на мой вопрос не знал. Но, хмыкнув, пообещал разузнать, раз мне любопытно.

В самой Сафрине, как и грозился муж, не остался неперевернутым ни один камень. Многие полицейские и городские чины потеряли не только должности, но и головы. Ну, и неправедно нажитое в придачу. В банке Равсела были арестованы счета всех замазанных, и жирный след оттуда тянулся в столичный Большой Корабельный.

Вот только кто всё это организовал — по-прежнему оставалось загадкой.

Рейн повесил в кабинете два больших листа. Один — со своей паутиной. Второй — с развесистым родословным древом Райнесан. Правда, утешил меня, что по старинному соглашению после шестого колена отпрыски королевской семьи наследниками не считаются. Уже хорошо — выходит, их всё же счётное количество. По ходу дела я обогатилась ценным знанием, чей внук идущий следом за Рейном десятилетний Отавио и что один из потомков плодовитой Урсулы отплыл в нежном возрасте за море, и след его утерян. Но если он жив, то сейчас ему тридцать пять лет.

Всё путанее и путанее...

Окончательно меня добило пришедшее из Салерано известие о том, что два дня назад стал жертвой уличного ограбления и погиб ньер Дайрини, который по последним подсчётом числился одиннадцатым.

Кажется, я зарычала. С ума спятить — кто-то запланировал отправить в могилу два десятка человек, расчищая себе путь к трону. И, самое поганое, выходило, что в списке потенциальных клиентов похоронного

бюро значится и мой муж. Чтобы заговор удался — Рейна обязаны будут убрать. В этом свете покушение в Салерано переставало быть просто попыткой заткнуть рот сыщику, сунувшему нос куда не следует...

Вечером Рейн растянулся рядом со мной на постели с гримуаром матери в руках. Я, щёлкнув пальцами, повесила за его плечом жёлтый светлячок — так удобнее, чем маяться со свечами. Уютно. Соль, наползавшись и навоевавшись, уже уснула. Сытая Ссэнасс, опять на шести лапах, мерно урчала под кроватью.

Придвинувшись к мужу, положила голову ему на плечо и запустила пальцы в распущенные чёрные волосы.

— Не отвлекай, — фыркнул Рейн.

Мне немедленно захотелось отвлечь его ещё сильнее. Но так и быть, потерплю. Пусть читает...

Мы просмотрели примерно третью записей. Большую часть заклинаний я знала. Но одно... Услышав его, я напряглась, как собака, сделавшая стойку на дичь. И Рейн, Рейн среагировал тоже. Такого раньше я не видела и не встречала. И даже не слышала ни о чём подобном. Но, оказывается, при помощи магии можно было установить между двумя людьми кровную связь. Сделать их родственниками по-настоящему.

Я уставилась на мужа. Обернулась к колыбели дочки. Потом снова посмотрела на мужа... Кто, как не он, настоящий отец моего ребёнка? Кто принял новорождённую Соль на руки, возится с ней, как только выпадает свободная минута, готов вырастить дочь как свою и обеспечить её в будущем? Но захочет ли Рейн этого?

— Захочу. И сочту радостью и честью. Но Сита, не горячись. Я вижу как минимум два минуса. Послушай меня и не торопись с решением, подумай о том, что лучше для дочки. Первое: она станет истинной Райнесан. И её дети, если окажутся мальчиками, будут втянуты в историю с наследованием, вот как мы сейчас.

— А второе?

— Второе? — Рейн прищурился и хмыкнул. — Ты ж уже поняла, что вытянутые физиономии Райнесан, это у нас тоже наследственное? Ко всем нашим достоинствам прилагаются длинные носы. А твой бывший весьма хорош собой, голубоглазый блондин. Так не лучше ли девочке унаследовать его черты, чем мои? Посмотри, я — сероглазый брюнет, ты — тоже сероглазая тёмная шатенка. Выходит, тогда и Сонеали вряд ли будет золотоволосой и голубоглазой. Не спеши, поразмысли спокойно. А любить Соль я буду так и эдак. Уже люблю.

Я задумалась. Быть красивой для девушки — очень хорошо. Но зато Рейн — умён. А Андреас — хитёр, но при том недалёк и ленив. Наверное, такое тоже может передаться по наследству? Так что выбрать? Что лучше для Соль?

— Время терпит, — улыбнулся муж. — А вот моё терпение... — перевёл взгляд с моего лица на грудь, — ... уже на исходе. Гаси свой светлячок! Или хочешь на меня смотреть?

* * *

— Посоветуй мне кое-что, — попросил Рейн утром четвёртого дня. — Надо было бы приступить к допросам тех, кого доставили в королевскую тюрьму из Салерано и Паэны. Нужно найти пиратский перевалочный порт и выяснить, кто сажал в города продажных чиновников. Но есть дурное предчувствие, что как только мы начнём задавать вопросы — выдадим себя нашему врагу. И тому тут же станет известно, какой информацией мы владеем. Чем это обернётся, предположить не могу.

Я уже знала от Брая, что полдюжины привезённых в столицу арестованных неожиданно скончались от отравления тюремной пищей, после чего остальных спешно перевели в королевскую темницу, где за ними был пристальный присмотр и где были запрещены любые посещения.

М-да, как-то всё это нехорошо. Будто кто-то следит за тобой из тени и ждёт — когда ты отвернёшься, чтобы ударить в неожиданный момент...

Эх, было бы заклинание, чтоб допросил — а потом стёр воспоминание о допросе! Но я таких не знала. Вообще, если вспомнить, что магией можно лечить даже катаракту, наверняка должны были существовать способы воздействия на мозг — так почему же о них нигде нет ни слова? Написать ньери Расселу, поинтересоваться?

А как вывернуться без допроса? Задумалась — может, что-то из того, что я знаю, сгодится?

Допустим, удастся вычислить пару шхун, замешанных в нелегальном промысле. А дальше как? Почесала нос. Подёргала локон. Начала теребить цепочку висящего на груди платинового амулета... Вот!!!

— Рейн, знаю!

— Сита, что?

— Нам надо отыскать два-три судна из тех, что перевозят пиратскую добычу. А потом исхитриться пробраться на них, чтобы я могла поставить на каждый маяк! Моих сил сейчас, думаю, хватит отследить их до

Закатного океана. Даже если я не смогу определить точное расстояние, направление засеку.

— Сита, умница, отличный план! А остальное сделает флот.

Угу. Осталось найти корабли и как-то на них попасть. Сущие мелочи!

Я почти забыла о Рейновом Ингварре. Казалось, тот смирился и перестал взбрыкивать. Отшёл на задний план. Ну, кроме отдельных моментов в постели, когда муж становился настолько неистовым, что я начинала чувствовать себя летучей рыбкой, которую подхватил морской смерч. В состоянии блаженного неведения я пробыла ровно до того момента, пока, отправившись искать мужа, чтобы задать какой-то вопрос, не обнаружила Рейна во внутреннем дворике, где тот занимался своим каэртано.

Только на этот раз муж не просто принимал стойку за стойкой, плавно перетекая из одной в другую и время от времени взрываясь серией прыжков и стремительных ударов. В этот раз в руках у Рейна был здоровенный топор. Почти точно такой, как грезился мне во сне. И муж махал этим топором, как тростинкой, рассекая воздух и будто не замечая тяжести. Бугрились мышцы на плечах, чёрные волосы змеями прилипли к мокрой спине, глаза Рейна смотрели на что-то, не видимое мне...

Все вопросы разом вылетели из головы.

Я тихо, пока он не заметил меня, отступила назад в дверной проём. А вечером всё же спросила об Ингварре. И услышала в ответ, что всё нормально, даже отлично. Вот закончим текущее расследование, сходим в Большую Королевскую библиотеку, почтаем о нашем друге из Фризландии.

Гм. Раньше Рейн Ингварра другом не звал...

А мне наверняка в очередной раз топор приснится.

Но пригрезилось совсем другое — почему-то меня опять занесло в катакомбы Паэнни. Я вновь стояла напротив Пожирателя, и Рейн был за моей спиной... Рианнес, почему я вижу это? Ведь мы справились, и чёрный пояс со скованым Пожирателем надежно спрятан в одном из подземных тайников Сотэры. Я сама скрыла все следы магией. И вот тени былого поднялись снова...

Рядом лежащий Рейн спокойно спал. Вокруг — ничего, темнота, тишина, покой. Так зачем всплыл тот давний ужас, когда я чуть не погибла сама и не потеряла Рейна? Что за шутки подсознания? Ведь всё в прошлом. Сейчас у нас иные задачи и иные заботы. Вот, например, в субботу

предстоит ехать на бал, где муж представит меня кузену Рилду, как он звал короля. Вообще, я так поняла, что все, кто считал себя Райнесан, называли друг друга кузенами и кузинами, не заморачиваясь со степенью родства. Резонно. Бережёт нервы и психику. Но субботнее мероприятие меня тревожило — ведь сам наш брак был лжесвидетельством, преступлением против законов Таристы. Не важно, что никто посторонний об этом не знал, — мы-то знали. Хотя и не говорили... А если король спросит в лоб, когда у нас с Рейном всё произошло? Что сказать? Солгать, глядя в глаза? Как сложно! Но уж если придётся врать, надо хотя бы договориться, чтобы показания совпадали. А то я скажу, что было в Паэнье, а Райн — в Сафрине, — и попадёмся.

Прижалась носом к плечу мужа и закрыла глаза. Рано, надо спать...

К чему мне привиделась Паэнья и при чём тут суббота, меня стукнуло днём, когда Брай, перекладывая бумаги, уронил себе на ногу «Законы древней Таристы». Вылилось моё озарение в то, что я, едва дождавшись, когда Райн выйдет из комнаты, вцепилась в Брая. Тот отнекиваться не стал и тут же сделал то, о чём я попросила. А потом позвал Санию, и та последовала примеру жениха. Сказать, что я была довольна, — это ещё ничего не сказать. Я чувствовала себя наследкой, снёсшей индофинское яйцо. Или картографом, составившим достоверную карту катакомб Паэнни.

Холту я решила пока ничего не говорить. Потом подумаю, под каким соусом преподнести моё озарение. Всё же тревожили нюансы...

Мне привезли платья. Если прежние были светлыми или яркими, из летящего шёлка, тафты, сатина, то эти — из бархата и атласа. Когда выбирали ткани и расцветку, Райн указал на то, что на дворе — почти зима и шёлковая лёгкость будет неуместна. Должно быть элегантно, но выглядеть очень дорого. Я ехидно поинтересовалась — мол, что, вроде старинного резного инкрустированного комода с позолотой в нашей гостиной? Райн иронично взглянул на меня и кивнул:

— Именно так. Хочешь, чтобы тебя уважали, — доверься и не брыкайся.

Сейчас, стоя перед зеркалом, я рассматривала плод своей доверчивости. Слов не находилось. Фиолетовый тиснёный бархат прекрасно сочетался с лавандовым брокардом. А отделка корсажа и широкой юбки — золотое плетение с вкраплением маленьких аметистов — придавала наряду вид той самой королевской роскоши, которой добивался Райн. При этом платье оставалось удивительно элегантным, даже строгим.

Туалет дополняли обвитая золотыми нитями с аметистами маленькая бархатная сумочка, которую полагалось прицепить к поясу, и бархатные же бальные туфли.

— Нравится? Хорошо. К этому платью подойдёт этот гарнитур, — Рейн протянул мне плоский серый футляр. — Это фамильное колье и серьги из александритов с бриллиантами. Должно сочетаться. Кстати, пудра тебе не нужна — у тебя идеальная кожа и прекрасный цвет лица. Ну, разве нос чуть-чуть... — Усмехнулся: — Я рядом с тобой выгляжу как чёрная ворона рядом с лебедем.

Обернулась к одетому в тёмный камзол мужу. Что, напрашивается на комплименты? Ну, пусть. С удовольствием расскажу, какие у него широкие плечи, и стать, и проницательные глаза. Да, смазливым его не назвать. Зато он — импозантный и мужественный. И любимый.

— Будешь хвалить ещё — утащу в кровать. А нам уже пора выезжать.

К нашему особняку примыкал каретный флигель, где держали лошадей и экипажи — выезд у нас был свой. Над каретой я, кстати, поработала — чтоб не горела, не тонула и колёса в неожиданный момент не отвалились. С лошадьми было сложнее. Мелькнула идея наложить «отвод глаз» на коней, а заодно на кучера, чтоб тот видел свою тягловую силу, а злоумышленники — нет, но, посмеявшись, мы её отвергли. Катящийся сам по себе по улице экипаж — такое не к добру. И на месте охраны Ринаaldo я бы этот феномен ко дворцу близко не подпустила.

Придётся положиться на удачу. Может, потом в гримуаре моей свекрови същется что-нибудь подходящее.

Ехали мы на бал по случаю годовщины основания первой фактории на Южных островах. Повод, на мой взгляд, формальный, поскольку с момента постройки того поселения прошло аж три века, но, с другой стороны, не хуже любого прочего. Почему не напомнить себе и окружающим, что именно мореплаватели Таристы открыли южные земли, что нам есть чем гордиться?

Как выглядит королевский дворец, я представляла — видела на картинке в книге по истории Таристы. Пять этажей, широченная беломраморная лестница, колонны, портики, башни, флаги — всё, что положено, чтобы порадовать народ.

Рейн хмыкнул, что для ньеры, которую везут представлять ко Двору, верноподданнического восторга у меня маловато. Я охотно согласилась. И напомнила, что легко могу это исправить при помощи зачарованных заколок в причёске. Нужен восторг? Только скажите — будет восторг!

Муж фыркнул.

Добрались мы без происшествий, благо, ехать было недалеко. Муж вылез первым, подал мне руку, дабы я, запутавшись в подоле пышной юбки, не промахнулась мимо подножки, тем самым уронив честь рода Сейранн. Вообще, настроение было каким-то неправильным. Вот, казалось бы, юную ньеру — сиречь меня — в первый раз в жизни привезли в королевскую резиденцию на монаршую аудиенцию. Что испытывает в такой ситуации нормальный человек? Радость, восторг, любопытство, беспокойство. А тут всё вверх тормашками. Беспокойство есть, а восторга не наблюдается. Зато так и хочется всем сказать: «Да отстаньте от нас с мужем! Нам и без вас хорошо!» Это нормально? Ох, сомневаюсь... Ладно, спишем нестандартную реакцию на последствия нервотрёпки последних месяцев.

В обычных домах хозяйка с хозяином встречают гостей на парадной лестнице, приветствуют, приглашают, представляют. Но у монархов всё не так. Вместо этого, не успели мы войти в высокие распахнутые двери, откуда лился золотистый яркий свет, как рядом по полу звучно долбанули чем-то тяжёлым. От неожиданности я чуть не подпрыгнула. Потом сообразила — это мажордом, представляющий высокому собранию вновь прибывших.

И верно. Осанистый мрачный мужчина в синем с золотом зычно возвестил:

— Сентаньер Раиндэлл лен Сейранн Райнесан! Ньера лен Сейранн!

Гул голосов смолк. Все повернулись к нам. Холт, которого я держала под руку, незаметно чуть напряг плечо. Лицо оставалось спокойным и невозмутимым. Мол, ничего особенного не происходит. Подумаешь, что на нас таращится три сотни, а то и больше, благородных ньер и ньеров. Мелочи какие!

Я взяла поведение мужа за образец. Невозмутимость плюс лёгкая улыбка, да. Чуть притормозив в дверях, Рейн огляделся, выбрал одну из группок собравшихся и повёл меня к ней.

— Кузина Сейбретт! — обратился Рейн к одетой в королевские цвета — лазоревое с золотом — стоящей в центре группки юной темноволосой ньере со смутно знакомым длинным лицом.

— Рейн! Рада тебя видеть, — приветливо улыбнулась сестра короля. — Ты наконец-то привёл свою жену? Весь Двор уже извёлся от любопытства. — Тон казался доброжелательно-шутливым.

— Кузина, позволь представить тебе мою супругу, Алесситу лен

Сейранн, урождённую лен Ориенси, — церемонно произнёс муж.

Я, как и положено при представлении высшим, чуть склонила голову и присела.

— Вставай, милочка. И можешь, как и твой негодник-муж, называть меня кузиной. Прелестное платье...

Рейн — негодник? Как-то не думала о нём в таком ракурсе.

— Благодарю, кузина Сейбретт.

— Я многое могу о нём порассказать. Например, припомнить давнюю историю, как кое-кто украл для меня из птичника курицу. Мне было пять лет. Голубей и павлинов я видела, а вот кур — никогда. А очень хотелось.

Рейн шутливо возвёл очи горе.

— Кузина, ты подрываешь мою репутацию!

Остальная группка — пять человек — внимательно прислушивалась к этой занимательной беседе. Я прикусила губу — похоже, мой законник-муж в нежном возрасте был настоящим бандитом, похитителем куриц. А с ньерой Сейбретт можно подружиться.

— Но самое интересное, — ньера Сейбретт перешла на громкий шёпот, сделала паузу, добиваясь полного внимания всех присутствующих, и закончила, — то, как эту курицу потом ловили по всему дворцу!

Присутствующие громко засмеялись. Мне тоже было смешно, хотя я постаралась сдержаться. М-да, перепуганная курица на здешних беломраморных просторах и толпа народа, за ней гоняющаяся, — это должно быть эпично!

— Если серьёзно, кузен, брат хотел тебя видеть. Он сейчас в кабинете, — уже совсем другим тоном закончила ньера Сейбретт.

— Слушаю и повинуюсь! — шутливо щёлкнул каблуками Рейн. — Ньеры, прошу прощения...

И, уже отведя меня в сторону, тихо шепнул на ухо:

— Сейбретт тут верховодит. И после того, как она приняла тебя ласково, никто не посмеет даже косо глянуть в твою сторону. Идём к королю?

Идём. Куда я денусь?

Но, может, зря я тревожилась?

Встреча с королём началась с предсказанного Санией культурного шока. Риналдо выглядел не близнецом, но почти родным братом моего Рейна. Только глаза карие. Но вытянутая физиономия с длинным носом была знакома до боли. Муж покосился на моё тоже вытянувшееся лицо, фыркнул.

Я присела в реверансе, исподтишка оглядывая кабинет. Стол огромный и завален бумагами, донесениями, распечатанными конвертами... видно, что тут действительно работают. На стене — две огромные карты. Очень крупномасштабная и подробная — Таристы. И другая — всего мира с отмеченными на ней нашими колониями, факториями и торговыми маршрутами.

Кроме нас троих в кабинете никого не было.

— Ньера Алексита лен Ориенси, я полагаю? — Ринаaldo с интересом прищурился на меня, оглядывая с головы до ног.

— Урождённая лен Ориенси, ныне лен Сейранн, — стараясь сохранять спокойствие, подняла я на короля глаза. Что-то мне такое начало разговора совсем не нравится.

— Кузен... — начал Рейн, но Ринаaldo поднял руку, останавливая мужа.

— Позволь, я сам. Мне нужно знать, на ком женился глава моего Тайного сыска. — Уставился на меня в упор: — Ньера, расскажите о себе.

— Что именно, ньер?

— Всё. А потом подробно то, что я захочу знать.

А я должна? Оглянулась на мужа. Тот чуть заметно кивнул.

— Мне двадцать один год, родилась в Таристе, никогда не нарушила законов, имею трёхмесячную дочь, — произнесла я, чувствуя, как невольно сужаю глаза. Не нравился мне этот напор.

— А брак вы заключили в Салерано. На каком месяце вы тогда были?

— На седьмом или восьмом. Я не была уверена, что хочу второй раз замуж. Тогда мне казалось, что у меня другие планы.

— Второй раз? — поймал Ринаaldo наживку.

— Да, первый раз я вышла замуж очень рано, и брак оказался неудачным.

— А что насчёт планов?

Ну, придётся кинуть кость покрупнее. А то начнёт рыть насчет сроков...

— Я закончила магическую семинарию в Виэнии. И сейчас помогаю мужу, насколько способна. Но, если бы я не вышла замуж, то вполне могла бы обеспечить себя и дочь сама.

— Вы — магиня?

— Дать мне рекомендацию может мой учитель — ньер Рассел лен Дилэнси.

— Знаю такого, это — серьёзный аргумент, — кивнул Ринаaldo. — Вы можете предоставить его письменные рекомендации?

— Легко. Я состою с ньером Расселом в переписке. Муж видел его письма и мои ответы.

Король перевёл взгляд на Рейна, тот кивнул.

Вообще, присутствовало некое дежавю. Вспомнился допрос касательно дурных привычек, который учинил мне муж при первой встрече. Но, кстати, мог бы предупредить заранее о милых манерах «кузена Рилда».

— Хорошо, — кивнул Ринаaldo. — Да, вы в курсе, что ваш брак должен быть утверждён мной? А я пока не уверен, что хочу это сделать. Для Таристы было бы лучше по-другому. Собственно, я позвал вас, чтобы предложить компромисс.

— Нет, никаких компромиссов, — покачала я головой.

— Вы перечите? — В голосе звучало скорее любопытство, чем недовольство.

— Именно. Наш брак был заключен, когда Рейн являлся тринадцатым наследником престола и не предполагал, что попадёт в пул государственных женихов, — я спокойно смотрела в глаза Ринаaldo. — Разрешения на тот момент не было нужно. А кроме того, есть до сих пор действующий закон, опираясь на который, я могу требовать Рейна себе в мужья, не спрашивая чьего-либо согласия. Даже вашего.

Ринаaldo уставился на меня. А я почувствовала, как напрягся стоящий за моей спиной Рейн.

— Объяснитесь, ньера.

— «Буде одна персона спасёт жизнь другой персоне, то вторая считается обязанный связать свою жизнь с первой, если та того пожелает и если найдутся свидетели, готовые подтвердить факт спасения», — процитировала я. — Единственное исключение из этого закона делается для правящего монарха.

Рейн за моей спиной резко выдохнул. Похоже, он понял, что я затеяла. Вот и хорошо. Без боя я его не отдам! И вообще не отдам!

Глядя прямо в глаза королю, набрала воздуха в грудь и продолжила, стараясь произносить слова веско и неторопливо:

— Случилось так, что в катакомбах Паэнни на нас напал призрак, пожиравший людей. Я сумела его изгнать, но при этом и я, и муж попали под магический удар. Когда я пришла в себя, Рейн не дышал — у него остановилось сердце. Моей магии хватило, чтобы спасти мужа. И тому есть четверо очевидцев. Вот письменные показания двоих из них, — извлекла из своего ридикюля два сложенных листа, — магически изготовленные копии свидетельств Брая и Сании. Протянула их Ринаaldo. Тот взял.

Развернул верхний лист:

— Брайт лен Сиранти? Однако... А кто второй? Дочь Ленарта лен Сертано, гм, знаю такого... — Замолчал и пристально уставился на меня. Я, не отводя глаз, держала его взгляд. Я — в своём праве. Если Рейн захочет со мной развестись — пусть скажет сам.

Наконец Риналдо вздохнул:

— Вижу, выбора у меня нет. Добро пожаловать в семью Райнесан, кузина. — Большой радости в голосе не звучало. Потом Риналдо перевёл взгляд на мужа: — Рейн, не знаю, как ты уживёшься с этой стальной ньерой, если будет нужна помощь — скажи.

— Благодарю, кузен. Значит ли это, что наш брак утверждён?

— А у меня есть выбор? — знакомо фыркнул Риналдо. Перевёл взгляд на меня: — Ты хоть магиня хорошая? Будете по бокалу вина?

— Вынуждена отказаться, — вздохнула я. — Я же — кормящая мать. А магиня я да, хорошая. Только мы держим это в очень строгой тайне.

Риналдо с интересом на меня посмотрел:

— Может, всё и не так плохо...

Кстати, королевская аура весь разговор была совершенно безмятежна. Наверняка заэкранирована.

Глава 6

— А кто у нас муж?
— Волшебник.
— Предупреждать надо.

E. Шварц

Как только мы вышли в коридор и свернули за поворот, где нас не видели стоящие у дверей королевского кабинета гвардейцы, я в изнеможении прислонилась к стенке — нога не держали. Разговор с Риналдо потребовал всех сил, и сейчас начался откат.

— Ох, Сита, — Рейн обнял меня за талию, поддерживая. — Прости. Я и предположить не мог, что он устроит такое. Но ты, ты… у меня слов нет!

Интересно, плохих или хороших?

— Ты была потрясающа! Но как ты сообразила? И когда?

— Когда Брай уронил себе на ногу том «Законы древней Таристы», — честно призналась я. Нервно хихикнула и пожала плечами: — Зато видишь, оказалось, что у нас всё абсолютно законно. — И пожаловалась: — Рейн, я домой хочу…

— Потерпи немножко. Нужно станцевать хотя бы один танец. Иначе решат, что у нас что-то не в порядке. Постой тут, у окна, а я принесу тебе шербет. Ты вся белая.

Кивнула. Хорошо, что не зелёная или синяя… Или в пятнышко. После такой беседы пятнами пойти — запросто.

Оперлась на подоконник. Рейн, быстрым жестом огладив меня по спине, заспешил по коридору туда, откуда доносилась музыка. Постояв немного и почувствовав, что пришла в себя, двинулась за ним.

Далеко уйти я не успела.

Нет, теоретически после предупреждения учителя я понимала, что такое возможно, но готова совершенно не была. И замерла на полу шаге, не поверив ушам, когда услышала:

— Прелестная ньера, не подскажете ли скромному магу, как пройти в оранжерею? — В голосе слышались слажаво-льстивые нотки. Андреас обогнул меня, заглянул в лицо… И вытаращился, узнав. — Сита?! Что ты тут делаешь? — Прищурился: — Откуда у тебя такое платье? Ты что, тоже

претендуешь на место придворного мага?! И не мечтай — тебе с твоим куриным умишком тут ловить нечего! А встанешь у меня на пути — пожалеешь!

Захотелось рассмеяться.

Эх, Andreas, после тёплой встречи, которую только что устроил мне король, твоё топанье ножкой впечатления не производит!

Задумчиво уставилась на бывшего. Нет, эта страсть к малиновому неистребима... А зря. К оттенку его волос совсем не подходит. Может, наложить на экс-гада «отвод глаз»? Хотя не стану — Andreas не настолько глуп, чтобы не понять, что случилось. А как поймёт — или начнёт шпионить за кем попало, чтобы потом шантажировать, или золотой подсвечник прикарманит. Зависит от того, насколько он сейчас нуждается в деньгах. Но как я могла когда-то купиться вот на это?!

— Сита! Ты меня слышишь? Отвечай, что ты тут делаешь?

Похоже, неожиданная встреча сильно обеспокоила бывшего.

Сложно сказать, что бы я ответила, но взявшийся как из ниоткуда Холт встал между нами:

— Ньер, знакомство в прошлом не даёт права на фамильярность в настоящем. Не похоже, что моя жена рада вашему вниманию. И будьте впредь осторожнее — длинный язык всегда можно укоротить.

И, больше не глядя на Andreas, развернулся за локоть в сторону бального зала.

— Пойдёмте, ньера.

А когда мы отошли на несколько шагов, фыркнул мне в ухо:

— Прикинь, какая у него будет физиономия, когда он выяснит, кто я такой.

Я засмеялась. Но потом всё же попросила:

— Проследи, чтобы при Дворе его духу не было. От него никакой пользы, кроме вреда.

— Обещаю, — серьёзно кивнул муж, усаживая меня на банкетку у стены и вручая бокал со шербетом, который он всю дорогу нёс в руках. Заглянул ласково в глаза: — Сита, Сита... ты такую тяжесть у меня с души сняла. — Усмехнулся. — Отблагодарю дома. — И, после паузы, удовлетворённо добавил: — Ну вот, уже нормальный цвет лица. Пойдём потанцуем?

Пользуясь тем, что Соль ещё спала, а ехать до дома было недалеко, мы протанцевали не один, а четыре танца. Рейн представил меня ещё целой толпе разномастных ньеров и ньер, все были крайне любезны, правда,

запомнила я одного «кузена Тулайна», и тот мне как раз не слишком понравился, потому что под прицелом его чёрных, ничего не выражавших глаз я почувствовала себя дичью. Словно я — птица, а он — змея.

Уже когда собирались уходить, к нам подплыла аппетитная, как кремовый торт, белокурая ньера и защебетала:

— Ах, милый Рейн, представь меня своей жене! Ньера, мы с вашим мужем — давние и очень близкие друзья, не правда ли, дорогой?

Дорогой невозмутимо произнёс:

— Алексита, познакомься. Это — ньера Лисетта лен Обригон, я тебе рассказывал.

Упомянутая ньера кокетливо облизнула розовые губки и затрепетала ресницами, приседая в реверансе. Блондинка — а до чего похожа на незабвенную брюнетку Орсетту! Лисетта, Орсетта — одного поля ягоды. Надо посоветовать Рейну познакомить ньеру Обригон с экс-гадом. Почему я думаю, что они найдут общий язык? Или это будет мелко?

Я лишь чуть склонила голову. Вот он, первый бонус от принадлежности к дому Райнесан — не кланяться кому попало.

— Ньера Обригон, очень приятно.

— Несомненно, мы станем близкими подругами, — расцвела в фальшивой улыбке Лисетта.

— Простите, нам пора. — Рейн чуть поклонился, а затем развернул меня к потенциальной подруге спиной. Я не противилась, занятая раздумьями, что, если эта особа попытается нанести нам визит, напущу на неё ларру.

— Ну и лицо у тебя, — хмыкнул Рейн.

— Ньера Лисетта — кошка в корсете, — пробормотала я под нос.

— Не обижай кошечку, — засмеялся муж.

Но на этом всё не закончилось. Из-за Лисетты мы не сумели смыться до того светлого момента, когда в бальном зале появился Ринаaldo. И захотел продолжить беседу, о чём оповестил поймавший нас уже у дверей придворный.

Я напряглась — снова беседовать с королём почему-то совсем не хотелось.

И, как оказалось, не совсем чтоб напрасно. С одной стороны, явленная прилюдно монаршая милость — это приятно. Вот только Ринаaldo высказал пожелание, которое меня совершенно не вдохновило.

— Кузен, кузина, через два часа в оранжерее некий молодой человек, по слухам — сильный маг, продемонстрирует нам свои таланты. Мне

хотелось бы, чтобы вы оба присутствовали. Возникла мысль учредить при Дворе должность придворного мага, с тем чтобы иметь под рукой кого-то для советов в этой области и срочных заданий.

Угу. И, думаю, мы даже знаем этого одарённого ньера. Вот только таланты его лежат не в магической области.

— Кузен, — Рейн чуть склонил голову, — сейчас нам придётся отправиться домой, жена должна покормить дочь. Но потом обязательно вернёмся. Дождёться нас? Думаю, у меня есть любопытная информация касательно этого юного дарования.

— Договорились, — коротко кивнул Риналдо.

Выходя из зала, я поймала ошарашенный взгляд Андреаса, который видел нашу беседу с королём.

Но сделала вид, что ничего не заметила.

Рейн фыркнул.

В карете муж меня обнял:

— Сита, я тобой не просто горжусь — я потрясён. Большинство секретов рано или поздно всплывают или же разъедают изнутри своих обладателей, словно ржа. Скажу честно, мне было очень тяжело лгать королю, ведь он — мой сюзерен, родич и друг с детства. — Притянул меня на грудь. — Так, значит, ты, как моя спасительница, предъявляешь на меня права?

— Несомненно. И отказываться от них не собираюсь. Если, конечно, ты не против.

— Не против. У кого ещё есть настолько красивая, одарённая и умная жена? Я оценил, насколько ловко ты переключила кузена с вопроса, кто отец Соль, на тему своих планов и магии. Сказала правду... но получилось так, что это ты до последнего момента колебалась, выйти за меня замуж или послать на острова Южной Физанты, кокосы собирать.

— Угу, к страстным женщинам с ногами колесом, — засмеялась я. А потом озабоченно уставилась на мужа: — Нет у тебя мысли, как поступить с Андреасом?

— Есть. Изобразить полную объективность. А именно, потребовать у кандидата предоставить выписку из аттестата с оценками и рекомендательное письмо из учебного заведения, — хмыкнул Рейн. Прищурился на меня: — Мне кажется или у тебя тоже возникла идея?

— Хуже твоей, — призналась я. — Даже не идея, экспромт. Предупредить Риналдо, наложить «отвод глаз», чтобы Андреас не нервничал, и немножко ему помочь во время испытаний. Но ты злей

меня... вот так поломать человеку планы!

— Твоя идея тоже недурна. Кузену понравится. Только совет: не показывай слишком много силы и включи Рилда в круг развлечений. Ты говорила, что «отвод глаз» можно как-то развеять? Сможешь наложить и на него тоже, а потом снять, когда всё закончится?

Вот как. Выходит, что хоть Рейн и предан своему «кузену Рилду», но в то же время относится к нему настороженно, даже с опаской. Как к большой дикой кошке. Можно любоваться, играть, бережно гладить, но всегда надо помнить, что перед тобой — хищник, и быть готовым отдернуть руку.

А развеивать до сих пор не пробовала. Придётся срочно научиться...

Вообще, я не была уверена, что мысль учредить при Дворе должность королевского мага столь хороша. Это означало выделить кого-то одного, противопоставив его остальным. А, спрашивается, зачем? Маги и так традиционно поддерживали трон. У нас был свой интерес. Тариста являлась редким и приятным исключением, где имеющие Дар могли жить спокойно и были уважаемой, даже почитаемой кастой. Никто не завидовал ни нашим возможностям, ни долголетию. Не пытался отнять честно заработанное или сжечь на костре. И обязаны мы этим были тому факту, что представители династии Райнесан сами — кто больше, кто меньше — владели магией.

Так зачем рубить сук, на котором сидишь? Надо поговорить с Рейном. И, с его согласия, с учителем. Либо мои сомнения развеют, либо попробуют повлиять на Риналдо.

— Ты сможешь испортить ньера Тинтари выступление? — вырвал меня из раздумий голос Рейна.

— Почти наверняка, — улыбнулась я.

Когда-то на заре нашего супружества, когда мы только начинали самостоятельную жизнь, я превзошла саму себя, выдумав для экс-гада максимально эффектную демонстрационную программу — пяток заклинаний, которые можно было показать потенциальному клиенту, чтобы произвести впечатление. Чтобы ярко, зрелищно — и в то же время несложно и не требовало много сил. Дёшево и сердито, так сказать.

А Андреас ленив. Трудиться ради совершенства, а не за деньги — такое не для него. Вот могу спорить на годовую зарплату и пирожок в придачу, что если с моего ухода что-то и изменилось — то очень немногое...

И если так — экс-гада ждёт незабываемый вечер!

Мы еле-еле обернулись к сроку. Переодеваться я не стала. Хотелось остаться дома, нормально поесть, отдохнуть... но надо так надо.

У дверей нас встретил юный отрок, похоже, паж, который спросил, мы ли ньер и ньера Сейранн, и, услышав ответное «да», с поклоном передал, что король ждёт нас в кабинете.

Опять?

Угадала. Через несколько минут очень вежливой беседы я поняла, что в этот раз их королевское величество придумало новую забаву — раз уж вышло так, что жена его личного эмиссара оказалась магиней, так пусть покажет, что она чего-то стоит. А то мало ли что ньера рассказывает? А заодно устроим лишнее испытание для кандидата в придворные маги.

Интересно, что, судя по тону, Ринаaldo не сомневался, кто окажется кручё. Возможно, сие была некая месть за то, что я переспорила его в предыдущем разговоре.

— Могу ли я узнать имя персоны, претендующей на должность королевского мага? — любезно поинтересовалась я, опуская ресницы.

— Ньер Андреас лен Тинтари, мне его очень рекомендовали. Знаете такого?

Этот вопрос мы с Рейном обсудили дома. То, что экс-гад был моим мужем, раз он трётся при Дворе, выяснится так или иначе. Так что лучше сказать обо всём прямо. Самой.

— Знаю. — Я в упор посмотрела в карие прищуренные глаза. — Именно этот ньер был моим первым мужем. Мы вместе учились в семинарии в Виэнии.

— Что вы говорите? — не совсем натурально удивился Ринаaldo.

М-да. Кажется, король уже в курсе моих личных дел. И проверял, что я скажу и как стану выкручиваться.

— Но, похоже, для вас это не стало новостью? — продолжил Ринаaldo.

— Я не была уверена, — качнула я головой. — Так вы хотите, чтобы я потягались силами с бывшим мужем? Должна сказать, что после того, как я от него ушла, сложно назвать нас с ньером Тинтари лучшими друзьями. Думаю, моё присутствие на демонстрации будет выглядеть не слишком корректно.

— Вы отказываетесь?

— Нет, отчего же? Но считаю, что делать такое в открытую неразумно и неуместно. Начать с того, что я скрываю свой Дар для того, чтобы иметь возможность помогать мужу и потому, что не хочу ставить под удар себя и нашу дочь.

— Кузен, — вмешался до того молчавший Рейн, — рисковать ради забавы семьёй я не стану. Сам понимаешь, если пойдут слухи, что глава Тайного сыска женился на магине, мы с Ситой станем мишенью.

Король забарабанил пальцами по столу. Довольным он не выглядел.

— Выходит, всё-таки нет?

— Я такого не говорила. Есть способ выполнить ваше пожелание.

— Как? — прищурился на меня Ринаaldo.

— Существует простенькое заклинание «отвод глаз». Если я наложу его на себя и на мужа, Андреас нас не увидит. И если уж вам хочется устроить небольшое соревнование, я просто попробую, насколько хватит сил, помешать ему магичить. Только, если вы хотите видеть, что именно я делаю, надо наколдовать «отвод глаз» и на вас тоже.

— Об «отводе глаз» я читал, но никогда не наблюдал его в действии. Хорошо, действуйте!

— Кузен, — снова вмешался Рейн. — Должен предупредить, что пока заклинание не снимут или не пройдёт три часа, твои приказы никто не станет исполнять. Просто потому, что тебя не будут видеть в упор.

— Три часа ко мне никто не будет приставать? — хотнула Ринаaldo. — Занятно. Ну что же. Сейчас я на всякий случай предупрежу командира охраны, чтобы меня не искали, а потом можете помагичить. Посмотрим, на что вы способны.

— Если ньер Тинтари разглядит вас, то это само по себе будет значить, что он — маг более сильный, чем я, — улыбнулась я. — Меня он может проигнорировать. Но вас — вряд ли.

В оранжерее — установленном кадками с растениями большом овальном зале со стеклянным потолком — нас уже ждали. В середине на расставленных полукругом стульях сидели ньеры обоих полов. Я заметила обмахивающуюся веером Сейбретт. Андреас, источая любезность и уверенность, стоял, окружённый кучкой восторженных ньер. Интересно, чем он их так восхитил?

На нас никто не бросил и взгляда.

— Давайте встанем сбоку, вот за тем фикусом, — предложила я. — Откуда всё должно быть хорошо видно.

И задумалась — как бы дать знать высокому собранию, что пора начинать?

Оказалось, способ есть. Ринаaldo прикоснулся к висящему на шее медальону, что-то пробормотал. Сейбретт тут же встрепенулась, хлопнула в ладоши:

— Мой брат король подойдёт чуть позже. Начинаем!

Через пару минут оживлённых перемещений, шуршанья юбок и шёпота все расселись, и Андреас в расшитом золотом малиновом камзоле вышел в центр. Небрежно встряхнул светловолосой головой, обаятельно улыбнулся, выставил вперёд одну ногу, чуть демонстративно оправил пышные кружевные манжеты...

Зрители замерли.

Речь о чудесах магии, как оказалось, я помнила наизусть. До последнего слова. С момента моего ухода в ней не изменилось ни звука... Я вздохнула.

— Мне кажется, звучит неплохо, — чуть недовольно покосился на меня Ринаaldo.

Ну да, я ж сама её и писала.

Первой должна была появиться иллюзия — белокаменный замок среди цветущих роз. С поющими птицами, облаками и радугой в небе. Ну, и с сине-золотыми флагами Таристы на башнях.

Угадала. Андреас высокопарно объявил, что предстоит увидеть благородным ньерам, и, изящно встряхнув холёными кистями, заговорил, сопровождая речь жестикуляцией.

Я не делала ничего. Руками не махала, ногами не топала. Только, дождавшись нужного места, громко произнесла: «Уакша!»

Рейн с интересом на меня посмотрел. Ринаaldo недовольно дёрнул плечом. Уж не знаю, чего он ждал.

Впрочем, все ждали не того, что появилось.

А возникла вместо замка большая рыжая корова. Правда, с флагжком Таристы, прицепленным к левому рогу.

Народ ошалело уставился на явление. Андреас выпучил глаза. Корова повернула голову к высокому собранию и громко сказала: «Му-у!» Потом задрала хвост...

Что произойдёт дальше, ждать экс-гад не стал. Громко хлопнул в ладоши — и корова растворилась в воздухе. Вместе с флагжком. И правильно. Ни к чему благовоспитанным ньерам вникать в тонкости коровьей физиологии.

— Неожиданный результат, — склонила набок голову ньера Сейбретт. — Покажите нам что-нибудь ещё.

Андреас уже пришёл в себя.

— Да, в последний момент я решил, что замок — это слишком тривиально. И нотка юмора в поздний час будет уместна. Но сейчас — сейчас вам предстоит увидеть дивное зрелище! — Сделал паузу и объявил веско: — Парад Планет!

Заклинание и впрямь было зреющим и, вдобавок, абсолютно оригинальным. Суть была проста — обычные разноцветные светлячки разных цветов и размеров. Но вместе они имитировали всю нашу

Солнечную систему, со светилом в центре, кружящимися планетами и вращающимися вокруг них лунами. Я убила уйму времени, рассчитывая траектории и запихивая всё в формулу, которую мог бы выучить и правильно произнести ещё любимый тогда муж.

— Сейшэрра каринго эллото... — начал тщательно выговаривать Андреас, водя по воздуху руками...

— Кейшарра! — влезла я в нужном месте.

Бывший дочитал заклинание, топнул ногой... — и захлопал глазами. Потому что ни парада, ни планет в ожидаемом месте не появилось.

В этот раз он покраснел. Бросил быстрый взгляд на ждущих ньеров и начал по второму разу:

— Сейшэрра каринго...

— Кейшарра! — перебила я Андреаса.

Вот одно слово... и экс-гад может тужиться до посинения. Кстати, его заклинание я не отменяла. И исказила совсем немножко. Моё «кейшарра» всего лишь переводило всю картину в тепловой — не видимый человеческому глазу — диапазон.

— Кажется, у планет сегодня нелётная погода? — ехидно осведомилась Сейбретт.

За её спиной послышались смешки.

На секунду на лице Андреаса возникла гримаса ярости, глаза сузились. Только куда он смотрит? Что он увидел там, в пустом углу рядом с большой пальмой? Попыталась проследить направление взгляда бывшего — и ойкнула. Показалось, что рядом со стволом в тени стоит человек. Мужчина. В сером или синем, не разобрать. Или померещилось?

Я чуть не пропустила начало очередного заклинания — водопада. Зрелищная иллюзия с шумовыми эффектами, когда с небес низвергался поток воды и, не долетая до земли, исчезал, нравилась поголовно всем. Хотя заклинание было известным, можно сказать, школьным.

Нет, ну нельзя же быть таким ленивым! Мог бы уж придумать что-то новое, что-то своё! А не захотел — сам виноват. И ещё не стоило ему *так* меня обижать тогда, в Салерано. Может быть, расстанься мы мирно, я не стала бы ему мешать. Предупредила бы Рейна об особенностях натуры экс-поганца, но тем и ограничилась. А теперь...

Водопад у Андреаса получился. С моими небольшими поправками. Во-первых, разверзлись небеса не перед бывшим, а прямо над его головой. А во-вторых, одно ведро воды оказалось совершенно реальным. И, судя по всему, зело холодным. Потому что когда оно окатило экс-гада, тот взвизгнул. А вслед за ним — весь передний ряд ньер, юбки которых щедро

забрызгало.

На этом демонстрация завершилась.

Сейбретт, брезгливо придерживая двумя пальцами сырой подол, встала, недовольно фыркнула, смерила экс-гада презрительным взглядом и молча удалилась. Вслед за ней потянулись остальные...

Мокрый Андреас, с волос и рукавов которого капало, стоял в луже, скимая кулаки. И по-прежнему таращился в тот, пустой тёмный угол...

И тут до меня дошло! Там кто-то есть! Кто-то, спрятанный, как и мы, под пологом «отвода глаз». Только что он там делает? Ведь искать его взглядом Андреас может в одном-единственном случае — если этот незнакомец заранее сказал мужу, где будет стоять.

Значит, они союзники?

Снова прищурилась. Да! Вот опять, рядом с пальмой — серый костюм, темные волосы, лет сорока. Увижу — узнаю. Но нам надо уходить... почему-то очень не хотелось, чтобы этот маг заметил меня.

Обернувшись, поймала оценивающий взгляд Ринаaldo.

— Давайте вернёмся в кабинет, — предложила я, скимая ладонь Рейна.

— Объясните, что вы сделали, кузина?

Я только что, как мне казалось, успешно сняла с нас всех «отвод глаз».

— Всё просто. В первом заклинании я подменила одно слово в формуле. Точнее даже, часть слова. «Ши ейраннш» — замок, «ши уакша» — корова. Важно было только правильно подгадать момент.

— Изящно. А что с планетами? Развеяли?

— Нет. Перевела иллюзию в тепловой, невидимый диапазон. Простите, кузен Ринаaldo, нам нужно возвращаться. Если проснётся дочка — будет плакать.

— Кузен, — голос Рейна был спокоен и серьёзен, — будь объективным. Запроси из семинарии в Виэнии выписку с оценками из аттестата этого ньера Тинтари. И составь собственное мнение. Кстати, а кто его рекомендовал?

— Наш кузен Тулайн, — косо усмехнулся король. Перевёл взгляд на меня. — Кузина, кажется, вы что-то увидели в оранжерее?

— Я не уверена. Но мне показалось, что в дальнем углу, там, куда косился ньер Тинтари, кто-то был. Тоже скрытый «отводом глаз».

— А нас он мог разглядеть? — прищурился Ринаaldo.

— Думаю, нет. Он не смотрел в нашу сторону, — отозвалась я.

— Кузен, послушай меня, как своего главу Тайного сыска. Не говори

никому, что мы были там. Даже сестре.

Ринаaldo на минуту задумался, потом кивнул.

Глава 7

С кем можно вместе смеяться, с тем можно вместе работать.

P. Орбен

Закончили этот разговор мы с Рейном уже дома, лёжа в постели.

Я чувствовала себя усталой, вымотанной, выжатой. Не физически — морально. Противостояние с Риналдо, потом столкновение с Андреасом и, наконец, та тёмная личность за кадкой с пальмой...

Всё же, пока не забылось, изложила свои соображения о том, что Андреас стал бы плятиться в угол только в одном случае — если неизвестный маг заранее его предупредил, где будет стоять. Не тот уровень у бывшего, чтобы самому разглядеть кого-то, скрытого «отводом глаз». А это значит, что незнакомец зачем-то помогает экс-гаду. А пока говорила, поняла, что мы не видели очевидного. Того, чего подсознательно боялись и не желали замечать. В заговоре с хорошей вероятностью замешан кто-то, владеющий магией!

Кто ёщё может заставить неожиданно взбеситься и понести лошадей, подстроить любой несчастный случай — от отравления до мозговой горячки? Кто может незамеченным проникнуть в тюрьму и устраниТЬ всех, кто слишком много знает? И не надо подкупать всю стражу — достаточно найти *одного* нечистого на руку мага.

Но насколько тот готов пойти на преступление и насколько силён?

Или это у меня от страха и нервотрёпки взыграла паранойя?

Спросила мужа. Тот почесал нос:

— Знаешь, давай действовать так, словно враждебный маг наверняка есть. В этом случае точно не промахнёмся.

— Хорошо, завтра повешу на дом дополнительные охранки. Чтобы засекать всех с недобрыми намерениями. Жаль, нет заклинания, чтобы не только засекать, но и не пускать... Как ты смотришь на то, чтобы я написала письмо ньери Расселу? Если кто знает того типа, так это он. И если кто может уговорить остальных магов оказать нам поддержку — это тоже он.

— Письмо пиши. Я отправлю курьерской службой. М-да... высокое положение часто не окупает неудобств, с ним связанных, — грустно

улыбнулся муж. — Сколько раз ты уже пожалела, что ты — Райнесан?

— Сегодня? Не больше пятнадцати раз, — улыбнулась я. — Кстати, как твой северянин?

— Рвался надавать по шее ньеру Тинтари в честном бою на боевых топорах. У них во Фризландии есть, оказывается, очень интересные старинные обычай, связанные с яйцами. Нет, тебе я не скажу! Но твоё представление ему понравилось даже сильнее. Особенно корова.

— Знаешь, мне не по себе... Да, я этого типа разглядела. Но только потому, что Андреас подсказал, куда смотреть. Но не станешь же всё время озираться и шарить глазами по горизонту? Как подумаешь, что кто-то может просочиться к нам домой...

Под кроватью громыхнула миска. А потом донеслось:

— Ссэнасс — хорошишай!

— Ссэнасс? Ты что-то хочешь сказать? О! Скажи-ка, когда я накладываю «отвод глаз», ты меня видишь?

— Вишшиш. Ссэнасс видит сссквосс магию. — Ларра сделала паузу и логично закончила: — Сссобаки хорошишне!

— Наша ларра — гений! — возвестил, хлопнув себя по лбу, Рейн. — Завтра или послезавтра должны привезли Хвата и Рвача, вот пусть их доставят сюда! Достаточно пса у дверей, и никакой «отвод глаз» не спасёт — собака, даже если и не увидит, то почует пришельца и поднимет лай.

— А ларра увидит! — обрадовалась я.

Одной опасностью меньше, замечательно!

— Посоветую завтра Браю, чтобы тот тоже собак завёл. И предупрежу Ринаaldo.

Я кивнула.

Рейн перевернулся на бок, поймал мой взгляд, улыбнулся:

— Не волнуйся так. На нашей стороне — история. Ни один заговор младшей ветви против правящей за последние восемьсот лет не увенчался успехом. Гильдиям не нужна гражданская война, торговле она тоже не на пользу.

Угу. Только в любом деле всегда находится кто-то, кто-то бывает первым.

* * *

На следующий день с утра я, в сером шёлковом платье, с гладко зачёсанными волосами с низким пучком и в подаренных Рейном старинных

серёжках, сидела в кабинете над ворохом бумаг, сопоставляя грузовые декларации столичного порта с нашими записями по Салерано и Паэнье.

Брай с Санией сегодня филонили — наносили визиты родне. Впрочем, я была рада, что мы с Рейном — вдвоём. Особено после вчерашнего.

— Кажется, я что-то нащупала! — позвала я мужа. — Гляди! Три или четыре арестованных корабля возили грузы попеременно — то в Лорецию, то в другие порты. Вот, например, шхуна «Удача Варинды». Ходила челноком сюда — в пиратский порт — в Салерано — снова в порт — опять сюда...

— Понял! Сопоставлять записи из разных городов до нас никто не пробовал, а корабельный журнал наверняка поддельный, возможно, для каждого порта — свой. При таком способе действий каждое отдельное плаванье кажется вдвое длиннее и занимает не подозрительные три-четыре недели, а обычные два-три месяца. — Поднял глаза к потолку, прищёлкнул пальцами. — А косвенный вывод таков: пиратский порт расположен заметно ближе, чем мы предполагали. Я бы поставил на северный берег Винейского моря, где-нибудь недалеко от выхода в Закатный океан. Рельеф там подходящий, а с политической точки зрения берег — это десяток маленьких княжеств, погрязших в приграничных конфликтах. За деньги или помочь в обороне кто-нибудь запросто мог пригреть пиратов. Молодец, Сита!

Я не успела ответить. В дверь кабинета постучались и раздался голос Кирвана:

— Ньер Сейранн, к вам визитёр!

— Ну и кого так вовремя принесло? — задал Рейн риторический вопрос.

Оказалось, нашего монарха. Который не спал полночи, угрязаемый любопытством, и сегодня лично решил посмотреть, чем мы тут заняты.

Вошёл:

— Кузен, кузина, — можете не вставать! Я неофициально.

С интересом прищурился на меня. Обежал взглядом заваленный коробками с бумагами пол. Потом фокус внимания переместился на схемы на стенах у стены. Подошёл к «паутине». Установился и замолчал.

Смотрел долго. Потом обернулся и обратился почему-то ко мне:

— Кузина Сита — могу я вас так называть? Расскажите, что вы делаете?

— Просматриваю грузовые декларации кораблей, выискивая несоответствия и несуразицы. Например, товары с севера и юга, привезённые одним рейсом. Или слишком большую загрузку. Помогает то,

что мы уже проделали такую работу в трёх портах. Сейчас я обнаружила, что часть арестованных кораблей ходила членком между пиратской базой и двумя портами по очереди — Лорецией и Салерано или же Лорецией и Паэнней. Так короткие плаванья казались вдвое длиннее и выглядели менее подозрительными. А нам это даёт две подсказки. — Я замолчала.

— Какие? — уставился на меня Риналдо.

— Позволяет вычислить максимальное расстояние, на котором находится база, и найти зацепки тут, в Лореции. Сейчас я отберу декларации этих шхун и посмотрю, кто проверял груз и подписывал таможенные документы. Почти наверняка окажется, что это один и тот же человек. Ну, или двое. А потом следует посмотреть, какие ещё суда осчастливал своим вниманием этот чиновник...

— Понимаю. — Риналдо наклонил голову набок.

Я сглотнула — как же он похож на Рейна... Вот что значит кровь!

— Да. И выяснить, кто его назначил. И пойти по цепочке... Статистика умеет замечательно лгать, но в то же время она — самая точная наука на свете. Добавим на схему, — показала рукой на паутину, — новых людей и новые связи. И куда-то да выйдем...

Я отвлеклась, заметив, что в комнату вплыла Ссэннесс, которая сейчас выглядела тривиальной серой кошкой с гордо заданным хвостом. Такой не маленькой и мордастой... но в остальном вполне обычной. Ларра подошла к креслу, близ которого стоял король, и запрыгнула на сиденье. Свернулась клубком.

Риналдо, который как раз опёрся на ручку, намереваясь опуститься в то же кресло, резко затормозил.

— У вас кошка? Как её зовут?

Рейн весело посмотрел на меня. Я хихикнула:

— Простите, кузен Риналдо. Кажется, мы сейчас невольно раскрыли, что вы — маг. Обычный человек её бы не увидел. Познакомьтесь: ньера Ссэннесс, ларра, — ньер Риналдо, король.

Ссэннесс, не вставая, уставилась на короля круглыми зелёными глазищами. Потом подумала... и подмигнула. Из загривка возникла пятая лапа, приветственно помахала.

В первый раз Риналдо показался мне симпатичным. Потому что купился на нашу негодяйку сразу. Опустился на корточки и уставился восхищённым взглядом.

— Я о них только слышал... Добрый день, ньера Ссэннесс!

Ссэннесс протянула монарху аномально удлинившуюся лапу. Похоже, для рукопожатия. Я снова хихикнула — никакого питета к сильным мира

сего!

Риналдо осторожно поднял руку и аккуратно потряс предложенную лапу. Удивился:

— Тёплая. Шерсть, как у настоящей кошки!

— Ссэнасс хорошишная! — возвестила ларра, освобождая кресло.

— Кузен, пока не вылетело из головы, садись и послушай, что мы тут надумали, — начал Холт. — Ты же, почти наверняка, пришёл к тому же выводу, что и мы, — к заговору каким-то боком причастен неизвестный маг. И что он может натворить, воспользовавшись «отводом глаз», подумать страшно...

— Потому и приехал. Вечером я вызвал к себе Меарбуса и пару других из тех, кто служил ещё деду, хочу поговорить и попросить совета и помощи.

Я вздохнула — Меарбус, точного возраста которого не знал даже учитель, был одной из легенд Таристы.

— С Меарбусом помочь не могу, — фыркнул муж, — а совет, и хороший, есть. Ларра дала. Держи в спальне и во внутренних покоях собак. Если они и не разглядят незваных визитёров, то почуют и поднимут шум. К нам сегодня или завтра привезут пару геранских волкодавов из Салерано.

— Понял. — Риналдо опять уставился на меня. — Да, то, что я маг, — государственная тайна. Знаете, что бывает за разглашение государственных тайн?

Добрый какой.

Кивнула. Бегать по перекрёсткам с воплями «Риналдо Третий — маг, который видит ларр!» я не собиралась. Но для нас такое знание не лишне. Интересно, какой он силы, если в локтях? Слухи говорили, что Райнесан имеют примесь крови магов... но звучало это так, что магии там капли. Но правда ли это? Как там сказал Рейн? «Полезно, если враги тебя недооценивают». Выходит, Риналдо точно видит ауры, а может, и ещё много чего... Подняла руку, поправляя заколку за ухом. Пусть смотрит — я спокойна и безмятежна, как предрассветное море в штиль... И Рейн с практически завязанными хвостом волосами — тоже.

Неожиданно Риналдо хмыкнул:

— Я велел передать ньери Тинтари, что если тот хочет реабилитироваться и попытаться снова, то должен представить рекомендацию учебного заведения и выписку из аттестата, подписанные уважаемым ньером Расселом лен Дилэнси.

Я невольно хмыкнула в ответ.

— Что? — прищурился король.

— Если ньер Тинтари предоставит-таки требуемые бумаги, у меня есть письма ньера Рассела, с которыми можно будет их сличить.

— Вы его сильно не любите. За что?

Жаловаться на личные неурядицы мне не хотелось. Так что сказала просто:

— Он присвоил наследство моей матери, оставив меня без гроша. Я не пропала... но запомнила.

— Как неосмотрительно с его стороны.

— Да, — коротко согласилась я.

— Хорошо. У меня есть несколько часов, не возражаете, если я посижу с вами? Кстати, я хотел бы взглянуть на вашу наследницу.

Ясен пень, что вопрос — лишь форма вежливости. Возражай мы или не возражай...

— Сейчас принесу Сонеали, — улыбнулась я.

Восторг я изображать не стала.

Через пару часов я почти смирилась с присутствием Риналдо. Тот зарылся в бумаги, не мешал нам, зато выдал несколько интересных соображений. Например, что если замешан маг, то понятно, почему после перевода подозреваемых в заговоре и уличённых в пиратстве в королевские темницы мор прекратился — монаршие казематы охранялись собаками. А ещё, услышав, что я собираюсь, буде удастся, вычислить два-три судна у пиратов на посылках, прицепить к тем маяки, но не уверена в том, что смогу отследить направление на большом расстоянии, сказал, что у него есть несколько быстроходных клиперов, которые справляются со слежкой, если я сделаю амулеты парными. Не поняла — я что, работаю теперь не на мужа, а на корону? Не убеждена, что это мне нравится.

Рейн спросил Риналдо о Тулайне, может ли тот стоять во главе заговора?

— Не знаю, — вздохнул король. — Тулайн — редкий случай, когда вред от государственного брака заметно перевешивает пользу. Сам знаешь, Тулайн унаследовал от матери не только волосы и глаза, но и характер с менталитетом. А взятки в той же Эрминии не берут, а гребут лопатой. И считают такое нормальным. Я уже несколько раз хватал кузена за руку. Не исключено, что и тут его хорошо подмазали, чтобы он дал рекомендацию ньеру Тинтари, не заботясь, годится ли тот на должность придворного мага. Единственно, что Тулайн суммы меньше пятизначных деньгами не считает. — Риналдо обернулся ко мне. — Есть у ньера Тинтари такие средства?

— Я слышала, что он, отправляясь в столицу, продал дом в Салерано, купленный на наследство моей матери. Это не меньше тридцати тысяч золотых. Хотя, зная скучность и прижимистость бывшего, предположила бы, что он стал бы искать подход через чью-нибудь жену. Как Тулайн относится к прекрасным ньерам?

— По-эрминовски. Считает ньер разновидностью домашних животных, которым нужен хозяин и строгая рука. Сейбретт его за это терпеть не может.

— Понимаю её, — улыбнулась я. — Тогда не знаю, может быть и так, и эдак.

Кстати, Андреас не совсем дурак. Наверняка обдумает вчерашний провал и придет к выводу, что встреча со мной, а потом такое фиаско — вряд ли простое совпадение. Надо быть готовой к гадостям...

— Ты сам думаешь на кого? — поднял глаза Рейн на сидящего напротив короля.

Тот пожал плечами.

— Кто угодно, кроме нас с тобой и Сейбретт.

— Кто угодно... — эхом отозвался Рейн.

Потом поговорили о том, как, не ругаясь с гильдиями, отследить деньги в банках. Например, тот перевод из Сафрины. Пораскинув мозгами, мужчины пришли к выводу, что это самим гильдиям и следует поручить. С одной стороны, те не будут чувствовать себя ущемленными, никто на их прерогативы и свободы не покушается. С другой, корабелы, торговцы и страховщики больше всех заинтересованы в том, чтобы пресечь пиратство и прищучить его покровителей. А в худшем случае, если ничего не выйдет и гильдии застрянут, то хотя бы перестанут донимать Риналдо неразумными требованиями с нереальными сроками.

Я не вмешивалась. Так, слушала краем уха, продолжая разбирать декларации. Моя настойчивость была вознаграждена. Один из кораблей, пару раз мелькнувший в Паэнье и отмеченный в моём списке как «подозрительный, но доказательств нет», засветился в Лореции. Каботажное корыто приплюхало, битком набитое серебряными слитками из-за океана! Якобы с какого-то неизвестного, непонятно кому принадлежащего нового рудника «Ульварре». А самое замечательное, что сейчас «Резвая шалунья» стояла в порту.

— Успеешь сделать амулет? — спросил Рейн.

— Как крепить, подумал?

— Да. Подплывём тихонько на шлюпке, прикрутим к килю под ватерлинией. Сверху прикроем обломком доски или лоскутом вымазанной

варом парусины. Или — по обстоятельствам — закрепим в щели и замаскируем грязью.

— Хорошо, давай сегодня ночью и займёмся... Ой, не выйдет!

— Почему?

— Нужна хотя бы щепка с этой «Шалуны». А если следом пойдёт клипер, то и с него тоже.

— Риналдо? — Рейн уставился на короля, который внимательно слушал наш диалог.

— Зачаровывать надо одновременно? — поинтересовался тот.

— Да. Тогда связь будет прочнее.

— Сейчас час дня. К семи щепка от штурвала клипера и кусок обшивки «Шалуны» будут у вас.

Риналдо поднялся.

— Вечером заеду. Не провожайте.

Рейн всё же сопроводил Риналдо до дверей. Непринуждённость непринуждённостью, а статус статусом. Потом вернулся ко мне. Вздохнул:

— Ну вот, ещё один повод для беспокойства.

— Ты о чём? — Я рассеянно почесала нос ручкой. — О том, что мы узнали, что король — маг?

— Нет, я о том, как он тебя разглядывал. И о том, что по пути к дверям он сообщил, что, оказывается, моя жена — очень интересная ньера с большими задатками.

Я удивлённо уставилась на мужа:

— Вчера мне показалось, что он меня терпеть не может. Возненавидел с первого взгляда. Перебежала дорогу, поломала планы, взбрыкивает, спорит. А сегодня, что ради тебя и пользы дела — не уверена, в каком порядке нужно ставить резоны, — он, так и быть, готов смириться с моим существованием.

— Ты его плохо знаешь. Держи ухо востро.

Я засмеялась.

— Что смешного? — не понял муж.

— Хочешь расскажу, что мне написал про тебя учитель, когда мы уезжали из Салерано? Могу процитировать по памяти: «Только держи ухо востро. Если Холт-младший такой же хитрец, каким был его отец, ты сама не заметишь, как окажешься втянутой по уши в его дела». И, видишь, так и вышло... А теперь ты мне теми же словами о короле.

— Не смешно, — отозвался муж.

Что это он? Или я чего-то не понимаю?

Перед обедом ко мне постучалась Винта.

— Ньера Сита, я хотела спросить... — замялась.

— Что случилось? Спрашивай.

— А вы не забыли?

— Забыла о чём?

— Вы обещали найти того, кто виноват в том, что пропала моя мама. А вчера вы ездили на бал — такая красивая...

Понятно. Дети — не самые терпеливые существа на свете. А я ничего не объяснила. Вот Мышка и решила, что я ударилась в развлечения, позабыв о долге.

— Винта, ты же заглядывала в кабинет ньера Рейна, да?

Мышка чуть виновато кивнула. Я угадала. Сама в детстве была любопытной как помесь кошки с синицей. Да и сейчас не лучше.

— Видела там схему, где много имён, соединённых линиями?

Мышка кивнула снова.

— Вот почти все они, тем или иным боком, причастны. Но есть кто-то на самом верху... И пока мы его не найдём — мы все в опасности.

— Он прячется во дворце, да? — сообразила Мышка.

— Да.

— Тогда позвольте, я буду ходить туда с вами! Вдруг я что-то услышу или замечу?

Я покачала головой. Хотя... Посмотрела на Мышкино расстроенное лицо — нужно чем-то её озадачить, иначе ведь додумается — начнёт сама искать!

— Ты ауры видишь? Такие ореолы вокруг людей и некоторых предметов?

— Мазня такая? Иногда. Только я не знаю, что с ними делать.

— Я дам тебе учебник. Прочтёшь. Научишься различать основные эмоции. Это — первый шаг к тому, чтобы начать помогать нам. Поняла?

Мышка с энтузиазмом закивала русой головой с растрёпанной косой.

Вот так. На пару месяцев это её займёт и удержит от глупостей. А вдобавок, умение видеть ауры — необходимый этап обучения мага.

— Начнёшь хорошо справляться, подумаю, как использовать твои таланты. А сейчас пойдём в столовую — на обед обещали грибной суп и жаркое. Ну, и яблочный пирог на сладкое.

Мышка облизнулась.

Я задумчиво почесала нос. Рейн фыркнул:

— Ты сидишь над тарелкой уже десять минут и съела всего три ложки. Что тебя так озадачило?

— Считаю, сколько амулетов нам нужно. Один — на пиратский корабль, второй — на преследующий его клипер, третий — нам для контроля. Вот Риналдо ещё один давать или как?

— Нет, не стоит. Если твой компас попадётся кому-нибудь на глаза, тут же возникнет вопрос, что это и откуда взялось? То есть правильный ответ — три штуки.

— Гм, вот ещё бы сообразить, как их делать. Пару — легко, есть стандартное заклинание. А третий как присобачить? В семинарии такому не учили, в гrimuарах я тоже подсказок не нашла. Пока решила попробовать поступить как с тетрадями — сделать копию в лоб.

— Начнёшь свой собственный гrimuар, — улыбнулся Рейн. — Для Соль.

Кстати, да, действительно. Мы не рвались рассказывать посторонним о том, что случилось в Паэнье, но передать это знание Соль я бы хотела. А ещё можно написать о том, как размножаются ларры. И предостеречь касательно чёрной цепи... Задумалась — а ведь если посчитать, я столько нового узнала за последние месяцы!

Но всё же странно, что нет заклинания, позволяющего прицепить к одному объекту несколько компасов. Допустим, за ребёнком могут захотеть следить мама, папа, няня... Между прочим, а что я буду зачаровывать? Надо же Кинтара в ювелирный послать, и срочно!

— Не надо, — фыркнул Рейн. — Доедай и пойдём, покажу тебе, что придумал.

Гм. Взглянула на непроницаемую физиономию мужа, на тарелку — и заработала ложкой. Любопытно же...

— Ты как-то обмолвилась, что в качестве компаса удобно использовать монеты. Посмотри вот на эти, — муж высыпал мне в ладонь пять золотых дисков, в середине каждого из которых светилась дырка, куда пролезет мизинец. С одной стороны диска красовались две скрещенных алебарды с дефектными из-за дырки древками, с другой — длинноволосая русалка со щедрыми грудями. У этой дырка пришлась от пупка до колен. Если, конечно, у русалок на рыбьем хвосте есть колени. Я хмыкнула — забавно, в первый раз в жизни вижу, как правила приличия блудут и прикрывают что-то не одеждой, а дыркой.

Интересно, откуда они у Холта и для чего служат отверстия — эти золотые что, в виде ожерелья носят?

— Пока плавал по миру, собрал целую коллекцию монет. Некоторые весьма забавные — шестиугольные, квадратные, овальные. Есть бронзовые и костяные. Имеются даже ракушки и акульи зубы... А эти — из Вилории на северо-востоке. И ты угадала — их носят связками, низами и часто на шее. Так сказать, ближе к телу. Так они подойдут?

Оставив одну на ладони, взвесила. Тяжёлая, сгодится!

— Я прикинул, что их очень удобно крепить — два гвоздя наискосок, и вопрос решен.

Кивнула. Разумно.

Ближе к вечеру нас осчастливили повторным визитом Риналдо, лично доставивший пару деревяшек. Интересно, как он их изъял? Вопрос просто вертелся на языке, но я решила умерить праздное любопытство. Впрочем, вступить в беседу пришлось всё равно, ибо Риналдо пожелал посмотреть, как я буду делать амулеты.

Ответила я коротко:

— Простоволосая, в платье сикось-накось-набекрень, глухой ночью. Не думаю, что это зрелице порадует глаз.

— А платье... гм-м... почему такое... оригинальное?

— Из него выпороли все металлические крючки, — хмыкнула я. — Элегантность, увы, пострадала. Так что, ваше величество, не смущайте меня. Да и вам в полночь надлежит быть во дворце, а не в чужом доме.

Добавлять, что при моём куцем опыте я не умею толком рассчитывать силы и через два раза на третий шлётся в обморок, я не стала.

— Кузина, ничего страшного. И зовите меня кузеном, мне будет приятно. Тем более что мы почти ровесники.

Спасибо. Панибратства с королём, который стравил меня с бывшим мужем и вообще хитрый хмырь, мне и не хватало. Ни к чему затевать такие игры, тем более что я кожей чувствовала, как напрягся Рейн.

— Кузен, ваше присутствие будет меня смущать. Делу это не поможет.

— Жаль... — Риналдо поднялся. — Держите меня в курсе.

— Что это было? — поинтересовалась я у вернувшегося Рейна.

— Я бы сказал, — муж щелчком ловко закрутил волчком монету по гладкой крышке стола, — что у любопытства Риналдо есть две составляющие. Первый — магия. Если он скрывает, что он — маг, то и учиться может только по книгам. А тут есть возможность не только посмотреть на другого мага в работе, но и задать вопросы и даже получить на них ответы. А второй компонент — интерес к тебе. Поверь мне, ты сильно отличаешься от придворных ньер.

Я пожала плечами. Уж какая есть, на базар не несть.

Закончила я магичить почти в два ночи. Пока наковыряла щепок от Ринальдовых деревяшек пока проверила по словарю все слова, которые предстояло подставить вместо параметров в стандартную формулу, пока потренировалась всё гладко, не запинаясь, проговаривать... В последний момент вспомнила, что был какой-то приём, усиливающий заклинания, предназначенные для использования именно на море. Порылась в книгах, нашла. И тут же принялась искать нужную для действа морскую соль. Столовую я отвергла, а вот ароматизированная из ванной оказалась подходящей.

Ссэнасс с Рейном сидели рядышком на кровати и вертели головами, глядя на мои метания.

Под завязку я умудрилась уронить монеты на пол, и две из них по закону подлости под эту самую кровать и укатились. Я полезла было искать сама, на четвереньках кверху задом, но потом сообразила, что можно попросить достать беглянок Ссэнасс.

Напоследок, когда щепки на будущих амулетах вспыхнули синим пламенем с жёлтыми — из-за соли —искрами, я чуть не подпалила собственный рукав.

Гм-м, Ринальдо было бы на что полюбоваться. Есть с чего брать пример, м-да.

Но, тем не менее, к двум ночи монета-маяк, указывающий на неё компас с яркой голубой чёрточкой и дубликат этого компаса были готовы.

Я устало плюхнулась на кровать рядом со своей семьёй.

— Теперь моя очередь, — поднялся Рейн. — Карета заложена, Кирван ждёт. А в порту — я позабочился — стоит шлюпка. Думаю, прямо сейчас и съезжу. А то учешет «Резвая шалунья» с рассветом вдаль — обидно ж будет...

— Я с тобой! — поднялась я.

— Сита, и не думай! Ты остаёшься дома!

— Нет. Одного тебя никуда не отпущу!

Понятно, что ехать в порт Рейну следовало самому, потому что никому другому такого не поручишь. Ну, разве что нашему Браю. Хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, — сделай это сам. И обратное: если не хочешь, чтобы тайну узнали враги, — не доверяй её другу. Ну, может быть, только Браю.

Но позволить Рейну отправиться одному? Да никогда!

А вдруг за домом следят и только ждут момента, чтобы избавиться от

очередного наследника рода Райнесан? Или в порту Холт напорется на пьяную компанию или грабителей? Или, наконец, если подплывшую к кораблю шлюпку заметит экипаж?

Мы чуть не поругались. Но, действительно, выходило, что Кирвану придётся остаться с каретой и лошадьми — без присмотра тех не бросишь. А мужу идти к шлюпке и плыть на ней — одному. И ведь погребёт не на рыбалку, а к пиратской шхуне...

— Рейн! Да, я отличаюсь от придворных ньер! Предлагаю поступить так: я еду с тобой в карете, по пути завернём к Браю, возьмём его тоже. Уже на месте я наложу на вас «отвод глаз» и останусь ждать с Кирваном. Думаю, так будет вполне безопасно.

Холт фыркнул и пробормотал под нос: «Стальная ньера...»

Я прикусила губу. Может, и пошутил... но отчего-то резануло. Это за неверие в его мужскую самость? Сглотнула. Переживу. А вот если он схлопочет кинжал в почку, пережить такое будет куда сложнее.

Я надела тёмно-зелёное шерстяное платье, пошитое ещё в Салерано. Сверху накинула тёплый плащ с капюшоном — всё же почти зима, и ночи даже в нашем мягком климате сейчас промозглые. Муж, глядя на меня, недовольно фыркал и хмурился.

К дому Брайта мы подъехали почти в полтретьего ночи.

Я нервничала. Вот никогда не представляла, что ночью, в тишине, звон подков и стук колёс по булыжной мостовой кажутся настолько громкими. Чудилось, что весь город должен нас слышать и пристально следить из-за стёкол погасших окон... Почему-то я была почти уверена, что за нашим домом установлено наблюдение. По пути поделилась этой мыслью с Рейном. Тот кивнул. И сказал, что к гавани поедем кружным путём. Если кто-то следит — пусть побегает. Но лучше бы не выследили, иначе может возникнуть вопрос, что потерял королевский эмиссар в порту глухой предрассветной порой?

Наконец муж и зевающий Брай с встрепанной головой сели в экипаж. Я зажгла тусклый, еле заметный светлячок, пресекая попытку Брайта усесться мне на колени.

— Ньера Сита? — Брай смущенно попытался пригладить светлую шевелюру пятерней.

Интересно, в три пополуночи я должна желать доброго вечера? Доброй ночи звучит как-то неподходяще. В итоге просто улыбнулась и кивнула. И повернулась к мужу:

— Если сумеем остановиться где-то в скрытом месте, я наложу

«отвод глаз» и заклинание тишины на карету целиком... Только где? Выехать за городские ворота, чтобы завернуть в лес, — это долго?

Рейн задумался, фыркнул.

— Едем домой! — фыркнул второй раз, взглянув на открывшую рот меня, и пояснил: — Самое скрытое и близкое место — наш собственный каретный сарай.

Я с уважением посмотрела на умного мужа.

В порт мы приехали уже ближе к четырём утра. Незримые и неслышимые. Причём со вторым я перемудрила. Наложила заклинание на карету с лошадьми — а пассажиры и кучер-Кирван попали под него тоже. Тут-то и выяснилось, что заклинание тишины работает почему-то для каждого объекта отдельно. Мне осталось только виновато молча развести руками. Муж покачал головой. Брайт беззвучно хихикал. Что делал Кирван, которому теперь было не сказать ни «прру!» ни «но!» — не знаю. Наверное, объяснялся с лошадьми жестами.

В общем, мы куда-то прикатили и встали в кромешной мгле. Мужчины вышли, я осталась. Хотелось пройтись по пристани, посмотреть на огни кораблей, послушать, как поскрипывает оснастка... но как-нибудь потом, Сейчас мы тут не для забавы, так что сижу смирно.

Сидеть пришлось долго, очень долго. Часа два. Уже пополз предрассветный холодный туман, я, невзирая на платье и плащ, продрогла. И жутко хотелось спать. Время от времени я прикасалась к медальону, связывающему меня с Рейном. Наконец дверца экипажа распахнулась. Мужчины забрались в карету. Рейн потёр замерзшие руки, поправил мокрую полу плаща и стукнул в стенку три раза, подавая сигнал кучеру — мол, можно трогаться. Ясное дело, Кирван его не услышал. Муж грустно вздохнул и полез наружу...

Заклинание тишины закончилось по дороге, прервав одинокую пьяную песню бредущего из трактира забулдыги.

Я аж подпрыгнула — неожиданный звон подков по мостовой просто ударил по ушам.

Снаружи кто-то громко выругался. А потом, через пару секунд, снова. Что-то насчёт призраков, «пить меньше надо» и одного из городского мифов — чёрного катафалка.

Рейн фыркнул.

Я попыталась представить, как посторонние воспринимают стук копыт и скрип колёс невидимой кареты, и поняла — вот так и рождаются легенды!

Глава 8

О вкусах не спорят: из-за вкусов бранятся, скандалят и ругаются.

Г. К Честертон

На следующее утро мы проспали завтрак.

Дрыхли бы и дальше, но Рейн сказал, что поедет во дворец, лично дождится Риналдо, а то тот посетит нас сам. Я зевнула и кивнула: да, ежедневные монаршие визиты в дом — это перебор.

Вернулся Рейн к обеду. Но ни поесть, ни расспросить его, как дела, я не успела — привезли собак. Мы поспешили в прихожую.

Хват и Рвач, скуля от нетерпенья, царапали когтями мраморный пол передней и рвались со сворки. Крепкий мужчина, приведший псов, едва удерживал их на месте. А причина собачьего энтузиазма, сидя на подоконнике, вылизывала лапку и лукаво щурила зелёные глазищи. Будто бы она тут и ни при чём.

Вот как эта хитрюга успела раньше нас?

Ссэннесс взглянула на меня, встопорщила усы, легко спрыгнула на пол и, гордо задрав хвост, двинулась к собакам. Я прислушалась — мне кажется, или ларра что-то то ли урчит, то ли бурчит, то ли поёт? И, похоже, волкодавы слышат! Морда Рвача приняла умильно-щенячье выражение, пёс тявкнул и бешено завилял куцым хвостом. Хват, разом растеряв всю свирепость, вывалил из пасти розовый ломоть языка... сейчас слюнями начнёт капать от избытка чувств.

— Ссобаки хорошишие, — обернулась ко мне Ссэннесс.

Ну да, просто чудо — прекрасное и зубастое!

Похоже, у нашей пары волкодавов завелась кошка-мама...

Ссэннесс подошла к собакам. Легонько шлётнула по носу лапой сунувшегося к ней Рвача. Тот заскулил и плюхнулся на зад, продолжая вилять хвостом.

— Отстёгивайте сворку, — скомандовал Рейн. — Дальше мы сами. И задержитесь, думаю, вы заслужили премию — псы в прекрасной форме.

— Рад служить, — кивнул мужчина. — Да, я два раза в день, утром и вечером, не по жаре, давал им бежать за каретой. Так они и спали лучше, и если отменно, и мышцы нагуляли.

Пока Рейн представил и дал обнюхать псам Кирвана, Катарину и Винту, обед слегка подостыл, но всё равно отбивные Катарины были божественны. Я так пока не умею.

Заботу о волкодавах взял на себя Кирван. И добавил, что с собаками в доме будет спокойнее. Меня это чуть напрягло. Ведь Тариста — тихое законопослушное государство. И если чутье бывшего телохранителя говорит, что рядом бродит беда, значит, и впрямь нам что-то грозит...

Беспокойство вылилось в очередной всплеск повышенной активности. Я обошла все окна и двери в доме, накладывая заклинания, мешающие другим магам открыть замки волшебством. Ну, от какого-нибудь Меарбуса нас это, может, и не спасло бы, но даже учителю пришлось бы выворачиваться — при моей новой силе в семнадцать локтей в лоб он меня бы не перебодал.

Винта, прицепившаяся ко мне хвостом, внимательно таращилась на то, что я творю. А после десятого повторения одних и тех же слов начала их проговаривать со мной. Пусть, не вредно.

Пользуясь случаем, спросила, прочла ли она про ауры. К моему изумлению, Мышка выпрямилась, стиснула кулаки, наморщила лоб и начала барабанить текст из учебника почти слово в слово. О как! Ну, хорошо...

— Молодец! Как у меня будет время, потренируемся на людях. А вечером покажу тебе... — задумалась, что бы показать для начала? Надо что-то полезное, но для окружающих безопасное. — ...Покажу, как делать светлячок. Начнёшь тренироваться.

— А я хочу замки без ключа открывать. И резать без ножа! Можно?

Посмотрела на Винту. Не похоже, что та решила податься в бандитки, — в Таристе наочных визитах в дома мирных граждан карьеры не сделаешь. Скорее, это говорят отголоски старых страхов. Девочка хочет быть уверена, что, если вдруг прошлое вернётся, она не будет беззащитна. И сумеет сбежать или даже отиться.

— Можно. Даешь мне слово никогда не использовать магию во вред людям, и я научу.

— Хорошо, — кивнула Винта светлой головой. — Обещаю, клянусь памятью о маме, никогда не использовать магию во вред хорошим людям.

Вот так. Дала клятву, которую наверняка выполнит. Но с оговоркой... Принять или нет? Задумалась — а если бы тот же Андреас попробовал навредить Рейну или Соль, я бы что, сидела, сложив руки? Ничего подобного! Сначала б надавала экс-гаду по хваталкам за неуместные

инициативы, а в качестве урока ещё б и лысым оставила!

Но если так, имею ли я права требовать безоговорочного пацифизма от Мышки? Думаю, нет. И она в данном случае оказалась мудрее и честнее меня.

— Принимаю. — Поймала взгляд девочки. — Если выйдет светлячок, покажу, как отпирать замки и как создать воздушное лезвие. Параллельно будешь делать упражнения на концентрацию и учить магический язык.

Мышка радостно закивала.

— Но от чистописания тебя это не освобождает, — припечатала я.

* * *

Риналдо нас всё-таки посетил. И не он один...

Похоже, наш визит во дворец запустил то, что учитель называл цепочкой домино, когда одна упавшая костяшка роняет следующую, и следующую, и ещё...

Сначала на нас посыпалось письма, визитки и приглашения на различные мероприятия — званые и музыкальные вечера, обеды, балы, праздники всех масштабов.

— Вот не думала, — нервно хихикнула я, — что начальник Тайного сыска так популярен у жителей страны!

— Раньше было намного спокойнее, — отозвался Рейн, перебирающий груду разноцветных конвертов на серебряном подносе. — Это Риналдо нам подсуропил той публичной беседой. Показал, что благоволит... и вот, пожалуйста!

— А у тебя секретаря нет? Как Винарт у Лена? — поинтересовалась я.
Муж отчего-то помрачнел. И ответил очень коротко:

— Был. — Качнул головой: — Не спрашивай. Как-нибудь потом расскажу.

М-да. Либо убит, либо предал. Плохо что так, что эдак.

— Прибавь жалованье Кирвану, и пусть хоть просматривает корреспонденцию. Отвечать на все письма надо? — вздохнула я. Ежу понятно, что если писать вежливые ответы на каждое, работать будет некогда — только и будешь вензеля вырисовывать с утра до ночи.

— Желательно. Единственno, если пару недель будем всем корректно отказывать, есть надежда, что от нас отстанут. — Рейн уставился на синий конверт в руке и помрачнел.

— Что там? Надеюсь, не приглашение на охоту на джейраков? —

слегка нервно осведомилась я.

— Угадала, именно туда. От кузена Тулайна.

Я округлившиими глазами уставилась на Рейна.

— Нет, ехать я не собираюсь, — фыркнул муж. — И не факт, что это — подготовка к покушению. Тулайн годами общается в таком стиле с окружающими. Ну, разумеется, исключая Риналдо. Но пригласить человека именно на ту охоту, где погибла его мать, такое для нашего друга восточных кровей — вроде изысканной шутки.

Я почувствовала, как сами собой сжались кулаки. Не знаю, метит ли Тулайн на трон Таристы, но сволочь он первостатейная! Подойдя к мужу, обняла и прижалась к груди. Я же вижу, что ему больно. Есть раны, которые открываются снова и снова...

— Сита моя...

— Твоя, — улыбнулась я. — И к этим дурацким джейракам меня сам Риналдо за волосы не вытащит!

Письмами дело не закончилось.

Риналдо нас таки ж посетил. Сообщил, что «Резвая шалунья» отплыла с утренним приливом, клипер отправился вслед, и пока оба корабля движутся на северо-запад. Рейн поинтересовался, что посоветовал королю Меарбус, но Риналдо от ответа ушёл. Сказал коротко, что «консилиум был полезен», и всё. Потоптался, посмотрел на наших собак, собаки порычали на короля. Ларра не появилась. Возможно, Ссэнасс чувствовала моё настроение, а я, как и рекомендовал муж, была застёгнута на все пуговицы и настороже.

Когда монарх отбыл восвояси, я поинтересовалась у Рейна:

— Фаворитка у него сейчас есть?

— Есть, но так, не для души, а для забавы.

Передёрнула плечами. Мило. Но лучше держаться от таких забав подальше.

Следующей у нас побывала Сейбретт. Причём не одна, а вместе с мужем, ньером Мурано. Правда, сына они не привезли. Зато говорили о нём охотно, явно гордясь Филинором, какой тот умница, как в свои пять лет читает и скачет на пони! Сейбретт захотела посмотреть на мою малышку, и я не смогла отказать. Вообще, королевская сестра нравилась мне намного больше самого короля — я уже поняла, что она не злая, любит смеяться и — что важно — не наслаждается, командуя или унижая других. С Сейбретт было легко. И, как ни странно, чем-то она мне напомнила Вильку.

Мы попили чай с крошечными фруктовыми бисквитами, обсудили выгодность и риски вложения денег в новые торговые маршруты, поболтали о новой моде на шляпки и забавные тупоносые туфли. Сейбретт обещала меня отвезти к своему портному, который творит с ньерами чудеса. Чудес мне последнее время хватало и без портных, но всё же я бросила взгляд на Рейна — тот коротко кивнул. Я также покладисто закивала и поблагодарила.

Потом мы показали собак и объяснили, что мимо них не пройдёт даже маг под покровом невидимости. Рычанию и покусанию незримость не помеха, да!

Когда чета отбыла, выяснилось, что ларра тоже не дремала. Ссэнасс умудрилась выкатиться под ноги ньеру Мурано, когда тот шёл по коридору... гм-м... по некой надобности, и ньер на неё чуть не наступил. А вот Сейбретт, наоборот, попыталась подманить мерцающую зелёными глазами из-под банкетки «кошку». А попутно сообщила, что дома у них живут целых три и она их обожает!

Выходило, что у Сейбретт тоже есть магия. Какого уровня — это отдельный вопрос. И мы с Рейном были практически уверены, что к заговору семья сестры короля не причастна. И на том спасибо!

К моему облегчению, Рейн сказал, что остальных принимать не обязательно. Да, среди них есть хорошие люди... но общение и светскую жизнь смело можно отложить на потом. И велел Кирвану сообщать прибывшим с визитом, что хозяин уехал по делам. А ещё, что по его, ньера Раиндэлла, личному распоряжению ньера Алессита не принимает никого в отсутствие мужа.

Я кивнула. Может быть, не слишком вежливо, но сейчас не до праздных посещений и незваных гостей, — мы завалены работой. И её цель — найти рвущегося к власти кровопийцу прежде, чем тот доберётся до нас, убьёт короля и маленького пятилетнего мальчика по имени Филинор, который любит сказку о спящей красавице и скачет по зелёной лужайке на белом пони...

Впрочем, нам всё-таки пришлось принять «кузена Тулайна». Тот заехал буквально на пять минут, помешав нам обедать. Причём не один. Осчастливившего нас визитом третьего наследника престола сопровождала некая ньера Риалла — обвшанная бриллиантами, юная, прекрасно одетая рыжеволосая особа, с которой Тулайн обращался бесцеремоннее, чем псарь с собаками. Разве что «к ноге!» не командовал. Зато два раза грубо перебил, фактически заткнув рот. Сказать кому-то прилюдно: «Твоего мнения никто

не спрашивает!» — право, это грубо! От приглашения разделить трапезу высокий гость отказался. И вообще, я так и не поняла, что он у нас потерял. Обменялся несколькими общими фразами с Рейном, прищурился чёрными, ничего не выражавшими глазами на меня. Моё участие в беседе свелось к двум реверансам — в начале визита и в его конце. Интересно, что ларра показаться не захотела. Но когда Кирван захлопнул за отбывшим гостем входную дверь, Ссэннесс вылезла из дивана, где, оказывается, пряталась, и прошипела:

— Сссвой! Не нравитссся!

Я была с ней согласна.

Вот только Ссэннесс не смогла объяснить, почему не стала проверять, увидит ли её Тулайн. Похоже, иногда ларры, как и люди, делают что-то не из разумных соображений, а по наитию.

Но значит ли это, что Тулайн может оказаться тем, кого мы ищем?

Только зачем ему было убивать тех, кто шёл в очереди престолонаследия за ним?

Непонятно.

* * *

— Смотри, Сита. Мы вычислили трёх нечистых на руку таможенников в порту, да? Обрати внимание, что никто из них не занимал свою должность больше трёх лет. А приказы о назначении двоих подписал один и тот же ньер, которого раньше в нашей схеме не было... — Рейн уставился на меня в ожидании реакции.

И что я должна сказать?

— А как этот ньер Марлин сам получил свой пост второго заместителя таможни Лореции? И давно ли? Кто его назначил?

— Знаешь, составлю я отдельный список всех рыб покрупнее... Сначала расспрошу лично Ринаaldo — может, подскажет, кто именно их рекомендовал. А потом таки ж придётся начать допрашивать заключённых. Боюсь, в бумажках нам больше ничего судьбоносного не нарыть...

— А если предположить, что это — Тулайн, посмотреть на его ближайшее окружение и прикинуть, насколько оно состыкуется с нашей схемой?

— Сложность в том, что все тут — хоть по касательной — знают всех, — вздохнул Рейн, присаживаясь на ручку моего кресла. Посмотрел сверху вниз, не в глаза, а в вырез платья. И поинтересовался: — Не хочешь

сделать перерыв? — и, не дожидаясь ответа, встал и вытянул из кресла меня. Подхватил на руки и понёс в спальню.

Начинал обычно Рейн с нежных поцелуев, с поглаживаний кончиками пальцев моего лица и плеч, с того, что сам расплетал и распускал мои волосы... Потом переходил к раздеванию, успевая в процессе наговорить множество незаслуженных, но безумно приятных вещей...

В результате я оказывалась нагой на спине, или на боку, или верхом на нём, или, вот как сейчас, ничком с подушкой под животом. Раньше я и представить себе не могла, что есть столько способов — в книгах о таком почему-то не пишут, а Андреас был прост, как падающий на голову кирпич... Интересно, как назывался тот предмет в военном училище? «Ньeroобольщение» или «ньeroублажение»? И как называли его учащиеся?

Волосы Рейна защекотали мне спину. Муж наклонился, легко прикусил мне плечо, а потом ударил бёдрами. Я вскрикнула. Мысли стайкой вспугнутых скворцов разом вылетели из головы...

Потом мы лежали рядом, обнявшись, сплетя пальцы рук.

— Рейн...

— Да, светлая моя?

Я хлюпнула носом. Откуда он такие слова берёт?

— Эх, если б не готовящийся переворот, увёз бы тебя подальше и на подольше, как Ингварр советует... Ходила б ты у меня не в платье, а замотанная в шкуру — чтоб легче было разматывать. Но придётся вставать. Давай прикинем, кого нужно допросить и какие именно вопросы задать?

— Подожди, — попросила я. — Повернись спиной, я на тебя посмотрю!

День за днём я следила, как тает синева на мужниной спине. Сейчас оставалось уже совсем немного, меньше, чем у меня перед выездом из Сафрины... Скоро мы всё узнаем. Кстати, я попросила Рейна, как появится время, перерисовать из гrimuara ньеры Иоланды заклинание, устанавливающее кровную связь. После встречи с экс-гадом во дворце я много думала об этом и решила, что для нас всех так будет лучше. Соль заслуживает настоящего — любящего, заботливого, надёжного — отца. И шанса получить ум моего мужа. А Рейн заслужил дочь. А ещё не хочу, чтобы когда-нибудь в будущем у Андреаса был повод влезть в жизнь Сонеали, сломав её и испортив, как он чуть не сломал и не испортил мою.

И, кстати, тогда Соль, когда вырастет, сможет сама читать книги моей свекрови.

Тоже плюс.

Следующее утро началось с потрясения.

В плохом смысле слова.

Рейна по амулету связи вызвал Ринаaldo. Срочно. Причиной послужило известие, что «кузен Тулайн найден у себя в спальне мёртвым».

— Я еду с тобой!

— Сита, нет! Это не нужно и вдобавок опасно. Кроме того, ньерам нечего делать на месте преступления.

Непроизнесённое «особенно когда место преступления — чужая спальня» повисло в воздухе.

— Рейн! — я сузила глаза. — Я не просто твоя жена и ньера, я — маг. Сильный маг. И если там что-то нечисто с магической точки зрения, я смогу это понять. Но, пока мы с тобой тут спорим, время уходит и следы развеиваются.

— Сита!

— Свяжись с Ринаaldo. Давай мы оба придём под покровом «отвода глаз». Это безопасно.

М-да, кажется, я попрала все правила приличия...

Покосилась на мужа. Тот вздохнул и качнул головой. Понять, о чём он думает, было легко — Рейн жалел, что поддался на уговоры и взял меня с собой.

Мы, невидимые остальным, стояли в спальне Тулайна. Сам хозяин лежал на огромной кровати, прикрытый только куском простыни поперёк бёдер. И умер третий наследник престола Таристы явно не от благопристойного сердечного приступа: всё вокруг — бельё, стойки кровати, стена, даже балдахин — было забрызгано, залито, заляпано кровью. В грудь и живот Тулайна раз пятнадцать ткнули кинжалом.

Я слглотнула и отвела глаза. Хорошо, что поесть не успели.

Труп Тулайна был в спальне не единственным — на ковре рядом с туалетным столиком сломанной куклой лежала рыжеволосая Риалла с перерезанным горлом. Правая рука девушки была бессильно откинута в сторону, рядом с раскрытым ладонью валялся заляпанный кровью кинжал с чёрной роговой рукоятью. На Риалле не было ничего, кроме непонятной сбруи из кожаных ремней, пропитанных кровью чёрных чулок и бурой корки уже подсохшей крови. Вид жуткий...

Рейн, аккуратно переступив через угол набухшего от крови ковра, потянулся к белому листку на столике. Прочёл, качнул головой, протянул лист мне.

«Он меня не отпустит. Но я больше не могу, не могу, не могу выносить этого!

Простите меня, простите, простите!»

Буквы кривились, прыгали, строчки загибались вниз. На нижней кромке листа остался кровавый отпечаток — след большого пальца. Подписи не было.

Я попробовала сосредоточиться, пытаясь представить, что здесь произошло. Выходит, он её мучил и не позволял уйти. Она дождалась, пока Тулайн уснёт, — и решилась. Сначала отомстила ему за боль и унижения, истыкав ножом. А потом, поняв, что натворила, написала эту записку и покончила с собой.

Качнула головой. Что-то мне во всём этом не нравилось... Я видела ньеру Риаллу лишь однажды, но это было всего пару дней назад, и она не показалась мне настолько забитой и удручённой. Наоборот, я запомнила оценивающий взгляд, которым рыжеволосая пассия Тулайна оглядела меня, сравнивая моё скромное домашнее платье со своим блестящим нарядом, мои серебряные серьги — со своим бриллиантовым гарнитуром. И её порозовевшие щеки и улыбку удовлетворённого тщеславия: «Я — лучше!»

Такие вымогают нервы всем вокруг, но себя убивать не станут.

И ёщё: у нас дома она не сторонилась Тулайна, наоборот, довольно висла у того на руке. Те, кому кто-то физически противен, так себя не ведут.

Наконец, не могу представить себе ньеры, которая перерезала бы себе при самоубийстве горло. Даже если это физически не сложно, девушки всегда думают, как они будут выглядеть. В том числе и после смерти. Риалла же выглядела жутко — изуродованная, голышом, в корке запекшейся крови. Ньеры такого не делают.

— Не веришь? — покосился на меня Рейн.

— Сомневаюсь, — кивнула я.

— А почему? — поинтересовался муж.

Изложила свои соображения. Рейн качнул головой.

— А вот я заметил кое-что другое. Вспомни, как она разглядывала у нас статуэтку льва с камином. А потом попросила глоток лимонада...

Я задумалась. Посмотрела на лежащую на ковре с разметавшимися волосами рыжую, на откинутую белую руку и чёрный нож рядом...

— Статуэтку и стакан она брала левой рукой. А кинжал почему-то взяла в правую!

— Верно, — кивнул Рейн. — И на записке отпечатков маловато. Если она писала её после того, как убила любовника, крови должно быть

намного больше. Если до того — не должно быть вообще. — Шагнул к кровати, склонился над трупом. — Тело лежит на спине. Били сверху, видно по направлению порезов. И большинство ударов пришлись на левую половину тела. Вывод — поработал правша. — Озабоченно посмотрел на меня: — Сита, ты белая как бумага. Тебе плохо?

Да нет, ничего... Покойников, в том числе и производства моего мужа, я уже видела. А этих двоих почти не знала... Точнее, знала ровно настолько, чтобы понять, что ближе и знакомиться не хочу. Вот только от запаха крови почему-то мутит. Слишком её тут много...

— Рейн, давай я посмотрю на всё магическим зрением, а потом сяду где-нибудь в уголочке и подожду тебя, хорошо?

Муж кивнул.

Я внимательно начала осматривать комнату, концентрируя внимание на кровати, теле на ней, отдельных предметах. Странно, зачем в спальне нужен чёрный кожаный хлыст? А наручники? На прикроватной тумбочке стояли несколько склянок и банок — я их внимательно, но не прикасаясь, осмотрела. Содержимое мне не понравилось, но опасным оно не было и следов магии не несло.

Повезло мне, когда я, подобрав повыше подол, чтобы не запачкать кровью, подошла к телу Риаллы. Над её головой мерцали остатки магии... и этого заклинания я не знала.

Глава 9

Как бы ни была женщина счастлива замужем, она всегда с удовольствием замечает, что есть на свете мужчины, которые хотели бы видеть ее незамужней.

Г. Л. Менкен

Вернувшись домой, я первым делом кинулась переодеваться. Платье — чистить и проветривать. Туфли — мыть. Чтобы никаких следов, никакого запаха... бrr!

Босой Рейн — сапоги муж оставил в прихожей — тоже отправился в гардеробную. А выйдя оттуда, сообщил:

— Как только мы ушли, Риналдо позвал Меарбуса, благо, тот пока в столице. Тайно, тоже под защитой «отвода глаз».

Замолчал и уставился на меня.

Ну, что молчит-то? Что узрела легенда Таристы?

— От заклинания мало что осталось. — Рейн сделал паузу. — Сита, то, что я сейчас скажу, — тайна...

Я кивнула. Одной больше, одной меньше...

— ...Меарбус считает, что кто-то пытался использовать на женщине заклинание принуждения. Что записку написала она. Вот только силы мага не хватило, чтобы заставить её убить. Это сделал кто-то другой. Сначала заколол спящего Тулайна, потом перерезал глотку Риалле. И попытался обставить всё так, будто она во всём и виновата.

Я сглотнула. Ещё один убитый Райнесан. И да, теперь сомнений не оставалось — в заговоре замешан маг.

— Риналдо проникся. Дворец сейчас похож на псарню — собаки во всех коридорах, у лестниц, в королевской спальне и в тронном зале. Дом Сейбретт тоже охраняют волкодавы.

— Рейн, что делать будем?

— Что-что? Что сможем, то и будем, — фыркнул муж. — Как закончим со списком подозреваемых — приступим к допросам.

— А из банка известий нет?

— Есть, только не такие, как ожидалось. Счет оказался на предъявителя. Там лежит больше миллиона соленов — деньги стекались изо всех пяти портов.

Я задохнулась, пытаясь представить себя эту сумму... В голову не лезет! Это сколько веков надо работать за сорок серебрушек в неделю, чтобы вышла вот такая гора золота?

— И что будет с этим вкладом?

— Время от времени деньги снимались, но в относительно небольших количествах — по двадцать-тридцать тысяч за раз, — невозмутимо продолжил Рейн. — Сейчас счёт — единогласным решением гильдий корабелов, торговцев, страховщиков — арестован. Теперь подождём — посмотрим, кто начнёт возмущаться...

А есть у нас время ждать?

Вспомнила, как сегодня посреди ночи нас разбудило рычание собак. Что встревожило псов, мы так и не поняли. Но вряд ли то просто кошка пробежала... После я долго не могла заснуть снова. И, может быть, из-за тревоги под утро мне снова приснился окровавленный топор, всаженный в спинку красного кресла.

После обеда муж вызвал Брая, и они вдвоём отправились в королевские темницы — учинять допрос. Меня не взяли — Рейн сказал, что ауры и без меня разглядит, а его жене в тюрьме не место. Единственное, что я отспорила, — наложила на мужа «отвод глаз». Чтоб призывно не маячил, где не надо. А общается с Браем пусть как с королём — через амулет. Этому отвод глаз не помеха. Да, кстати, надо бы заровать наши с Рейном медальоны, чтобы тоже можно было разговаривать. Потом поищу заклинание.

Вздохнув, улеглась кверху попой на кровать и в очередной раз стала листать семейные гримуары — то, что в учебниках нет ни слова о ментальной магии, я знала наверняка. Но, выходит, сама ментальная магия есть. Хоть и под запретом. Во избежание. И я хорошо понимала почему. Дай Андреасу в руки такую дубинку, и тот — если силёнок и умения хватит — такого понаворотит! Ведь соблазн — поправить, повлиять, склонить в свою пользу — почти непреодолим. А на что способна Орсетта? Да и я сама — например, будь у меня средство уговорить без ссоры и спора Рейна взять меня с собой... Хотя нет. Использовать магию на любимом человеке, не предупредив его, — это обман. Даже хуже — предательство. Я бы не стала... А вот промыть мозги Андреасу, чтобы у того и мысли не возникло беспокоить меня или дочку, — такое бы запросто.

М-да. И кто я после этого?

Перевернула очередную страницу. Ни-че-го.

Нехорошо. Получается, что вместе с водой из таза выплеснули

ребёнка.

Досекретничались, так сказать. Кто-то умеет брать под контроль людей, а противопоставить нам нечего. Ну, если только Меарбус поможет... этот, небось, и не на такое способен. И в письме у учителя не спросишь — тут явно тема для приватной беседы за закрытыми дверями, а не для экзерсисов от эпистолярного жанра.

Искупав Соль, запустила её ползать в манеж, а сама снова взялась за чтение.

Потом уложила дочку спать и спустилась вниз, посмотреть, чем занята Винта. Оказалось, та уже не только выучила слова и жесты для создания магического огонька, но и с переменным успехом начала тренироваться. Я похвалила, напомнила, чтобы не переутомлялась, — а то можно себя пережечь, и написала на бумажке заговор, открывающий простые замки. Мышка вцепилась в бумажку клещом...

Рейна всё не было. Как давно он ушёл — три часа назад? Или четыре? Тогда «отвод глаз» уже не работает, нехорошо.

Когда наконец хлопнула уличная дверь, а потом послушались уверенные шаги, я подскочила со стула. Выглянула в казавшийся сумрачным после светлой комнаты коридор, бросилась навстречу высокой фигуре в тёмном... и осеклась. Ринаaldo, чтоб его!

Позади короля возник разводящий руками Кирван, мол, а что я мог поделать? Монарх — не тот визитёр, которого назад развернёшь и учтиво вдаль пошлёшь...

Я сжала зубы и присела в реверансе, склонив голову, чтобы скрыть выражение лица, пока не возьму себя в руки.

— Кузина Сита, не кланяйтесь. Достаточно простого «добрый день, кузен!». Я заехал узнать, как дела, и рассказать о новостях.

— Проходите, кузен Ринаaldo, — распахнула я дверь в гостиную, вежливо улыбаясь и думая о том, как замечательно, что у меня вошло в привычку закалывать волосы, не успела я подняться утром с постели.

Представила Винту, в нескольких словах рассказала её историю. Король покивал, милостиво посмотрел на застывшую по стойке смирно рядом со столом Мышку. Потом взглянул на тетрадь на столе. Взгляд стал острым, заинтересованным.

— Девочка имеет способности к магии? Сколько ей лет — девять?

— Мне скоро двенадцать. — Мышка уставилась на Ринаaldo серыми глазищами.

Кажется, Ринаaldo Мышкина смелость понравилась. Он прищёлкнул

языком и поинтересовался, что юная ньера Арвинта уже умеет? И какова у неё сила Дара?

Мышка замялась. Я перевела огонь на себя, сказав, что занимаемся мы всего две недели, но девочка освоила уже два заклинания. А силу мы пока не измеряли...

— Померяйте, — назидательно произнёс Риналдо.

Вздохнула. Придётся мерить... вот делать нам больше нечего. Ей же ещё расти и расти! Ладно, «столп огня» — заклинание простое, справимся.

— Кстати, я не спрашивал, а какой силы, кузина Сита, вы сами?

Вот зачем ему это знать, а? Сам, что ни спросишь, — от ответа увиливает. Ну и я скажу правду... только не всю.

— На выпускных экзаменах я показала десять с половиной локтей.

— О!

Риналдо задумчиво огладил подбородок. Потом взглянул на Мышку:

— Иди поиграй.

Та поняла верно и, схватив тетрадку, ретировалась из комнаты.

Чудесно. Что дальше? Предложила «кузену» прохладительные напитки и пирожные. Риналдо отказался. Зато капитально уселся в большое кресло. И заявил:

— Я уже понял, что пришёл несколько не вовремя. Не возражаете, если мы вместе подождём возвращения Рейна?

Интересно, если я возражу, что-то изменится?

— А пока поговорим... — прищурился Риналдо, игнорируя мою немногословность.

— Мастер Меарбус рассказал что-нибудь важное? — вежливо задала я интересовавший меня вопрос.

Риналдо поймал мой взгляд. Чуть усмехнулся, подняв бровь.

— Кузина, вы уже поняли, что главная ветвь рода Райнесан старается сохранить магию? Это — одна из причин, почему я ещё не женат.

Гм, это он к чему? Я вроде совсем о другом спрашивала. И нам сейчас не до сохранения магии. Нам бы сохранить саму эту главную ветвь, которую кто-то очень успешно подгрызает, подтачивает и укорачивает.

— Вы очень мило выглядите, когда удивляетесь. Кстати, ваш первый супруг пообещал в скором времени предоставить рекомендации из Виэнии.

Я не слишком вежливо скептически хмыкнула.

— Как предоставит — покажу вам, — хмыкнул в ответ Риналдо.

Сейчас мне казалось, что Риналдо совсем не похож на Рейна. Рейн был всегда со мной прям и честен. А этот... казалось, королю нравится играть с людьми, как коту с мышью. Мелькнула совсем неуместная мысль: а хлыст в

спальне он случайно не держит?

Риналдо, словно прочёл мои отнюдь не верноподданческие мысли, склонил темноволосую голову набок. Карие глаза сузились:

— К настоящему моменту, ньера, я знаю о вас *всё*.

Тон был многозначительным.

А вот не поддамся! Пожала плечами:

— Значит, нас таких уже четверо.

— Четверо?

— Ну да. Вы, я, Рейн и ларра. От Ссэнасс и захочешь что-то скрыть, да не выйдет! — постаралась я обернуть всё в шутку.

Упомянутая Ссэнасс на шести лапах, как по заказу, выплыла из-за дивана.

— Сссоль ссспит...

— Добрый день, ньера Ссэнасс, — искренне обрадовался Риналдо. Тон был совершенно другим.

Ну вот, почти человеком стал. Всё, что нужно каждому королю, — личная ларра. Чтоб не забывался и не заигрывался.

Король снова перевёл взгляд на меня:

— А что вы читаете?

— Гrimuar пррабушки, пытаюсь понять, что и как сотворили с Риаллой.

— О! Пррабушку, кажется, звали, как и вашу дочь, Сонеали? И у неё, если не ошибаюсь, было пятнадцать локтей? Не дадите взглянуть на дневник?

Я нервно передёрнула плечами — ведь и в самом деле справки навёл! — и протянула королю тетрадь. Пусть смотрит. Не жалко...

Риналдо меня удивил. Открывать не стал, похоже, знал, что страницы будут для него пусты. А взвесил на ладони:

— Ого! Тяжёлая! — и уставился на меня: — Кузина! У меня есть для вас предложение. — Выдержал паузу, добиваясь моего полного внимания: — Не желаете поработать придворным магом?

Я захлопала глазами. Опять с экс-супругом стравливает? Ещё не наигрался?

— Благодарю за лестное предложение, кузен Риналдо, но, боюсь, не могу дать положительного ответа. Не забывайте, что я окончила семинарию совсем недавно, а для такой важной должности нужно иметь не только силу, но и опыт, и знания. Мне ещё учиться и учиться. Это первое. Второе — я замужем, и без согласия супруга, не обсудив с ним, принимать такие важные решения не могу. И, наконец, у меня грудная дочь. Почему бы вам

не предложить этот почётный пост Меарбусу?

— Он не хочет, — поморщился Ринаaldo. — Помогает, но постоянная служба его не интересует.

Понимаю. Меня тоже, при наличии выбора, сильнее прельщала бы аспирантура, а не танцы при Дворе. Кроме того, возникло ощущение, что предложение имеет непонятную подоплёку. То ли очередное испытание, то ли вовсе неведомо что... Вернётся Рейн, спрошу у него.

— А ещё не всё так просто, — Ринаaldo вздохнул. — Мне нужен учитель. И не разовый консультант, как Меарбус, а кто-то, кто сам учился не триста лет назад и стал бы заниматься со мной ежедневно, вот как вы, кузина, занимаетесь с воспитанницей.

— Сколько у вас локтей? — поинтересовалась я.

— Возьмёtesь за преподавание — расскажу.

Гм. Кот в мешке, зато в короне. Оно мне надо? При том, что я сама ещё недоучка и должна учить Винту, Соль и мужа? Захотелось захихикать — может, не мелочиться и сразу открыть магическую школу?

— Я с удовольствием помогу всем, чем способна. Но, кузен Ринаaldo, повторю — у меня на руках младенец, которого шесть раз в день надо кормить, а кроме того играть, разговаривать, купать и так далее...

— Наймите кормилицу, как делают все знатные ньеры, — произнёс король, явно недовольный отказом.

Я уставилась на него. Он что, не знает?

— Кузен, магини кормят своих детей сами. Наше молоко содержит вещества, необходимые для закрепления магических способностей детей. — И, видя сомнение Ринаaldo, добавила: — Почитайте труды Сильвануса, он пишет о важности именно грудного вскармливания будущих магов.

Судя по виду короля, о Сильванусе тот слышал впервые.

На моё счастье, дверь хлопнула ещё раз, и появился Рейн.

Похоже, Кирван уже предупредил мужа о монаршем визите, и Рейн держался абсолютно невозмутимо. Только в позе чувствовалась лёгкая напряжённость. Присел на стул:

— Мы допросили шестерых. Назначения шли через Тулайна. Но то, что тот убит, доказывает, что сам Тулайн был лишь инструментом. Продавал вакансии за взятки. Надо копать дальше.

— Как? — выдохнула я.

— Посмотрим, — улыбнулся Рейн. — Скажу честно одно — скучать по ньери Тулайну я не стану, слишком много от того было проблем.

— Да, патриотом кузена Тулайна было не назвать, — кивнул

Риналдо. — Прижать как следует я его не мог — дипломатия, чтоб её. Но спорить могу, сейчас коррупция в стране разом уменьшится втрое.

Хм. Ничего себе эпитафии! Хотя я никогда не понимала принципа «о мёртвых хорошо или ничего». Можно подумать, будто смерть отменяет, списывает зло, причинённое окружающим. Если бы так!

Рейн, коротко извинившись, отправился переодеваться.

Я вежливо поинтересовалась, останется ли Риналдо с нами на ужин, но тот засобирался.

Проводив гостя, пошла к мужу.

— Рейн! Я волновалась...

— А я соскучился.

Меня обняли, заглянули в глаза, поцеловали... я не возражала. Сама запустила пальцы в его чёрные волосы, перебирая, гладя, лаская.

Наконец я отлипла от мужа:

— Рейн, давай вечером съездим к Браю! Я хочу защитить его дом магией.

— Думаю, мысль хорошая. Собак он, кстати, завёл. А что хотел Риналдо?

— О, много чего! — засмеялась я. — Сейчас перескажу разговор целиком, как запомнила. А ты мне объяснишь, какого фига ему от меня надо.

Рейн слушал очень внимательно. Лицо было серьезным:

— Чего-то в таком роде я и боялся. Полагаю, и предложение стать придворным магом, и обучать — предлоги, чтобы приблизить тебя и рассмотреть получше. А может, и не только рассмотреть...

— Рейн! Ты — его начальник Тайного сыска! А в стране — заговор! Надо быть сумасшедшим, чтобы в такой момент ссориться с тобой!

— Он не ссорится. Зондирует почву. И ты, и я были бы для него намного полезнее не парой, а по отдельности. И ещё он прав — найти подходящую жену для монарха — задача не из лёгких. А ты — благородного происхождения, из старинной тарисийской семьи, сильный маг, способный передать Дар детям, заведомо не бесплодна, хороша собой, умеешь вести себя в обществе и держать в руках, не честолюбива, абсолютно порядочна и с личной ларрой в приданом.

Это он серьёзно? Тариста — страна парадоксов! Можно не годиться в жены эмиссару, но стать достойной партией для монарха.

— Я вроде как уже замужем, — улыбнулась мужу. — А за него бы не пошла, даже если бы и не была...

— Да-а?

— Да.

— А почему? Меня ты любишь, а мы с ним похожи. Только я всего лишь эмиссар, а он — король.

— Ты честен, а ему нравится играть людьми...

— Повторю: он — король. И быть простаком и добряком не может по определению. А иногда в его обязанности входит использовать людей ради блага государства. При этом Риналдо не зол, не завистлив, порядочен, как только это возможно для монарха.

— Он может принудить нас к чему-то силой?

— Насколько я знаю Риналдо — нет. И насколько я знаю тебя — нет вдвойне, — улыбнулся муж. — А я повторю ему снова, что наш брак прочней, чем Кернейские скалы.

О стоящие в ведущем в Закатный океан проливе гранитные монолиты, называемые Кернейскими скалами, веками дробились шторма...

— Ну и ладно. Предлагаю, как завершится эта история, уехать на какое-то время в Виэнию.

— Не возражаю. Ну что, ужинаем, а потом едем к Браю?

Я засмеялась. Муж недоумённо на меня посмотрел.

— Подумала, что сказал бы Андреас, если б узнал, что король сам предложил мне вожделенный пост придворного мага...

— Ньерам таких слов знать не полагается! — фыркнул Рейн.

* * *

Пару дней было тихо. Расследование смерти Тулайна шло своим чередом, хотя было ясно, что мага, сотворившего в спальне кровавый кошмар, нам не отыскать. Поэтому официально списали всё на несчастный случай — отравление угарным газом от камина с забитым дымоходом. Видевших, что произошло на самом деле, было немного, и все держали языки за зубами.

Муж арестовал ньера Марлина и сразу отправил того в королевские темницы, поставив у камеры двух сторожей с собаками, чтобы чиновник гарантированно дожил до допроса.

Мышка терзала дверные замки. Трогать наружные двери и окна я ей запретила, и Винта под присмотром Катарины мучила двери кладовок, погреба и подвала. Дело шло неплохо.

Я записала для Мышки заклинание «столп огня». Объяснила, что практическая ценность у того близка к нулевой, а нужно оно для

измерений. И раз уж монарх пожелал узнать силу подрастающей подданной — придётся изучить. Посмотрим, что там у неё, — блин огня, тумбочка огня или что другое... В любом случае, пусть в голову не берёт — до восемнадцати-девятнадцати лет сила будет расти сама, а дальше её можно подкачать упражнениями.

Рейн выкроил время и скопировал для меня — перерисовал, как сумел — заклинание для установления кровной связи. Вариант для желающих стать отцом. Я пришла в ужас... Понятно, почему такого в учебниках нет. Начать с того, что от мужа требовались три полных стакана крови, в которых я должна была целиком вымазать Соль. Имелись и другие интересные подробности. Особенно неприятным было то, что Соль тоже предстояло поранить...

— Что делать, кровь от крови... — вздохнул Рейн.

— Спасибо, что не плоть от плоти, — отозвалась я. — Давай отложим это на потом? Сейчас тебе самому эти три стакана не лишние.

— Если что, наследство вам достанется так и эдак, — пожал плечами Рейн. — Так что и впрямь не к спеху.

Наследство! Вот нашёл, чем утешить! Всё же мужчины бывают такими дураками!

Самой счастливой была ларра, которая опять — кверху лапами, на спине — спала на собаке.

* * *

Прошло ещё несколько дней.

Мощность Мышки оказалась даже не в тумбочку, а в целый комод: два с лишним локтя в её возрасте — результат более чем достойный! Я похвалила девочку, попросила Катарину испечь торт и подарила Винте гримуар с синей шагреневой обложкой и серебряными уголками, велев записывать туда изученные заклинания. И объяснила, что тетрадь заколдована так, что никто, кроме самой Мышки и её кровных родственников, не увидит того, что там написано. Но если начнёт рисовать каля-маля, следующую тетрадь будет зачаровывать себе сама.

Нас опять навестил Риналдо. Он думает, что творит? Ведь поползут слухи! Хотя что я? Возможно, король и раньше часто бывал у своего эмиссара и родича. Сославшись на занятость с ребёнком, я осталась в своей комнате. Принимал короля Рейн. О чём они беседовали, не знаю, но

покинул нас монарх очень быстро.

Расследование ползло, виляя и тормозя, как пьяная змея. Арестованный ньер Марлин молчал, стиснув зубы. Рот он открыл лишь однажды, чтобы сообщить, что если распустит язык, то ему точно не жить. Но реакцию на вопросы Брая и наблюдавшего за беседой Рейна экс-чиновник скрыть не мог. И почему-то он занервничал, услышав имя Люциуса. Муж задумался...

Мы продолжали разбирать документы. Взяли на заметку ещё две шхуны — как те вернутся в Лорецию, арестуем. Я чувствовала, что не просто вошла во вкус, а появился настоящий азарт. Мне нравилось крутить, перебирать, играть в уме фактами, сращивать разорванные концы логических цепочек. Именно мне пришла в голову мысль сопоставить даты снятия денег с арестованного счета и назначения коррумпированных чиновников. Рейн сравнил... ага, коррелируют! Но не полностью... деньги явно шли на что-то ещё.

«Резвая шалунья» с клипером на хвосте наконец-то куда-то приплыли. Стрелка на нашем амулете больше не бледнела и не меняла направления. Я была горда — моё рукомесло сработало! Подробности мы узнали от капитана клипера через амулет связи.

Мы угадали почти точно — «Шалунья» прибыла к южному побережью одного из небольших княжеств — Алштарна. Но сами мы бы искали это место до скончания века... Вдоль берега тут были разбросаны сотни больших и малых поросших лесом островов, а под их прикрытием в море впадала текущая с северо-востока полноводная река Дайара. Устье дробилось на десятки проток, которые ветвились, петляли, путались. Заводить сюда корабль с большой осадкой, не зная точно, куда плывёшь, значило гарантированно сесть на мель. А обыскать реку со шлюпки не получалось — всё заросло тростником в шесть локтей высотой... Но амулет дал направление, и матросы с клипера аккуратно, кружным путём, на лёгком кожаном каноэ сплавали на разведку. И обнаружили целый город, прикрытый с суши большой горой. С гаванью, где стояли три корабля, собственной верфью, рядами складов у пристани и даже фортом с пушками. Риналдо велел клиперу отплыть куда подальше и ждать. И послал на подмогу целых четыре эскадры.

— Пиратскому гнезду конец, — лаконично резюмировал муж.
Ну и слава богам!

Меня беспокоило только одно — к главе заговора мы не приблизились ни на шаг...

Допросили всех слуг в доме Тулайна — никто ничего не видел. Побеседовали с его отцом, ньером Николло, — тот покачал головой, мол, рад бы помочь, да не могу. Допросы арестованных зашли в тупик. Зато абсолютно неожиданно отравился грибами один из личных помощников главы Гильдии торговцев. Может, и впрямь поганкой угостился, а может, слишком много знал.

— Как думаешь, есть вероятность, что он отступится? — спросила я вечером мужа, взбивая на постели подушку.

Кто «он» — объяснений не требовало.

— В обычных обстоятельствах я бы полагал, что такое возможно... Но ему помогает маг. Так что предсказывать не берусь.

Уже раздетый Рейн шагнул ко мне. Похоже, вторая подушка останется невзбитой...

На следующий день выяснилось, что нервничаем не мы одни. Курьер доставил из заморских краёв нотариально заверенное отречение от прав на престол судохода Гилтрамо. Мол, тот уже в возрасте и слишком любит путешествия и морской простор. Так что извините, полезным, если что, быть не могу. «Лучше останусь живым», — читалось между строк.

— Теперь Роландо с двухлетним сыном стали номерами три и четыре, — прокомментировал Рейн. — Как-то надо с этим делом разобраться побыстрее, а то мы уже шестые...

Роландо, судя по всему, тоже забеспокоился. И ночью вместе с семьёй свалил из Лореции в одно из поместий — укреплённый, как пограничная крепость, замок в горах.

— Боится или обеспечивает алиби? — поинтересовалась я.

— Кто знает... — пожал плечами муж. — Не хочешь прогуляться в Виэнию, к учителю?

В ответ я потянула его за волосы, заставив нагнуться, и укусила за ухо.

* * *

С утра пришло приглашение на бал во дворец. Повод был достаточно формален — очередной юбилей, в этот раз посвящённый пятисотлетию открытия королевских верфей в Лореции. Но внизу, под стандартным текстом, написанным затейливой синей вязью на золотистой бумаге, имелась строчка от руки: «Ньер Тинтари предоставил рекомендации. Приезжайте». Этакий стальной крючок долга, на который прицеплена

пикантная наживка из любопытства.

Рейн привычно фыркнул, а я сразу, чтобы не забыть, выбрала из пачки пару писем от учителя. Таких, чтоб с минимумом личных подробностей, — пригодятся, если придётся сличать почерк и подпись. Вообще, что-то Андреас совсем не соображает, что творит. Если до Виэнии пять дней на хороших лошадях, то туда-обратно — десять. Это если ньер Рассел согласится сразу отложить свои дела и заняться составлением потребных бумаг. Но это вряд ли... Так что по срокам экс-гаду следовало для правдоподобия обождать ещё хотя бы неделю.

— Чем чревата подделка бумаг? — поинтересовалась я у мужа.

— Подсунутых лично королю? — заломил бровь Рейн. — Колониями.

М-да. Какая я молодец, что вовремя ушла от Андреаса!

Поправила перед зеркалом причёску — её, кстати, помогла сотворить мне Винта. Оказалось, что та не солгала, то есть не преувеличила, — Мышка действительно умела начёсывать, заплетать, закалывать, завивать И делала она это, как и шила, очень аккуратно. Мне так понравился результат, что я прибавила Мышке серебряный солен в неделю. Та обрадовалась, будто ей подарили Согэру и личного пони с золотыми копытами. Кажется, я понимаю, что чувствует Рейн, выдавая мне сорок серебрушек в неделю. Муж продолжал это делать, я принимала — и благодарила. Это была уже игра, но такая увлекательная...

— Сита, ты прекрасна. Но о чём ты думаешь? — щёки розовые, глаза блестят... — поинтересовался муж.

Угу, так сейчас и скажу, о чём! А потом буду час снова причёсываться и оправлять мятую юбку. Пусть и не мечтает! Вот вернёмся — тогда...

Моё платье было пошито из тяжёлого муарового атласа цвета морской волны. Ворот и рукава обрамляло пышное белое, как пена на волнах, кружево. Морская тематика, да.

— Выглядишь великолепно, — улыбнулся муж, когда я закончила расправлять манжеты.

— Мне хочется надеть старинные серьги, те, которые ты подарил, серебряные. Как думаешь, подойдут?

— Я их тоже люблю, но советую — всё же ко Двору едем — взять сапфировый гарнитур.

Я кивнула. Вкус у Рейна был безупречным, а в моде и этикете он разбирался во сто крат лучше меня. Сам он выбрал белоснежную рубашку и камзол цвета морских глубин, на два тона темнее моего корсажа. И выглядел, по моему мнению, сногсшибательно.

Ладно, раз уклониться от бала нельзя — постараемся получить

удовольствие.

Глава 10

Не тратьте силы, возьмите молоток побольше!

Закон силы Энтони

Мне было хорошо, даже здорово. Общее праздничное настроение, музыка, волны цветочных запахов от расставленных всюду букетов, яркий свет жёлтых восковых свечей и магических светильников у потолка, блеск золота и хрусталя, сияние паркета, шелест шёлковых юбок и смех — я словно купалась в волнах радости, кружась с мужем в вальсе в центре зала.

— Видишь, не зря пошли, — улыбнулся Рейн.

— Не зря, — поймала я его взгляд.

— У тебя такой лукавый вид... Что ты задумала?

Признаваться в том, что у меня с той самой, первой ночи в Сотэре, мозги набекрень, я не собиралась. И не была уверена в том, что разумно каждый день по двадцать раз повторять мужу, что влюблена в него по уши. А вдруг ему надоест? Есть же мужчины, для которых главное в охоте не добыча, а погоня. А уж сами быть добычей эти ньеры совсем не любят... Я не думала, что Рейн таков. Но чистые характеры встречаются редко. Чаще это сложная смесь одного, другого, третьего... Иногда ты и сам не рад, что чувствуешь так или иначе, — а поделать с этим ничего не можешь. Пока не разберусь до конца — если разберусь, — как работает голова у моего мужа, постараюсь быть посдержаннее.

Так что сейчас я просто улыбнулась. Рейн поднял бровь и на последних тактах музыки крутанул меня под рукой. Ух ты!

Не успели мы отойти к стене, как к нам подбежал юный паж в синем с золотом — цветах Таристы. И сообщил, что должен проводить нас к королю. Переглянувшись, мы вздохнули — долг есть долг.

Нас привели не в рабочий кабинет Ринаaldo, а в другую комнату — тоже с большим, хотя и пустым, столом, несколькими креслами на тёмном ковре и ярко горящим камином. На столике у стены стоял поднос с высокими бокалами с каким-то напитком и блюдо с пирожными.

В комнате никого не было.

— Прошу вас подождать, — поклонился паж, отступая к дверям.

Интересно, а почему помещение не то? Наверное, Риналдо не хочет допускать Андреаса в святая святых — свой личный кабинет, и выбрал для беседы другое место.

— Присядь пока, — подвёл меня муж к креслу.

Я опустилась на сиденье из мягкого плюша и тут же облизнула губы. Удобно, только зачем так жарко натопили? И без того после танцев пить хочется... Хотя попить, наверное, можно. Это же не станет неучтивостью по отношению к Риналдо?

Рейн верно понял, куда я смотрю.

— Сейчас принесу.

Интересный вкус. Не просто лимонад — чувствуются нотки дыни и, кажется, имбиря. Но приятно и освежает. Допила бокал. Попросить, что ли, второй? Или чревато? Пока не дождёмся короля, в дамскую комнату не сбежишь. Так что, наверное, хватит. Покосилась на мужа — тот отпил из своего половину. Поставил на низкий столик рядом, подумал — и сделал ещё глоток.

Гм, и долго нам тут сидеть?

Рассматривать в комнате, если не считать пары вычурных хинейских ваз на каминной полке и нескольких потемневших от времени портретов бородатых малосимпатичных ньевров на стенах, было нечего. Я откинулась на спинку кресла — отдохну пока. Состояние было приятно-расслабленным, даже благодушно-сонным. Хотелось закрыть глаза. Казалось, я слышу стук своего сердца... Хотя всё же тут слишком жарко.

Прислушалась — звуки бала еле доносились через плотно прикрытую дверь в коридор. Зато чудилось, что в комнате рядом кто-то разговаривает. Только слов не разобрать.

— Вот и всё, — удовлетворённо произнёс незнакомый голос за моей спиной.

Я попыталась повернуть голову — и не смогла.

Не поняла — это что, меня так разморило? Чувство было похожим на то, как бывает в кошмарном сне, — хочешь убежать, а ноги не двигаются, липнут к земле; хочешь закричать — и не можешь, голос пропал.

Не получалось даже оглянуться и посмотреть на мужа. Услышала только короткий стон, словно Рейну плохо.

— Эк вас скрутило-то... — Голос казался чуть ли не добродушным. — Не пытайтесь — сделать тут ничего нельзя. Хотите, объясню, в чём дело? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — За морем растёт интересный корешок — ибап, с воистину чудотворными свойствами. По вкусу напоминает имбирь, а вот действие у него совсем, совсем другое. А

ещё там, за морем, можно многому научиться у шаманов, которые не такие дураки, как маги в нашей родной Таристе, отрицающие существование некоторых ветвей волшебства лишь потому, что те им не нравятся или не по зубам. Так вот: ибап и моё заклинание — и вы себе больше не хозяева! Если я велю перестать вам дышать — вы задохнётесь. Если прикажу прыгнуть из окна — влезете на подоконник и, не глядя, сиганёте вниз.

Я почувствовала, как бешено заколотилось сердце. Хотела глубоко вдохнуть — не хватало воздуха — и не смогла. Рианнес! Ментальная магия — вот что это такое! А этот ибап — чем бы он ни был — сделал нас уязвимым для чужого заклинания. Или же усилил заклинание принуждения так, что оно подействовало даже на меня с моими гордыми семнадцатью локтями, и разозлить мне было нечего...

А ещё мы совсем, абсолютно, совершенно не были готовы к тому, что опасность может грозить нам прямо здесь, в королевском дворце. Расслабились, потеряли бдительность — и вот... Нам сказали, что зовёт Ринаaldo, — и мы пошли, как овцы на бойню. А то, что сейчас во дворце полно народу, оказалось заговорщикам только на руку: всех собак — чтоб не гавкали — убрали с глаз долой, гвардия была занята — присматривала за толпой гостей... Ох, кстати, а что с Ринаaldo, который якобы нас позвал? Он ещё жив? И, дойдя до этой мысли, охнула второй раз. Потому что до меня внезапно дошло, что живыми мы с Рейном не уйдём — наверняка, этот маг не убил нас сразу, а взял под контроль с единственной целью — заставить сделать что-то ужасное. Но когда всё закончится — он нас убьёт.

Что будет, если мы умрём, с нашей Сонеали? С Винтой? С ларрой?

И что же делать, если единственное, на что я сейчас способна, — это думать?

Напряглась изо всех сил — бесполезно, даже пальцем шевельнуть не могу. Почувствовала, как на глазах выступили слёзы, замутняя то немногое, что я видела. Что же, что задумал этот маг?

За спиной кто-то рассмеялся. И смех этот был как пощечина. Потому что я его узнала. Андреас! А он что здесь делает?

Словно услышав мой вопрос, экс-гад в бордовом камзоле вплыл в поле зрения. Наклонился ко мне. Усмехнулся:

— Я же предупреждал: тебе с твоими куриными мозгами ловить тут нечего! — и покровительственно похлопал меня по щеке.

— Время ещё есть, — послышалось сзади. — Хочешь, пока ждём, прикажу ей тебе отиться? На прощанье, так сказать.

Двигаться я не могла. Но чувства не отключились — и я буквально ощутила волну отчаяния, пришедшую со стороны Рейна.

— Спасибо. — Андреас глумливо осклабился. — Ой, как моя бывшая супруга глазками сверкает! Кажется, я ей совсем не нравлюсь. Ну что, милая, хочешь, вспомним прошлое? — Пятерня легла мне на грудь, больно стиснула. Андреас качнул бёдрами, потом уставился куда-то поверх моей головы, скривился: — Она того не стоит. Очевидно, папочка моей супружницы был бревном, а мамочка — дохлой рыбой. Ни пыла, ни фантазии. А сейчас вообще, фу! — молочная корова. Можешь потом, напоследок, приказать ей облизать мои сапоги?

— Было бы забавно, но как хочешь. Нам надо скоротать ещё несколько минут... Но можно просто поговорить.

К моему облегчению Андреас выпрямился, потеряв ко мне интерес. Сделал пару шагов вправо, туда, где сидел Холт. Я следила за экс-гадом, скосив глаза. Андреас усмехнулся, сжал кулак, занёс руку, размахиваясь... Этот мерзавец что, собирается бить беспомощного Рейна? Какая сволочь! Если выживем — не прощу!

— Стой! — в голосе слышалась сталь. — Он нужен нам целым. Я не собираюсь тратить силу, зачаровывая всю охрану по пути к Малому тронному залу. Пусть нас проводит сам глава Тайного сыска... но для этого ньер Сейранн должен выглядеть невредимым, дабы не возникло и тени подозрения, что он идёт туда не добровольно! И не будь примитивным! Хочешь причинить боль — не лупи кулаком, а пообещай, что та сиротка, которую подобрала чета Сейранн, а за ней — и их собственное отродье отправятся на корабле в Симиру и дальше, в чей-нибудь гарем — в Эрминии обожают маленьких девочек!

Я чувствовала, как по щекам катятся слёзы. Неужели вот так всё и кончится? Я же уже поняла, что будет дальше. Рейна заставят убить Ринаaldo. Или убьют короля сами, а муж — как бедная Риалла — станет козлом отпущения. Так сказать, двух зайцев сразу — монарха и одного из наследников трона. А если добавить, что Тайный сынок будет парализован, — ведь его патрон оказался предателем, — выходит просто ужас! После такого можно поставить страну с ног на голову, и никто не возразит!

— О! Слышишь? Кажется, начинается... — Голос из-за спины, успевший уже стать ненавистным, казался довольным.

— Начинается что? — не понял Андреас.

Незнакомец за моей спиной довольно рассмеялся:

— Сейчас объясню, дражайший Андреас. Я спланировал всё так, что в бальном зале возникнет некий конфликт. Который привлечет внимание и гостей, и дворцовой охраны. Поссорятся — и шумно — два важных ньера.

У каждого из которых много друзей. А мы под шумок отправимся в Малый тронный зал, где юный наивный король Риналдо, которому недолго осталось править Таристой, недоумевает — куда подевался его начальник сыска, за которым он послал полчаса назад...

Экс-гад расплылся в улыбке:

— Вы гений! Скажите, я верно понял? Он?.. — Андреас ткнул пальцем в сторону Рейна.

— Именно так, дражайший ньер Тинтари! Okажется — вот незадача! — что именно начальник Тайного сыска и возглавляет заговор по свержению законной власти. И вероломно воспользуется моментом, чтобы убить своего законного сюзерена. Помощь, конечно, подоспеет... но увы, слишком поздно. Догадываетесь, кто станет спасителем отечества, отомстившим за павшего монарха и не давшим узурпатору занять трон?

— Но зачем это вам? Деньги можно заработать проще, не убивая короля! — Андреас казался чуть ли не испуганным.

Ясное дело. Дурить легковерных вдов, устраивая им беседы с духом усопшего мужа, или врать, что навеки вывел с купеческого склада всех крыс, — это одно. Но убийство главы государства — совсем другое. Разница примерно как в охоте на кроликов и матерого секача. Похоже, бывший не до конца понимал, во что впутывается.

И ещё нюанс. Я заметила, что Андреас обращается к незнакомцу «на вы», а тот ему может и тыкнуть. Наводит на размышления. Если у нас ещё будет время поразмышлять...

— Зачем мне? — заговорил маг после паузы, словно он раздумывал, отвечать ли вообще на Андреасов вопрос. — Всё просто: местные умники слегка ошиблись в подсчёте претендентов на трон.

Тон, которым была произнесена фраза, звучал явно издевательски.

Андреас, словно что-то понял, довольно засмеялся и закивал.

— Ну всё, в зале неразбериха, а нам пора! Ньер Сейранн, приказываю вам встать и отправиться в Малый тронный зал. На все вопросы, если они будут, отвечаете, что вас вызвал король, а мы вас сопровождаем. Ньера Сейранн, вы молча, без единого слова, следуйте за мужем.

Я, чувствуя, что не могу противиться прозвучавшей команде, неловко поднялась с кресла. Попыталась повернуться к Рейну — я же за ним следую? — и успела только поймать полный отчаянья взгляд мужа. Андреас довольно хлопнул ладонью по бедру. Потом заглянул мне в лицо:

— Лучше б ты осталась со мной... Была бы жива. Может быть. — Уставился за мою спину. — Прикажи ей вытереть слёзы! А то встретим кого — придётся объяснять, чем ньера так расстроена.

— Ньера, аккуратно промокните слёзы. Дышите ровно, чуть улыбаетесь. И больше не плачете! Вам понятно? Кивните!

Кивнула. Точнее, мной кивнуло.

Кажется, у нас осталось совсем немного времени... Неужели не получится ничего придумать, вывернуться, выскользнуть, спастись? Уставилась в напряжённую спину идущего впереди мерным шагом Рейна.

Но я так и не видела того, кто следовал за нами.

Раньше мне не доводилось бывать в тронных залах. Ни в малых, ни в больших. Я и во дворце-то оказалась всего во второй и, наверное, теперь уже в последний раз... Гвардейцы у входа расступились, подчиняясь жесту Рейна. Мы вошли.

И очутились в просторном помещении с высоким расписным сводчатым потолком и двумя рядами стройных мраморных колонн, идущими вдоль длинных стен. Под ногами пружинил красный, как кровь, ковёр. А вдали, на возвышении из трёх ступеней, стояло единственное кресло, в котором сидел читающий какой-то свиток Ринаaldo. Услышав, как за нами захлопнулась дверь, король поднял голову. А я задохнулась, невзирая на все приказы, потому что узнала кресло — именно оно, красное, с высокой спинкой и похожим на волну золотым гребнем наверху, являлось мне ночь за ночь во сне. Стену за троном украшали штандарты и флаги, а в двух нишах — справа и слева — словно бесменные телохранители стояли доспехи. Один рыцарь был вооружён полуторным мечом, другой — огромным топором. И этот топор — я могла поклясться — тоже был мне знаком!

Значит, вот что случится сейчас — маг отдаст приказ Рейну приблизиться к королю и неожиданно атаковать. А когда дело будет сделано — убьёт нас. И все, кто знал о заговоре, подумают, что во главе стоял Рейн! Муж, для которого честь была дороже жизни, не просто умрёт, а умрёт в бесчестию, как предатель, проклинаемый всей страной!

Говорить я не могла. Поэтому просто, вкладывая всю страсть, всю силу, подумала:

«Клянусь и после смерти преследовать тех, кто сделал это с нами! Клянусь, что дух мой не покинет эту землю, пока мой муж и я не будем отомщены! Клянусь, как смогу, и с того света защищать свою дочь!»

Предсмертные клятвы обладают страшной силой, это я знала точно.

Мы уже почти дошли до ступеней у трона, когда Ринаaldo заговорил:
— Рейн! Кого ты мне привёл? И почему прелестная ньера Алессита

кажется такой расстроенной?

— Ньер Раиндэлл не может ответить — он под моим контролем, — раздался голос из-за моей спины. — И, ньер Ринаaldo, не вздумайте хвататься за амулет или делать другие глупости — иначе я вас убью сразу! И вас, и остальных! Добавлю, что двери заперты. Криков не будет слышно. Без моего позволения отсюда никто не выйдет. А пока прибегут маги — будет поздно. Так что сидите на своём — пока своём — троне и слушайте внимательно, что я скажу! Но, сначала, наверное, стоит продемонстрировать серьёзность намерений...

Маг явно забавлялся. И это понятно — сколько лет жизни он потратил, чтобы оказаться здесь сейчас? Это был момент его триумфа, и он жаждал его растянуть, насладиться, насытиться... Самоутвердиться.

А я хотела совсем другого — перебирала в памяти заклинания, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь, хоть какое-нибудь, где бы не были нужны слова. Ничего, совсем ничего... только светлячок, который я могла сотворить, чуть шевельнув пальцами. Но какой от него толк? Чем он поможет? Магический огонёк — не оружие...

— Андреас! — окликнул маг, делая три шага вперёд. — Подойди ко мне! Остальным стоять!

Теперь я видела спину и темные волосы нашего врага. Спина как спина. Мужская, прямая. Не толстый, не худой. Не ребёнок, не старик. Я даже не была уверена, что это — тот самый маг, которого я сумела засечь под «отводом глаз» в оранжерее. Не то чтобы я рвалась узреть его лицо, но быть убитой вот так, непонятно кем, — в этом была какая-то особенная обида.

Но первой умерла не я.

Андреас не ждал того, что произойдёт. И никто не ждал, потому что случившееся казалось жуткой, невероятной, совершенной бессмыслицей. Когда бывший приблизился к своему покровителю на шаг, тот внезапно резко вскинул левую руку над головой, щёлкнув пальцами. Андреас машинально поднял лицо вверх, следя за движением, — и не увидел лезвие, возникшее в правой руке мага. Резкий удар — и кинжал по рукоять вошёл в грудь моего бывшего мужа. Тот дёрнулся, нелепо всплеснул руками, пошатнулся, рот приоткрылся, словно Андреас пытался что-то сказать, — и тело спнопом свалилось на пол, почти к нашим ногам. На губах пузырилась кровь, широко раскрытые голубые глаза казались изумлёнными. Лицо на глазах как-то обмякло, смазалось. Андреас был мёртв.

Если бы я могла двигаться — закричала бы. А так — так осталась

неподвижной, только снова почувствовала, как по щекам опять побежали слёзы. Да, Андреас был гадом. Предал меня, и не единожды. Но когда-то — пусть ненадолго — он подарил мне счастье. И стал отцом моей дочки. Такого конца я ему не желала...

Риналдо застыл на троне. Я понимала, что король сейчас лихорадочно перебирает пути к спасению... и, судя по стиснутым добела на подлокотниках пальцах, не видит ни одного...

Маг обернулся, посмотрел на меня. Усмехнулся:

— Ньера, вы плачете по этой падали? Жалеете, что не успели вылизать ей сапоги?

Я пыталась проморгаться, чтобы взглянуть ему в глаза. Да, кажется, это тот самый, из оранжереи. Темноволосый, худощавый, с густыми чёрными бровями на длинном лице. Кто же он такой?

— Не стоит, невелика потеря! Хотя свою роль приманки и отвлекающего манёвра ньер Тинтари сыграл отменно — ведь вы оказались абсолютно не готовы к неприятностям! Но сейчас он стал балластом. А от балласта следует избавляться. Или превращать его во что-то полезное. Вот я и превратил негодного мага с амбициями в полезный труп. В этом качестве ньер Тинтари ещё кое на что сгодится. Если кто-то углядит на телах — вашем и мужа — следы магии, то всё можно будет смело свалить на него — мол, пытался остановить... но не успел, не хватило сил. И бедный ньер Тинтари пал в неравной борьбе... Или два ньера поссорились из-за женщины — так тоже бывает. О! — уверен, гипотез будет масса... А при том, что вы и сама маг, — да, да, ваш экс-супруг рассказал мне всё о ваших талантах, — любые магические следы можно будет объявить либо его, либо ваших рук делом.

Внезапно я увидела, как Риналдо напрягся, приподняв локти и плечи, и, похоже, стоящий вполоборота к трону маг это тоже заметил. Обернулся к Рейну:

— Довольно разговоров! Приказываю: возьми оружие и убей его! — И ткнул пальцем в короля.

Рейн, не медля ни мгновения, прыжком взлетел на возвышение. Кинулся к стене, выдрав из рук бронированного рыцаря оружие — огромный топор. Латы, громыхая, повалились на каменный пол, шлем покатился прямо к трону. Рейн, не обращая внимания на грохот, повернулся к нам — лицо мужа не выражало ничего, было пустым, как у зомби.

Ох!

Дальше события понеслись зимней лавиной с гор Сиррано — всё

происходило одновременно и очень, очень быстро.

Риналдо стукнул по правому подлокотнику и прыжком через ручку кресла сиганул ко вторым латам — за мечом.

Рейн внезапно издал звериный рык и прыгнул, замахиваясь топором, — только не к королю, а вниз, к расслабленно стоящему у ступеней магу.

Маг, разом потеряв валльяжный вид, воздел руки для чего-то магического.

Я, собрав всю волю, всю любовь к Рейну и Соль в кулак, напряглась до черноты в глазах и чуть шевельнула пальцами, вкладывая силу, — этого хватило, чтобы перед лицом вражины загорелся не просто светлячок, а яркий шар размером с большую тыкву. Правда, почему-то синюю.

Маг инстинктивно шарахнулся прочь. Чуть не упал на ступеньке, но ловко извернулся, перескочив вверх, на следующую.

— Ингварр раҳр аргр фарраг! — свирепо возвестил Рейн, описывая топором сияющие дуги и наступая на врага.

Риналдо, выдрав у вторых лат меч, застыл у стены. Мелькнула мысль, что я б тоже в эту драку не полезла. А вот сотворить ещё одну гадость — могу! И даже не одну!

В этот раз мой огненный шар, возникший у самого лица мага, был рыжим и плевался искрами. Темноволосый снова отшатнулся, сделал шаг, споткнулся об откатившийся к трону шлем и неловко, полубоком упал в кресло.

Что будет дальше — я уже знала, потому что тысячу раз видела это во сне.

Рейн, крутя топор над головой так, словно тот ничего не весил, прыгнул следом. И, в последний момент перехватив топорище двумя руками, ударил со всей силы. Я зачарованно смотрела, как отрубленная голова нашего врага подлетела вверх, а потом с глухим стуком упала на пол... Из перерубленных артерий ударил фонтан крови. Топор со всего маху рассёк спинку трона, покорёжив её, и намертво застрял.

— Ингварр зирг дра! — Рейн победным жестом вскинул кулак над головой. Потом наклонился над безголовым телом в кресле, сунул обе руки в алый фонтан бьющей из шеи, удовлетворённо уставился на окровавленные ладони и провёл ими по лицу, превращая его в жуткую багровую маску. Только глаза горят и зубы сверкают.

И, не обращая внимания на застывшего как статуя у открывшейся в стене щели тайного прохода Риналдо, сиганул ко мне. Одной кровавой дланью обнял за талию, вторую запустил в волосы и впился в рот

поцелуем. Его губы были перемазаны в крови, поцелуй был властным, жадным, даже грубым... но я не протестовала. Только, вспомнив, что опять могу двигаться, закинула мужу руки на шею. А потом, когда он отстранился, чтобы перевести дыхание, сказала:

— Спасибо тебе, Ингварр! Ты всех нас спас. Но сейчас верни мне Рейна. Пожалуйста... Я прошу тебя.

На несколько секунд мы замерли. А потом я услышала родное:

— Ох, Сита...

У Риналдо хватило самообладания не вызывать стражу сразу.

Сначала король подошёл к изувеченному трону, подёргал за топорище, приподнял бровь. Потом нагнулся, поднимая за волосы отрубленную голову.

— Тяжёлая какая. Как-то не представлял, что голова столько весит. — Перевёл взгляд на нас: — Рейн, ты понял, кто это был? И... гм-м... мазать лицо кровью — это было обязательно?

Рейн, словно только сейчас заметил, уставился на окровавленные руки, пропитавшиеся кровью манжеты и заляпанный камзол.

— Прости, кузен. Ты же понял, что это была ментальная магия? Нас с Ситой сначала опоили, потом подчинили. Всё, что я смог сделать, чтобы преодолеть принуждение, — это впасть в бешенство и стать берсерком. Результат ты видишь... — Рейн покосился в сторону покалеченного трона с гордо торчащим из спинки топором. — И да, думаю, я знаю, кто это. Он оборонил интересную фразу, что мы плохо посчитали наследников... Помнишь, один из потомков Урсулы — кажется, Марк — семнадцать или восемнадцать лет назад отплыл за море и пропал? По идее, он должен стоять передо мной и даже перед Люциусом.

Я, подавив рвотный позыв, уставилась на голову, которую Риналдо водрузил на широкую ручку трона лицом к нам. Да! Ведь похож! Тёмные волосы, длинное лицо — типичный Райнесан! Как я сразу не сообразила?

Риналдо, брезгливо отряхнув руки, тоже уставился на труп в кресле.

— Маг из дома Райнесан, овладевший ментальной магией. Это всё объясняет.

Я прикоснулась пальцами к лицу, перемазанному после Ингваррового поцелуя кровью. Кожу уже тянуло. Посмотрела на кончики пальцев — красные. И почему-то мелко дрожат.

— Кузен Риналдо... — обратилась я к королю. Тот, похоже, меня не рассыпал. Я прокашлялась и позвала громче: — Кузен Риналдо, ваше величество!

Ага, обернулся ко мне.

— Можно ли где-то умыться, пока кровь не засохла?

А ещё хотелось прополоскать рот, наполненный горечью и привкусом железа и страха. И сесть — потому что ноги совсем не держали.

Рейн понял. Оказался рядом, поддерживая меня за талию и давая опереться на руку. Я подняла к нему лицо и меланхолично сообщила:

— Могу навести «отвод глаз». Тогда получится, никого по пути не пугая, уехать домой. Только всю карету кровью перепачкаем.

Рейн — в первый раз с того момента, как мы услышали про проклятый ибап — улыбнулся этому образчику женской логики.

— Согласен. Кареты лучше не пачкать. — Обернулся к королю: — Кузен?

— Сейчас проведу вас по тайному ходу в комнату с ванной. Заходите вон туда, — Риналдо махнул рукой в сторону щели в стене. — А я прикажу, чтобы тут убрали, и догоню вас... — И добавил вслед: — Но лих ты с топором! С одного удара! Я и не знал...

Домой мы попали через полтора часа, когда голодная Соль уже хныкала и негодующе брыкалась в кроватке. Меня шатало, качало и заносило, как утлую шлюпку в шторм. Рейну, кажется, было не лучше — я понимала, после такого выброса адреналина неизбежен упадок сил.

Но неужели это всё? Неужели мы справились и заговор обезглавлен? И теперь можно вздохнуть? Вернуться в Сотэру, в наш сад и нашу спальню, забыть о ящиках, полных грузовых деклараций, и о толпе коррумпированных чиновников?

Счастье-то какое!

Сидя на кровати с дочкой на руках, я глупо хихикала, пытаясь сообразить, как буду расчёсывать спутанные, слипшиеся от крови волосы.

Ох, пусть теперь это будет самой большой моей проблемой!

Глава 11

Лучший способ что-то запомнить — постараться это забыть.

М. Монтень

Я не спускала Соль с рук. Умом я понимала, что нужно положить спящую дочку в колыбель, что сейчас сама упаду и её уроню... но не могла.

А Рейн не отходил от меня.

Похоже, мы оба смертельно перепугались, что можем друг друга потерять. Гм, смертельно... подходящее слово в данной ситуации.

И я никак не могла поверить, что всё закончилось.

А ещё мы так вымотались, что было не до ласк. Просто обнялись под одеялом, как пара ищущих друг в друге опору запойных алкоголиков, и отрубились до утра.

Назавтра я решила, что сегодня мы все сидим дома. Бал там, пожар, всемирный потоп или прочие мероприятия и катаклизмы — нас это не касается! Пусть Риналдо сначала порядок в своём дворце наведёт, а потом уж нас в гости зовёт.

Только после завтрака я начала потихоньку отходить.

Рейн без конца потирал левую руку — похоже, потянул связки, махая топором.

Говорили мы только о насущном, избегая обсуждать вчерашнее. Что куда-то запропастился мой тапок, надо бы ларру попросить поискать. Что нашей малышке вот-вот будет четыре месяца. Что хорошо бы на ужин пожарить свежей рыбы — давно мы её не ели...

После обеда я заговорила сама. Села напротив мужа и коротко спросила:

— Что будет дальше?

— Однозначно и легче, и спокойнее. Маг убит — теперь можно без оглядки допрашивать арестованных, чтобы вычистить всю гниль. — Муж привычно фыркнул. — Так сказать, пусть добродетель будет вознаграждена, а зло — наказано. Если этого не сделать, кто-нибудь решит, что можно... Мы же не хотим стать похожими на Эрминию?

Я согласно закивала. За последние пару месяцев моё мнение об Эрминии упало ниже уровня моря или даже ниже его дна.

— Дальше — отыщем деньги в банках, отдадим их гильдиям. Начиная с того, уже арестованного вклада. Под строгим контролем, конечно. Но пусть это золото пойдёт на компенсацию купцам, потерявшим корабли, и семьям, оставшимся без кормильцев. Пиратский порт будет уничтожен. Эскадрам осталось плыть два-три дня, потом сколько-то времени потребуется на рекогносцировку, на разработку плана атаки... думаю, через неделю всё будет кончено. Потом пара эскадр останется в засаде — будет перехватывать возвращающиеся из Закатного океана с добычей корабли.

Интересно... Хотела бы я как-нибудь потом услышать рассказ очевидца об этой операции.

— Кузену Риналдо придётся сменить начальника дворцовой охраны — либо тот мышай не ловит, либо слишком — вопреки долгу — хотел оказать кому-то услугу. Но смотри сама — вчера обвели вокруг пальца и нас, и Рилда. Нас отвели не в ту комнату и подсунули отравленный лимонад, а рядом с кузеном в нужный момент не оказалось даже собаки... так нельзя. Если бы не Ингварр...

Я кивнула. Потому что уже обдумала и поняла, что произошло вчера. Маг взял под ментальный контроль меня и Рейна. Но он и предположить не мог, что в муже живёт ещё одна, обожающая махать топором весьма воинственная личность. В решающий момент Рейн отдал контроль над телом Ингварру... и тот не подкачал.

— Хотя я не ожидал, что его прозвище — Кровавый — настолько обосновано, — фыркнул муж.

Уж да. Камзол Рейна был в безнадёжном состоянии. Оставил только прополоскать его в холодной воде — в тёплой кровь не стирают, вздохнуть — и отдать бездомным. Мой туалет пострадал меньше — пятна появились, когда муж облапил меня кровавыми руками. Хотя, даже если вернуть платью первоначальный вид, вряд ли мне скоро захочется его надеть.

Вчера по возвращении нас увидела Винта. И я — хоть и не планировала этого делать — сказала ей правду. Что на нас во дворце напал человек, виновный в том, что пропала её мама. Что Рейн с ним дрался и победил. И что на моём платье — кровь нашего врага.

— Он ранен? — серьёзно спросила Мышка.

— Он умер, — ответила я.

Мышка кивнула и улыбнулась:

— Это честно!

Да, честно.

Рейн встал со своего стула и пересел на ручку моего кресла. Обнял меня одной рукой, а указательным пальцем другой приподнял подбородок. Заглянул в глаза:

— Хочу сказать, что сожалею об Андреасе.

— Не надо, не стоит, — вздохнула я. — В его смерти нет нашей вины. Он сам выбрал такую дорогу. — Задумалась. — Рейн, знаешь, я напишу учителю обо всём, что случилось. Думаю, он должен знать об ибапе. И вообще, магам следует этим заняться... иначе в один прекрасный день неведенье может стоить нам всем жизни.

— Да, пиши. Курьер отвезёт, — кивнул Рейн.

— Я вот думаю...

— Что, Сита?

— Помнишь рассказ Винты? О важном господине на букву «Ф», не одобряющем кошек?

— Полагаю, что вряд ли наш маг надолго покидал столицу, ведь ему было необходимо координировать всё, происходящее в пяти городах. Так что кошки пока в тумане. Будем ловить. И вообще...

Рейн замолчал, уставившись в пространство.

— Что «вообще»? — забеспокоилась я.

— Не понимаю я кое-чего, картинка не складывается, — вздохнул муж.

— Чего именно?

— Вот как всего за три года человек, отсутствовавший в стране пятнадцать лет, смог обрасти такими связями, что на него работал даже Тулайн? Как настолько быстро вычислил нужных людей, нашёл к ним подход, наладил пиратский промысел, набрав корабли и команды, организовал сбыт награбленного и перевод денег так, чтобы никто ничего не заподозрил?

Я уставилась в ту же точку пространства, куда пялился муж. Может, потаращимся немножко, и нас озарит? Потому что и в самом деле странно...

Ближе к вечеру муж через амулет вызвал Брая.

Рейн ввёл помощника в курс событий, а затем мужчины ушли в кабинет, обсуждать, что делать дальше. Я немного послушала, а потом, чувствуя, что офигеваю от потока незнакомых имён, перечисления названий каких-то контор, торговых домов, банков, сказала, что пойду к Соль. Пусть сами разбираются, что наворотил какой-то ньер Марвелли на

посту второго помощника торговой палаты Салерано.

С меня хватит.

На следующий день муж поехал на доклад к Риналдо. Не успел он выйти за дверь, как я начала беспокойно метаться по дому, тыкаясь во все углы, не в состоянии заниматься ничем полезным — от нервов всё валилось из рук.

Скорее бы Рейн вернулся!

Когда хлопнула входная дверь, я кинулась в прихожую. Но оказалось, что это не Рейн. К нам приехала с визитом Сейбретт.

Если честно, я была рада. А она хотела узнать из первых уст, что произошло позавчера. Брат рассказал, но рассказ выглядел как-то куце и сумбурно, и в нём было столько дыр!

Я не была уверена, что могу говорить, но Сейбретт уверила меня, что с понятием «государственная тайна» знакома не понаслышке. Раз уж ей случилось родиться сестрой короля, а меня угораздило выйти замуж за начальника Тайного сыска и родича этого самого короля, то у нас есть полное право свободно секретничать!

Подумав, я согласилась, что это логично. И пересказала всё, что случилось, опустив несколько деталей. Не стала говорить о вылизывании сапог. И, конечно, умолчала об Ингварре. Сказала, что муж занимается каэртано, а в последнее время стал осваивать технику боя северян с топором. И по ходу дела научился впадать в боевую ярость, которой никакая магия не страшна!

— Подумать только! Марк! Мне было лет шесть, когда он пропал. Встретила б его — не узнала бы. Но что же с ним должно было произойти, чтобы он, вернувшись, задумал вот такое?

— Кто знает, — пожала я плечами. — Всё что угодно, вплоть до того, что, изучая нетрадиционные и потенциально опасные магические техники, он просто мог свихнуться. Нормальный человек не станет убивать направо и налево. И чужими руками, и лично...

— Ужас! — подхватила Сейбретт. — Вообще мы, Райнесан, стараемся держаться вместе и жить дружно. Поверь, Сита, у нас хорошая семья, и мы действительно помогаем друг другу. Ой, к слову, ко мне утром заезжал Люциус, спрашивал, не хочу ли я вложить деньги в перспективные заморские серебряные рудники. Люциус, кстати, мастер делать деньги. Скажи вечером Рейну, может быть, вам тоже надо.

— А что за рудники? — заинтересовалась я.

— Как же там? Уй... Уль... Вот, вспомнила — Ульварре!

Я нахмурилась. Казалось, мне где-то уже попадалось это слово. Или нет? Не помню...

— Обязательно передам, спасибо, кузина Сейбретт!

— Можешь звать меня просто Сейри, Сита! — рассмеялась Сейбретт. — И Сита, ты так аккуратно и корректно всё пересказала... Но скажи, это правда, что Рейн снёс Марку голову топором?

Я кивнула. Надеюсь, Ринаaldo не стал говорить сестре, что после этого мой муж вымазал в крови физиономию и полез ко мне целоваться...

Глаза Сейри загорелись:

— О! Я попрошу мужа тоже заняться каэртано!

Нет, честное слово, она чем-то похожа на Вильку!

— Сита, прости, мне пора... Мой Филинор, конечно, старше твоей дочки, но всё равно он пока такой маленький... Позволишь мне взглянуть на Соль?

Последние десять минут до отъезда Сейбретт мы говорили только о детях.

А потом я села писать письмо ньеру Расселу.

Рейн вернулся. Но не один. С ним был Ринаaldo и ещё один незнакомый ньер в тёмном платье.

— Доброго вечера, ньера Алексита. Я — Меарбус.

Я присела в реверансе. Слов не было. Легенда Таристы! А выглядит совсем просто, обычно до странности. Среднего роста, спокойное сероглазое лицо, темноволос, чисто выбрит, белый аккуратный воротничок. Никакого выпендрёжа — руки без колец, неброская одежда. Встретишь на улице — не запомнишь и не оглянешься.

— Рада знакомству, ньер Меарбус.

— Аналогично. Кстати, я был знаком с вашей прабабушкой. Вы на неё похожи. — Скоро улыбнулся. — Но, ньера, я приехал затем, чтобы лично расспросить вас о вчерашних событиях. Расскажите всё, что помните. Что чувствовали, что думали, что делали. Ведь вы каким-то образом смогли побороть принуждение, поучаствовать в бою и помочь мужу?

Наверное, надо. Ещё вчера мы с Рейном согласовали версии. Решили по-прежнему молчать о случившемся в катакомбах Паэнни и об Ингварре, а также о том, что мой резерв подскочил на семь локтей. Ещё я не собиралась рассказывать, как меня чуть не изнасиловали, — никакой конструктивной информации это не несло, а наводило на крайне неприятные мысли.

— Присаживайтесь, — сделала я учтивый жест рукой в сторону дивана. — И я готова помочь, чем только смогу. — Села в кресло напротив

и начала вспоминать, как было жарко и захотелось пить, как потом зазвенело в голове и возникло чувство расслабленности. О монотонном голосе на грани слышимости и обо всём, что случилось позже. Главное — что я так и не смогла открыть рот, пока тот маг не умер.

— Понятно. Ну что же, я узнал, что хотел. Мне пора. Позволите, ньер Сейранн, я буду иногда заглядывать к вам в гости?

— Будем рады, — церемонно отозвался Рейн. — Не желаете остаться на ужин?

— Сожалею, — повторил Меарбус, — но мне действительно пора.

Я проводила уходящего мага взглядом. Жаль, что он не сказал, что собирается делать. Но хорошо, что собирается хоть что-то...

Ринаaldo тоже не стал ждать трапезы. Я вообще не поняла, зачем он приезжал. Может, просто держит расследование под контролем?

* * *

О цели визита Сейбретт я вспомнила только за завтраком. Рассказала мужу о предложении Люциуса вложить деньги и поинтересовалась, а как это обычно происходит?

— Так и происходит. Обычно даешь наличные под нотариально заверенный договор, где сказано, как именно и под какие проценты заёмщик собирается использовать полученную сумму. Договор нужен для порядка — чтобы, если с заимодателем или заёмщиком что-то произошло, у семей и наследников не было головной боли. Люциусу просто дают деньги под расписку, он сам себе вместо нотариуса. Кстати, а куда именно он предложил их вложить? У нас есть пара сотен тысяч свободных...

Я икнула. Что мы богаты — знала. Но сейчас до меня впервые дошло — насколько. Только как же назывались те рудники? А, вот!

— В какие-то заморские серебряные рудники Ульварре.

Произнесла — и вспомнила, где слышала это название раньше. И, кажется, Рейн тоже его узнал.

— Один из пиратских кораблей, — начала я медленно, по одномуроня слова, — привозил серебряные слитки якобы из каких-то рудников Ульварре... Ох! Рейн, давай проверим!

Мы, забыв о недопитом кофе, рванули в кабинет. Да, вроде нужная декларация была вот в этом ящике! Подавив острое желание опрокинуть коробку и высыпать из неё всё на пол, стала перебирать бумажки. Ага, вот она! «Резвая шалунья» — серебряные слитки из Ульварре.

Мы с Рейном уставились друг на друга. Говорить начал он:

— Люциус употребил название несуществующих рудников, на которые ссылались пираты...

— Арестованный ньер Марлин фактически указал на Люциуса... — продолжила я.

— Люциус и Марк — двоюродные братья, знакомые с детства, — подхватил Рейн. — Я слышал, они были очень близки, и Люциус долго горевал, когда Марк пропал без вести.

Я кивнула.

— А ещё Люциус знает всех и вся, владеет банками и кораблями, для него организовать денежные переводы или пиратский промысел — раз плюнуть, — продолжил Рейн.

— Если на трон сядет неизвестный претендент, то могут возникнуть вопросы или даже волнения. Но если это будет надёжный банкир королевских кровей — то гильдии только обрадуются. Верно я понимаю? — спросила я.

— Верно. Вот теперь всё сходится! И даже то, что именно сейчас Люциус попросил у Сейбретт деньги. Смотри! Его счёт, куда стекались все прибыли от незаконных операций, заморожен. Пиратов уже прижали, и Люциус понимает, что и до их базы мы рано или поздно доберёмся. Маг убит, и теперь арестованные должны начать охотно говорить. Ведь наверняка о Люциусе знал не только Марлин. То есть имеются свидетели и улики, до которых мы ещё не докопались. Но как дороемся — Люциусу конец. И он это чувствует. А денег нет. Вот он и пошёл к Сейбретт...

— Ты хочешь сказать, что он попробует сбежать?

— Однозначно. Сейчас я свяжуясь с Ринаaldo, пусть узнает, дала ли сестра Люциусу деньги. И, если да, то когда и сколько.

Рейн сунул руку за шиворот — королевский амулет, как и мой, он носил на шее.

У меня на языке вертелась тысяча вопросов. В первую очередь хотелось понять — почему, из-за чего всё это случилось? Ведь Люциус не юнец, горящий честолюбием и потому рвущийся на трон. По словам Рейна, он — делец. Значит, либо зарвался и потерял слишком много денег, возможно даже не своих, либо обуяла жадность. Возможно, сначала Люциус организовал отдельные пиратские рейды, потом решил расширить промысел. В итоге докатился до работорговли... и понял, что влип, и хода назад нет. А может быть, в этом деле и вовсе замешана какая-нибудь Андарра, сунувшая запредельных размеров взятку или собравшая

компромат. Или же во всем виноват неожиданно вернувшийся из-за океана родственник без тормозов, но зато овладевший запретной магией?

Рейн разберётся.

Пока же я прикусила язык и проглотила все свои вопросы, соображения, возмущение. Потерплю. Сейчас надо не эмоциями фонтанировать, а предупредить Риналдо и задержать Люциуса.

— Итак, слушай, — сообщил муж десять минут спустя. — Риналдо я всё рассказал. Он связался с Сейбретт. Люциус у той уже побывал — прикатил ни свет ни заря в дорожной карете, оправдав ранний визит как раз тем, что уезжает по делам. Сейбретт дала ему девять векселей на предъявителя в Большой Королевский банк — на десять тысяч соленов каждый — за расписку, которая гарантирует двенадцать процентов годовых. После чего Люциус отбыл.

— Когда открывается банк? — полюбопытствовала я.

— Думаю, туда он не пойдёт. Морочиться с монетами тяжело. Считай сама — в одном сэстоуне примерно две с половиной монеты. Значит, в стоуне их в сто раз больше — двести пятьдесят. — Рейн посмотрел на мой страдальчески наморщенный лоб, фыркнул. — Скажу проще — сам Люциус весит примерно как тринадцать тысяч монет. А ему дали в семь раз больше.

— Ты о том, что одному банкиру сумму весом ещё в семь банкиров так просто не уволовь?

— Именно! Скорее, он поменяет векселя позже, в другом городе. Потеряет несколько процентов на обмене, но зато выиграет в скорости передвижения. Предлагаю считать, что он покинул Лорецию сразу, как вышел от Сейбретт.

— А куда он едет, понять можно?

— У него есть амулет, связанный с парным у Риналдо. Но я бы на его месте избавился от этого медальона в первую очередь. Сита! Помнишь, когда мы ехали в Сафрину, ты говорила, что есть способ понять по личной вещи человека, например, написанному от руки письму, жив ли тот и в какой стороне сейчас?

— Да, — кивнула я. И сообразила: — У Сейбретт осталась свежая расписка! Поехали скорей!

— Согласен. Переодевайся — едем к Сейбретт. Я пока свяжуся с Браем — пусть седлает коня и скачет прямо туда.

— Но Рейн, допустим, я засеку направление... Но ведь только я, ну, или другой маг, сможем следовать за ним, не теряя скорости. А где ты

сейчас возьмёшь другого?

Рейн нахмурил брови:

— Ты о чём?

— Пусть Кирван заложит карету. Я еду с тобой. И Соль возьму, чтобы не переживать, что та голодная.

— Сита! Не сходи с ума! Как ты это представляешь? — королевский эмиссар, который выезжает на аресты всей семьёй?

— Так и представляю, — отрезала я. — Скажи мне в лицо, что в тронном зале моя помощь оказалась лишней! Рейн! Я же уже поняла, что в доме Райнесан все поголовно владеют долей магии, хотя бы небольшой. И мы не знаем, чему Марк успел научить Люциуса. Одного я тебя не отпущу!

Рейн недовольно покачал головой:

— Ладно. У тебя есть десять минут на сборы.

В итоге мы выехали из дома в полном составе двадцать минут спустя. В карете разместились мы с мужем, Соль в дорожной корзине, Хват для охраны и ларра за компанию.

Но этим не кончилось — не успели мы остановиться у дома Сейбретт, как выяснилось, что в сундуке на задке экипажа спряталась Винта, которая слышала наш разговор за завтраком, подслушала его продолжение и решила, что едет с нами — помочь и смотреть, как арестуют того, из-за кого пропала её мама.

— Я буду слушаться! А ещё я могу присматривать за Соль! Только не прогоняйте меня! — Серые глазища налились слезами.

Рейн обречённо махнул рукой:

— Хорошо, юная ньера. Но когда мы вернёмся домой, у нас будет серьёзный разговор.

Винта радостно закивала, словно ей посутили пряник.

Муж обернулся ко мне:

— Я дал задание быстро найти другого мага. Если получится — ты вернёшься с дочкой домой.

Вот раскомандовался! Вернусь и буду таращиться в окно и переживать за мужа... тоже мне мечта! Вот пропадёт у меня молоко от стресса — будет знать!

Похоже, Риналдо уже предупредил сестру о нашем визите, и Сейбретт встретила нас у дверей. За её юбку цеплялся маленький русоволосый мальчик с тёмными глазами. За спиной стоял муж, ньер Мурано.

— Сита, Рейн! О, с вами Соль! А эта юная ньера кто? Понимаю,

понимаю, сейчас не время для любезностей — вот расписка Люциуса. Я и подумать не могла...

— Никто не мог, кузина. Но именно то, что вы вчера рассказали Сите, позволило сложить головоломку. Сита?

Я развернула расписку. Хорошо! Чернила засохли совсем недавно, и у бумаги почти ощущалась аура... Сейчас! Положила лист между ладонями, обратилась лицом на восток, зажмурилась и стала произносить формулу поиска:

— Эйсарши лиаршн фар Люциус саррни... — Я, не открывая глаз, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. И, почувствовав отклик, выкинула руку: — Там!

— На севере, — констатировал муж. — А амулет, по словам Риналдо, показывает, что Люциус движется на юг. Только на вызовы он почему-то не отвечает. Понятно? Я думаю, Люциус едет в ближайший портовый город на севере — Айяру. Все суда, отплывающие из Лореции, по приказу Риналдо осматривают. Но кто станет обыскивать корабли из всех портов?

— А далеко до этой Айяры? — поинтересовалась я.

— Меньше полутора дней пути. Городишко небольшой, потому что берег скалистый. Зато гавань хорошая. Кузина Сейбретт, ньер Мурено, простите, нам пора. Как вернёмся, первым делом заедем к вам.

Четверо в карете, не считая собаки, ларры и Кирвана на козлах. А ещё за каретой бежала привязанная верховая лошадь Рейна, скакали трое гвардейцев и Брай в придачу.

— Мы отстаём почти на три часа, — констатировал муж. И фыркнул, глядя на меня.

Я сидела с ангельским видом, тихая, как пришибленная голубка. Другой маг не нашёлся, так что волей-неволей Рейн был вынужден взять меня с собой. Вот и не буду мешаться. Мне совсем не хотелось, чтобы муж ещё раз обозвал меня «стальной ньерой». Отношениям такое не на пользу.

Винта, забыв о грядущей головомойке, прилипла к окну. Ларра — та вообще вылезла на крышу. Соль спала. Хват лежал на полу и тихо скучил, когда карету подбрасывало на ухабах.

— Лошадей можно не жалеть. По дороге нас ждут подменные, — сообщил Рейн.

Я со скуки начала считать в уме, сколько мы будем догонять Люциуса, если движемся в полтора раза быстрее, чем он. Прикинула скорость рыси по пути из Сафрины. То, как мы несёмся сейчас. Выходило часов шесть-семь. Правильно я Соль с собой взяла! И правильно сама поехала — а то

бы спятила от ожидания!

Моя магия потребовалась снова ближе к обеду, на развилке. Направо — дальше от моря — уходил главный тракт, безопасный, гладкий, широкий. Влево — вдоль берега — шла короткая дорога на Айяру. Судя по виду, особой популярностью она не пользовалась.

— Дальше начинаются скалы, резкие подъёмы-спуски, а в паре мест приходится ехать по узкой колее вдоль обрыва, — поморщился Рейн.

Люциус, не иначе, как из желания навредить напоследок, выбрал плохую дорогу.

Рейн недовольно посмотрел на меня. Я промолчала, глаза долу, — доказала свою полезность, сижу тихо опять.

Через час дорога опять раздвоилась. И снова Люциуса понесло налево. Я взяла Соль на руки. Пса пришлось выпустить из кареты — слишком ту мотало, — пусть бежит своим ходом, целее будет.

— Хорошо, что Люциус никогда не увлекался охотой и верховой ездой, — а то бы мы его долго ловили... — Рейн задумчиво потёр ушибленный локоть. — Знаешь, можно отправить вперёд, на перехват, пару гвардейцев и Хвата.

Я скакала расписку между ладонями и прислушалась к ощущениям:

— Не стоит. Он уже где-то недалеко. — И лязгнула зубами на ухабе. Винта и муж подпрыгнули.

Я выглянула из окошка. Погода начала серьёзно портиться. С неба закапал дождь, всё вокруг было разных оттенков серого — ворочающееся под обрывом серое недобroe зимнее море, серые скалы и камни, тёмно-серые кусты с облетевшими листьями. Даже прибитая ночными заморозками трава казалась сизо-серой.

— Придётся сбавить темп. Опасно. А ещё хуже, что могут начаться оползни.

Кивнула — уж скорей бы мы куда-то приехали! За каждым следующим поворотом я ожидала увидеть карету Люциуса, но впереди было пусто. Не кончались только сами повороты. Правда, подскакавший сбоку гвардеец сообщил, что на влажной земле виден свежий след от экипажа. Выходит, Люциус проехал тут уже после того, как начался дождь.

А потом дорога в очередной раз резко сузилась — так, что из окна стала видна не обочина, а скалы далеко внизу, — и повернула.

— Впереди экипаж! — закричал кто-то. И тут же, на два тона ниже: —

Стоит на дороге...

— Стоп! — приказал Рейн.

Мы резко затормозили. Я, положив дочь в корзинку, скомандовала:

— Ссэнасс, следи за Соль! — и полезла наружу. Если Люциус рядом — я нужна.

Ох! Оказалось, карета Люциуса остановилась, потому что дорогу впереди засыпал оползень, наполовину перекрыв путь. Проехать на экипаже, не разобрав завал камней, не удалось бы никак. Лошадей в брошенной карете не было — их выпрягли. Людей тоже было не видать — только из-за колеса торчали чьи-то ноги в чёрных сапогах. Что там произошло?

Дорога тут делала петлю, потому что слева начиналось широкое ущелье с мелкой речушкой на дне. Сначала путь поворачивал вправо, от моря, туда, где расселина сужалась и через неё был перекинут деревянный мост. А потом — уже по противоположному краю провала — возвращался к морю и уходил за гору.

И Люциус был впереди! Он как раз пересекал мост — верхом на неосёдланной лошади, с запасной в поводу. Я, в первый раз увидев нашего врага, просто пожирала его глазами. Тёмноволосый, худощавый, как все Райнесан, а больше за дождём не разобрать.

Рейн кинулся к карете — отвязал повод своего коня, вскочил в седло. А мы с Винтой, не обращая внимания на дождь, побежали к краю ущелья, туда, где обзор не заграживали заросли терновника.

Доскакав до конца моста, Люциус придержал лошадь и обернулся. Вытянул к мосту руку. Слов на таком расстоянии я не слышала, но что он делает — поняла. Мост затрясся, затрещал, одна из косых опор, упиравшихся в стену расщелины, переломилась. Настил тоже как бы надломился, всю конструкцию перекосило. Ох! Теперь там не проехать, в любой момент всё может рухнуть!

Люциус дёрнул повод и ударил пятками по бокам коня, разворачивая того мордой на дорогу к морю. И увидел нас. На момент опешил, а потом оглянулся на разрушенный мост и захохотал.

Мне смешно не было — столько гнались и вот, сейчас он проскачет мимо нас, недосягаемый на другой стороне пропасти, и скроется за поворотом. Сядет на какой-нибудь корабль и отчалит за горизонт. А потом вернётся лет через десять, чтобы наворотить гору трупов... И начинай всё сначала... Оно нам надо?

Но как ему помешать? Вообще говоря, я тоже могу попробовать

устроить оползень поперёк дороги. Хотя это непросто — гора на той стороне уходила вверх монолитной стеной.

— Это тот, кто отдал приказ схватить мою маму? — дёрнула меня за юбку Винта.

— Да. Подожди, я думаю... — отмахнулась я.

Винта замолчала.

— Рохс шарнат ирранши! — решилась я, выбрасывая руку по направлению к показавшейся перспективной трещине.

Моя сила выдrala из скалы пару кустов, выбила дождь обломков... — но этого и близко не хватило бы, чтобы перекрыть стремительно приближающемуся Люциусу путь. Тот, в свою очередь, ткнул пальцем в нашу сторону. Я не сразу поняла, что он хочет сделать. А осознав, завопила:

— Кирван, держи карету! Ссэнасс, береги Соль!

И была права. Лошади экипажа, словно взбесившись, рванули вперёд. Кирван, чуть не упавший с козел от толчка, налёг всем весом на вожжи — но напрасно. Кони обезумели. Успел Рейн, прыгнувший прямо из седла одной из лошадей на голову и повисший на удилах всем весом. Кто-то из гвардейцев схватил за повод вторую... Карета остановилась. Ух, пронесло...

Пока это происходило, Люциус поравнялся с нами и стал удаляться. Ещё две-три минуты — и уйдёт за поворот. Сердце колотилось как бешеное — я только что чуть не потеряла дочь. Вытянула руку, думая, что сейчас убью эту сволочь... Но не успела... Винта подбежала к самому краю пропасти и звонким голосом выкрикнула:

— Каршат пириандис фрашшт!

Перед конём Люциуса вспыхнул огненный столп. Лошадь громко заржала, закинулась, встав на дыбы и замолотив копытами по воздуху, и шарахнулась в сторону, к краю дороги. Вторая, оборвав рывком повод, лягнулась и понеслась назад к мосту.

Люциус вцепился в повод, но, похоже, наездником он и впрямь был неважным. Да ещё на лошади без седла... На самом краю обрыва испуганный конь снова сделал свечку — и Люциус не удержался. Я видела, как всадник сначала медленно, потом быстрее и быстрее сползает со спины коня, как пытается удержаться, цепляясь за повод и гриву, как скользят и разжимаются мокрые пальцы... а потом Люциус с воплем полетел вниз с обрыва. Ударился спиной о выступ далеко внизу, и крик оборвался. До дна тело не долетело — застяжало в кустах на склоне.

Я обернулась к Винте. Ту тряслось.

Протянула ей руки и сама сделала шаг навстречу:

— Иди ко мне, Мышка! Ты — молодец, сообразила очень быстро и сделала всё правильно. А он... он был очень плохим человеком!

Мышка уткнулась мне в грудь:

— Я не хотела... Я думала, он просто упадёт на дорогу.

— Знаешь, будь он хорошим человеком, может, так бы и вышло. Но он сделал очень много зла. И боги решили иначе... — я крепко обняла девочку.

Вот так. Пусть не берёт на себя то, что может её сломать.

Так уж сложилось. Никто не заставлял Люциуса отдавать приказ убить отца Рейна, множество других людей. Из-за него мне пришлось рожать в тёмном подвале, а Мышке два года прятаться по чердакам и грязным подворотням. Плакать о нём я не стану. И Мышке не дам.

Жаль только, теперь мы вряд ли узнаем, что толкнуло Люциуса на этот путь.

Мы с Мышкой, поставив между собой корзинку с Соль и укрывшись плащами гвардейцев, сидели на обочине дороги, под скалой, и смотрели, как мужчины мучаются, толкая карету. Лошадей выпрягли. Но развернуть на пятаке экипаж оказалось непросто.

Карету Люциуса уже обыскали и весь багаж оттащили к нам. Кучер, чьи сапоги торчали из-за колеса, был мёртв. Может, неудачно упал. А может, хозяин счёл, что тот непозволительно много знает о цели путешествия, и сам убил ненужного уже свидетеля. Что делать с носящейся на другой стороне ущелья парой лошадей — не решили. Наверное, ничего. Побегают немножко — поскакут дальше по дороге — куда-нибудь да прискакут. Волков в округе нет.

Рейн чесал нос, размышляя, как добраться до застрявшего на противоположном склоне Люциуса. С одной стороны, это всё же Райнесан. С другой, векселя Сейбретт на девяносто тысяч золотых тоже явно зависли в кустах. Бросать такую сумму без присмотра не хотелось. А верёвок у нас с собой не было.

Я подумала-подумала — и обернулась к сидящей рядом с корзинкой Ссэнасс:

— Ты можешь спуститься к телу и разыскать бумаги?

— Мокро, — не по-кошачьи поморщилась ларра. — Но могу. Бумаги вашишишные?

— Важные, — подтвердила я.

— Дома дашшь большше молока! — распушила усы Ссэнасс.

— Конечно, — охотно согласилась я.

Мне было интересно, пойдёт наша кошка по мосту или спустится на дно расселины, чтобы подняться на другую сторону. Но того, что отколола Ссэнасс, я не ждала.

Взъерошенная ларра с недовольной мордой подошла к краю пропасти в том месте, где до этого стояли мы с Винтой, распушилась — и прыгнула, став в воздухе плоской, как белка-летяга! И ловко спланировала на другую сторону, почти прямо к цели.

Оказалось, что под плащом у Люциуса прицеплена сумка на ремне. Ссэнасс потопталась, подумала, ухватила ремень пятой лапой — и стала спускаться вниз. Внизу, у речки, закинула себе трофей на спину и пошлёпала по камням, брезгливо, по-кошачьи, встряхивая лапы, намокшие в мелком потоке. Наверх, к нам, Ссэнасс ползла приземистой восьминогой гусеницей, волоча добычу за собой.

Я была потрясена — как же здорово ларра соображает и сколько у неё, оказывается, скрытых талантов!

В перемазанной в земле мокрой сумке обнаружились искомые векселя, целая стопка ценных бумаг и расписок, а ещё тетрадь в кожаном переплете и с пустыми страницами. Гrimuar! И, может быть, там есть что-то и о ментальной магии! Только как его прочесть? Надо потом посмотреть по родословному древу Райнесан, кто к Люциусу ближе, чем Рейн.

Наконец мы погрузились в карету. Рейн оставил одного из гвардейцев присматривать за телом, пообещав прислать подмогу и верёвки из ближайшей деревни. А мы тронулись в обратный путь...

Закутанная в плащ Мышка свернулась клубком у меня под боком и затихла. Я гладила её по голове. Девочка, пусть невольно, взяла на себя тяжесть, которая должна была стать моей, и я всегда буду ей за это благодарна. И постараюсь сделать так, чтобы эта рана зажила, не оставив шрама.

В очередной раз накормленная Соль сопела в корзине в обнимку с ларрой.

Рейн молчал. У меня тоже не было сил на беседы — мысли проплывали и медленно кружились, как снулье глубоководные рыбы... Поговорим дома.

Вяло отметила, что Рейн связался по амулету с Ринаaldo и коротко рассказал тому о случившемся, не упомянув о роли Винты.

Я проснулась от того, что карета остановилась. Выглянула в окно — всё по-прежнему серое, дождь продолжается. Оглянулась — Рейна рядом не было. А где он? Ага, снаружи, говорит с кем-то. Что, с Ринаaldo? А этот откуда взялся? И вообще, мы где?

Оказалось, на второй развилке. Ринаaldo с другим отрядом скакал верхом вперёд, чтобы, если у нас не выйдет поймать Люциуса, перехватить того в Айаре. А после вестей Рейна повернул назад. Вот мы и встретились.

— Ну, вы ж не думали, что я рассчитываю только на вас? — то ли пошутил, то ли подколол король.

И что на это отвечать?

Мог бы, кстати, похвалить — ведь мы справились.

Ринаaldo посмотрел на меня и хитро прищурился:

— Должен сообщить вам печальную весть, кузина. Ваш первый муж, Андреас лен Тинтари, был убит в уличной драке.

До меня не сразу дошло, о чём он говорит. А потом я сообразила — это и есть королевское спасибо. Предательство Андреаса, пусть тот уже и не был моим мужем, легло бы тенью на меня, а может, даже на Соль с Рейном. И то, что король решил скрыть обстоятельства смерти бывшего, было щедрым жестом.

— Спасибо, кузен Ринаaldo, — улыбнулась я.

— Странная реакция на такую печальную весть, — ухмыльнулся Ринаaldo.

Рейн чуть нахмурился, ему явно не нравился этот разговор.

Домой мы вернулись уже под утро — промокшие, продрогшие, усталые и голодные. Ринаaldo не пожелал останавливаться на ночь в придорожном трактире, а остальные были вынуждены тянуться за монархом. Спасибо, что тот хоть позволил притормозить и купить каких-то сомнительных пирогов и попить... Но на будущее я решала, что путешествовать в обществе короля, который желает явить свою бравость, — не самое умное и приятное занятие.

Утешало только то, что гвардейцу, ответственному за извлечение тела Люциуса из пропасти, наверное, пришлось хуже, чем нам. Хоть мы и послали обещанную подмогу. Но всё равно, всегда приятно сознавать, что не ты — самый крайний.

У нашего дома Брай попрощался и ускакал к Сании, забрав с собой гвардейцев.

Король отбыл во дворец.

Кирван, кряхтя и держась за поясницу, еле слез с козел на землю, где

его подхватила Катарина. И тут же начала жалеть и отчитывать.

Хват побрёл в дом и рухнул на коврик в прихожей. У пса заплетались лапы, его не интересовала даже полная миска.

Я понесла наверх корзину с дочкой. Покормлю её ещё раз, хоть и не ко времени, нацежу блюдце ларре, а потом спущусь вниз — помогать. Обратная сторона отсутствия посторонних в доме — то, что приходится всё делать самим. Сейчас мужчинам предстояло выпрячь и расседлать усталых мокрых лошадей, растереть их, высушив, насколько возможно, накрыть попонами и накормить. Тут от меня проку не было... но зато я могла позаботиться с помощью магии о том, чтобы у Кирвана перестала болеть спина, а чихавший Рейн не проснулся наутро с соплями.

Винта добрела до дивана в гостиной, сообщила: «Я тоже помогу!», зевнула как котёнок и через минуту спала. Я не стала её будить — укрыла получше и подложила под голову подушку. Пусть отдыхает!

Когда мы с мужем, подпирая друг друга, поднялись в комнату, Рейн потянул меня в ванную, мыться. О горячей воде позабочилась Катарина. Я закивала, да, после такого дня надо бы...

Рейн раздел меня, как куклу, — помохи с моей стороны было примерно столько же, и опустил по шею в горячую воду. Сам сел за спиной. И стал мыть ладонями, время от времени намыливая их лавандовым мылом. Ужасно приятно! Только так хочется закрыть глаза...

Оказалось, что в процессе мытья я всё-таки уснула. О чём, иронично фыркнув, сообщил мне наутро муж. Что он де мечтал соблазнить прелестную ньери, а та...

Пристыжённая ньера покраснела и поползла к соблазнителю, просить прощения.

Надеюсь, сегодня у нас не будет ни дел, ни визитёров — я бы с радостью провела весь день в постели.

Размечталась!

Вставать пришлось. Нужно было съездить к Сейбретт — вернуть векселя. Просмотреть остальные бумаги и расписки — может быть, узнаем, кто ещё был связан с Люциусом, и прижмём их, пока весть о смерти патрона не достигла столицы. Например, найдём того котоненавистника на букву «Фы». Гrimuar я отдавать не хотела — попадёт в руки к Меарбусу или ещё кому-нибудь, могучему и молчаливому, и фиг узнаешь, что там было! Сначала попробуем сами. У меня даже была идея, как его прочесть. Ведь Ссэнасс видит любую, всё равно чью, магию. Может, для неё

страницы не пусты? Тогда только и останется научить кошку читать!

Вечером мы ещё раз поговорили с Винтой о том, что случилось на горной дороге. Сделать это пришлось, потому что Мышка захандрила и сказала, что она — плохая. Я не согласилась.

— Ты ведь не планировала его убить?

— Нет. Я только хотела остановить его, а вы бы за это время придумали что-нибудь ещё.

— Знаешь, в одной из древних восточных философий есть важное понятие — карма. Если ты причиняешь окружающим людям боль, страдания — карма портится. И судьба возвращает плохому человеку то, что он сделал другим. А ты поступила правильно — Люциуса нужно было задержать. Если бы он ускакал, кто знает, сколько ещё девочек потеряли бы своих мам? Сама судьба решила, что лошадь шарахнется именно к обрыву, что встанет там на дыбы второй раз, а он не удержится и упадёт именно с левого бока... Ты никак не могла ни подстроить это, ни предусмотреть. Так что никакой твоей вины в случившемся нет. Поняла?

— Поняла. А что такое философия?

Разговор плавно свернул... кажется, проехали.

* * *

Прошло ещё два дня. Жизнь вернулась в мирное русло, и это было как-то странно и непривычно... Внезапно появилась масса свободного времени — не нужно было больше перебирать бумаги, сопоставлять данные, ломать голову...

Аудитом трёх банков, владельцем которых был Люциус, занялась команда профессиональных бухгалтеров. Они уже обнаружили, что четыре года назад тот сделал несколько неудачных капиталовложений. Да ещё — ирония судьбы! — потерял из-за пиратов четыре корабля. Мы с Рейном переглянулись и понимающе кивнули. Может быть, с этого всё и началось.

Тарисийские эскадры доплыли до пиратского порта. И на вторую ночь, после тщательной разведки местности, высадились с тыла на берег и, застав пиратов врасплох, без единого выстрела захватили форт с пушками. После чего, на рассвете, взяли все три корабля и сам город. С нашей стороны не было ни одного убитого. Моряки праздновали — победа была оглушительной, а кроме того им полагалась доля от цены возвращённых товаров и трофейных кораблей.

К нам снова заезжал Риналдо. Чтобы, как он выразился, пообедать в хорошей компании и поговорить о магии. Рейн был рад кузену, но несколько напрягался, когда тот начинал меня разглядывать.

Я подумала, подумала — и написала письмо Вильке, пригласив ту в гости. Покажу ей моих Соль и Рейна, а дальше по обстоятельствам. А мужу объяснила, что Виаланта лен Айрилли, кроме того, что моя лучшая подруга, — ньера благородного происхождения из старинной семьи, сильный — девятилоктёвый — маг, способный передать Дар детям, хороша собой, умеет вести себя в обществе и держать в руках, абсолютно порядочна, а ещё лучше меня рисует сусликов! То есть вполне подходит в жёны для монарха, если, конечно, Риналдо сумеет её уговорить. Так просто Вилька не сдастся, и титул с троном ей по барабану!

— Если лучше тебя рисует сусликов — у Риналдо нет шансов, — засмеялся муж.

Сам Рейн до сих пор ходил слегка синеватым. Наверное, так долго это продолжалось потому, что немного растянуть Сильванусовы пузыри — одно, а фактически создать из сплющенных зачатков новые — совсем другое. Но скоро мы узнаем... Я верила в лучшее, и ларра была со мной согласна.

Винте я купила живого щенка северной лайки. Голубоглазые собаки со смешной тёмной маской на морде славились живостью, игривым характером и одним своим видом могли взбодрить самого последнего бирюка. За воспитание нового члена семьи взялись Ссэннесс и два волкодава. Я верю, у нас будет необыкновенно воспитанная лайка.

Но, странно, мне словно чего-то не хватало...

Сейчас я сидела за своим бюро и составляла список дел, которыми следует заняться. В ближайших планах значилось изыскать оказию и переслать половину лично заработанных денег в Салерано, чтобы там их передали сестрам Храма, на содержание обители. Почему-то казалось правильным пожертвовать не часть денег мужа, а то, что заработала я сама. В конце концов, четыреста соленов — это не так уж мало. Улыбнулась — может быть, мой дар поможет ещё какой-нибудь оказавшейся на улице без гроша девушке найти свою судьбу и счастье.

Моё счастье, которому намедни пошёл пятый месяц, довольно пускало пузыри в манеже, усердно откручивая хвост льву. Сидящая рядом Ссэннесс с умилением взирала на происходящее.

Вторая половина моего счастья, закинув ногу на ногу, увлечённо

читала в кресле толстенный тарисийско-фризландский словарь. Гм, между прочим, к вопросу о северянах: раз у нас появилось время, стоило бы посетить Большую Королевскую библиотеку и поискать там сведения о шестиногих мамонтах с топорами и нашем друге Ингварре...

Рейн, поймав мой взгляд, улыбнулся, отложил книгу и легко поднялся из кресла. Подошёл, заглянул через плечо:

— Кстати об Ингварре. Он говорит, что я у него в долгу.

— Это как? — захлопала я глазами.

— Ну, ты же сказала ему тогда, в тронном зале, что он всех нас спас? А у фризландцев к кровным долгам относятся очень серьёзно.

— И что теперь?

— Теперь? Как утрясём тут все дела — придётся ехать в Паэнью, выполнять клятву Ингварра.

Я, нахмурившись, повернулась к мужу.

Опять куда-то ехать и что-то искать?

Озадаченно уставилась в хитро прищуренные серые глаза — и вдруг поняла, что именно этого мне и хочется больше всего!

Да! Едем!

Катаомбы нас ждут!

notes

Примечания

1

Стоун — мера веса, равная примерно полутора килограммам.

2

Сэстоун — мера веса, сотая часть стоуна, примерно пятнадцать граммов.

3

Локоть — мера длины, равная пятидесяти сантиметрам.

4

Строка из стихотворения Р. Лавлейса «К Люкасте, уходя на войну».